

WARHAMMER

40,000

BLOOD ANGELS

BLACK TIDE

JAMES SWALLOW

Annotation

Предотвратив вторжение свирепых Демонов Крови и оградив родной мир Баал от катастрофы, Кровавые Ангелы отправляются на поиска того, кто почти уничтожил их -- ренегата Фабия Байла. Отследив предателя хаосита до его секретной базы на Дайнике-5, мире, посаженном тиранидами, Кровавые Ангелы встречаются с таким ужасом, который даже трудно вообразить. И завладев фиалом с кровью припарха, Ангелам предстоит узнать, какой гнусный план вынашивает Байл.

- [Глава 1](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)

- [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
-
-

Черная волна

Глава 1

Все --- безумие.

Это было самым четким объяснением, простейшим и наиболее логичным ответом.

Другой правды не может быть, любые альтернативы невозможны. Бесспорный факт заключается в том, что вселенная развернулась по оси безумия. И любые существа, которые сопротивляются, отказываясь принимать этот факт, полностью обречены.

Однако и понимание этого факта не дает никаких преимуществ. Двигаясь через густую, липкую слизь, покрывающую поверхность сточного канала, Ла'Нон остановился и взглянул на правую руку, на длинные и тонкие серые пальцы, облепленные грязью и засохшими каплями крови. Другая рука --- чужеродная --- безвольно свисала гротескной коричнево-зеленой громадой, навсегда нарушив баланс его тела и мешая движению. Рука поднялась, чтобы стереть жижу со лба, но

он тут же отбросил ее и использовал свою настоящую, природную руку там. Ла'Нон не нравилось останавливаться слишком часто. Когда он двигался, голос в голове оставлял его в покое. Он представлял себе этот голос как фантома, как призрачную тварь, которая медленно движется вместе с ним в совершенной гармонии, и он сможет ее обогнать. Хотя бы на некоторое время.

Предостаточно времени, чтобы понять, что безумная вселенная ненавидела его. Ненавидела и желала причинить ему страдания такие, чтобы его настоящее "я" разлетелось на кусочки. Вот почему она отправила его сюда, в это место, где его могут запереть до смерти.

Он ощутил, как возвращается голос, и начал проклипать его, рык эхом отражался от стен канала. С огромными усилиями, Ла'Нон выбил техническую решетку над головой и подтянулся вверх, на мостик для рабочих. Он позволил чужеродной конечности помочь, в противном случае он бы никогда не смог

этого сделать. Оттуда он поднимался все выше и выше, спиралью по изогнутым трубам, врезанным в скалу. Раз или два он проходил места, в которых некогда покоились залежи железно-никелевой руды. Еще в то время, когда это место было всего лишь огромной скалой, дрейфующей в пустоте.

Ла'Нон снова остановился и начал рыдать. Это продолжалось несколько минут. Он не знал точно, ни почему происходят эти приступы рыданий, ни почему так внезапно заканчиваются. Он просто переживал, пока они пройдут. Это стало происходить с того дня, как он проснулся и обнаружил пересаженную конечность. Именно она разделила его, отделила функции тела от разума. В конечном итоге, как это всегда происходило, мучительные рыдания закончились, и он продолжил идти к поверхности. Ручейки слез оставили потеки на его грязных щеках. Он заметил этот узор, когда поймал свое собственное отражение в огромном куске стекла, выломанного из окна. Он представлял собой

жалкое зрелище. Роба, которую он некогда носил в должности младшего функционера насты земли, была заменена на порванное обмундирование, снятое с мертвого крута. От прежней одежды остались только сломанные куски его ожерелья, собранные в кармане, единственное, что напоминало о его должности. Его худое лицо было бледным, плоть свисала с черепа, словно плохо сидящая маска из пергамента. Огромная рука качалась туда-сюда, она была тяжелой от мышц, дергающейся и горячей на ощупь. Ла'Нон, не задержав на ней свое внимание, отвернулся от чужеродной плоти. Места, где она была имплантирована, под поверхностью кожи пузырились и шипели. Он голыми ногами прошелся по осколкам стекла и ничего не почувствовал. Не торопясь, он нагавил весом всего тела, но опять не почувствовал боли. Собираясь в лужицу меж пальцев, пошла кровь, но ощущений так и не появилось. Так что он продолжил идти. Вверх. И дальше.

Колония была подобна плоду киттика с дерева, пораженного червями-

бұрыльщикати. Грубо сплюснутый у полюсов, с комковатой поверхностью, внутри астероид был весь изгрызен пересекающимися туннелями и пустотами. Фабрики и кислородные заводы, деревья и жилые отсеки, места для упражнений, тренировок и отдыха — дома для сотни тысяч тау... Или, по крайней мере, когда-то был ил.

Ла'Нон прилетел, когда колония была открытой и дрейфовала на дальнем краю системы Таи'Вар. Ему нравилось жить здесь, пока не пришла буря.

Он мало что помнил. Позднее он по фрагментам восстановил историю. Варп-шторм, внезапный и ужасный, поглотил колонию и унес, выплюнув где-то в другой части космоса, будто не переваренную еду. Очень далеко от дома. Очень далеко от Тау.

И там, когда они были одинокими и потерянными, пришел странный гү'ла, человек с множеством устройств, причиняющих боль, и армией уродцев. С захватчиками пришло безумие, это было великим откровением для тау.

Как давно это было? Дни тому назад? Годы? Ла'Нон потерял ощущение времени и вспоминал древнюю мудрость, которая гласила: "Будьте способны распознать первый камень, который мостит дорогу к безумию". Возможно, когда и если он достигнет внешних ярусов, возможно, когда он снова увидит темные небеса, впервые с тех пор...

сколько бы там не прошло, тогда он поймет. Так много вещей гонят его вперед.

Гнездо обезумевших веснигов, которое заблокировало ему дорогу к продолговатым кладовкам. Искалеченный и полумертвый крут, которого ему пришлось убить слотанным стулом. Существо, которое когда-то было женщиной касты воздуха, но на самом деле оказалась просто сосудом плоти и крови. Она отняла большую часть его времени. Разговаривая с ним, стараясь подружиться. Когда чужеродная конечность вбила и разтожила ее голову о каменную стену, Ла'Нон отстранено смотрел, все еще пытаясь найти понимание.

Теперь колония была местом смерти и разложения. Выжившие от ужасающих экспериментов гу'ла отбрасывались на погибель, изгонялись в мрачные коридоры, влачить жалкое существование или утирать от рук тех, кто избежал его скальпелей, или от рук других жертв. Долгое время Ла'Нон жил в страхе, что его снова поймут, что он снова будет испытывать раскаленную добела боль и бесконечную агонию. Его рука — его здоровая рука — легла на горло при воспоминании о том, как он тогда кричал. Когда это произошло, голос снова зашептал ему в ухо. Он догнал его.

Он снова рассказывал ему ту же самую историю. Голосу нравилась эта история, сильно нравилась. Это единственное разумное объяснение, которое он мог придумать, почему бесконечно повторяется один и тот же разговор, одни и те же картинки. Голос рассказывал Ла'Нону о другом тау, которого звали Ла'Нон, у которого была пара и маленькое, но комфортное жилище. Которого уважали за его рабочую этику, хотя он и

не был выдающейся личностью. О тау, который был хорошим мужем спокойной жене и заботливым отцом единственного сорванца, который был столь шаловлив, как и все дети. Этот другой Ла'Нон --- который явно не был им, потому что он запомнил бы, если у него была жена и сын --- потерял все, что было важно, когда пришел великий шторм и разрушил его жилище на части. Голос заканчивал историю и начинал ее рассказывать заново. Он никогда не уставал.

Ла'Нон начал кричать и биться головой о палубу. Теперь голос снова ушел. Возможно, разговаривать с другими. С теми, кому, возможно, история про другого Ла'Нона нравилась больше. Ощущая головокружение и стирая кровь, он снова двинулся дальше, с радостью принимая тишину.

Он съел что-то, что напоминало какой-то овощ, а в темном углу коридора он нашел загнивающий пучок растительности, после чего отхлебнул застоявшейся воды из переполненной сферы для купаний в рухнувшем жилом отсеке.

Ла'Нон медленно последовал по фонарным указателям по глиняной ратне, которая словно волчок уходила вверх. Легкий захват гравитационных генераторов, энергия все еще проистекала из мощного термоядерного реактора в ядре колонии, позволил ему идти по внутренней окружности коридора-трубы. Эта технология позволяла ему использовать каждую толику пространства астероида для жизни и работы.

Хотя теперь и не для жизни. Вместо этого колония стала трупом, и все, что населяет внутренности — животные и хищники. Ла'Нон был таким же, личинкой внутри мертвой плоти. Ни живым, ни мертвым, кем он привык быть. Не таким, как другой Ла'Нон, о котором говорил голос в голове.

Но он примирился с этим. Понимание принесло ему удовлетворение, если это вообще можно было так назвать. Прежде Ла'Нон боялся потерять разум, к этому вело безумие и агония конечности. Хотя сейчас его разум уже немного прочистился.

Он снова станет нормальным. Да.

Это же очевидно. Только так, пока все
остальное сошло с ума. Как только он
увидит ночь снаружи, он будет в этом
уверен. Последняя толика сомнений
исчезнет. Если бы ему только найти
покой, найти способ прекратить боль,
тогда это его удовлетворит.

Часами, или днями, или даже годами
позднее тау очутился у корабельных врат.
Чужеродная конечность царапала стены,
когда он шел вдоль них, стучала
зеленоватыми костяшками пальцев по
треснутому овальным иллюминаторам. А
сейчас Ла'Нон нашел то, к чему
стремился. Люк, диафрагменный люк из
прочного металлического сплава, каждый
промасленный лепесток которого был
сжат и закрыт. Он не помнил
последовательность нажатий для
открытия, но его здоровая рука помнила и
набрала ее на скрытой клавиатуре в
стене.

Хотя иллюминатор был треснут, за
натерзшим льдом из кислорода он видел
темноту. Но не совсем. Он не мог по-
настоящему, в реальности, видеть ее. Не

своими собственными глазами. Чтобы по-настоящему осознать, взглянуть в лицо безумной вселенной и познать ее, ему нужно выбраться туда. Он действительно решился на это впервые? Ла'Нон задумался, может быть, голос знает ответ. Он улыбался. Вскоре боль пройдет, а голос больше никогда не будет его доставать.

Будучи занятым вводом колбинации, он заметил, но проигнорировал движение чего-то красного за иллюминатором. Это было неважно так же, как и другой Ла'Нон, его жена и ребенок, все это можно забыть. Только действие, только этот момент важен.

Замешательство отразилось на его сером лице, когда до него донесся звук, и он ощутил вибрацию. За диафрагменным люком раздавались звуки, тяжелая поступь и размалывающие удары. Кажется, это было неправильным. С другой стороны люка должно находиться совершенно пустое, белое вспомогательное помещение, декомпрессионная палата и стойки с облегающими костюмами защиты. Костос должен быть пуст и

готов к приходу Ла'Нона. Последний барьер между ним и безумной вселенной, ожидающей его появления. Для тау, он это понимал.

Затем квадратный люк раскрылся, металлические лепестки втянулись в каменную стену. Ла'Нон ощутил, как чужеродная конечность дернулась, когда он отвернулся от панели, чтобы сделать шаг.

Открытый люк был заблокирован темно-красным чугуном. Ла'Нон поднял взгляд, оценивая его формы. Это был танго изогнутых очертаний и резких краях. Мощное существо, высеченные подобию рук и ног с раздутыми мускулами, маленькую и ужасную голову украшают глаза, сияющие, словно драгоценные камни, ротовая решетка застыла в неизменной гримасе. Посреди груди символ — крылья из чеканного золота растут из влажной, блестящей капли рубина. В одной руке самое здоровое оружие, которое когда-либо видел Ла'Нон. Огромный стальной брусок устройства намного громоздче, чем любой

мпульсный карабин. Разъявленное дуло представлялось ему черным туннелем.

Там были и другие, примерно такие же, ссутулившиеся и набившиеся в тесное пространство воздушного шлюза. Стены едва сдерживали ужасные и угрожающие фигуры. Глядя на них, в нем вспыхнуло воспоминание о гв'ела, который принес всю эту боль и новое понимание для колонии — все эти извращения были почти такими же, но отличались. Такие же огромные, такие же формы. Ла'Нон задумался, а эти такие же жестокие? Он спросил голос в голове, если он, правда, знает ответ. Вселенная прислала этих новых монстров по следам принесшего боль? В чем их роль в следующем акте безумия, и несут ли они ему новые мучения, которые необходимо пережить? В процессе этого ему нужно усвоить новую истину?

Ла'Нон протянул свою здоровую руку в жесте приветствия, но чужеродная конечность тоже решила поучаствовать и вытянула кулак.

БОЛТЕР брата Аджира поднялся, но

В этот момент брат-сержант Рафен
рыкнул приказ.

--- Не стрелять!

Аджир не подумал, что услышал
приказ и просто продолжил движение
оружием. Ударом затыльника он откинул
чужака в сторону, но не убил его.
Взбешенный тау отлетел обратно в
коридор из полированной скалы за входом в
воздушный шлюз и загорелся по настилу
своими глиняными и хрупкими конечностями.
На мгновение единственным звуком было
царапанье ног пришельца по полу, но
равновесие он не восстановил. Из нового
пореза на измазанном грязью лице потекла
тонкая струйка крови.

С его губ слетел стон.

Точным, экономным движением
Аджир взмахнул оружием, чтобы
остановить кровь чужака. Брат-сержант
Рафен услышал, как тот тихо и с
презрением фыркнул.

--- Оно все еще живо, --- сказал другой
воин.

Шлем Рафена повернулся к брату
Церису. Когтистый кивнул, уловив

невысказанные приказы командира до того, как он их озвучил. Церис вышел вперед перед отрядом. Из всех собравшихся в воздушном шлюзе Агентус Астартес он был единственным, не облаченным с ног до головы в темно-красный боевой доспех. Броня Цериса была цвета индиго, за исключением исключением в виде правого наплечника, который был выкрашен в кроваво-красный. Воин снял шлем и, сжав глаза, бросил твердый как скала взгляд на чужака. Кристаллическое устройство, окружающее его затылок, мягко засветилось, контакты и механизмы встроенного в силовую броню психического капюшона заработали согласно своим таинственным технологиям. Тау съежился, бормоча что-то и бросая обеспокоенные взгляды на Рафена.

Сержант последовал примеру Цериса и снял шлем. Темные волосы глиной до плеч свободно опустились на броню. Не испытывая жалости Рафен изучал чужака.

--- Ты понимаешь, что я говорю, Ксенос?

Тау не отвечал, но через мгновение заговорил Церис.

--- Он понимает.

Кристаллы слегка пульсировали, и Рафен ощутил в холодном воздухе слабый запах озона --- последствие избытка острожного психического давления на инопланетное существо.

--- Ла'Нон говорит на вашем языке, гүе'ла, --- сказало существо шелестящим, слабым голосом.

--- Мы кое-что ищем, --- ответил ему Рафен, --- здесь, в твоей колонии. Тебя заставят поточь нам найти искомое.

Он кивнул в сторону Цериса. Вывод был очевиден. Псайкер наклонился и немигающим взором уставился на угрожающего тау.

--- Здесь ничего нет, кроме тучений, --- проскрипел чужак, --- ничего полезного для вас. Только тучения и голоса.

Игнорируя то, что его прервали, Рафен продолжил.

--- Мы ищем гру'гого... гру'гого гүе'ла.

Его лицо скривилось в гримасе, будто слово ксеносов было терзким на вкус.

--- Расскажи нам все, что знаешь.

--- Несущий-боль! --- чужак выкрикнул
иля с внезапным рыком. --- Ты... Ты такой
же!

Позади себя Рафен услышал грубое,
раздраженное рычание.

--- Мы не такие как он, --- обронил
брат Түркио.

--- Покажи изображение, --- продолжил
сержант. Он повернулся к брату Кейну,
который стоял поблизости с оружием
наготове.

--- Мы должны быть уверены.

Лицо Кейна было скрыто шлемом, но
его движения выдавали раздражение.

Как и остальные, Кейн имел
укоренившееся острое желание
уничтожить все инопланетные жизненные
формы, с которыми сталкивался, и с
трусом сдерживал себя.

Рафен понимал его, он ощущал тоже
самое, но миссия прежде всего, и, для того
чтобы довести ее до конца, он сделает все
--- даже позволит недостойному ксеносу
прожить чуть дольше.

Молодой Астартес достал из

кармана на поясе похожий на диск пикет-планшет и шагнул вперед, протягивая его на вытянутой руке чужаку.

Тау сторгнул кровь и глуповато уставился на экран, и в следующую же секунду вся его трупно-серая кожа поблекла. Рафен узнал выражение на лице существа. Оказалось, ужас выглядит одинаково на лицах любых разумных существ. Чужак поднял руки и закрыл глаза. Одна из них была глинная и худая, другая толстая и мускулистая.

— Рука существа, — по общему каналу в комм-бусине раздался голос Түркио, слышимый для всех остальных костических десантников, — с ней что-то не так.

Рядом с Түркио, словно статуя, сжатая тяжелый болтер, стоял брат Нулуо, который выразил свое немногословное мнение.

— Мутация?

— Нет, — ответил Аджир, и в его голосе слышалась скука, — я убил их достаточно, чтобы отличить одно от другого. Тут что-то иное.

Он взглянул на командира.

--- Может быть, следует перерезать эту глотку и отправить на корабль. Дадим сангвинарным жрецам сувенир, пусть позабавятся.

Тау взирал на них со странной стесью, ужаса и желания подчиниться, словно знал, о чем они говорят, хотя ни один звук не донесся из запечатанных шлемов или комм-бүсин костодекантников в капюшонах. Моргая, он осторожно встал на ноги. Он сглотнул и почти не дышал. Он вытянул трясущийся палец во тьму.

--- Ниже, ниже, --- бормотал он, --- Несущий-боль! Ниже.

--- Ты нам покажешь, --- не дрогнувшим взглядом приказал Церис.

--- Гү'ла, мое говорит --- нет. Нет. Нет.

Ксенос начал дергать себя толстой, раздутой конечностью.

--- Не могу идти назад. Не пойду, --- он указывал мимо Астартес на внешние двери воздушного шлюза, --- наружу. Да. Увидеть вселенную, взглянуть ей в лицо. Остановить голос. Голос, голос, голос...

--- Существо расстроилось, --- фыркнул
Аджир. После чего снова поднял болтер.

--- Зачем нам нужен проводник, лорд?
--- он взглянул на Рафена.

--- Оно боится, --- заметил Церис, ---
пытка страхом вытолкнула его за
границы вменяемости. Существо верит,
что его заставят пройти через еще
большую боль, если оно вернется на
внутренние ярусы колонии.

Лицо кодиция скривилось в гримасе,
словно его тошнило от чтения мыслей
тау. Чужак помахал рукой.

--- Да. Да. Больше нет боли.

Рафен сурово посмотрел на тау.

--- Ла'Нон. Делай, что велено, и я
прекращу твои мучения. Навсегда.

Когда тау поднял глаза, его
утоляющий взгляд был жалок.

--- Ты клянешься? Своим божеством?

Церис прищурился, его уверенная
мощь давила на слабую волю существа.
Рафен кивнул.

--- Покажи нам, --- потребовал он, ---
веди нас к несущему боль.

БОРМОЧА и спотыкаясь, тау вел
вперед, переходя из коридора в коридор,
казалось, бесцельным и блуждающим
курсом. Церис шел за ним, слабое синее
свечение над его головой и напряженное
выражение лица свидетельствовали о
постоянном теленатическом контроле
над чужаком.

Рафен шел в паре шагов позади, его
прижатый у груди болтан смотрел дулом
вниз. Сержант все еще оценивал кодиция.
Его недавнее назначение в подразделение
Рафена было продиктовано личным
приказом главного библиария Оргена,
владыки псайкероф Мефистоном. Церис, по
ходивший в бараках слухам, был одним из
немногих псайкероф, персонально
отобранных Мефистоном, дабы служить
ему глазами и ушами во всем Оргене. Так
что Рафен не мог избавиться от
ощущения, что каким-то образом все, что
он сказал или все, что видел кодиций,
наблюдалось так же человеком, который
был известен среди Кровавых Ангелов как
Повелитель Смерти. Каким именно
образом сородичи-колдуньи обменивались

информацией, было выше понимания Рафена, но он без труда мог себе представить, что огромная дистанция не была особым препятствием для сверхъестественной силы разума Мефистона.

Церис быстро взглянул на него через плечо и затем отвел взгляд, словно подтверждал мысли Рафена. Когда он говорил, у него был тихий голос, который казался странным для человека из грубых экваториальных племен Ваал-Прил, а его твердый, прямой взгляд казался, мог заметить все. А вот эмоции, когда псайкер хотел их показать, были невыразительными и неопределенными. Именно это, больше чем все остальное, беспокоило сержанта. Все остальные воины под его командованием, даже оставшийся в резерве Пулуо, открыто выражали свой боевой дух и пылкость. Церис же оставался загадкой, и брату сержанту Рафену было не просто расслабиться в присутствии этого человека.

— Сэр, — в котл-бүсине Рафена возник

голос брата Ну́ло. Ру́на индикатор, горящая внутри горжета, показывала, что передача от его заместителя шла по закрытому каналу. Сержант знал, что у Ну́ло есть вопрос.

— Говори, — приказал он. Остальные воины маршировали рядом с ним. Голубой шлем Опустошителя, отмечающий его как специалиста по тяжелому вооружению, был почти не виден в тенях.

— В словах Аджира есть смысл. Мы можем найти путь через это гнездо личинок без помощи ксеноса.

— Это моя прерогатива решать, — ответил Рафен, говоря через ларингофон, так что бы слова передавались по воксу, но все остальные ничего не слышали, — это вопрос целесообразности, брат. Чужак послужит нам.

Его лицо нахмурилось.

— Слишком много времени было потрачено на бесполезное преследование. Если ты должны мириться с тем, что это существо проживет чуть дольше и поможет нам завершить это задание, да будет так.

— Как пожелаете, — пришел ответ, но Рафен мог сказать, что Пулуо был недоволен.

Честно говоря, Рафен тоже. Но уже прошло несколько месяцев с тех пор, как он со своим отделением покинул родной мир Оргена Ваал на борту боевого корабля "Тихо" и за эти дни и недели они мало преуспели. Их миссия, данная Рафену лично магистром Оргена Данте, оказалась настолько тяжелой, насколько и ожигали Кровавые Ангелы. Кроме того, их добыча была даже еще более неуловимой, чем приписывала ей репутация. Они преследовали тень среди глубин межзвездного пространства и до сего дня, постоянно находились в шаге позади.

Он бросил взгляд назад на боевое построение воинов. За Пулуо, который монотонно вышагивал со своим тяжелым болтером в руках, прямо по центру коридора стело шел Аджир. Он бросал взгляд в каждый отходящий туннель или открытую дверь, в надежде столкнуться с врагом. Кейн, самый молодой воин отделения Рафена, следовал за ним

осторожной, осмотрительной поступью. Молчаливый и наблюдательный Түркио шел в арьергарде. Во мраке, вытянутая рука Түркио казалась устойчивой как скала, — тусклую сталь и тяжелый карбон его аугментической конечности прятала броня, — железной хваткой она сжимала болтер. Каждый воин, на свой собственный манер, концентрировался на поставленной задаче, но Рафен знал их слишком хорошо, чтобы ощутить в них напряжение. Он сам отражал это настроение. Некоторые меньшие люди могли назвать это тревогой, но с каждой пройденной улицей, что приближала охотников к добыче, беспокойство медленно росло.

Он здесь? Этот вопрос Рафен десятки раз задавал сам себе, куда бы ни приводила миссия "Тихо". На поверхности Сейрин Минорис, среди руин купола бойни Темных Эльдар, в глубинах улья Надакар и в кружащемся безумии варп-пространства. Десятки зацепок. Частичные наблюдения и полуправда, вытянутая из сети шпионов, видения гадателей и доклады разведки Империи. Каждая из них оказалась

тупиком и потраченным временем. У
каждый раз он задавал себе этот вопрос.
Каждый раз поиск заканчивался ничем, и
цель уходила.

Ули объект охоты был столь
внушающим страх и ужасом, как говорили
его враги? На Нагкаре Рафен был уверен,
что видел его, мельком заметив огромную
фигуру, пробивающуюся через толпу
идущих.

Импровизированная
лаборатория, которую они нашли, была
украшена все еще влажными останками
инквизитора Еретикус и его свиты. Бокал
вина был все еще теплым от
прикосновения. Его запах витал в комнате.
Они были так близко, но недостаточно.

И с каждым разочарованием, Рафен
ощущал, как клинок неудачи глубже
врезается в его сердце. Несмотря на
дарованное магистром прощение, он с
самого начала был виновен в том, что
добыча ускользнула с Баала. Даже если
никто не винил его в этом, Рафен сам на
себя взвалил огромную ответственность
за произошедшее. На мгновение его разум
затуманила вспышка воспоминания о

вратах из пси-дыма и эктоплазмы, которые висели в воздухе перед ним. Ворота, очертаниями напоминающие завывающий череп.

Рафен сильнее сжал рукоять болтера и попытался отогнать эти мысли. Не было смысла постоянно пытаться себя обвинениями. Вместо этого, он должен был использовать гнев внутри себя как топливо, чтобы набраться сил и обострить свои чувства.

Им приходилось отсеивать и пробираться через частички информации, собранной из столь ненадежных и разбросанных источников, что их правдивость была едва выше баек завсегдатаев питейных заведений. И когда все же клубок привел их через вакуум к обшивке дрейфующей колонии тау, что-то в душе у Рафен начало резонировать, словно струны электроарфы. Ренегат был близко. Он ощущал это всем своим существом.

Где-то в лабиринте ксеносов, где-то глубоко во тьме, архи-предатель, самозванный Прародитель Хаоса

Неделимого, бывший лейтенант Детей Императора, испорченный апотекарий, убийца и мучитель людей, работал над своим злодеянием.

Рафен взглянул на висевшую на наручи силовой брони клятву, которой он придерживался. Полоска священного пергамента несла на себе пятнышко темного цвета, каплю крови из вены самого Корбуло, магистра Алого Грааля и повелителя сангвинарных жрецов Оргена. На пергаменте была написана клятва Рафена, облаченная в слова и благословенная взглядом Бога-Императора Человечества.

Обещание найти и убить человека, известного как Фабий Байл.

ГОЛОС сказал Ла'Нону, куда привести гзе'ла. По прошествии часов -- или дней? -- блужданий по спиральным коридорам, таинственный привел бронированных людей в один из самых больших внутренних залов астероида. Эллиптическая пещера сужалась к одной точке, большую часть пространства занимал граненый шар.

построенный из мягкого полиметалла, столь часто используемого там для строительства. Для поддержки сферы цвета кости на своем месте, из пола, стен и потолка тянулись толстые опоры. Закрепленные фокусные гравитационные генераторы позволяли ходить по поверхности шара, словно вы стоите на поверхности крошечной луны. Ла'Нон знал, что внутри нее нагромождение стоящих друг на друге вертикальных этажей. Некогда это был лазарет колонии, сейчас же это было местом ужасов.

Гү'ла, который пришел после шторма, выкинул оттуда всех. Приносящий боль сделал его своим гомом. Все эти благоразумные речи и банальности, все личины, которые он носил, и откровенные просьбы позволить поточь потерянными колонистам, все его слова о желании служить Высшему Благу. Все это — ложь.

Ла'Нон слышал убеждающий его голос и начал грозить. Он ощущал силу разума человека в синей броне за спиной, который заставлял его ноги передвигаться, словно

запинаящиеся поршни. Зажатый давлением с двух сторон, тау ощутил, что его череп готов взорваться. Он захныкал, вспомнив всех тварей, которые вываливались из лазарета.

Несущего-боль и огромного металлического паука, торчащего у него за спиной, приборы, которые резали, расчленяли и сшивали. Чудовищное удовольствие, с которым он даровал Ла'Нону конечность.

И затем, все остальное. Гибриды, собранные из различных видов, твари, которых никогда не было во плоти, собранные вместе с какой-то целью, которая всегда была выше понимания простого клерка касты земли.

Всплыло еще одно воспоминание, представляющее собой ужасающий дар этого вечно болтающего голоса. Вспомнился момент, когда Ла'Нон заговорил, на самом деле утүдрившись, выдавить пару слов несущему-боль, пока гү'ела привязывали его к операционному столу.

Тау тогда спросил. "почему?". Но

какой причине они пришли на этот
одинокий и потерянный среди звезд
астероид. Дать им ложную надежду и
затем пытаться? Что в них было такого
ценного?

Тогда несущий-боль не собрал. Он
ответил Ла'Нону, что делает это не
только потому, что может, но и еще
потому, что это его развлекает.

После этого Ла'Нон не помнил ничего
кроме криков. Перебирая ногами по
изогнутому полу, он снова услышал голос в
голове, который вопил от боли.
Конечность выкрутилась и ударила тау по
лицу, сражаясь с ним. Шок придал ему сил.
Не понимая, что он делает, отрезанный
от самого себя, тау эхом начал
передавать свой внутренний крик. Он
тянул кожу своего лица, но звук не
прекращался.

--- КСЕНОС! --- предупреждающе
зарычал Церис, когда тау пошатнулся, и
по невнимательности загромыхал по куче
обломков и мусора. Существо заорало,
залепетало тираду на своем собственном,

шипящем и несвязном языке.

Рафен уже поднял болтер, обозревая все через прицел оружия. Отслеживая цель, он перещелкнул селектор на одиночный выстрел и начал мягко нажимать спуск.

Но в следующую секунду шар синего-белого огня разорвал гнетущую атмосферу и ударил рядом с чужаком. Тау описал судорожный пирюэт и шлепнулся в кровавом облачке. Рафен отреагировал, когда второй импульсный луч прошелся мимо него и треснул в наваленную кучу складских контейнеров.

--- Там! --- заорал Кейн, когда острые толстые глаза юнца нашли стрелявшего. Аджир послал очередь болтерных снарядов в низкую стену, на которую указывал Кровавый Ангел. Из убежища с криком выскочил грудой тау, размахивая дымящимся оружием. Чужак был облачен в части доспеха песчаного цвета, который Рафен вспомнил по гипнотическим тренировочным каскетам. Но этот экземпляр был измазан темными пятнами и находился в плохом состоянии. Самым странным было то, что лицо воина было

причудливо непропорциональным. Узлы и наросты хитина украшали правую сторону, и когда он кричал, воспроизводимый его глоткой шум был похож на гроыхание костей.

Рафен уложил чужака единственным выстрелом в грудь. Мокрыми локтями тот отлетел назад. Умирающий чужак еще подергивался, когда новый залп лучей синего огня полетел к Кровавым Ангелам. Из-за куч мусора и недвижимых дверей в жилих отсеках появлялось все больше и больше существ. Они вопили и ревели. Гонимые болью, они все кричали на костических десантников. Рафен различил одно, повторяющееся снова и снова, слово. Гү'ла. Гү'ла. Гү'ла.

--- Чужак завел нас в ловушку! --- зарычал Аджир, в его голосе явно слышался упрек.

--- Нет, --- проскрежетал Церис, --- я бы об этом знал.

Рафен не рискнул ответить, только нахмурился и открыл огонь.

БУШУЮЩЕЕ , вопящие тау, все

выливались из проходов, упавших куч
обломков и из сломанных жилищных
кансүл. Некоторые были солдатами -- так
называемые "воины Огня", -- своего рода
линейная пехота в своей странной,
прямолинейной броне, -- но большая часть
состояла из гражданских, работников и
мирных жителей. У многих было оружие,
несомненно, добытое у павших или
украденное из оружейной, или как там бы
не назывался гарнизон у ксеносов.
Скрипучий визг импульсных разрядов эхом
отражался от стен огромного, овального
зала, четкие линии совершенных разрядов
толний били в землю и сверкали.

Кровавые Ангелы Рафена
разделились, двигаясь от укрытия к
укрытию, подбываясь к врагу. С
механической точностью они вошли в
сражение, готовые нести смерть
атакующим. Тяжелый рык болтеров
вступил в схватку с визжащим оружием
чужаков. Периферийным зрением сержант
увидел Пулу. Тот расставил ноги, чуть
согнулся от веса тяжелого болтера, и
открыл огонь. Каждый выстрел

сопровождался крестообразной вспышкой
огня из пламегасителя оружия, огромные
медные гильзы вылетали из эжектора
фонтаном металла, карающая волна
снарядов охватывала все вокруг, пока
костодесантник медленно поворачивался
на месте, и разрывала все попадающее на
пути дуги огня. Не защищенные тау,
попавшие в зону обстрела, теряли
конечности или взрывались ошметками
мяса, солдаты-ксеносы падали на землю и
были, если их не убивало попаданием.

Одного оружия Нулу уже было
достаточно, чтобы навести на врага
страх перед Богом-Императором, но тау
продолжали появляться. Рафен никогда
прежде не сталкивался с ними и все
познания о них он получил из третьих рук,
от других воинов, от покойного учителя
Кориса и из идеологической подготовки на
тренировках. Все они говорили, что тау
умный, коварный и осторожный противник.
Но здесь он видел совершенно иное.

--- Ярость... --- пробормотал стоящий
рядом с Рафеном Церис, --- ничего кроме
ярости.

Псайкер ощущал настрой разумов чужаков намного лучше, чем когда-либо. Стог бы сержант, и увидел то, что овладело Рафеном. Ярость была хорошо знакома Кровавым Ангелам — слишком хорошо, признался он, — и тау перед ними как раз представляли собой ее. Их тактика была прямолинейна и груба, их разумы жаждали только крови. Это было не защитой своего места от захватчиков. Это был гнев, чистый и простой. Этих ксеносов столь сильно задели, что они жаждали отплатить кому-либо за это.

Передний фронт атакующих был разбит, они лежали мертвыми и умирающими, и Пуло сделал паузу. Дуло его болтера горело вишнево-красным и мерцало от жара.

В этот момент тау снова атаковали и на Кровавых Ангелах сошлись импульсные заряды энергии цвета льда.

Над изогнутой крышей рухнувшего жилого отсека поднялась фигура и кинулась на сержанта. Рафен мельком увидел броню песчаного цвета и изогнутый шлем, безликий, но со специфичной моно-

оптической линзой. Воин Огня держал перед собой импульсный карабин, и Кровавый Ангел отошел на рүхнүвшее круглое каменное окно, дабы поймать чужака в середине прыжка. Одной рүкой Рафен отбил карабин, и выстрелы с визгом прошли выше его плеча. Стремительно шагнүв вперед, он осознал, что поток частиц стял верхнюю поверхность его наплечника. Тау был меньше и легче костодесантника, но набранная им скорость позволила откинуть Рафена назад.

Весь мир наклонился вокруг него. Он вдавил дүло болтера в зазор между пластинати шарнирной брони чужака и нажал на спүсковой крючок. Выстрел в упор рассек тау надвое, ноги и живот, вращаясь, полетели в одну сторону, оставшаяся верхняя часть рүхнүла на пол, утаскивая за собой мокрые витки кишечника.

Рафен тяжело упал и күвыркнулся, встав на ноги. Он үвидел, как Церис мерцающей дүгой размахивает своей силовой бұлавой. На затүпленном бойке

торчали шипы псионической энергии и
кодиций восходящим ударом вбил еще
одного полу бронированного воина Огня в
рухнувшую стену. Пойманного в объятья
потрескивающей энергии, тау вывернуло
кровью и он умер.

Рядом, на небольшой насыпи, Кейн и
Туркио схватились в рукопашную с
отрядом взбешенных ксеносов. Молодой
воин ударил гребнем своего шлема и
уложил громадную женщину, попав ей в
череп. Глаза Рафена сузились, когда он
наблюдал за падением чужака. Как и у
остальных, видимых ранее, тело этого
тау казалось деформированным, странные
шипы торчали из его спины, а одна рука
была согнута в иссушенный изгиб кости и
когтя.

Туркио убивал ударами ногой,
размазывая бронированное существо в
разорванной робе по скале, уворачиваясь от
толящих по нему рук. Текучим
движением Кровавый Ангел пробился к ним
и убил еще двоих тау, пока те рвались к
Кейну.

По вокс-каналу Рафен слышал

шокированный рык гнева и боли, и немедленно опознал Аджира. Качнувшись в сторону, он нашел костического десантника, стоящего на одном колене, черные росчерки и пульсных попаданий портили темно-красное совершенство его боевой брони. Сержант перецелкнул переводчик огня болтера на автоматический режим и поддержал боевого брата. Вспышки откинули приближающуюся к нему и стреляющую троицу воинов Огня. Один упал, затем другой, болты разрывали полимер и взрывались в мышцах и костях.

Последний снаряд выпустил присевший Аджир, уложив последнего противника несколько отклонившись выстрелом и снеся ему верхнюю часть черепа. Шатаясь, чужак шагнул вперед, после чего его телом окончательно завладела гравитация, и труп рухнул на кровавый пол. Рафен протянул руку Аджире, но костодесантник ее не принял. Вместо этого он самостоятельно поднялся и встал на ноги. Кровавый Ангел снял шлем и сплюнул в пыль. Рафен

заметил кровь в слюне, но не
прокомментировал.

--- Командир, --- позвал Түркио,
остановившись, чтобы потыкать один из
трунов дулом оружия, --- думаю, вам
следует взглянуть.

Клеймо кающегося на щеке Түркио
горело от физических усилий.

Рафен оставил смотрящего с
негодованием на свое собственное оружие
Аджира и подошел к месту, где рхнувшей
кучей лежал убитый Түркио ксенос. Еще
одна аномалия, заметил он. У этого тау
имелись странные водянистые наросты,
которые протекли под одеждой, словно их
разорвало как опухоли. В некоторых
местах характерная серая кожа была
розового цвета. Складывалось ощущение,
что мертвый чужак был собран по частям,
как будто часть плоти была вырезана у
человека и вшита под кожу тау. Но самих
швов не было видно, как и отметин, где
был присоединен другой органический
материал. Просто куски плоти, где
заканчивался тау и начинался человек.
Сержант осознал, что его губы скривились

от отбращения, когда до него дошел масштаб открытия.

Он кивнул сам себе. Другой воин Огня, которого убил Кейн... Торчащие из него шипы с легкостью могли принадлежать как крюту, так и возможно даже тираниду. Это словно роспись Фабия Байла, жестокие эксперименты над этими жалкими ксеносами, оставшиеся после него останки.

--- Это работа ренегата, --- сказал он отделению, --- вся эта порча.

--- Брат-сержант! --- позвал Кейн через все поле боя, --- ксенос... Э... пленник? Он ушел!

--- Должно быть, ускользнул во время сражения, --- пробормотал Түркио. Все взоры устремились к Церису, который ответил на невысказанный вопрос кивком. Он задумался, его скрытый взор на мгновение обратился в себя. Наконечник силовой булавы, все еще грожащий от эфирной энергии, поднялся и указал на сферу-конструкцию.

--- Он там.

Тау, который назвался Ла'Ноном, найти не составило труда. Поначалу они шли по постоянным потокам крови, которые Ксенос оставлял за собой, пока, шатаясь, пробирался к конструкции. Но внутри здания след из жидкости затерялся в слоях темной и старой жизненной влаги, высохшей и потрескавшейся на полу, словно слой старого лака. Чем глубже рисковали зайти Астартес, тем более явные отпечатки крови Ксеносов оставались на стенах. Высокие отметины говорили о том, что какой-то огромный резервуар небрежно вылили в коридор и позволили жидкости утекать по своему разумению.

Там, конечно же, находились и тела. Разбросанные останки тау и некоторые из рас-слуг --- дикие крүты и насекомоподобные веспиды --- некоторые из них утерли без видимых причин, другие убиты более общепринятыми способами, выстрелом или клинком, или и тем и другим. Повсюду витала насыщенная вонь, напугивающая гниющую растительность и теперь Рафен надел шлем, позволив

дыхательным фильтром исполнить свою работу. Они перешагнули внутренний барьер из туго переплетенных меж собой грибов, прорубив его мечами и ножами. Их ботинки вязли в мягком полу, на котором во влажной почве произрастали нечестивые символы. Аджир про себя бормотал литанию защиты, Церис вторил каждому его слову, остальные Кровавые Ангелы произносили молитвы про себя. Стрелковая цепь продвигалась с постоянной осторожностью. Кейн указал на странного вида капсулы, выстроенные в ряд на стеллажах в следующей комнате, в которую они вошли. Рафен изучил одну капсулу и нашел в комплекте мягкую ткань. Это была натальная клиника, осознал он, и стручки были поддерживающим блоком для новорожденных тау. Все были пусты, но он не стал долго раздумывать о том, чем мог быть слой белого пепла, лежащий у основания стручка.

Когда след крови Ла'Нона исчез, они заметили его другим способом. Они последовали на звуки плача.

ДУАФ РАГМЕННЫЙ люк стоял
открытым и перекосившимся, выгнутый
наружу будто бы парой сильных рук.
Причитания убитого горем тау эхом
доносились до них, так что Кейн повел
вперед. Фонарик на его болтере обыскивал
влажную, темную тьму и высветил
покрытые потрескавшейся эмалью
каменные столы, наклоненные так, чтобы
жидкость собиралась в забытые
кровостоки ниже. Куски тел свисали с
прибитых к потолку самодельных мясных
крюков — некоторые из них Рафен
идентифицировал как части орка,
человеческой женщины, тау, орубон и
ксексет, другие просто не опознал.
Фонарик Кейна нашел угол странного
рисунка на стене и только когда юный
гесантник опознал эмблему
Восьмиконечной Звезды Хаоса, то исторг
проклятье и отвернулся.

Чувствовалось, что работа в этом
месте была не окончена, и сердце Рафена
сжалось в груди. Повторялось
произошедшее в улье Надакара. Фабий был

здесь, в точно такой же комнате, где колдовством создавал свои ужасы и затем улизнул от них.

Размышляя таким образом, он обнаружил себя у одного из столов. На нем сидел тау, назвавшийся Ла'Ноном, его ноги свисали со стола, словно у ребенка со стула для взрослых. Он сгорбился и стонал. Он увидел огромный клинок у него в руке, почти колун, что используют мясники для разделки туши. Тау пилил им место, где странная, искаженная рука была присоединена к его телу. Кровь текла рекой, но чужак мало продвинулся в отсечении чужеродной конечности. Лезвие было слишком тупым, слишком широким и плохо подходило для поставленной задачи.

Ксенос взглянул на них, словно заметил Астартес впервые.

--- Голос, гү'ла, --- хныкал он, --- я все еще слышу его. Он не уползает.

--- Где несущий боль? --- он встретился с водянистым взглядом чужака. --- Где Фабий Байл?

--- Везде вокруг вас! --- в ответ выкрикнул он. --- Его ложь, его работы, все

здесь. Все здесь!

Тау показал ему раздутую, мускулистую руку, конечность слабо трепыхалась, будто бы пытаясь сбежать.

--- Он врал, когда обещал нам. Упосмотри, что он натворил!

Пронзительный, задыхающийся от эмоций голос существа становился громче.

--- Все ведь безумно, так? Это правда, но все остальное --- ложь! Ложь!

Он качнулся вперед и, старгивая слезы, воткнул худой палец в грудь Рафену.

--- Ты врал точно так же, как врал он!

Рафен покачал головой, в его мыслях появилась мрачная безысходность.

--- Я не врал тебе, ксенос, --- сказал он, --- я говорил, что прекращу твои мучения. Так и будет.

Стремительным движением сержант достал свой боевой нож и вонзил в грудь чужака. Сердце тау, как он помнил по тренировкам, находилось в середине грудины, ниже плотной, костяной пластины в центре реберного каркаса. Лезвие фрактальной заточки с легкостью

скользнуло через плоть Ла'Нона и
воспротивилось, когда воткнулось в кость.
Рафен надавил, и оружие вошло по самую
рукоять так, что кончик ножа появился из
спины чужака. Разрез был точным и
быстрым, он разделил сердце надвое.
Ла'Нон умер тихо и Рафен позволил телу
соскользнуть с ножа.

Туркио наблюдал, как он очистил
свое оружие.

--- Я не знал, что они могут плакать,
--- заметил он. Кейн жестом окинул
комнату и ответил вместо Рафена.

--- Оглянись, брат. Любое существо
заплачет, пережив столько сотворенного
ужаса...

Он не успел закончить, как Пулуо,
охраняющий дверь, издал внезапный вскрик
и поднял пушку для стрельбы.

--- Движение!

Рафен поднял оружие, когда в
комнату из дальней стороны прошаркали
чьи-то очертания. В тених стояла
громадная гутаноидная фигура шириной и
высотой с костогесантника, широкие и
массивные плечи, остриженная голова в

обращении глиняных, светлых волос и поднятые руки. Руки, отличные и умелые, которые могли сотворить весь этот ужас.

--- Фабий!

Силуэт в профиль являл собой человека, которого Рафен преследовал с самых нижних уровней цитадели Виталиса на Ваале, предателя и ренегата. Все костодесантники в комнате одновременно открыли огонь, и вспыхивающий шторм болтов вонзился в фигуру, разрывая ее на части острым, как бритва, ураганом.

Рафен кинулся вперед еще до того, как тело ударилось о пол, и по его венам текла обжигающе холодная мечь.

Быстро и бесшумно, грозовые раскаты восторга исчезли. Фонарь Кейна высветил лицо фигуры, все еще различимое, несмотря на попадание болта, которое отгрызло от черепа кусок размером с кулак. Лицо было серым и бледным, с прорезью в центре, где у человека находился бы нос. Выступающие глаза были огромными и влажными.

Это был тау, после сборки, но чудовищно раздутый, набравший

мышечную массу благодаря полным венам генеративных составов и мышечным трансплантатам. Ксенос, сотворенный подражать массивным Агентус Астартес. Возможно, оставленный здесь, чтобы сыграть такую шутку с любым, кто бы ни искал извращенного Прародителя.

Что-то вышло из дергающихся пальцев уродца и пропорхало к влажному полу. Кусочек бумаги. Рафен встал на колени, чтобы поднять его, прежде чем разлитые жидкости впитаются в пергамент и сделают его бесполезным. На бумаге были слова на высоком готике, выведенные осторожной рукой ученого. Просто слова, просто чернила на кусочке сухого пергамента, и все же они подняли в Рафене такую ярость, что его взор затуманило темно-красным.

"Вы потерпели неудачу".

Глава вторая

Плавными движениями и походкой, в которую сложно было поверить из-за громады брони, Рафен шагал по коридорам боевого корабля "Тихо". Сурового блеска сдерживаемого гнева в его глазах было достаточно, чтобы ни один серв, илот или член экипажа не осмелился встать у него на пути или сомневаться в его праве находиться в этом месте.

Его ботинки звенели по железным плитам палубы, когда Кровавый Ангел поднялся по небольшой рампе, что вела из главного коридора крейсера к верхнему ярусу обшивки корабля. Он зашел в крытую галерею, подсвечиваемую светом звезд через иллюминатор, где лучи оставляли сияние в задымленном воздухе часовни "Тихо". Разноцветные стекла, расставленные по сложной схеме, изображали лица воинов, которые командовали судном в прошлом или ознаменовывали великие баталии, в которых оно принимало участие. Над

входом висела шестиугольная мозаика с
портретом человека, в честь которого
был назван крейсер, брата-капитана
Эразма Тихо, чье лицо было частично
спрятано под золотой полумаской. Рафен
не остановился, чтобы посмотреть в
безразличные глаза героя Армагеддона.
Запах лагана здесь оставался густым, он
проистекал из глубин нефа в недрах
корабля. Через открытые двери перед
собой, — на тяжелых, медных воротах,
инкрустированных обсидианом, были
выбиты руны, — он заметил алтарь и
статую за ним.

— Мой лорд?

Задаанный вопрос мгновенно остановил
его, и он развернулся на месте. За ним
стоял брат Церис и изучал его. Как и
Рафен, он еще не снял свою боевую броню и
его бронированный силуэт заполнял проход.

Церис подошел и сержант удивился,
осознав, что не слышал, как когтистый
следовал за ним. Возможно, потому что он
был столь поглощен гневом и его внимание
впитало где-то в другом месте. Вот
почему псайкер и утвдрилса подойти так

близко, что он его не заметил. Но
возможно и нет. Кровавый Ангел подошел к
выступающему из ниши в стене кубку и
подхватил его. Вода --- очищенная
жидкость, регенерированная в массивных
резервуарах корабля, ежедневно
благословляемая корабельными
сангвинарными жрецами --- текла из
носика, слепленного во рту херувима.
Церис сточил ею ткань, которую взял с
медной подставки. Он развернулся и
предложил ее командиру. Рафен взял ее, не
обронив ни слова.

Таков был протокол. По возвращению
из колонии тау, брат-сержант и его
отделение обязаны были пройти небольшой
ритуал очищения, дабы изгнать влияние
ксеносов и порчу Хаоса, но даже в этом
случае, было бы неправильно Рафену зайти
в часовню и не сточить свои
бронированные руки освященной водой. Про
себя он нахмурился. Ему не нужен был
другой человек, дабы наполнить про это,
хотя Церис не и упрекнул его. Разум
Рафена действительно был беспокоен, и
это подпитывало его гнев еще больше.

Церис наблюдал, как он завершил краткое причастие. Белая материя в руках воина окрасилась в отвратительно бурно-черный цвет, когда липкие масла и жизненная жидкость чужаков, все еще оставшиеся в шарнирах его латной перчатки, были смыты.

--- Я говорил с капитаном корабля, --- начал псайкер, --- он получил ваши приказы, сэр. "Тихо" разворачивается.

Рафен кивнул. Пока корабль менял направление, бледный диск света, отбрасываемый на пол через иллюминатор, начал медленно перемещаться. Он отвернулся.

--- Как только маневр будет завершен, передай ему приготовить судно к переходу в варп, --- сержант скатал материю в шар и кинул ее ожидающему в алькове серватору. Раб-машина поймал ткань в полете и отнес ее к катинной решетке для уничтожения.

Рафен сделал два шага внутрь, прежде чем заметил, что Церис не воспринял в его тоне подразумеваемый приказ уйти. Псайкер изучал его и

сержант поймал себя на том, что в его груди заклокотало негодование.

--- Ты хочешь еще что-то сказать мне? --- потребовал он ответа.

--- В этом нет твоей вины.

Утверждение было прямотлинейным и решительным. Черты лица сержанта ожесточились.

--- Ты свободен, --- прорычал он, произнося слова таким образом, чтобы не возникло дальнейшего непонимания. Но Церис все еще не шелохнулся, дабы исполнить приказ.

--- Ваши мысли затуманены самобичеванием, и это несет беды, сэр. Это отнимает вашу концентрацию.

--- Держись подальше от моего разума, --- голос Рафена стал низким и угрожающим.

--- Мне нет необходимости прибегать к моим способностям, чтобы понять вас, брат-сержант. Ваша ярость столь же видна, как и эмблема Оргена на плече.

Рафен сделал шаг в сторону воина в синей броне.

--- Для избранного самил

Повелителем Смерти, как говорят, вам не хватает здравого смысла держать свое мнение при себе.

— Мой господин Мефистон ожидает от библиариев честности и прямоты, — ответил Церис, — он приказал мне вести себя с вами подобным же образом.

— Значит, так и поступиай, — Рафен жестом указал на ратню, ведущую из часовни, — уйди сейчас же, и будь доволен, что исполнил свой долг.

Горечь окрасила его слова, сильная и неожиданная.

— Нет, — продолжил Церис, оставшись раздражающе невозмутимым, неподвижным и сконцентрированным на другом воине, — Мефистон предложил мне присоединиться к вашему отделению и помочь в миссии, и я не исполнил это.

— Миссия! — в ответ выплюнул Рафен. — Миссия провалена, Церис! Ты видел это собственными глазами! Фабий каждый раз ускользает из сетей, путает нас. Он издевается над нами и нам не остается ничего, кроме как мириться с этим!

Он отвернулся.

--- У да, ты ошибаешься. В этом моя вина.

--- Почему вы в этом так уверены? --- спросил Церис. --- Отступничество Байла длится уже как минимум десять тысяч лет, сэр. Он путешествовал меж звезд со времен высшего предателя Хоруса и островов Ереси. На бесчисленных мирах тысячи погибли от его рук. Он исключительный враг, человек, который избегал поимки даже от рук магистров Оргенов, как и примархов...

--- И ты считаешь, что от этого мне будет легче, а? --- прорычал сержант. --- Тебя не было на Ваале, псайкер! Ты не видел его собственными глазами. Ты не один из тех, кто не смог его остановить!

Впервые Церис отвел взгляд.

--- Это так, --- признал он, --- я был на расстоянии многих световых лет, в сражении на Бета Корнеа. Но прили во внимание и мой гнев, мой лорд. Представь себе мою ярость, когда я узнал, что наш родной мир был атакован силами Хаоса. Я со своими боевыми братьями был слишком

далеко, дабы встать на защиту Баала... У нас не было шанса даже увидеть лицо врага, не говоря уже о шансе ударить по нему, как это сделали вы.

--- Тогда ты глупец, --- прорычал Рафен, --- тебе следовало считать себя благословленным избежать участи разделить этот позор.

Все тот же клубок мрачных мыслей, который изводил сержанта каждую ночь с самого начала миссии "Тихо", снова забурлил в нем.

После потерь Оргена при нападении на Кубелу и темным интригам инквизитора-ренегата Штеля, Кровавые Ангелы созвали конклав преемников Оргена. Это историческое собрание имело одну цель --- защитить силы Оргена, собрать десятину воинов от каждого потомка Кровавых Ангелов --- но планы магистров Оргена Данте пошли прахом из-за слепых амбиций единственного, одуроченного сангвинарного жреца. Один человек, убежденный, что сможет возместить потери Оргена не благодаря десятине, но используя древнюю, забытую науку,

невольнo вступил в союз с биологиком Agentys Mexanikus, по крайней мере, он в это верил.

Жрец открыл двери на Баал, объединил усилия с магосом, который назвался как Гаран Серпенс. К своему ужасу, Кровавые Ангелы узнали, что эта личина была только маской, еще одной ложью, сплетенной архи-предателем, самозванным Прародителем Хаоса Негелитого -- фабием Байлом.

В последующем безумии произошли чудовищные события. Были созданы существа-мутанты, сплав ДНК Астартес с животным голодом, уродливые девианты -- Демоны Крови. Они сошли с ума, разграбили и опустошили все, чему поклонялись Кровавые Ангелы. В финальной битве под великой крепостью монастырем Оргена, Рафен и его боевые братья сплотились с родичами, дабы сразиться и уничтожить порожденных Хаосом тварей. И там, перед гробницей притарха, золотого Сангвиния, отца их Оргена и Повелителя Кровавых Ангелов, захватчики наконец-то были повержены, и

неприкосновенность святыни была
защищена.

Будущее Оргена было сохранено,
Кровавые Ангелы будут жить. Но в
анахии сражения, проскользнув через
учиненный им погром ради сокрытия своих
преступлений, под покровом лжи Фабий
Байл украл самую драгоценную реликвию.
Кристаллический фиал, внутри которого
находилась драгоценная порция чистейшей
крови, был украден из самого священного
Алого Грааля. Капли жизненной влаги
самого Сангвиния.

Даже сейчас, по прошествии месяцев,
Рафен все еще испытывал отвращение до
глубины души при мысли о его великом
преступлении против Оргена. Его разум
трепетал от ужасов, которые
создавший гений, такой как Фабий, мог
создать с таким бесценным и
могущественным артефактом в своих
планах. Чуждоверность этого
отвратительного вора шокировала его, и
резонанс был столь силен, как если бы это
произошло только вчера.

Оставить такой грех не

отомщенным было невыносимым. Ренегат совершил столь серьезное преступление, что единственным наказанием могла быть только казнь и возвращение украденной ил реликвии.

Рафен и его отделение всецело посвятили себя исполнению этого долга, но их руки до сих пор были пусты, только потраченные снаряды и последовательность поражений. И еще клочок заляпанной кровью бутаги.

--- Ты ничему не научился? --- вопрос псайкера разрушил задумчивость Рафена. --- Ко всему, что сказал великий Данте, ты остался глух?

Но сержанту пробежался гнев и внезапным движением, он схватил Кровавого Ангела и жестко впечатал Цериса в каменную колонну крытой аркады.

--- Будь ты проклят, --- заорал он, --- что ты хочешь от меня, брат? Отвечай!

На мимолетное мгновение на лице псайкера отразилось что-то похожее на шок, но тут же исчезло, и его пустое, спокойное выражение вернулось на место.

— Ты столь высокомерен, брат-сержант Рафен, что считаешь себя выше всех остальных? — голос Цериса был грубым. — Я знаю, что сказал Лорд Данте, хотя меня там даже не было, чтобы я мог услышать это собственными ушами! Вспомни, что он сказал в великой усыпальнице перед началом битвы с Демонами Крови. Нас испытывали! Каждого из нас, не только тебя!

Псайкер страхнул хватку Рафена, который даже не сопротивлялся.

— У тебя нет права взваливать эту ношу только на себя. Она не твоя, чтобы нести ее в одиночку. Мы — Сыны Сангвиния, мы — Кровавые Ангелы! И мы бросаем вызов испытаниям каждый день нашей жизни. Это не отличается от других, меняется только масштаб. Мы найдем врага и убьем его. Все мы. Как один.

Рафен стирился, но все равно к горлу подступила горечь.

— Найдем его? Как? Скажи мне, кодий, ты можешь установить его местонахождение среди волн варпа своим

колдовским взором? Даже не думай
обвинять меня в том, что я в отчаянье!
Ничего подобного!

Он ткнул пальцем в грудь кодиция.

--- Знай это. Я с завязанными глазами
поведу этот корабль в Глаз Ужаса. Я
вырежу свои собственные сердца из груди.
Я принесу в жертву всех своих родичей на
борту и даже больше, если это
потребуется, чтобы найти ренегата!

Церис кивнул.

--- В этом экипаже все воины
повинуются как один, если вы сделаете
так.

--- Но я не могу... --- прошептал Рафен.
--- оглянись, брат. У нас нет ничего. Наша
последняя зацепка пропала вместе с
сумасшедшим дотом тау. И Фабий знает
это. Его там не было, он постылся наг
нати.

--- Магистр Оргена не поставил бы
тебя во главу этой охоты, если бы это
было простым делом.

Рафен отрицательно фыркнул и
сердито отошел в сторону.

--- Это не какие-то великие и

почетные поиски, на которые могут уйти века! Это казнь! Время против нас. Каждая секунда, что ублюдож хаоса держит единственную каплю священной крови, работает во зло. Каждый час увеличивает его испорченность. Мы должны стремительно покончить с этим, иначе все потеряно!

Церис секундү молчал. Затем кивнул в сторону медных дверей и часовни замкнути.

--- Зачем вы здесь, сэр?

--- Что ты имеешь в виду?

--- Часовню, брат. Остальные из отделения вернулись в оружейные палаты снять свои доспехи и подвергнуться ритуалом очищения. Но вы пришли прямо сюда. Вы даже не отдали лично приказ капитану корабля на мостике.

Рафен нахмурился.

--- Я пришел сюда... ради спокойствия этого места. В этой тишине ко мне приходит ясность.

Он вздохнул.

--- Возможно, я надеялся найти какое-то вдохновение.

Церис смотрел на статуи на дальнем конце часовни. Бог-Император и его сын Сангвиний стояли там подобно каменным титанам, являя только постоянный и неизменный лик.

--- Тогда у вас уже есть все ответы, сэр. Тогда вы уже знаете, в чем найти средство. Верьте в Императора, брат-сержант, и Император проведет вас.

Нсайкер собрался уходить.

--- Это станет даже большим преступлением, если фабию будет позволено забрать ее у вас.

--- Действительно, --- Рафен осознал, что кивает.

Через подошвы ботинок Кровавый Ангел ощутил еле заметную вибрацию. Налуб "Тихо" и подошел к одному из раскрашенных стеклянных иллюминаторов в алькове аркады. За цветным, твердым, как алмаз, стеклом, он увидел вспышку света от пусковой установки на борту боевого корабля. На конях белого света неслись вперед гладкие металлические цилиндры, петлей уходили в сторону от корабля, прокладывали курс, и роем шли к

цели. Он следил за их маршрутом, глядя
вперед, и нашел темные очертания
колонии-астероида в свете далеких звезд.
Ни произнес ни слова, Рафен развернулся
и вошел в часовню, в этот раз обуздав свой
гнев.

Беззвучные, яркие вспышки
преломленного света достигли его, когда
оружие "Тихо" выполнило свою работу и
уничтожило все деяния предателя.

* * *

Рядами стояли воины-братья в
грубых робах серого и ржаво-красных
цветов. Они стояли шеренгами на
обогретых солнцем каменных плитах
великого центрального внутреннего
дворика, воздух сушил их поднятые лица, в
спины им сиял красный диск далекого
солнца Ваала. Корбуло стоял перед ними,
его роба была такого же покроя, но со
вставками белого цвета. Солнечный свет

израл на ярких частях почетных золотых
ценей. Он шел вдоль линии воинов. Далеко
разносился его спокойный, чистый голос,
эхом отражаясь от стен, сформированных
окружающими зданиями крепости-
монастыря. Его капюшон был откинут
назад, так что он мог взглянуть каждому
в глаза.

— У тогда наступит день, — говорил
он им, — когда вы зададите себе вопрос.
Кто я такой? Вы будете спрашивать себя,
откуда вы пришли, вы будете обдумывать
это и искать ответ.

На грубоватом лице Корбуло
появилась улыбка.

— У тогда вы вспомните то, что я
собираюсь вам сказать, и больше не будете
думать об этом.

Сангвинарный жрец сделал паузу в
тени великой статуи в центре
внутреннего двора, чьи крылатые
очертания высоко возвышались над ним. Он
распростер руки, обхватывая их всех
единым жестом.

— Место, где вы родились. Племена, в
которых вы возвращали свою храбрость.

Мирь, которые вы звали своим домом.
Вожаки, которыми вы когда-то
присягнули...

Он смотрел на такие разные лица и
увидел полное внимание, в некоторых
возможно какой-то странный нарек на
предвзвухение и благоговейный страх.

— Все это делало вас теми, кто вы
есть. Но сейчас вы переступили через них.
Каждого из вас проверяли на прочность и
выявляли сильнейших. Вы дрались на
испытаниях и вас оценивали. Великий дар
теперь ваш. Вы заслужили право жить и
умереть не как простое человеческое
существо, но как Агентус Астартес.
Сынаи Сангвиния. Кровавыми Ангелами.

Он кивнул сам себе.

— Вот это единственный ответ,
который когда-либо вам понадобится. И
наверняка вы верите, что многие вам
завидуют. Многие, которые питают
надежды и почитают вас. Но найдется еще
больше, на миллиарды больше тех, кто
ненавидят вас за то, кем вы станете. И
каждый день, пока вы все еще дышите, уже
является победой против них.

Корбүло потянулся внутрь робы, его пальцы сожнулись на сүтке из кроваво-красного вельвета, обшитой золотыми и платиновыми нитями, украшенной редкими драгоценными камнями с соцветиями покоренных миров.

— Вы и есть победа, сотканная из плоти, костей и крови. Вы цари войны и боевые лорды для всех, кто смотрит. Вы единым строем шагаете по звездам с целью сражаться за честь человечества, за славу Святой Терры и в почитание Бога-Императора и Примарха Сангвиния.

Из под робы он достал реликвию, которая была его единственной заботой, столь чистой, освященную и безупречную, какой не мог быть ни один артефакт.

Он развернул ее в руках, услышав коллективный вздох стоящих перед ним воинов. Она была безупречной и совершенной, без каких-либо намеков на великое святотатство, которое было совершено с ней месяцы тому назад. Корбүло запретил себе раздумывать над этим чернейшим моментом, высоко

поднял Алый Грааль и позволил кроваво-красному солнцу окрасить его своим светом. Тот же самый старый, кружащий голову восторг, то же самое незатумненное ощущение силы отыло его при виде реликвии, Астартес в робах как одиноким рухнули на колени.

--- ВО ИМЯ ЕГО, братья, --- сказал жрец.

Они эхом проревели эти слова, вознесшиеся к небесам.

--- ВО ИМЯ ЕГО, --- прошептал Данте, произнося литанию вместе с ними. Его руки покоились на балюстраде каменного балкона, гладкий черный базальт был отполирован прикосновением его пальцев за те бесчисленные разы, когда он стоял там и смотрел вниз на воинов своего Ордена. Его острые, ястребиные глаза изучали лица воинов далеко внизу, теперь уже каждого из полноправных боевых братьев, а не новичков. Он прошептал слова Корбүло, размышляя после происхождения этих новых Кровавых Ангелов. Большинство было взято из десятины двух пустынных лүн Ваала, но

существенную долю составляли представители из орденов-преемников, которые были избраны, дабы укомплектовать численный состав Ордена. Сколько из них были набраны Энкартиновыми Ангелами, Расчленителями, Кровавым Легионом или любым другим из десятка братских Орденов? Он откинул этот вопрос. Корбуло был прав. Кто они такие, не важно, все дело в том, кем они являются теперь. Все они -- Сыны Сангвиния.

-- Новая кровь, -- произнес знакомый голос позади него.

Данте кивнул.

-- Да.

Мефистон, повелитель псайкеров Ордена и могущественная правая рука Данте, присоединился к нему на балюстраде и смотрел своим ледяным взором на новобранцев.

Главный библиарий Кровавых Ангелов был завернут в боевую туннику и бриджи. Он без зова своего господина пришел из тренировочных залов, что являлось доказательством их многолетней дружбы.

поскольку Данте всего лишь поднял бровь от столь небрежного одевания другого воина. Не многим Кровавым Ангелам была дарована свобода войти в палаты господина, не надев сперва все необходимые одежды и знаки преданности. Временами такое следование церемониям и ритуалам было важно, но были времена, когда нет. Этот момент относился к последним.

Данте не предупредили о том, что пришел Мефистон, и это много о чем говорило.

За более чем тысячулетнюю службу Золотому Трону, тех, кто мог войти к Данте без уведомления, можно было пересчитать пальцами на одной руке, — и из них трое были убиты лично магистром Оргена. Но его мысли были не об этом. Данте был доволен. Если Мефистон все еще загадка для него, после стольких лет, тогда для врагов Повелитель Смерти — призрак, непостижимый и смертоносный.

— Я взял себе за правило никогда не пропускать такие моменты, — объяснил Мефистон, кивая свои острым подбородком на новобранцев, когда Корбүло

далеко внизу предложил им подняться, ---
чтобы увидеть нашу родню и Грааль
вместе...

Он затих, его голос стягчился в
почтении.

--- Ты можешь видеть Алый Грааль
когда пожелаешь, брат, --- заметил Данте,
--- в твоем ранге ни один сангвинарный
жрец не осмелится запретить тебе войти
в великую часовню.

Он кивнул на сферический неф
наверху отдаленной башни.

--- Это так, --- ответил псайкер, --- но
дело в другом. Когда Корбуло показывает
им реликвию, их сердца поют в ее сиянии...

Мефистон вздохнул.

--- Мне жаль, мой лорд, что вы не
можете ощутить цвета и игру их эмоций,
как я. Это ощущение наших боевых
братьев и их ауры в этот момент... почти
божественно.

--- Я ощущаю часть, --- заметил
Данте, --- возможно не так как ты со своим
колдовским взором, но все же мощь
происходящего просто звенит в воздухе.
Это напоминает мне о том, что даже

после одинадцати сотен лет, я не настолько пресытился, дабы не испытывать благоговение.

Мефистон кивнул.

— Именно так. Мы живем во времена чудес, мой господин. Сложно поверить, что прошел всего лишь год, с тех пор как наш Орген окунулся в бездну. Мы столкнулись с призраком распуща, но с милостью Святой Терры, развеяли его.

Данте сложил руки на груди и медленно вдохнул. Непроизвольно его настроение начало меняться и трепетать. Мефистон мгновенно это уловил и взглянул на него, оценивая вечно немигающим взором.

— Любопытно, — произнес магистр Оргена, — как странно, что я могу одновременно ощущать такую гордость в своем сердце и тень какой-то безысходности. Что-то близкое к ярости.

Источник этой ярости не было необходимости называть, они оба ощущали одинаковый неумолимый гнев, одинаковую медленно горящую ненависть от осквернения своего Оргена и родного мира.

--- Зачастую природа человека позволяет ощущать что-то одновременно, даже конфликтующее меж собой, --- размышлял вслух псайкер, --- когда Бог-Император пролил Свой свет и выковал первых Агентус Астартес, Он убедился, что они сохранили эту двойственность. Это верно и правильно.

--- Действительно, --- ответил Данте, --- это лучше напоминает нам о том, дабы мы не слишком возносили себя над простыми людьми, которых защищаем. Что станет с теми из нас, кто отбросит свою человечность?

Мефистон ухмыльнулся.

--- Возможно, этот вопрос я задам Фабииу Байлу, когда его схватят.

Ответ Данте звучал, словно хладное железо.

--- Его не схватят. Несмотря на то, что желает Ордо Еретикус, не будет никакого суда и заключения, никакого процесса и публичной казни. Фабий утратит в любом месте, где найдут его заблудшую душу.

Он отвернулся от балкона и прошел

обратно в палату, разгراженный на себя за то, что позволил своему тpaчному настроению проявиться. Удовольствие увидеть новую десятину затлило другое чувство, построенное на его суровом и точно направленном гневе. Наконец-то он остановился в центре комнаты и из-под капюшона встретил взгляд на своего боевого брата.

--- Ты видел самый последний доклад с "Тихо".

Это не было вопросом. Другой воин кивнул.

--- Да. Он несколько...
неутешительный.

Данте грубо фыркнул и безрадостно застелся.

--- Умеренный взгляд для описания ситуации, если он вообще когда-либо был таким. Эта колония ксеносов была хорошей зацепкой, но, как и все остальные, оказалась прахом в наших руках.

--- Наши агенты все еще ищут намеки, --- сказал псайкер, --- каждый боевой брат прислушивается к любой толке информации.

— У что ты ўзнали, Мефистон? Что ты получили кроме бездны бесполезной информации? Ничего, только слухи и намеки.

Он указал на декоративный стол в углу комнаты, где газовые линзы окуляра позволяли пролистывать страницы данных рукописного готика. Пергаменты и пиктопланшеты усеивали поверхность столика.

— Я лично исследовал все это и не почерпнул ничего. Мы стоим на месте. Все это бесполезно.

— Фабия Байла видели, — заметил псайкер, — эти появления исследуются нашими когитаторами и контингентом твоих лучших эпистоляриев.

— Если бы мы верили всему, что нам говорят, то кажется, что этот проклятый ренегат появляется в десятках мест по всей галактике, причём одновременно, — от раздражения голос Данте стал громче, — его видели во время фестиваля Бесконечного Благодетельства, наблюдали в Восточных Краях, на мирах Саббат и в Дамокловом Заливе. Кто из них прав? Куда нам посылать своих

воинов?

Тот факт, что Мефистон не собирался отвечать на его вопрос, говорил сам за себя магистру Оргена. Данте сжал губы.

— Я могу посвятить весь Орген преследованию, и все равно этого будет недостаточно, будь он проклят.

— Мы знали, что предатель не будет такой легкой добычей, когда выбирали дальнейшие действия, — ответил псайкер, — он ускользал от сил Империи целые поколения. Может занять столько же времени обрушить на него нашу месть.

Данте быстро кивнул.

— Возможно, оно так и будет, но вопрос... в священной крови.

Живот воина скрутило при мысли о ней.

— И с этим ты не можешь мешкать.

Он подошел обратно к Мефистону, когда заговорил снова, и его голос был тих.

— Старый друг, то, что меня лишает покоя, что будит меня посреди ночи, так это вопрос. Вопрос, который мучает меня.

— Что Фабий хочет сделать с кровью

нашего притарха? --- спросил Мефистон. ---
Я страшусь узнать ответ, господин. Это
действительно так.

--- У, кроме того, я думаю, а что если
злодеяние, которое он учинил против нас,
является частью какого-то более
зловещего плана. Какой-то интриги, в
которой Кровавые Ангелы всего лишь
часть.

Мефистон посмотрел на него.

--- Как так?

--- Что ты знаешь об этом ублюдке? ---
выдохнул Данте, позволив себе озвучить
свои мысли. --- Этот так называемый
Прародитель, который кромсает и
сшивает живую плоть так, что один взор
на нее оскорбляет все сущее? Предатель
среди предателей, когда-то бывший
Agentus Астартес Демей Императора до
того как они выбрали Хоруса и впали в
ересь. Апотекарий-гений, извращенный
своей преданностью Пути Восьмиконечной
Звезды Хаоса. Существо чрезвычайной
жестокости, которого не интересует
власть или господство...

--- Только темные, забытые знания, ---

живая, ответил Мефистон, -- я видел ужасы, которые он сотворил, а затем выпустил на поле боя. Его уродливые "Новые люди", твари, похожие на человека, каждая из которых равна по силе Астармес.

-- Байл никому не предан, даже принцу-демону Фүлгриму, погуби его Император, или остальным из сородичей предателей, -- Данте отошел, гнев оживил его, -- он скользит в тенях, предлагая свои навыки любому командующему Хаоса, который может заплатить.

Магистр Оргена остановился и сделал глубокий вдох, с силой успокаивая растущий внутри него гнев.

-- Вот такого предателя мы должны поймать и убить, -- он отвернулся, -- если только сможет.

После долгой паузы снова заговорил Мефистон.

-- Мой лорд, сегодня я пришел к вам по другой причине, -- начал он, -- в тучах твоей боевой медитации, ко мне пришло видение. Намек. Ощущение важности.

Данте пристально посмотрел на

своего товарища. Работа разума псайкера была загадкой даже для тех, кто шел их путями уже века, и все же магистр Ордена знал Мефистона достаточно хорошо, чтобы распознать важность того, что собирается сказать Повелитель Смерти.

--- Ты... видел что-то? В Варне?

--- Покровы прошлого и будущего приоткрываются некоторым. Я был благословлен один таким редким мгновением... Хотя некоторые могут посчитать, что это скорее проклятие.

--- Скажи мне, что ты почувствовал.

Мефистон замешкался и в это мгновение раздался громкий стук в дверь палаты. Магистр Ордена махнул одному из илотов и, отвечая на приказ, сервитор вышел из алькова подзарядки.

Кровавый Ангел в полной боевой броне, с золотым шлемом почетной стражи наизгибе одной руки, вошел и встал на одно колено.

--- Мой лорд, простите мое вторжение.

--- Что случилось, брат Гарит? ---

Данте не сумел скрыть в своем голосе

нотки раздражения.

--- Срочный вызов из доковой станции на высокой орбите. Они передают сообщение от брата-сержанта Кайла.

Данте кивнул. Кайл сейчас служил на борту крейсера "Дарио". Этот боевой корабль был направлен в силы пикета, которые патрулируют края системы Баал.

--- Продолжай.

--- Кайл летит сюда, сэр. Он ведет с собой курьерское судно, которое выскочило из варпа как раз за внешним оборонительным кольцом.

--- Посланник, --- прошептал Мефистон, его взгляд устремился внутрь себя.

--- Да, --- ответил почетный страж, --- судно несет знамя Расчленителей. Они утверждают, что прилетели с сообщением чрезвычайной важности от самого магистра Оргена Сета.

Данте взглянул на псайкера.

--- Это то, что ты видел.

В ответ тот кивнул.

--- Стремительный галеон.

движущийся сквозь бесконечную ночь. Его паруса — черный холст, зазубренное лезвие пронзито единственной каплей крови. В его трюмах звучит голос, шепчущий имя. Габриель.

Магистр Оргена подошел к ведущей на балкон двери и встал на порог, глядя в ржаво-красные небеса.

— Предоставьте им проход, — сказал он почетному стражу, — я желаю слышать, что мой гостеприимный кузен желает сказать.

ШАТТЛ типа "Аквила", словно ястреб, упал из низких облаков пыли и сделал ленивый круг мимо самых высоких шпилей крепости-монастыря, после чего пошел под углом на посадку к южной площадке. С глухим ударом сжимающейся гидравлики шаттл сел, вокруг закружились пыль и дым, после чего беспешные ветра унесли дымку прочь.

Глаза Мефистоны сощурились в узкие щелочки, пока он пытался разглядеть судно, пробиваясь через банальный металл и пластик обшивки, пытаясь понять

настроение пассажиров внутри. Он нашел то, что искал — конкретного воина, полного решимости и сконцентрированного на важной миссии.

Псайкер стоял рядом с магистром Оргена. К ним присоединилась троица почетной стражи, отдельно в стороне пронесли лишенные разума рабы-машинные и присоединили судно к топливным трубам и стабилизировали опоры. Посадочная площадка была пуста.

Мефистон знал, что это, конечно же, вопрос времени. Скауты, вооруженные модифицированными длинноствольными болтерами системы Зайцева заняли позиции наверху башен, окружающих платформу и наблюдали за любыми признаками угрозы. Это была одна из многих дополнительных мер безопасности, которые он организовал, памятуя о проникновении Фабия на Ваал.

Вдоль фюзеляжа внизу шаттла опустилась ратна, и из корабля вышел одинокий Кровавый Ангел с лавровым венком ветерана-сержанта. Воин прошел вперед и, преклонив колена, встал перед

Данте, снял свой шлем и прижал к груди.

--- Магистр, милорд, --- начал он, --- я принес известия.

--- Встаньте, брат-сержант Кайл, --- сказал Данте, --- изъясняйтесь проще.

Кайл встал и Мефистон заметил, настолько воин тщательно избегает встречаться взглядом с псайкером. В делах войны сержант был опытным воином и не из тех, кто легко испугается, но все же его аура мерцала и трепетала от присутствия главного библиария. Мефистону было знакомо такое, и он понимал. Его устрашающая репутация в Оргене жила своей жизнью и Повелитель Смерти не видел причин делать что-либо, дабы опровергнуть ее.

--- "Дарио" перехватил небольшое, способное путешествовать в варпе судно, вышедшее из империума за орбитой двенадцатой планеты, --- объяснил Кайл. В его голосе присутствовал характерный резкий акцент кланов Секундуса.

--- Он принял вызов и лег в дрейф. На борту мы нашли воинов Астартес из Оргена Расчленителей. Они желают

говорить лично с вами, магистр.

--- Их печати и подписи в порядке? ---
спросил Мефистон.

Кайл кивнул.

--- Да, сэр. Посланник
продемонстрировал личную печать
магистра Сета.

Дантемахнул рукой, подзывая.

--- Веди его.

Когда Кайл вернулся в шаттл,
Мефистон наклонился к командующему.

--- Все --- правда, --- доложил он, --- Кайл
верит в то, что говорил и те, кто на
борту, тоже верят.

--- Чего хочет Сет? --- задался
вопросом Данте. --- После конклава мы
расстались на дружеской ноте. Возможно,
он желает попросить об услуге сейчас,
когда мы укрепили товарищеские
отношения между нашими Оргенами.

Сержант вернулся с тремя
Расчленителями. Их броня была темного,
кроваво-красного цвета с чернильной
отделкой, они совершенно воздерживались
от демонстраций почетных цепей и
геральдики, столь распространенной в

родительском Оргене. У одного из них, такого же ветерана-сержанта как Кайл, на наплечнике был прикреплен круглый медальон. Мефистон разглядел на нем символ -- коготь ящерицы -- личная боевая эмблема Сета. Свисающий с пояса золотой шлем Расчленителя подтверждал догадку, что эти Астартес принадлежали к личной охране Сета.

Кайл и два других Расчленителя стояли по стойке смирно, в то время как посланник следуя ожидаемому протоколу, низко поклонился и назвался.

-- Я брат Мазон, -- сказал он, -- я принес слово distinguished кузена, Сета из Расчленителей.

Мазон на какое-то мгновение встретился взглядом с Мефистоном -- на какую-то долю мгновения, -- и затем быстро отвел его. Однако для псайкера этого было более чем достаточно, дабы проникнуть в самую его суть. В мыслях у воина не было никаких ухищрений. По какой бы причине магистр не отослал его на Баал, в этом не было худых намерений. Псайкер задумался о том частичном

визит, которое пришло к нему, и размышлял о том, как оно связано с этим неожиданным визитом.

Костогесантник достал с пояса простую, эмалированную красную коробочку из железа и протянул ее Данте.

— Она откроется только для вас, господин.

Командующий кивнул и принял устройство. В то же мгновение, когда его голая плоть коснулась поверхности, Мефистон услышал тихий щелчок затка крови. С шипением сжатого и сложного механизма, коробочка развернулась и превратилась в овальную чашу, увенчанную шипами. Наверху шипов сияла драгоценность.

— Гололитический алмаз, — отметил Данте, — редкое устройство. Великий Сем явно не поскупился на усилия, дабы доставить сообщение в полной безопасности.

Магистр Ордена погладил грани драгоценного камня размером с кулак и тот заблестел, словно пойманный блуждающий луч солнечного света.

Будто из призмы, сияние алмаза
росло, выходило из камня, обретая форму
из призрачного, мерцающего света.
Призрак заикался и мерцал, превращаясь в
грубое изображение Сета в неухоженной
бронзе, как будто он только что вышел из
сражения.

Расчленитель склонил голову перед
гололитом, выказывая перед ним такое же
почтение, как перед самим магистром.
Мефистон наблюдал, как закодированное
сообщение на кристаллической матрице
устройства археотека начало
проигрываться.

Сет начал речь с холодной, лишенной
веселья утешки.

— Кузен, да найдет тебя свет
Императора. Прости меня за дешевое
театральное представление этого
сообщения, но оно показалось мне самым
целесообразным, дабы донести его. У меня
кое-что есть для Кровавых Ангелов.

Данте и Мефистон обменялись
осторожными взглядами. Повелитель
Смерти ожидал от Магистра
Расчленителей все что угодно, но только

не этого.

--- Сражение занимает все мое время и энергию, и если бы не оно, если бы это не было уклонением от моего священного долга перед Террой, я бы передал эти данные лично. Но такой возможности нет, так что я передаю тебе это.

Лицо Сета на мгновение затуманилось раздражением.

--- Я знаю, чем ты занимаешься, кузен. Не утруждай себя, интересуясь, откуда я знаю, просто прими как факт.

--- Он говорит об охоте на предателя, --- сказал псайкер, --- откуда...?

Кивком головы Данте призвал его к тишине.

--- Мы кое-что нашли. Члена Агентств Механикус, техножреца с непомерным самомнением, по имени Маттхан Зеллик, который преступил границы своей клятвы Марсу и Святой Терре. У него была связь со знакомым вам безлым техноповелителем. Гараном Серпенсом.

--- Фабий... --- прошелестел Данте.

--- Допускаю, что информацию устарела, но подлинность ее источника

достоверна.

Сет злобно и хищно ухмыльнулся, демонстрируя свои клыки, его правая рука потянулась почесать старые шрамы на лице.

— Осведомитель... скажем так, был выжат досуха и отдал нам все.

Командующий Кровавых Ангелов пристально посмотрел на гололитическое изображение, словно мог видеть через него самого Сета.

— А теперь он запросит цену, — проворчал он. Словно отвечая, фигура сообщения кивнула, после чего выражение лица Сета стало строгим и серьезным.

— Я об этом не говорил никому. Никто из других претенников не знает что происходит, или что было украдено. Не виню тебя, Данте. Я понимаю всю важность происходящего. Я сделал бы то же самое, что ты делаешь, если бы оказался на твоем месте, — он нахмурился, — но я желаю в этом участвовать. Расчленители будут частью всего происходящего. Мой Орген разделит славу забрать добычу с его трупа.

Данте медленно кивнул.

--- Ох, Сем. Ты же знаешь, что я не могу отказать тебе. Не сейчас.

Гололит продолжил.

--- Я уже послал корабль встретиться с твоим парнем --- Рафеном и его бандой. Судно "Габриель". Воины на его борту знают достаточно.

Сердце в груди Мефистона сжалось, когда Сем упомянул название корабля.

--- Тебе нужно только сказать Рафену, чтобы он принял предложенную ему помощь. И вместе, мы все поправим.

Сем поклонился.

--- Мы оба знаем о риске оставаться в одиночестве, Данте. Наше единение сделает нас сильнее.

Окончательно моргнули цвета, изображение стало дымчатым и рассеялось, сияние изнутри алмаза полностью угасло.

Магистр Кровавых Ангелов позволил коробке с посланием закрыться и, размышляя, взвесил ее на руке. В конце концов, он взглянул на брата Мазона и перебросил устройство ему. Мазон с

легкостью поймал и ничего не сказал, в
ожидании дальнейшего.

Данте отошел на пару шагов,
Мефистон последовал за ним.

--- Пути Бога-Императора иногда
сокрыты для нас, --- предположил псайкер, ---
возможно, нам следует принять такое
развитие событий, считать, что Он
приложил руку.

--- Возможно, --- эхом повторил Данте,
--- я вот думаю, стоит ли мне волноваться,
что Кузен знает столь много о нашем
предприятии? Ведь не впервые
Расчленители выказывают такую...
осведомленность.

--- Для поисков Фабия мы развернули
огромную сеть и быстро, --- заметил
Мефистон, --- это все могло стать
известно Сету.

Аристократическое лицо Данте
напряглось.

--- Вопрос решен. Но сначала это.

Он внезапно повернулся и пошел
обратно к Мазону.

--- Брат-сержант. Считайте, что вы
доставили сообщение. Вы можете быть

свободны.

--- Господин, --- сказал Расчленитель, --- как пожелаете. Но желательно получить ответ.

Командующий покачал головой, на его губах заиграла мрачная улыбка.

--- Ты ошибаешься, Мазон. Твой Магистр уже знал мой ответ, еще до того, как он послал тебя.

НА РАССТОЯНИИ оба корабля казались почти одинаковыми. У обоих был нос-лезвие, целый ряд зубчатых минаретов вдоль верхнего фюзеляжа и огромная, возвышающаяся над корпусом крепость. Медные пушки, убийственное множество несло немой вызов всем врагам, двигатели горели сзади, словно пойманные звезды. Вот такими были стремительные ударные крейсера Агентус Астартес, корабли быстрого реагирования, которые могли обратить в шлак города или наземные армии, если того потребует сражение.

Однако их цвета и отчетливые эмблемы на лопастях-обтекателях

отличались. "Тихо" --- красный, словно ярость выгравировали медью и оружейным серебром, украшенный обрамленной крыльями каплей крови, что ярко блестела в пустоте костюма. У рядом "Габриель" --- черный словно гнев, с линиями ярко-красного среди черного как столь, зазубренный диск с каплей темной крови внутри ловил сияние далеких звезд.

Их силуэты были одинаковы, однако в свете солнца их характер раскрывался. Астартес на борту не особо отличались от перевозивших их кораблей.

--- КУЗЕН, --- сказал Рафен, --- вот так встреча.

Брат-сержант Нокс быстро кивнул. Его губы чуть было не сдвинулись в подобии улыбки.

--- Держу пари, ты не думал, что наши пути так скоро снова сойдутся, а, Кровавый Ангел?

Рафен кивнул вслед за другим воином.

--- Именно так, Расчленитель. Должен признаться, я был удивлен видеть

ваш корабль здесь. Разве ваш Орген все еще не вовлечен в наказание Эритаен?

Нокс покачал головой, после чего осмотрел комнату для аудиенций на борту "Тихо". Ветеран и его отделение поднялись на борт, воспользовавшись правом, дарованным любому Астартес, встретиться и разговаривать в уединении с рыцарями других Оргенов.

"Габриель" не оставил "Тихо" выбора, корабль Расчленителей рискнул встать столь близко, что притяжение его массы сделало любую попытку уйти в варп очень рискованным мероприятием.

--- Тот конфликт завершен. Но остальные мои сородичи вступили в новое сражение, против орды орков в скоплении Ауоро.

--- Какой подходящий враг, --- глотился Аджир, --- мне интересно, какая из сторон более дикая?

Рафен взглядом заставил воина замолчать, но Нокс, казалось, наслаждается обменом колкостями.

--- Хотелось бы мне оказаться там, чтобы выяснить это лично. Но вместо

этого, я вынужден помогать вам в вашем
проводе.

--- Да как ты смеешь...? --- Кейн
затрясся и в этот раз Рафен шагнул, дабы
блокировать молодого костюмодесантника.

--- Ты ничему не научился из того что
произошло? --- спросил Рафен. --- Успокойся,
парень. Закрой свой рот.

--- А в нем еще горит огонь, ---
одобрительно кивнул Нокс, --- я рад, что он
его еще не растерял.

Взгляд Рафена упал на инфо-
планшет в руке. Буквально за минуту до
встречи устройство принес ему курьер из
святилища астроната, когда провидческие
мониторы крейсера поймали
приближающееся судно.

--- Что ты знаешь о нашей миссии?

--- Я знаю, что архи-предатель
осквернил Ваал своим присутствием, ---
сказал Нокс, --- я знаю, что вы все еще не
можете его найти и призвать к ответу за
этот грех.

--- И ты думаешь, что у тебя
получится лучше? --- проскрежетал Аджир.

--- Ну, хуже у нас точно не получится...

--- Хватим! --- рывкнул Рафен. --- Мы Астартес, Сыны Сангвиния, все! Нам не следует забывать, с какой угрозой мы столкнулись вместе и уничтожили ее благодаря нашему единению! И я не позволю нам впасть в старые склоки, словно дерущимся детям.

Он развернулся и сурово посмотрел на каждого своего воина, по очереди, останавливаясь на Кейне и Аджире.

--- Разве мы столь высокомерны, что не можем принять помощь от наших сородичей? Думаю, нет.

Он осознавал, что Церис наблюдает за ним. Кодиций молчаливо и спокойно кивнул. Выражение лица Нокса изменилось.

--- Каждый воин под моим командованием знает важность предстоящего, Рафен, --- сказал он, --- и вместе, мы найдем истинную цель.

Он кивнул в сторону мостика "Тихо".

--- Даже сейчас, навигаторы "Габриеля" общаются с вашими и передают нам данные, которые мы нашли.

--- Хорошо, --- ответил Рафен, --- как

только ты выйдешь на курс, то созовем совещание, чтобы выработать план совместных действий.

--- Брат-сержант! --- Аджир выступил вперед и презградил дорожку, качая головой. --- Я не могу молчать по этому поводу, даже если вы мне приказали!

Он ткнул пальцем в Нокса и других Расчленителей

--- Это дело не для других. Эта миссия только наша.

--- Ты ошибаешься, --- ответил ему Рафен.

--- Кто так решил? --- потребовал ответа космогесантник.

Рафен не ответил ему. Вместо этого он пихнул в руки Аджира планшет и позволил ему прочесть. На дисплее отображался ясный и характерный шифр сообщения с Баала, к которому были приложены индексы самого высшего приоритета. Глаза Аджира широко раскрылись, когда он осознал, что сообщение пришло напрямую лично от лорда-командующего.

--- Что там? --- спросил Пулво.

выражая интерес всех остальных
собравшихся воинов.

--- "Сражайтесь вместе", --- ответил
Аджир.

Глава третья

Туркио стоял на месте, но во всей его позе чувствовалось напряжение. Два отделения столкнулись друг с другом в тактикариуме. Проходящему мимо наблюдателю могло показаться, что они собираются накинуться друг на друга. Кровавые Ангелы стояли вдоль правого борта, Расчленители у левого, бронированные воины по привычке расположились по росту. Недавние события в какой-то мере создали узы товарищества между разными Оргенати, что происходило от примарха Сангвиния. Но все же старый спор между первыми основаньем и преемниками не мог быть стым за одну ночь. И не найдется более никого такого, кто бы представлял такую противоположность Кровавым Ангелам, как Расчленители. Первые гордые и благородные, последние грубые и жестокие — и все же в их венах текла одна и та же кровь.

Отбросив репутацию в сторону, они

все же были сынами Великого Ангела и, кроме того -- Агентус Астартес. Хотя и не прямыми родственниками, но братьями по оружию. Ни один из Астартес не заговорил. Двум отделениям приказали держать комментарии при себе, если это не принесет никакой пользы текущему совещанию. Брат-сержант Рафен был достаточно резок насчет этого приказа, и он предполагал, что Нокс поступил так же. Рафена быстро утомили даже малейшие намеки на сеюшее распри поведение, и он в нелюбезных терминах приказал Аджирю и другим направлять свою энергию на исполнение миссии. "Наша враждебность, -- сказал он им, -- сегодня имеет только одну цель".

Эта цель сейчас медленно поворачивалась перед ними, повисшая в вышке, сотканная лучами спрятанного дисплея, в основании украшенного, созданного из железа, штурманского стола. Глядя на мерцающее изображение, Рафен обогнул стол. Туркио узнал лицо Фабия Байла. Создавалось несколько артистичное впечатление злодея.

поскольку картинка была воссоздана рабати-машинати, которым скортили километры пленки записей камер безопасности, выцветших портретов и данных исследований.

Она изображала человек, размером с костодесантника, трех метров высотой и около метра в плечах. Бледное лицо с кожей, плотно натянутой на череп в оправе из имплантов-усилителей когнитивной деятельности. Пучки белых волос ниспадали на запачканную кровью бронзу наплечников. Изображение было размазано в местах, где машина дисплея откорректировала его подпрограммой, маскирующей выгравированные восьмиконечные звезды. Поверх брони на нем было надето глинное пальто, состоящее из узоров -- сшитых заплаток человеческой кожи кричащих лиц. Медный механизм из конечностей и манипуляторов -- аппарат таинственного происхождения, известный только как "хирургeon" -- был прикреплен к его спине. Клапаны с черепати на концах и резервуары с черными жидкостями,

маслянистыми и тягучими, пыхтели при работе. О назначении хирурга можно было только догадываться. После нескольких изучений, учеными Империята была предпринята попытка предугадать его способности. Они предположили, что это какого-то рода поддерживающий жизнь механизм, или возможно даже полусознательное устройство-сервитор. Оно напоминало Туркио серво-доспехи, которые носили техноагенты Ордена, но более раздутого, гротескного дизайна.

Он раздумывал об этом, когда его взгляд наткнулся на одного из воинов Нокса, стоящего немного вкось к остальному отделению Расчленителей. У воина имелась одна серво-рука, осторожно согнутая за спиной и на его наплечнике была выгравированная шестеренка прошедшего обучения на Марсе технодесантника. Угловатое лицо было лишено одного человеческого глаза и заменено аугметикой с сапфировыми линзами. Встретившись с ним взглядом, он уважительно кивнул.

Тот факт, что Ноксу позволили

привести с собой техногесантника, говорил о многом. У Расчленителей, крошечного ордена всего лишь из горстки рот, было очень мало ресурсов, дабы тратить их впустую -- в том числе включая воинов, одаренных даже толикой знаний и прошедших подготовку у Агентус Механикус. Техногесантники были редки среди Агентус Астартес, они входили в свой Орден таким же образом, как и остальные новобранцы, но затем их тренировали на Марсе для общения с машинами... и как некоторые говорят, по их возвращению им никогда было уже нельзя доверять как прежде.

Впрочем, у Туркио никогда не было таких подозрений. Он считал сложным поверить в то, что Астартес вообще когда-либо смогут найти что-то более божественное, чем Бог-Император человечества среди шестеренок и катушек машин, неважно насколько высокодуховными считали себя техножрецы Механикус. Он увидел, как Рафен повернулся к Ноксу.

-- Я в нетерпении увидеть гар.

который вы принесли нам, брат-сержант.

Его командир жестом указал на стол.

--- Если позволите.

Нокс взглянул на технодесантника.

--- Мохл, --- сказал тот, --- покажи им.

Брат Мохл шагнул вперед, и его серворука плавно развернулась, практически элегантным движением, на манер изысканного дворянина, предлагающего руку для танца. Движения казались необыкновенными для механической конечности, которая могла раздавить череп человека как яйцо. Рука вставила мнемонический цилиндр в стол, и гнездо с гудением таленьких моторчиков приняло его.

Линзы щелкнули, затрещали, и изображение Фабия Байла изменилось. Частицы намагниченного песка внутри ядра окуляра переместились, собираясь вокруг проецируемой головы, заставляя картинку изменяться. Мигнули и появились очертания техножреца. Человек в капюшоне --- но только самого свободного покроя --- носил знакомую робу *Agentus Mechanicus*, эмблема черепа и шестеренки.

обозначала возвеличенный ранг магоса. Туркио мельком заметил лицо техножреца и осознал, что его голова, кажется, была полностью покрыта хролом. Возможно, это какая-то маска.

--- Это магос-минорис Маттхан Зентенниган Восемь-Цота Зеллик, --- сказал Мохл. Голос Расчленивателя был тих, но все-таки разнесся по всему залу.

--- Его должность --- технолорд Магос Техникус Марса, он внесен в свитки как свободный агент с каперской грамотой от генерала-фабрикатора для независимых операций за сегментутом Солар.

--- Другими словами, он сам себе указ, --- пробормотал Кейн.

--- Ранг и должность Зеллика предоставляют ему огромную свободу действий, --- согласился Мохл, --- мы считаем, что Ордо Ксенос наблюдали за ним некоторое время в поисках откровенных признаков порчи, но не добыли никаких доказательств.

--- Они считают, что он подвергся воздействию чужаков? --- спросил Церис.

--- Возможно, но не доказано. Связи

Зеллика столь широки, что позволяют ему остаться вне хватки оргоса. Но наемными агентами было установлено, что Зеллик действительно выходил за рамки буквы законов Империи и доктрин Механикус. Он считает себя кем-то вроде коллекционера, склонен скорее собирать предметы, которые считает прекрасными, чем отдавать их своим хозяевам. В частности, он утрудился собрать обширный частный музей... В дополнение, он торгует запрещенными и редкими технологиями.

--- Шестеренки взбесятся, если узнают, --- сказал Аджир. Нокс покачал головой.

--- Не будь так уверен. Агентус Механикус с радостью преступят законы, если это позволит им наложить лапы на еще одну ржавую реликвию дней до Древней Ночи, --- он взглянул на Мохла, и голова технодесантника кивнула, подтверждая.

--- Так это значит, что Кейн был прав, --- предположил Рафен, --- этот магос Зеллик действует сам по себе... Возможно по воле Марса, возможно только для

личного обогащения.

Кровавый Ангел сложил руки на груди.

--- Какие он ведет дела с нашей целью?

--- Одно из имен его торговых партнеров знакомо вам, --- объяснил Мохл, --- тагос биологис по имени Гарант Серпенс.

--- Псевдоним Байла...

Грубое лицо Пуло напряглось.

--- Эта бракованная шестеренка в союзе с Хаосом? --- он сплюнул на палубу.

--- Мы подозреваем, что он не в курсе личности Серпенса. Слух о том, что произошло на Ваале еще не проник в великий Империял...

--- Однако проник к вам, не так ли? --- трачно перевел Кейн.

Туркио обнаружил, что согласно кивает. Насколько он знал, он должен доверять Расчленителям, но все равно находил это сложным. Мохл проигнорировал комментарий и продолжил рассказ.

--- Скорее всего, Зеллик не представляет, с кем на самом деле ведет

торговлю.

--- Чем конкретно он торгует с Байлом? --- впервые заговорил Түркио. --- Мы знаем? Металлические пальцы его аугметической руки забарабанили по наручю. Кажется, он так и не смог избавиться от неосознанного тика.

--- Не ясно, --- ответил Мохл.

--- Мой Лорг Сем предложил, чтобы мы обратились к этому Зеллику и попросили его рассказать нам все, что он знает о местоположении "Гарана Серпенса"... --- тон Нокса был почти извивым. Түркио отметил это.

--- Механикус любит все документировать. Я не сомневаюсь, что наш неправедный магос имеет точную и подробную информацию по каждой торговой операции, что он когда-либо совершил. От отверток до боевых кораблей.

--- Он просто так ничего не скажет, если его спросить, --- сказал Аджир, --- и если он в самом деле втихую торгует с ксеносами или другими врагами Терры, тогда знает, что его жизнь ничего не

стоит.

Церис пристально смотрел на изображение.

--- Может быть, нам просто обвинить его в этом? Властью, данной Императором арестует его?

--- Он сбежит, как только увидит наши корабли, --- добавил Кейн.

--- Возможно, нет, --- сказал Нокс, --- если он увидит только мой корабль.

Рафен взглянул на стоящих напротив.

--- Что ты имеешь в виду, сержант?

Губы Расчленителя разошлись в улыбке, обнажив зубы.

--- У брата Мохла есть идея, --- он хлопнул технодесантника по плечу, --- мы подведем "Габриеля" к его комплексу на четверти скорости, свяжется с Зелликом и скажет ему, что желает совершить сделку. Купить оружие или машины, или что-то такое.

--- Ты костический десантник. Почему ты считаешь, что он поверит, что тебя интересуют незаконные сделки? --- Туркис нахмурился. --- Эту ложь раскусит даже

ребенок.

--- Если бы туда приближались Кровавые Ангелы, я бы согласился, --- ответил Нокс, --- но мы Расчленители.

Взмахом руки он указал на свое отделение и прохладно ухмыльнулся.

--- И я уверен, вы знаете, что люди всегда думают про нас самое худшее.

Нокс взглянул на Түркио, отважится ли он не согласиться, и честно говоря, он не мог.

Костодесантники замолкли, каждый раздумывал над сказанным Ноксом. В конечном счете, заговорил Рафен.

--- Одобряю брата Мохла. Он придумал хороший план. Но правде говоря, настолько хороший, что я задумываюсь, почему магистр Сем просто не послал вас исполнить его в одиночку, вовсе не ставя той Орген в курс дела.

--- Ах, --- ответил Нокс, --- всегда есть что-то большее.

--- Всегда, --- сухо ответил Пүлүо.

--- Операционной базой Зеллика является мобильная платформа... Ее нельзя назвать кораблем или костической

станцией. "Археохорт" ни то, ни другое.

--- "Археохорт"? --- Туркио название было незнакомо.

--- Покажи им, --- сказал Нокс Мохлу.

Техногесантник дотронулся до подсвеченной клавиатуры и линзы объектива снова сдвинулись. Разобрать новые очертания было сложно. Туркио долго смотрел на них, стараясь разобраться в том, что было похоже на коллекцию гигантских кранов, окружающих походившее на яйцо ядро. Оно немного напоминало ему пыльных пауков, которые рыскают на подуровнях крепости-монастыря. Однако по изображению было сложно представить себе масштаб сооружения.

По сути, конструкция представляла собой мобильный технологический комплекс, предназначенный для восстановления забытых научных реликтов. Он передвигался от звезды к звезде, обыскивая планеты в поисках археотеха. У Зеллика была небольшая армия скитарий и ученых, к тому же сооружение было хорошо вооружено. Один

корабль не представлял для него серьезной угрозы.

--- Отвечаю на вопрос, --- с кивком произнес Нокс, --- космический флот моего Ордена мал. И так было сложно выделить "Габриель" для этого задания. Дабы стреножить Зеллика, нужны два корабля. Один подойдет на близкую дистанцию и обстреляет платформу орудиями...

--- А другой выплывает и загоняет в бухту "Археохорт", ага. Понимаю, --- Рафен кивнул в ответ, --- у вас есть координаты этого ... сооружения?

--- Он за Холдой в системе Пропасть, на краю межзвездного пространства до Вурдалачьих звезд, --- немедленно ответил Мохл, --- Зеллик часто возвращается туда, чтобы внимательно изучить мертвые миры вдоль этой оси.

Туркио и остальные слушали дальше, что предлагал Нокс, обрисовывая в общих чертах план атаки на "Археохорт". Несколько раз брат Рафен предлагал разведать, но большей части ради уловок, которые могли принести пользу прямому и свободному приближению Расчленителей

на отвлеченный взгляд Кровавого Ангела. Но когда совещание подходило к концу, он увидел, как на лице командира медленно проявлялась улыбка охотника, отражая настроение других Астармес.

Это был хороший план. Он мог сработать. И впервые, как казалось, за целую вечность, мрачное настроение, которое охватило Кровавых Ангелов по возвращению из колонии тау, немного улучшилось. Далекий зов битвы манил, и Туркио ощутил, что его руки буквально чешутся схватиться за оружие.

В конце концов, Рафен подошел к столу и всмотрелся в глубины развернутого над ним изображения.

— Давайте найдем этого магоса-минорис Маттхана Зентенниган Восемь Цота Зеллика, — тщательно выговаривая, произнес он, — давайте найдем его и зададим вопросы.

ВНУТРИ абордажной торпеды единственным источником света было сияние желто-зеленых палочек биолюмина. Связанные с площадкой поддерживающими опорами и линиями проводов, их кидало из

стороны в сторону, словно жухлый лист на ветру. Имплант оккулоб Рафена напрягся в орбите глаз, дабы позволить ему видеть лучше в этой полутьме. Но даже с ним, внутренности казались ландшафтом из серых и грозовых теней. Он с осторожностью двинулся к носу меж костических десантников в противоперегрузочных люльках. Его улучшенный слух ловил специфические низкие завывания от привязи снаружи, которые эхом разносились по обшивке торпеды. Болтающаяся, словно прищипанная на крючке, абордажная торпеда двигалась в тени боевого корабля "Габриель", по большей части скрытая массивным судном. Провода змеились к крейсеру в открытом космосе, на дальнем конце которого под бдительным руководством трудились над катушками сервиторы. Шлоты-машины управляли капсулой, двигая и лавируя ей, словно прирожденные матросы, управлявшие парусом, и помогая сохранить всю необходимую скорость, которая возникла с тех пор, как они вошли в систему.

Плава в нулевой гравитации, Рафен хватался за ряд держателей, приваренных к корпусу изнутри, перебирая руками и двигаясь от кольца к кольцу. Каждое кольцо было покрыто налетом инея, когда влажность в воздухе остыла при температуре далеко за ноль, и каждый выдох Кровавого Ангела превращался в облачко. Обжигающий холод хватал открытую кожу лица, скулы и подбородок, околоченели. Внутренний обогревающий механизм — по правде говоря, как и практически все энергозависимые системы торпеды, — не работал. Это была еще одна ловка, дабы скрыть капсулу в холоде костоса, чтобы она казалась всего лишь одним из миллионов других замороженных, безжизненных обломков. Это был единственный шанс запустить абордажную команду в "Археохорт" Зеллика. О телепортах не могло быть и речи, конструкция обладала какого-то рода таинственным генератором рассеивающего поля, который размазал любую входящую передачу материи во что-то неузнаваемое. Приблизиться к

любому из хорошо защищенных воздушных
шлюзов или посадочных ангаров,
ощетинившихся автономными пушками,
было бы самоубийством. Целый лес
сенсоров и механических глаз смотрел во
все стороны света. Единственным путем
была лобовая атака, и Рафен видел
краткую вспышку удовольствия в мертвых
глаза Нокса при мысли об этом.

Прибыв к клиновидному носу капсулы,
Рафен потянул себя к одному из
иллюминаторов в обшивке торпеды, чье
круглое окно было чуть больше чем кулак.
Он стер налечь водяных кристаллов и
установился во тьму.

И то, что он увидел, мало нищу для
размышлений. "Археохорт" возвышался над
носом "Габриеля" и он наконец-то смог
оценить его размеры. Конструкция была
размером с раскинувшийся город и
ощущение, передаваемое изображением на
объективах, что ты смотришь на паука,
только усилилось, когда он заметил
группу кранов километровой высоты,
торчащих из главного ядра вокруг
дрейфующих останков небольшого

костищического скитальца. С каждой проходящей секундой они приближались к "Археохорту" и, пока эта громада становилась все отчетливее видна, Рафен начал различать яркие искры вдоль мест, где краны чистили корпус покинутого корабля.

— Ученые Зеллика разбирают эти обломки на части, — слышался голос Нокса, — буквально просеивают его в поисках любых ценностей.

Ненадолго Рафена заинтересовало происхождение скитальца. Уменьшающиеся очертания не походили на боевой корабль. Судно, вероятнее всего, было древним транспортом колонистов, возможно посланным с Терры до Эры Раздора в поисках новых горизонтов и лучшей жизни. Но теперь, какая бы смерть не приключилась с ним, старый корабль страдал от второго позорного уничтожения, когда "Археохорт" копался в его останках.

Он отвернулся от иллюминатора и нашел стоящего за ним тенью Нокса.

— Вот это будет забава, — сказал

Расчленитель, — скитарии Зеллика хорошо тренированы в использовании различного экзотического вооружения. Гарантирую, что там нам будет чему поучиться.

Рафен согласился и похлопал пальцами по рукояти силового меча в ножнах:

— Представляю, что так и будет.

Нокс изучающе посмотрел на него и указал на зазубренный диск, выгравированный на пластинах брони.

— Железный Нилб. Мне интересно, они удостоили тебя им за то, что ты сделал в гробнице.

— Мне сказали, за что я заслужил его. Но я оказался там в самом конце. Другие сражались столь же твердо, как и я, но в других местах и в другое время.

На лице Расчленителя во тьме блеснула небольшая улыбочка.

— Какая скромность. Только такой серьезный как ты, может носить такое и не казаться недостойным.

Челюсть Рафена сжалась.

— Я говорю то, что чувствую. Я не

израю в стирание.

--- Командир и не может, --- пришел ответ, --- и говоря о приказах. Прежде чем мы наконец-то начнем операцию, для протокола. У нас одно и то же звание, но за одним должно быть последнее слово.

--- И ты считаешь, что это должен быть ты?

--- Я старший боевой брат. Кажется, это единственный вариант.

--- У меня, может быть, и не так много штифтов службы над бровью, Нокс...

--- теперь сухо ухмыльнулся Кровавый Ангел, --- но это моя миссия. Может быть, я лучше подхожу для этой привилегии?

--- Вряд ли это подходящее тебе место, как думаешь? И нет гарантий, что это пойдет тебе на пользу, как в прошлый раз, --- Нокс склонил голову, --- хорошо, Рафен. Дам тебе отсрочку. Пока что.

Торнега начала движение, когда привязь отцепилась.

--- Теперь уже недолго, --- он оглянулся и нашел сидящего у вокс-консоли брата Мохла, шлем которого все еще был запечатан. Если бы не редкие повороты его

головы или небольшие движения серво-руки, то можно было бы предположить, что вместо техногесантника сидит пустая силовая броня. Отгородившись от всех, Мохл беседовал с экипажем "Археохорта" плел небылицы, которые доставят их на борт. Рафен ненадолго подключился к комм-каналу Мохла, но странный шум в комм-бусине заставил его вздрогнуть. Там был только атональный скрип бинарного кода. Он отключился и передал команду ларингофоном по общему воксу.

--- Братья, будьте готовы. Займите свои места.

Туркио согнулся над неработающей контрольной консолью и произнес молитву активации, его пальцы покоились на руне включения.

--- По вашей команде, сэр, --- сказал он.

--- Вот он, момент истины, --- пророкотал Пулуо.

Рафен кивнул, влезая в собственные ремни безопасности. Без обычных функционирующих механизмов для управления, расположение ускорителей малой дальности полета абордажной

торпеды было невозможно определить. Он
взглянул на хронометр на переборке,
отмечающий время миссии. Капсула уже
должна к этому моменту отделиться,
привязь использовалась в качестве пращи.
Ускорители должны были усвоить эту
скорость и сделать их слишком быстрыми
для оружейных когитаторов "Археохорта".
Если они не включатся, капсула будет
двигаться слишком медленно и пушки
вскоре возьмут ее на прицел.

Стрелка хронометра пересекла
вершину циферблата и Рафен, словно
клинком, рубанул рукой, подавая сигнал.

Туркио нажал руну. Прошла секунда,
затем еще одна. И затем ускорение
придавило их всех, когда абордажная
торпеда начала набирать скорость.

--- Возможно... --- Кровавому Ангелу не
суждено было закончить мысль, слова
стало громоздобным ревом с кормы
капсулы, каждого воина на борту вжало в
ремни, словно резко появилась гравитация.

Рафен пытался выглянуть хоть
глазком в талюсенький иллюминатор,
однако видел только мерцание звезд на

металлической обшивке, но разобрат
ничего не мог. В следующую секунду
ослепительная, беззвучная и цветная
вспышка сверкнула в иллюминаторе, когда
в пустоту костюма ударили конья света.
Капитан "Габриеля" развернул орудия и
выстрелил по конструкции "Механикус"
почти в упор. Выходя на финальный
отрезок, абордажная торпеда неслась среди
выпущенной бури, снова спрятавшись, на
сей раз за залпами. Мохл отсоединил
техногендрит от шлема и произнес по
общему voxу.

--- Зеллик разорвал соединение, ---
рапортовал он, --- когда "Габриель"
отказался остановиться, и послать
лихтер, его подозрения усилились.

Ударивший рядом разряд энергии
потряс торпеду и ее корпус застонал.

--- И это не все, --- пробормотал Пулуо.

--- "Археохорт" ударил по крейсеру, ---
добавил технодесантник.

--- Ясно, --- ответил Нокс, --- если все
идет по плану, "Тихо" уже должен
подходить с другой стороны.

Он взглянул на Рафена.

--- Если твой капитан так же хорош, как ты говорил, тогда Зеллик будет слишком занят парой крейсеров Астартес и не обратит на нас внимание.

--- "Тихо" выполнит свою часть работы, --- произнес сержант. Нокс был готов добавить что-то, но затем торпеда нашла свою цель и поразила внешний слой корпуса "Археохорта". Кансула шарахнула с резонирующим рокотом удара металла о металл и начала работу.

ПОДОБНО волкам, атакующим медведя, два боевых корабля приблизились и начали нарезать круги вокруг неповоротливого "Археохорта", делая резкие повороты рядом с массивной громадой конструкции. Выстрелы орудий, лазерные лучи и тучи ракет мелькали меж трех сражавшихся. Восстановленные из металлолома пушки Зеллика не были медлительны --- они выбрасывали жесткие импульсы радиации, которые хлестали "Тихо" и "Габриеля", отгача от рассеивания отбрасывала широкие цветные полосы в пустоту, словно создавая

полярное сияние.

В ответ крейсера Кровавых Ангелов и Расчленителей обстреливали весь корпус вражеского сооружения. С близкого расстояния, даже слепец не промахнулся бы, но подобно медведю, "Археохорт" принимал укусы и царапины. Медленный и тяжелый, он отвечал массированным обстрелом, который мог бы разогнать корпус кораблей, если бы точно попал в цель. Отбросив в сторону скитальца, которого обгладывало сооружение, в целях самосохранения краны-конечности конструкции начали сворачиваться внутрь корпуса.

Вся передняя четверть abordажной торпеды была массивным медным буром, усиленным мономолекулярным слоем искусственного алмаза с сентаниевым наконечником. Вращаясь на бешеной скорости, она прогрызла внешний слой твердосплавных пластин верхнего фюзеляжа "Археохорта" и погрузилась внутрь. Гусеницы по бокам капсулы, усеянные острыми зубцами, втягивали ее

через разогранный металл, пластик и
дерево, воздух и жидкости, которые
выкидывало в вакуум. Огромные,
медлительные рукава, тянущиеся из
герметизированных резервуаров,
изрыгнули застывающий в вакууме гель,
который потоком запечатывал
проделанную Астартес пробоину -- и
слишком быстро, так, что остановил
продвижение абордажной торпеды.

Рафен уже вырывался из ремней
безопасности с болтером в руках.

-- Разворачивается, разворачивается!
-- ревел он. -- Вперед, братья!

У носа находился еще один
Расчленитель Нокса и с рыком от усилия,
он отжал тяжелый железный рычаг,
отсоединяющий механизм бурения.
Конический нос распахнулся на сегменты,
предоставляя костогесантникам проход.
Быстрыми, четкими рядами, два
отделения ворвались в корабль Зеллика.
Нүлүо, Кейн и пара Расчленителей
оставались на борту последними, и Рафен
оглянулся на них как раз в тот момент,
когда капсулу затрясло. Желатиновая

субстанция окружила капсулу пұзырел, та
корчилась, словно живая, а затем торпеду
толкнуло обратно.

--- Уходим! --- заорал Аджир.

Пұло со всей силы толкнул Кейна в
спину и молодой Астартес пролетел
оставшееся расстояние до палубы.
Остальные воины крутанулись и прыгнули
вслед, но один из Расчленителей на долю
секунды затешился. Его движения
замедлил тяжелый огнемет, за что он и
поплатился. С неожиданым выбросом
вырывающегося воздуха, всю торпеду
вытолкнуло обратно, а расширяющаяся
волна геля сформировала стену до того
как ұлетұчилась вся атмосфера. Нокс
грязно выругался.

--- Выведенная био-форма, ---
бесстрастно произнес Мохл, тыкая
твердеющую субстанцию пальцем, ---
запрограммированная действовать как
живая ткань. Запечатывать раны и
выкидывать наружу чужеродные тела.

--- Возможно на корабле тиранидов, ---
произнес Түркио, --- но здесь?

--- Может быть, истории о

контактах Зеллика с ксеносами и не врѹт,
--- лицо Аджира отрачилось. Однако
размышлять над этим вопросом им не
дали. Раздался крик из передних рядов.
Расчленитель проревел над рокотом
своего болтера.

--- Контакт!

--- Атакѹем! --- ответил Рафен. ---
Расходится и зачищаем!

Из одного ответвления изгибающегося
коридора на них вылился поток
пехотинцев техногвардии. Из-за спешки их
серые плащи хлопали позади них подобно
крыльям хищных птиц. Гролая вдовья
широкого прохода, за ними вторым рядом
следовали медленно продвигающиеся
оружейные сервиторы. Их оружие
защелкало, когда стволы
самозаряжающихся пушек начали
набирать скорость.

Время реакции бойцов Зеллика было
достойно похвалы, и на корабле союзников
Рафен именно так бы и сделал, но здесь
это было всего лишь небольшим
затруднением. Загрохотал хор болтеров и
встретил охрану смертоносным ливнем

масс-реактивных снарядов, разрывающих
их красными вспышками. Куски
человеческой плоти и металлические
импланты отшвыривало на стены. Следом
костодесантников омыло лазерным огнем
врага, лучи шипели на поверхности
керамитовой брони, сжигая сло
защитного облачения. Вокруг Астартес
раздавался сгавленный треск расколотых
молекул воздуха, и коридор внезапно
наполнился резким запахом озона.

Шаркающие оружейные сервиторы,
переделанные человеческие тела с
поршнями вместо ног и огромными
оружейными стволами вместо рук,
открыли огонь следующими. Рафен
нырнул под укрытие переборки в том
момент, когда в Туркио попали по
касательной. Закружившись, тот упал на
палубу. Все илоты-машины были
вооружены стабберами ближнего боя. Их
толстые загрузочные магазины загибались
назад, питая оружие снарядами с
хрупкими, разрушающимися пулями.
Использовать тяжелые пули так близко к
внешней обшивке костического корабля

было опасно — единственный случайный выстрел мог создать разрыв в обшивке или даже выломать стену, вызвав тем самым взрывную декомпрессию. Но всех как один Астармес, обладающих навыками меткой стрельбы, не волновали такие мелочи.

Рафен услышал, как разбиваются наконечники пуль, когда они, не принося вреда, загрохотали по броне костогесантника и устехнулся. В своей спешке, солдаты Зеллика не поменяли боеприпасы своего оружия и использовали патроны с низкой начальной скоростью. Боеприпасы, останавливающие человека, больше подходящие для перестрелки с пиратами или обыкновенными людьми. Болтерные снаряды костогесантников толщиной со свечку, с другой стороны, были намного смертоноснее и они скорее разносили в клочья каждую цель. Туркио уже вскочил на ноги и метким, прицельным выстрелом оторвал оружейному сервигору голову. Прыгнув вперед, Нокс ударом ноги уложил последнего техногвардейца и вбил его в палубу своим оружием. Скитарий трещал

что-то на машинном коде, но шум прекратился, когда Расчленитель разтозил его глотку.

--- А вот тебе расплата за потерю твоего бойца, --- рычал ветеран.

"АРХЕОХОРТ" начал вращаться.

Поначалу медленно, двигаясь с ленцой, подобно непреклонному маршу восходящей луны. Затем начал набирать скорость, когда множество небольших ускорителей, установленных в сотнях мест по всему корпусу, добавили мощности для поворота. Пушечные башенки размером с жилой квартал начали поворачиваться, двигаясь на толстых медных рельсах, которые окружали внешний корпус. Делали остановки для перезарядки у статических магазинов с амуницией, после чего скользили обратно в поисках кораблей Астартес и обстреливали их.

Капитан "Тихо" провел корабль между пары возвышающихся кранов и навел передние пусковые шахты на ближайшие оружейные лафеты. Пространственные торпеды выскочили во тьму, пересекая

расстояние на яростном пламени ускорителей, дабы превратиться в карающий перст ядерного огня. Пластины мобильной брони неслись по корпусу, дабы принять на себя силу взрывов, но не успевали. Некоторые из них разрывало на части и уносило во тьму.

Выше братский корабль поддерживал "Габриель", который буквально поливал дождем сверхмощных лазерных лучей, выжигая вызывающий глянец корпуса-конструкции Механикус.

"Археохорт" разворачивался под иссушающим огнем, одновременно открывая диффрагменные люки вдоль кормы, извергая пробуждившиеся от сна растреды двигателей. Кое-где, направляемые холодным машинным гневом, открывались новые люки, вводя дополнительные орудия в перестрелку.

--- НАМ необходимо обнаружить и захватить командный центр, --- произнес Рафен, когда коридор перешел в огромное открытое пространство в сердцевине "Археохорта", --- где он?

Мохл бросил на него взгляд.

--- Это будет непросто, лорд.

Командир техногесантника одарил его тяжелым, пристальным взглядом.

--- Ты же говорил мне, что знаешь план внутренностей этой громадины! --- сказал Нокс.

--- Знаю, --- продолжил Мохл, --- и именно по этой причине знаю, что будет непросто найти единственный зал в центре этого... всего.

Рафен остановился и на мгновение ощутил приступ головокружения, когда его разум пытался обработать зрелище перед ним. Внутри, за перилами яруса, куда привел их коридор, "Археохорт" представлял собой полый барабан и везде вокруг бежали ряды изогнутых лестниц и рамп, презиравших гравитацию и здравый смысл. Некоторые шли в обратную сторону и соединялись друг с другом множеством раз, другие являли собой ленты Мебиуса. У в самом центре всего этого, постоянно двигаясь туда-сюда по сложной системе рельс, и на огроных, возвышающихся шкивах, находились громадные палубные

платформы, размером с городской квартал. Везде стоял постоянный шум, визг трения металла, шумящий оркестр работающих механизмов, пока платформы соединялись друг с другом, сдвигались, разъединялись, уходили обратно, переворачивались и изменялись. Движение было постоянным и плавным, превосходно выверенным механизмом.

--- Оно перестраивает само себя постоянно, --- произнес Аджир, --- как ты вообще найдешь дорогу среди этой шутковины? Входишь здесь в одну комнату, а через мгновение выходишь на другом конце комплекса!

Палубная плита подошла к ним, когда Мохл нашел небольшой темный подиум и склонился над ним. Рафен видел редкие и стремительные, как бросок змеи, движения его механогендритов, которые исследовали его поверхность, и нашли интерфейсный порт.

--- Прикрывайте его, --- приказал он и поднял болтер на уровень плеч. Целясь вовне через оптический прицел оружия, он различил полет механических птиц.

контролеров, когда они прервали свое
кружение и повернулись к ним. Нулус
приготовился и выпустил из своего
тяжелого болтера в воздух дугу снарядов,
чья убийственные взрывы уничтожили
большую часть механического войска.
Мохл вздрогнул и отшатнулся.

— У этого места нет плана, —
прокашлял он, — эти районы и дух-машины
"Археохорта" противоречат друг другу. Но
даже он не показал мне некоторые места,
что тоже является своего рода
указателем.

— Мы пойдем туда, куда он не
пускает нас? — спросил Кейн.

— Ага, — ответил техногесантник.

Он постучал по своему шлему.

— Я вычислил маршрут. Он у меня
здесь, но нам нужно идти немедленно. Если
мы замешкаемся, конфигурация изменится
и станет путанной.

Еще одна плита палубы перевернулась
на месте, и Мохл перешел на нее,
остальные последовали за ним. От всей
этой безумной геометрии, лицо Рафена
искажилось в гримасе.

--- Разве есть надежда, что мы найдем путь в этой гигантской головоломке?

Нокс указал на своего воина.

--- Доберется, если Мохла не убьют.

ГАРПУНЫ были выше статуй на горе Сераф. Вращаясь, зазубренные штыковины глиной с канонерку или корвет, выехали из глубин "Археохорта", навелись, и из потайных люков вылетели к "Габриелю" и "Тихо". У этого оружия был экипаж, своего рода, если кто-либо мог так назвать кучку человеческих туловищ без конечностей, заключенных в противошоковые резервуары с поддерживающей жизнь жидкостью.

Цепи со звеньями, каждое из которых могло окружить сотню человек, по две, три нити колыхались за коньями, направляемыми ускорителями, с визгом выходя из спиральных барабанов в корпус "Археохорта". Направляясь к корпусам своих врагов, орудия вращались.

Пушки судов ответили стертью, два боевых корабля резко поменяли свой курс, производя столь резкий поворот, что по

всей глине их железных хребтов прошла гравитационная волна, но это было недостаточно.

--- БЫСТРО! --- палуба разделилась по ногам Кейна, одна отошла в одну сторону, другая в другую, одна секция поднялась, другая опустилась. Он ощутил, как в него кто-то крепко вцепился, протянув руку, он схватил Расчленителя. Астартес хрипел от усилия и Кейн подтянул его как раз вовремя, палуба поменяла положение в пространстве, став вертикально.

--- Это место похоже на двигатель, все движется, и хрустят шестеренки, --- прорычал Расчленитель, --- спасибо, кузен.

--- Кейн, --- промолвил Кровавый Ангел, --- а тебя?

--- Эйген, --- пришел ответ, --- как эти шестеренки Механикус могут жить и не сходить с ума при взгляде на это место, я не знаю.

--- Шестеренки --- это шестеренки, --- пожал плечами Астартес, --- они и так уже достаточно бахнутые на голову.

Стремительно и на низкой высоте воины пролетели через ряды кварцевых колонн, которые поддерживали сводчатый потолок. Всюду были установлены стеклянные панели, по которым проносились строчки машинного кода, некоторые из которых висели на суспензорах, другие были прикованы на цепях к стенам или колоннам. Водонагасительный символ каскадом уходил вниз, но куда конкретно, Кейн не мог понять, зная, что для кого-то, как Мохл, эти экраны раскрывали свои секреты. Они были включены в самую работу "Археохорта" и его духа-машины, механический эквивалент того, что он мог видеть через кинескоп, глядя на роящиеся клетки собственной крови.

Кейн слышал, как впереди блока Мохл подает команды. Техногесантник, кажется, знал, куда они направляются, но каждый пройденный зал был причудливей прошлого. Дрожь передалась по полу и металлические плитки под ботинками вздрогнули. Эйзен нахмурился.

— В этот раз не палуба... это от

удара снару́жи.

--- Может быть, наши корабли берут
верх над этой штуковиной, --- ответил
Кейн, --- хотя это мало что будет
значить, если мы не остановим Зеллика
от прыжка в варп.

--- Враз! --- заорал кто-то из середины
построения --- это был псайкер Церис --- и в
тот же самый момент над их головами
постепенно в реальность ворвалось сине-
белое облако. Кейн поднял оружие, и увидал
появившееся лицо и очертания. Гигантское
лицо из зеркально отполированного
серебра, покрытое обшитым красным по
краям капюшоном.

--- Это он... --- произнес Эйген, --- это
какая-то гололитическая картинка.

Расчленитель огляделся вокруг, в
поисках чего-либо, напминающего
передающий блок.

--- Астартес! --- воздух вокруг них
завибрировал от голоса магоса. --- Вы
совершили большую ошибку, атаковав
меня! Весь Марс встанет на мою защиту!
Как ваш Орген осмелился взойти на борт
моего судна без разрешения и убивать моих

илотов? Вы с ума сошли?

Впереди на полированных плитках резко остановился брат-сержант Рафен и с вызовом заорал в ответ плавающему в воздухе изображению.

— Сдавайся, Зеллик. Предстань перед нами, и я проявлю снисходительность. Твои жалкие нарушения законов Механикус неважны для меня. Но у тебя есть необходимая нам информация, и мы не уйдем без нее.

От удивления и раздражения, Зеллик разродился треском, звучавшим так, словно щелкали выключатели.

— Ваше высокомерие превосходит вашу глупость, Кровавый Ангел. Как только я разделаюсь с вашими кораблями, я запихну вас живьем в дуга пушек, и ваш магистр Оргена будет утешать меня с пощечинами!

— Там! — Эйген указывал на сферический блок, плавающий высоко в тучах. — Устройство-проектор. Ты видишь его?

Кейн прицелился.

— Вижу, күзен, — он чуть выдохнул и

выстрелил. Сфера с глухим хлопком взорвалась и, мигнув, лицо Зеллика исчезло.

--- Хороший выстрел, --- прокомментировал Пулуо, --- а то меня уже тошнить от него начало.

Палуба снова грозила и в этот раз Кейн раздраженно прорычал.

--- В этот раз не попадание...

--- Контакт! --- завопил Эйген, снова указывая. Нельзя было отрицать, что у Расчленителя было острое зрение. Посреди маршрута из-за кварцевых колонн появились еще техновардейцы и кинулись на космогесантников.

Кейн увидел, как что-то по дуге летит к ним, и опознал очертания гранаты.

--- В укрытие! --- заорал он, отталкивая Эйгена в сторону и прячась за другую колонну, когда вокруг них воздух снова наполнился огнем. Граната упала и рванула --- но вместо взрыва, развернувшись изнутри энергетическая сфера, возможно, способная окружить в полный размер наземную машину. Когда сияние

потеркло, в палубе появился идеально
вырезанный круг, с гладкими и яркими
краями, словно их отполировали.

--- Кровь Ваала! Должно быть это
сфера дематериализации! --- воскликнул
Церис, стреляя очередью. --- Оружие
археотеха. Похоже на телепорт, только
все попавшее внутрь дезинтегрирует. Я
никогда и не думал, что увижу такую
реликвию в действии...

--- Я думал, эти устройства --- миф! ---
произнес Эйген.

--- Я тоже, --- трючно ответил
Псайкер, --- но кажется, все иначе.

Кейн уловил движение.

--- Еще одна! --- вторая сфера полетела
к собравшимся космогосантникам,
запущенная оружейным илотом с
уменьшенным требующим вмести руки.

С удивлением Кейн наблюдал, как
Церис подпрыгнул в воздух, дабы
перехватить летящую к ним сферу
дематериализации. Псайкер схватил
сферу на излете дуги и, падая, отправил ее
обратно. Перехват был неуклюжим, но все
равно эффективным. Сфера приземлилась

у ног выпустившего ее илота и шарахнула. Прозвучало разложение и когда шум стих, остались только странные, четко рассеченные части от трех оружейных сервиторов. Церис тяжело приземлился и откатился, избегая огня. Без промедления Кейн и Эйген выскочили из укрытия на помощь, после чего трое воинов сорвались в бег, стремясь к остальным товарищам.

— Зеллик, кажется, точно хочет нашей смерти, — рискнул высказаться Туркио, — эти сферы будут похуже ругани коменданта.

— Тогда это стоит считать комплиментом, кающийся, — ответил Аджир.

Мохл жестом указал на дверь в стене, похожую очертаниями на алмаз.

— Мы теряем время. Зеллик пытается поймать нас в ловушку. Сюда, живо!

Лазерные лучи почти кусали их за пятки, когда Астартес выдвинулись, убивая всех, кто отваживался последовать за ними.

КОМБЕ прошло через похожие на плу-
ножи носовых плиты "Тихо". "Габриелю"
досталось хуже, другой гарпун вошел в
корпус ударного крейсера вдоль левого
борта и под углом. Оба орудия глубоко
закопались в самое нутро боевых кораблей
и быстро закрепились.

После этого, пока еще даже не
столкло резонирующее эхо от удара,
огромные цепи из выкованного в вакууме
сплава согнулись и туго натянулись.
Глубоко внутри великой конструкции
Зеллика заработали механизмы, которые
начали вращаться колеса, закрутились
шестеренки и, наматываясь, цепи
потянуло обратно.

Капитаны "Тихо" и "Габриеля" отдали
оружейным командиром приказ стрелять
по готовности, так они и поступили,
наказывая "Археохорт" за такую атаку,
некоторые орудия начали стрелять по
цепям, в надежде разорвать их. С другой
стороны конструкции вспышкой ожили
сотни крошечных звезд, и в пустоту
излились столбы термоядерного огня. С
увеличивающейся скоростью "Археохорт"

оттаскивал атакующих прочь, ведя их к
чистому пространству космоса, прочь от
обломков, которые усеивали эту зону.
Вычисления уже были произведены,
формулы посчитаны, курс проложен. Далее
последует прыжок в варп, и корабли,
теперь прикованные к конструкции,
которые словно бешеные псы, натягивали
свои поводки, будут разорваны на части
потокотом перехода.

МЕЛТА заряд взорвался и повалил не
только бронированный люк,
запечатывающий командный зал, но и
несколько секций стены с каждой стороны.
Тела тяжелых оружейных сервиторов,
которые защищали вход, были разорваны
на части на местах, закипевшая амуниция
в их оружии породила вторичные взрывы.
Нокс возглавлял атаку, рядом с ним
находился Пулуо. Оба Астартес, стреляя,
плечами пробивали окутанные дымом
останки входа. Те скитарии, кто не был
убит направленным взрывом заряда,
утирали толпами.

Рафен последовал за ними, с Туркио

и Аджиром по бокам, неся правосудие. Императора точными выстрелами, держащимся фигурал в капюшонах, сидящим в контрольных ямах перед своими командными устройствами. Сержант Кровавых Ангелов сделал только пару шагов в комнату, когда его острые чувства Астартес, отточенные в бесчисленных сражениях, злобной нотой прозвенели в его разуме. Он резко остановился.

— Стойте... — начал он, когда ползущая тревога пробежалась по нему. Снаружи, удерживая коридор с другими костодесантниками, утробно прорычал брат Церис — озвучивая предупреждение.

Аджир, дальше всех зашедший в зал, бросил хмурый взгляд на сидящего агента. Из-за их внезапного и жестокого штурма, экипаж на своих местах едва ли успел отреагировать. Воин ткнул дулом болтера в спину агента и сильно его толкнул. Фигура отлетела вперед и капюшон спал. Под ним не оказалось лица, только странная, безликая сфера, собранная во что-то, напоминающее

человеческую голову. Это был манекен, не более чем оболочка, вроде тех, что выставляют в тире. Рафен своим болтером и мечом уничтожил тысячи таких на учебных стрельбах.

Нокс сорвал плащ с еще одного серваэкипажа, затем с еще одного и еще одного. Все были идентичными автоматами, копирующими движения командного экипажа. Только горстка техногвардейцев в комнате оказалась настоящими.

--- Что это такое? --- потребовал ответ Расчленитель. Мохл находился позади него.

--- Это командный центр..., --- пробормотал он, --- я уверен...

--- Это фальшивка, --- произнес Түркио, --- как крепость из ткани и дерева, чтобы одурачить наблюдателя с расстояния! Рафен взглянул на консоль перед собой. Это была всего лишь плоская панель с мигающими лампочками.

--- Уходим! --- заорал он.

Но приказ пришел слишком поздно. Мохл отскочил в сторону, когда плита металла, словно нож гильотины упал на

разрушенный вход, отрезая любые пути к
бегству. И тут же палуба под их ногами
начала движение, раскрывая разлом в полу
под ногами. Фальшивые консоли
раскрылись, словно разъявленные пасти, и
поглотили манекены, прячась после в
потайных полостях, как в каком-то
хитроумном театральном трюке.
Подпорки и балки втянулись, все, за что
можно было схватиться, медленно
исчезало, в то время как с каждым
проходящим мгновением наклон пола все
увеличивался.

В зал ударил порыв горячего, сухого
воздуха и Рафен заметил яркое, оранжевое
свечение под нити. Длинный поддон с
расплавленным металлом, возможно
конвейер из кузнечных подулей
завода "Археохорта", медленно
проплывал внизу, готовый принять их
тела, когда им не за что будет
схватиться, и они упадут.

Ловушка, искусная и
телодвигательная, как и можно было
ожидать от высокомерного технолога
Механикус. Когда Рафен поднял взгляд, он

увидел, как потолок над головами складывается, открывая подвешенную гондолу, в которой за стеклом и медной паутиной, стоял агент и скитарии-телохранители. На нем не было серебряной маски — значит, это был не сам Зеллик, — но он не мог не заметить кучу оптических объективов, торчащих со дна гондолы. Где бы он ни был, проклятый симулянт наблюдал, как они медленно идут к смерти, как будто это было каким-то кинематографическим представлением, созданным для его увеселения.

Царапая ботинками крутой пол, Рафен пробил бронированным кулаком металл и сотворил себе временный поручень. Он услышал как Пулу выругался, после того как космогесантник-опустошитель почти оступился и Нокс оттащил его обратно.

У них остаются секунды до того, как странная комната сложится сама в себя, вывернется на изнанку и выкинет их в объятия расплавленного железа. Даже с учетом их силовой брони, сомнительно, что космогесантники смогут прожить

больше чем несколько секунд в такой невероятной температуре.

— Если ты падаешь, то и он рухнет с нами, — прорычал Рафен и свободной рукой прицелился в гондолу. Зарокотал его болтер, и вместе с ним подало голос оружие его товарищей, когда те присоединились к атаке. На секунду показалось, что этот жест неповиновения будет тщетным, но затем бронированное стекло пошло трещинами и начало раскалываться. Красные и черные жидкости струями ударили в тарелку воздуха и тяжелые техногвардейцы полетели мимо костодесантников, беззвучно падая в раскаленную ванную жидкого металла. Гондола начала рывками втягиваться на подвесных тросах, но было слишком поздно. Решив понаблюдать за смертью костодесантников, прихвостни Механикус встали на линию огня.

С трескучим воплем на бинарном, агент в плаще потерял равновесие, закувыркался по воздуху и полетел вниз, его змееноподобные киберконечности дико

захлестали, но зацепиться было не за что.

В голос проклиная то, что он вынужден сделать, Рафен отпустил свой драгоценный болтер, дабы освободить руку. Вытянувшись так далеко, насколько остелился, Кровавый Ангел цапнул агента за робу и сжал ее. Он зарычал, когда дополнительный вес нагрузил держащую его руку, но не разжал хватку.

Его оружие под ним спиралью ушло в пышущую, медлительную жидкость, растворяясь последовательностью последних, мощных взрывов, когда боеприпасы взрывались от жара. Агент дернулся и повис на руке костогесантника. Он поднял взгляд, демонстрируя почти человеческое лицо, и только его аугметические глаза сапфирового цвета разрушали иллюзию. На лице техножреца Механикус отражалась полнейшая паника.

--- Это оружие хорошо мне служило, --- прорычал Рафен, --- назови мне причину, по которой я не должен тебя отпустить!

Бинарный треск агента деформировался и изменился, превращаясь в понятную речь.

--- Ноль ноль ноль нет нет нет, ---
стрекотал он, --- пожалуйста, нет, ноль,
нет! Мои приказы... я не...

--- Останови эту ловушку! --- заорал
Кровавый Ангел. --- Ули, я клянусь, ты
упреешь в крике! --- Один один один да да
да!, --- заикаясь ответил техножрец и из
под плаща показалось гаючье гнездо
теханогендритов. Концы манипуляторов
дотянулись до стены, что-то ощупывая. С
щелчком открылись бесшовные панели, о
существовании которых Рафен даже не
подозревал. Agent издал щелкающий
вздых, и пол сразу же пошел в обратную
сторону. Прячущиеся панели и колонны
остановились и начали снова выдвигаться.
Через секунды комната вернулась к
прежнему виду.

Рафен встал, все еще держа в своей
хватке техножреца. Металлическая
стена позади них начала подниматься
рывками. Огромные вмятины отмечали
места, где Церис и другие пытались
пробиться внутрь. Псайкер с
осторожностью вошел в комнату-ловушку.

--- Лорд? --- спросил он и в его суровых

глазах читался вопрос. Сержант не ответил, вместо этого достал силовую пилу из ножен за ранцем и прижал мерцающее лезвие к груди своего арестанта.

--- Где Маттхан Зеллик? --- потребовал он ответа. Агент сглотнул. Собираясь лужицей на полу, с его опущенных конечностей капала кровь и масло.

--- Поймите, Астартес, я не мог его остановить.

--- Я не спрашивал тебя об оправданиях, --- прорычал Рафен, --- ты пришел запечатлеть момент нашей смерти для удовольствия своего хозяина. В твоих глазах ты уже лишился своей жизни. Отвечай и она оборвется быстро.

Нокс злобно шагнул в сторону пытающегося вырваться техножреца.

--- Он не заслуживает этого, --- рычал Расчленитель, --- отдай его мне, кузен. Я заставлю его говорить.

Сержант достал свой нож для освежевания, блеснули впечатляющие зубы вдоль одной из кромок.

— Я не знаю где он! — заорал перепуганный агент. — Я, логис Тоел Беслиан, клянусь своей присягой Омниссии, что я не знаю! Куб святилища Зеллика в постоянном движении внутри механизма "Археохорта". Вы не можете его найти, только если он этого не захочет. Рафен поджал губы.

— Значит, мой уважаемый логис Беслиан, ты для нас больше неважен, — он повернул меч и прижал острие в грудь агента.

— Я могу привести вас к нему! — заорал Беслиан изо всех сил, скрипящие слова проходили через ожерелье с вокс-сфератами на его шее, — пощадите меня, и я помогу вам!

Агент стремительно оглянулся, возможно, надеясь найти хоть одного среди Астартес, кто мог бы его простить. Но на их лицах он увидел только хладный гнев. С рыком отворачивая, Рафен отпустил арестанта и тот свалился у ног одного из воинов Нокса, сангвинарного клирика по имени Гаст.

— Пусть это отребье живет, —

приказал он.

Рафен отошел в сторону, поглаживая рукоятку меча, с раздражением от того, что его вынудили отсрочить убийство. Нокс подошел к нему.

--- Ты веришь во вранье этого существа?

--- Если у тебя есть предложения лучше, я готов их выслушать, кузен, --- Рафен искоса взглянул на него, --- эта конструкция словно одна большая головоломка... Черт бы подобрал твоего брата Мохла, что он запутал всех нас.

--- Я предполагаю, там будет западня, --- настаивал Нокс, --- я всегда так считаю. Вот почему я угрожался прожить так долго.

--- И все же, ты вошел в комнату ловушку первым.

Расчленитель кивнул.

--- Верно. Но лучший способ разломать западню --- попасть в нее.

Рафен кивнул в ответ.

--- Значит, мы так и сделаем. Я не собираюсь тратить время на этого напыщенного идиота Механикус ---

Зеллика, когда наша настоящая цель все
еще вне досягаемости.

Глава четвертая

Щелкая и задыхаясь, Беслиан привел настороженных астартес к широкому конвейеру, который стремительно перевез их вверх на несколько уровней изменяющихся внутренностей "Археохорта". Гаст достаточно небрежно перевязал полученные агентом раны от попаданий шрапнели. Нокс желал, чтобы техножрец страдал, и Рафен не видел причин отменять приказ Расчленителя.

Техногесантник Мохл, словно настороженный ястреб, следовал за Беслианом, тщательно следя за агентом в поисках любых признаков вероломства. Болтер Мохла оставался наготове, если Беслиан удумает воспротивиться. Он смог бы скрыть свои действия перед костогесанниками, которые не понимают, что он делает — но не перед Мохлом. Тихий, педантичный воин убьет агента на месте, и Беслиан четко понимал это.

Конвейер прибыл в куполообразный

зал, где-то возле вершины конструкции. Там их встретило войнство сервиторов-стрелков, но у них было всего лишь мгновение отреагировать, прежде чем Беслиан пропел строчку бинарного кода, который ввел их в ступор. Вооружение упало на палубу, головы склонились, и чтобы не сделал агент — он отобрал у илов-машин способность двигаться и любые намерения воевать.

Костогесантники развернулись кругом в боевом построении, когда Рафен заглянул в зал, перед которым они стояли. Высокие стеклянные двери впереди были украшены золотой гравировкой, похожей на дорожки печатной платы. Искусственные источники света были настроены так, чтобы напоминать красноватое свечение марсианского дня, которое лилось из множества скрытых ламп над куполом.

Рафен махнул Ноксу, указывая на усыпленных сервиторов-стрелков.

— Брат-сержант, не желаете?

Нокс снова достал свой нож и быстро кивнул.

— Совершенно верно, — он подозревал

пару своих сорогичей для помощи. Стремительной, жестокой процессией они прошли среди притихших сервиторов, убивая их одного за другим, резкими, режущими взмахами разрезая и глотки и вены. Рафен заметил, как Кейн скорчил гримасу и отвернулся. Беслиан застонал.

--- Астартес, не нужно этого делать! Они усвоенные! Они не принесут вреда!

--- Принято к сведению, --- ответил Рафен, не прерывая совершающего казнь Нокса, --- теперь скажи мне. Ты привел нас к Зеллику?

--- Лучше, --- ответил агент, --- увидите...

Беслиан затаил дыхание, пока ковырялся с вращающимся сферическим замком на конце карданного подвеса. После правильных манипуляций стеклянные двери ответили грозью скрытых механизмов. Ворота раскрылись, и на своих шипящих ногах-поршнях агент вошел внутрь. Его плоские железные ступни грохотали по полированному трактору пола. Нокс последовал за ним, целясь в спину Беслиана.

Рафен повел остальное
подразделение внутрь и то, что он увидел
там, заставило его согнуться от
разочарования. Он ожидал увидеть какое-
то внутреннее святилище, возможно,
какие-то богатые апартаменты человека,
который считал себя сверх
могущественным -- но только не это.

Безупречными линиями стояли
стеклянные витрины, ряды за рядами,
примерно одинакового размера, то тут то
там, попадались чуть больше, словно для
размещения... чего?

Он взглянул на ближайший шкафчик
и увидел в нем десяток золотых чаш на
бархатной подложке, каждая шириной с его
распростертые руки и покрыта
гравировкой в виде системных плат.
Тусклая оксидная пленка выдавала их
почтенный возраст, но он заметил сияние,
когда свет коснулся их, и крошечные
радуги расплзлись по поверхностям.
Приглядевшись, он увидел мерцание
стазисного поля, окружающего предметы,
а в углу витрины нашлась маленькая инфо-
пластина. Он нажал на нее и появился

текст, но слова ничего для него не значили.

--- Это реликвии предтечей, ---
прошел через зал Беслиан, --- и
десятки тысяч лет, они произведены на
Земле еще до того, как человечество
покинуло свою колыбель.

К Рафену пришло понимание. Он
развернулся и ощутил отбращение от
того, что он мог распознать: отсеченный
череп и предплечье воина некронов,
разъеденные веками, но все еще чудовищно
характерные. Другие шкафчики содержали
неразборчивые куски различной
механики, вещи, которые могли быть
созданы человеком в эры, далеко за самыми
сложными расчетами Рафена. В
некоторых были объекты, которые могли
быть только оружием. Его интуиция
воина немедленно опознала очертания,
несущие в себе смерть.

--- Музей, --- произнес Пуло.

Мохл едва заметно кивнул.

--- Зеллик --- коллекционер. Это его
желанная добыча.

Аджир устехнулся.

--- Мы пришли сюда не для того, чтобы грабить! Эти... реликты не помогут нам в нашем поиске!

Беслиан издал рассерженный, щелкающий вздох.

--- Ты не понимаешь. Это реликвии магоса! То, что вы видите здесь --- бесценные артефакты. Все это --- его величайшие трофеи! Они ценны для него больше, чем гитя для родителя.

Рафен кивнул, фортируя в тысячах план.

--- Тогда давайте привлечем его внимание.

Кровавый Ангел прошагал к шкафу с чашами и широким взмахом меча разрубил витрину, разорвав стагис-генератор. Впервые за долгие эпохи задокументированной истории древних объектов коснулся воздух внешнего мира, и они стремительно обесцветились, сморщились и осыпались частицами искрящейся пыли. Астартес услышали далекий, диссонирующий вой сирен.

Беслиан издал визг и опрометчиво дернулся в сторону сержанта. Его порыв

был немедленно остановлен прижатым к затылку болтером Мохла. Следующей Рафен уничтожил реликвию некрон, позволив себе при этом устехнуться. Затем еще одну витрину, потом другую. Драгоценные крохи силикона и хромированной стали расплющились в пыль под его ботинками. Рафен ни разу не взглянул вверх, на насесты, которые он заметил при входе в куполообразный зал. Несомненно, там сидели птицы-наблюдатели Зеллика. Беслиан издавал какие-то невнятные звуки, что-то среднее между часовым тиканьем и рыданиями. Он утешающе протянул руки. Рафен оглянулся на него.

--- Ты привел нас сюда, агент. И что нам нужно было делать?

Он оглянулся на других костогесантников.

--- Вы все! --- заорал он, и его голос эхом отразился от купола. --- Поднимайте оружие. Уничтожьте все в этой комнате. Ничего не упустите.

--- НЕТ! --- вокруг них завибрировал в воздухе вопль. Рафен не смог

остановиться, и немного улыбнулся. Перед ним возникла гололитическая дымка. За секунду хромированное лицо, предположительно в ржаво-красном капюшоне, стало более различимым.

--- Дикари! --- плакало оно. --- Низменные твари! Животные! Вы совершенно не понимаете, что вы растоптали! Каждый объект в этом зале огромная редкость, тысячекратно дороже ваших жизней!

--- Ой, какая жалость, --- ответил Рафен, взмахнув мечом и расколов странный рифленный предмет, напоминающий музыкальный инструмент.

Даже гололитическое изображение передало такую боль в вопле Зеллика, что на мгновение Рафен заинтересовался, может быть технолорд был каким-то образом физически связан с экспонатами в зале. Ярость магоса обрушилась на агента.

--- Беслиан, ты --- шавка! После всего, что я дал тебе, и вот как ты отплатил мне? Ты предал Омниссию перед этими головорезами астартес?!

Агент покачал головой.

--- Я... я предупреждал тебя остановиться, Маттхан. Я говорил тебе, что однажды воины Императора придут за нами. Ты говорил, что я ошибаюсь, но я рассчитал это давным-давно!

Беслиан стоял и грозил стальным кулаком гололиту.

--- Я не собираюсь погибать вместе с тобой! Ты думаешь, что вечно сможешь бросать вызов Марсу и Терре? Сколько данных ты сфальсифицировал? Сколько раз соврал нашим хозяевам?

Он дрожал, и это усилие явно тяжелой ношей легло на его согнутую спину.

--- Хватит! Я больше не буду частью этого!

Металлическое лицо Зеллика исказилось одновременно злостью и тревогой.

--- Я доверял тебе! --- прорычал он.

Рафен нацелил меч на призрачное изображение, снова взяв ситуацию в свои руки.

--- Магос Зеллик. Мне плевать на

твои изрушки и на ложь, которую ты говорил своим лордам на Марсе. Но я разнесу эту конструкцию на части, пока не доберусь до тебя, и начну я с того, что разнесу эту галерею реликтов в пыль. Если только ты не подчинишься нам.

Магос устехнулся.

— Ты угрожаешь мне? Да я на куски разнесу ваши корабли. Все сервиторы-стрелки "Археохорта" уже стекаются к вам...

Он затих, когда Рафен подошел к особенному артефакту внутри цилиндрической витрины.

— Ты что делаешь? — требовал ответа Зеллик, его паника росла.

Там, плавающий на суспензорах по центру, располагался набор постоянно вращающихся друг в друге колец, на каждом из них крошечным шрифтом было что-то выгравировано. Устройство, чем бы оно ни было, производило впечатление хрупкости, словно было сделано из вращающегося стекла. Медленным и небрежным движением Рафен размахнулся силовым течом.

--- Нет! --- завопил Зеллик. --- Нет!
Смон! Хватим! Я утоляю, хватим!
Он задыхался в рыданиях.
--- Этому экспонату миллионы лет.
Он последний своего рода во вселенной!
Пожалуйста, я утоляю, не уничтожайте
его!

Рафен держал поднятый меч.
--- Ты можешь только сдаться, и я
больше ничего не сделаю.
Лицо Зеллика истаяло, и вместе с
этим прозвучели слова капитуляции.
--- Хорошо.

"АРХЕОХОРТ" был в их власти.
Сражение прошло относительно бескровно,
но затем Рафен вспомнил вдолбленные в
него покойным учителем, братом
Корисом, доктрины. Старый боевой пес
часто напоминал ему, что победа,
добытая хитростью, а не оружием, была
натного слаще --- но точно так же воин
был прав в том, что такая победа не
отменяет необходимость оставаться
настороже.

Сержант стоял в коридоре,

обращенном к внутренностям корабля-
конструкции Зеллика, рядом с
проходившим шоссе для пневмокаров. Оно
освещалось светосферами и сиянием
костоса через шестиугольные
иллюминаторы размером с "Лендрейдер". С
трачным выражением лица он наблюдал,
как пятнышки света роились вокруг цепей,
удерживающих "Тихо" и "Археохорта",
которые эскадрон дронов-илотов
Механикус прожигал лучевыми резаками
для открытого костоса. Он видел, как в
тишине костоса цепь разрушилась, и связь
со смертоносным гарпуном была наконец-
то разъединена. Вне поля зрения, на другой
стороне "Археохорта", еще одна армия
дронов делала то же самое с "Габриелем".
Стремительный полет корабля Зеллика
был остановлен до того, как открылись
ворота в варп, и теперь он дрейфовал.
Легионы сервиторов технолорда теперь
восстанавливали повреждения,
причиненные крейсерами Астартес.

Зеллик пришел к ним в окружении
фаланги своих лучших техногвардейцев,
словно все еще мог командовать. Каждый

из скитариев был вооружен оружием таинственного происхождения: лазерными веерами, изукрашенными болт-карабинами, ледяными ружьями, способными выкидывать струи ледяного пламени, акустическими глушителями — и все были убиты до того, как смогли сделать хотя бы выстрел. Нокс со своими Расчленителями атаковали внезапно. Свирепые убийцы отплатили за недавнюю смерть своего неудачливого боевого брата и за смерть членов экипажа "Габриеля" в результате нападения гарпуна.

На техножреца не попала даже малейшая капля пролитой крови или слезы, он просто стоял и трясся посреди всей этой резни. В данный момент Зеллик находился в складском помещении, быстро переоборудованном в камеру для нужд Астартес. Рафен приказал Расчленителю апотекарию-клерикку Гасту обслужить магоса, воспользовавшись своими инструментами, дабы хирургически отрезать беспроводные воксы-импланты Зеллика. Крики Зеллика звучали странно, подобно стону палубных

плит, деформирүемых гравитационной
нагрузкой. Он больше не сможет
обратиться к своим слугам или кораблю,
если только ему не позволят Агентус
Астартес.

Когда командование Зеллика было
свержено, вся власть над "Археохортом"
перешла в руки Беслиана, и Рафен
подозревал, что нервный, скользкий логик
планировал такой переворот давным-
давно. Беспокоило то, что эта восставшая
шестеренка считала, что могла
использовать костодесантников для своего
собственного возвеличивания. Но в данный
момент это служило на руку Кровавым
Ангелам, так что они подыграли ему. В
свое время всем тем, кто считал себя
выше законов Святой Терры, будет
показана ошибочность такого
заблуждения.

Рафен повернулся на звук ботинок по
палубе и увидел приближающегося Мохла,
по пятам за которым катился сервитор
на колесах.

--- Командир, --- начал
технодесантник, --- есть секунда?

--- Что такое?

--- Я решился взглянуть на каталог предметов коллекции Зеллика. Там столько ценного.

--- Ценного для нас или для тех, кто собирает такие реликты?

Мохл склонил голову набок.

--- Должен признать, что скорее последнее. Но все же я перепрограммировал нескольких сервиторов найти и изъять образцы, которые следует вернуть Агентус Терра.

--- Хорошо. Чтобы там не хранил Зеллик, все это следует забрать.

Мохл кивнул.

--- Это верно. И поэтому я подумал, что вам следует взглянуть на это, сэр, --- он щелкнул пальцами, и сервитор выкатился вперед. Своими глиняными и тонкими манипуляторами он развернул окрашенную ткань с какого-то тяжелого и затупленного предмета.

Глаза Рафена расширились от удивления, когда он опознал очертания крепкого плазменного пистолета. Обечайка оружия была окрашена в кроваво-

красный и украшена эмблемой-черепом из чеканного золота.

--- Модель с двойным ядром, --- произнес Мохл, --- образца Деккера. Очень редкая модель, вариант Баала.

Пальцы Рафена непроизвольно пробежались по черепу, следуя чеканным линиям.

--- Арион, --- с почтением произнес он имя героя, --- это оружие брата-капитана Ариона. Он погиб в битве у Пролива Ценнор более семи веков тому назад... Его останки так и не нашли.

--- Поскольку ваше оружие было потеряно, я подумал, что оно послужит вам в этой миссии заменной. Это приемлемо?

Рафен кивнул, оценивая вес оружия в руке.

--- Да. И теперь я добавлю новое обвинение магосу Зеллику. Его долгом было вернуть это в мой Орген.

--- Это не единственная реликвия Астартес в музее, --- добавил Мохл, --- там же есть предметы, принадлежащие Агенту Сороритас и Имперской Гвардии...

--- Продолжайте инвентаризацию.
Заберите все, --- ответил Рафен, --- в
память Ариона, мы остоприм все, и
реликвию заживут уготованной им судьбой.

--- Подходящее наказание Зеллику, ---
произнес Расчленитель.

--- И это только начало, --- заметил
Рафен, --- ты уже смог подогреть
необходимые данные из когитаторов
"Археохорта"?

Он зашагал и техногесантник
последовал за ним.

--- Беслиан на удивление
предусмотрителен, командир.

--- Он знает, что единственный шанс
избежать судьбы Зеллика --- сотрудничать
с нами всеми доступными способами. Умня
"Гаран Серпенс" ему знакомо. Беслиан
утверждает, что Зеллик совершил
несколько тайных поездок в регион
Вургалачьих звезд для встречи с ним.
Самая последняя была всего лишь два
земных месяца назад.

Рафен резко остановился.

--- После того, как Фабий улизнул с
Баала.

--- Ага.

--- Вүргалачы звезды... --- эхом повторил Кровавый Ангел, и его челюсти сжались, --- кажется, брат Мохл, мы снова уловили след нашей добычи.

Расчленитель кивнул.

--- Милостью Императора.

--- Я ХОЧУ увидеть свои реликвии, --- прокашлял техножрец, дергаясь на наручниках, которые толстыми тросами связывали множество его конечностей, как живых, так и механических, с кольцами в палубе, --- если будет угодно Астармес.

Брат-сержант Нокс перекатывал меж пальцев свой разделочный нож, его губы искривились от едва прикрытого отвращения к словам магоса. Даже находясь в таком положении, прикованным и безоружным, хитрый киборг отваживался важничать. Нокс шагнул вперед, вращая лезвие так, что оно ловило свет от биологического блока в потолке каюты.

--- Твоя драгоценная коллекция? Вот о чем ты просишь? Может быть, ты не понимаешь своего положения, жрец. Ты жив

только благодаря моему
попустительству. Ты не в том положении,
чтобы выдвигать требования, -- прорычал
он, -- и честно говоря, тебе лучше
подумать о своей собственной судьбе, чем о
каких-то украденных побрякушках.

-- Угуот! -- Зеллик бесполезно дернул
свои нуты. -- Побрякушки? Моя коллекция
непревзойдённа! Если бы внутри твоего
толстого черепа находился мозг, ты бы
понял это! Но ты варвар! Ты ничего не
знаешь!

Нокс не обернулся, когда люк позади
него открылся. Он и так знал, кто вошел.

-- Не могу говорить за своего кюзена, --
вклиниваясь, протолвил Рафен, -- но я не
варвар. Я понимаю величие превосходного
искусства. Славу великоленных симфоний.
Совершенство впечатляющего
мастерства.

Глаза Зеллика вспыхнули.

-- Значит, ты хуже, чем он, -- исторг
технолорг, -- Расчленитель граничит с
дикарями и одичалыми, у него есть
оправдание! Но ты, Кровавый Ангел? Ты
должен лучше понимать! И все же, ты

тут первым поднял оружие ... на... --- голос
такого превратился в слабый стон, --- о...
мои лелеемые прелести. Бог-Машина,
избавь меня от этого кошмара...

Рафен продолжил, словно и не
слышал слов техножреца.

--- К примеру, я знаю ценность вот
этого, --- он поднял плазменный пистолет,
вращая верньер коллиматорного прицела
другой рукой, --- какая превосходная работа.
Вручную изготовлен мастерами
Циерита. Использовался с почтением и
бережностью великим, благородным
воином.

Он прицелился.

--- Украден из его могилы
малодушным трусом. Превращен в
изгородь, трофей для высокомерного
глупца.

--- Это оружие было у меня на
ответственном хранении! --- зашипел
Зеллик, стараясь отодвинуться в сторону.
Но, дергаясь из всех сил, он мог
передвинуться только на несколько
дюймов, --- если бы не я, его бы уничтожили
или потеряли в веках!

--- Как самоотверженно, --- ответил Рафен и нажал на спусковой крючок.

Прекрасно подогнанные, гудящие ускорительные катушки сверху засияли сине-белым и исторгли тонкий луч сверхперегретых плазменных частиц. Плазменный разряд ударил в верх серворуки, исходящей из-за спины Зеллика, и превратил ее в искореженный железный шлак. После сотен лет бездействия, оружие с жадностью искало новую цель. Техножрец завизжал на бинарном и рухнул на колени, от болезненной отдачи запытели ноги-поршни.

Нокс оценивающе рыкнул.

--- Значит, все еще работает. В самом деле, превосходное оружие.

--- Я хочу увидеть свои реликвии! --- заорал Зеллик. --- Они мои! Вы не можете отобрать их! Я в течение десятков человеческих поколений собирал их все...

--- И за один день потерял все, --- перебил его Рафен, --- да ладно, магос. Разве ты не ожидал, что так и произойдет? Беслиан предвидел это, а он знал меньше тебя. Ты же знаешь, что

смерть единственная награда предателям.

--- Предателям? --- техножрец покачал головой. --- Возможно, я несколько и неправильно интерпретировал законы своего Ордена, да, согласен. Но я не предатель! Я верный слуга Бога-Машины! Богобоязненный гражданин Империи Человечества!

Нокс зажал нож для свежевания лагону.

--- Гаран Серпенс, --- по слогам он проорал иля, чем застиг Зеллика врасплох.

--- Что?

--- Он мертв, --- объяснил Рафен, снова возясь с плазменным пистолетом, --- на самом деле, кажется, уже минимум как три земных года мертв.

--- Это невозможно, --- фыркнул технолорд, но отрицал как-то неуверенно. Он почти сказал что-то еще, но остановился, явно опасаясь оговорить себя еще больше.

--- Была использована его личность, --- продолжил Рафен.

Дуло плазменного пистолета

засветилось раскаленно-белым, пар вышел из каналов излучателя.

— Украдена агентом Хаоса. Самым загадочным и ненавистным врагом Империи, которому, по твоим словам, ты так предан. Я уверен, ты знаешь его имя — Фабий Байл.

Заклученный преувеличенно затрепал в отвращении, его серебристая плоть сгорщилась в тревоге.

— Фабий Байл — это миф! Чувовище из темного прошлого, созданное слишком фанатичными проповедниками, дабы напугать неграмотные массы! — Зеллик напрягся в наручниках, когда Рафен шагнул ближе. — Все эти обвинения — ложь! Ложь, распространяемая моими врагами. Вас ведь Оргос послал, да? Они столь напуганы, чтобы взять меня самим, что послали костогесантников стать их орудем?

— Да тебя самого использовали как орудие, Зеллик, — протолвил Нокс, — и даже испортили.

Медленно и небрежно, Рафен дотянулся и сгреб Зеллика за одежду.

Сехножрец затрясся, его кибер-конечности заскрежетали о наручники.

--- Ты расскажешь нам все о сделках с человеком, который назвался Гараном Серпенсом. Ты расскажешь нам, где он прячется в Вурдалачьих звездах.

Механические глаза Зеллика защелкали и перескочили с Рафена на Нокса. Расчленитель выдвинул тонкую улыбку.

--- Ты, видимо, столь сильно напуган, что ищешь помощи у такого, как я. Ты правда считаешь, что найдешь?

Рафен поднял оружие Ариона, от которого волнами исходило сияние невероятного жара.

--- Я не инквизитор, --- сказал он, --- и у меня нет кучи разных умных приспособлений, которые побудят тебя рассказать мне правду. А так же у меня нет терпения и нет времени. Я --- Астартес, и лучше всего я знаю, как убивать. Быстро... или медленно.

Рафен прижал дуло к безупречному машинному лицу Зеллика, хромова кожа начала пузыриться и темнеть.

— Я выжгу из тебя все нужные мне ответы. Ты мне все расскажешь.

Он наклонился ближе, и визг возобновился.

ГАЗОВЫЕ линзы окуляра сначала набросали шар, затем наполнили его детальными линиями, одну на другую, словно рукой призрачного мастера.

— Пятый мир системы Дайники, — объявил Мохл, — несколько парсеков перпендикулярно к центру галактики, на краю Вурдалачьих звезд. Наша цель.

Сложив руки на груди, Рафен стоял рядом со своим отделением. Уголкем глаза он заметил, что Кейн смотрит на плазменный пистолет на его бедре, а затем на его лицо. В его взгляде читался вопрос, но командир не ответил. Шагая по тактикариуму "Тихо", Мохл продолжил, за ним наблюдали Нокс и остальные Расчетчики.

— Согласно тому, что мы смогли выяснить по данным, вытянутым из массивов когитаторов "Археохорта", технолорд Зеллик поставлял на эту

планету оборудование и материалы
научного и производственного характера.

--- Достаточно любопы, чтобы
построить лабораторию, --- добавил Нокс.

Мохл кивнул.

--- В существующих записях Дайника-5
достаточно слабо описана. Большая часть
данных получена методом загания
дальнего радиуса, сугном Имперского
флота, входящего во флот, воевавший
против кифорских извергов. В них
планета описана как океанический мир с
несколькими маленькими островами
земли.

Гололитическое изображение
покрылось расплывчатости, аляповатости
псевдоцветами картинки с сенсоров.

--- Есть записи о высоком содержании
металлов, как и соответствующем
изобилии водных жизненных форм.
Дополнение Муниторума к этому отчету
указывает, что планета
классифицирована как подходящая для
сельскохозяйственной эксплуатации.
Соответственно была отправлена
коммерческая флотилия, но последующие

Записи были потеряны во время 9-го
Черного Крестового похода.

--- И это все, что мы знаем? ---
нахмурившись, спросил Эйген.

--- Есть еще кое-что, --- объяснил
Мохл, --- эти данные были получены из
личного стека Зеллика.

Изображение вспыхнуло и изменилось.
Теперь цветные пятна океанов Дайники-5
были впалыми и тусклыми, плоские серые
и белые пространства вместо буйства
красного и оранжевого на изначальном
изображении.

--- Это относительно недавнее
сканирование дальнего радиуса. Зеллик
запечатал эти данные и не передал их в
кодексную сеть Механикус.

--- Она выглядит мертвой, --- сказал
Аджир, --- если она была набита рыбой для
флота эксплораторов, чтобы основать
колонию, то тогда куда она делась?

--- Никаких радиологических
откликов, следов планетарной
бомбардировки нет, --- заметил Кейн.

--- Био-оружие, --- предположил Пулво.

--- Можно и так выразиться, ---

высказался техногесантник, --- данные
Зеллика так же показали эту пикт-запись
обломков на высокой орбите планеты.

Открылась новая панель итаджера,
опускаясь словно занавес. Плоский дисплей
вывел густой ореол пыли и макрочастиц,
собранных широким, увеличенным диском.

--- Этого не было на загадательном
скане флота, --- протолвил Эйген.

Мохл взглянул на своего боевого
брата.

--- Нет. Это остатки позднего
разрушительного события. Гипотеза
Зеллика предполагала, что это останки
после битвы между значительными
силами кифорские изверги и осколком
улья-флота тиранигов.

--- Тиранигов? --- выпалил, словно
проклятье, Гаст, --- но этих ксеносов-
уродцев не видели в этом секторе.

Туркио взгляделся в изображение.

--- Улики говорят об обратном.

--- Ну, если ты хочешь верить на слово
лживой шестеренке.

Рафен обдумал то, что услышал.

--- Это объясняет опустошение

экосистемы планеты. И молчание флотилии эксплораторов.

--- Тогда возникает другой вопрос, куксен, --- сказал Нокс, --- тираниды все еще там? Корабли улья в момент своего разрушения часто выбрасывают споры в сторону ближайшей планеты с атмосферой. Не верится, что ренегат построил себе нору в зараженном мире.

--- Даже Фабий Байл не захнет голову в яму с огненными скорпионами, --- произнес Кейн, --- это грозит смертью любому рискнувшему спуститься туда существу, даже чемпиону Тубительных Сил.

--- Есть только один способ убедиться, --- Рафен сошел с места, где стоял, --- пусть навигаторы на борту наших кораблей пообщаются с коллегами на "Археохорте". Курс будет рассчитан. Как только ремонт будет завершен, мы прыгнем в систему Дайники.

--- Вы правда верите, что ренегат там, сэр? --- Кейн озадаченно смотрел на него.

Рафен кивнул:

— Бог-Император показывает нам путь, брат. Мы сразимся с этим чудовищем и заставим его заплатить за то, что он украл у нас.

В ОРУЖЕЙНОМ зале Кровавый Ангел завершил финальный акт ритуала переосвящения.

Он нагрезал свою кисть боевым ножом, и пока клетки Ларратана в кровотоке не сгустились и не запечатались неглубокий порез, окропил своей жизненной влагой золотой череп на казеннике плазменного пистолета.

Вместе с этим дух-машины оружия капитана Ариона успокоился и встал на службу Рафену. Возможно, его заберут у него, когда он вернется на Баал, если другие решат, что иной старший костодесантник заслужил владеть такой реликвией, но до этого времени сержант даст оружие свободу, которую оно заслужило. Рафен стоял в оружейной, и свет свечей из жира колла мерцал на его силовой броне, которая покоилась в стойке. Он откинул капюшон туники и оглянулся

через плечо.

--- Ты промахнулся. В этот раз я слышал, как ты появился.

Губы Цериса изогнулись.

--- Разволю не согласиться, мой лорд. Вы услышали меня только потому, что в этот раз ваш разум был не затуманен. Вы обрели ясность, к которой стремились.

Неужели в его словах он ощутил какое-то обвинение? Рафен окинул Цериса спокойным взглядом.

--- И снова ты пришел что-то мне сказать Церис. Это станет привычкой? Говорю тебе это сейчас, пока мое терпение не иссякло. Мне нужны воины в отделии, которые будут следовать твоим приказам и покажут мне свои навыки, а не те, кто таятся и предвосхищают каждый раз мои действия.

--- Вы думаете, я занимаюсь этим?

В раздражении Рафен прищурился.

--- И еще меньше мне нравятся те, кто умышленно не слышат моих слов.

--- Это из-за того, кто ты и что ты сделал. Тебя не должно удивлять то, что за твоим поведением наблюдают, брат-

сержант, --- мягко произнес Церис, ---
некоторые говорят, что мой хозяин
Мефистон --- хранитель врат к душе
нашего Оргена. Его внимание захватывает
все, что является его частью.

На мгновение воин раздумывал, а не
выругаться ли ему, затем фыркнул и
отвернулся.

--- Говори, зачем пришел, и затем
уходи. Я не в настроении для пустословия
и загадок.

--- Это новость от призовой команды
на борту "Археохорта". Магос Зеллик
выжил. Медицинские сервы угрозились
сохранить ему жизнь после вашей... беседы.

--- Некоторые могут посчитать это
пустой тратой усилий и нартециума, --- он
пробежался пальцами по казеннику
плазменного пистолета.

--- Некоторые? Вроде брата-сержанта
Нокса?

Рафен сердито выдохнул.

--- Что ты имеешь в виду, псайкер?
Что я принял путь Расчленителей для
сбора информации?

--- Я этого не говорил, --- Церис

склонил голову.

--- Сказал, --- Рафен впился в него взглядом, --- мы не боимся тяжелого выбора, брат. Вот зачем нас создали. Делать вещи, которые недоступны смертным, в которых другие могут узреть пересечение границ этики во имя большей силы.

--- В самом деле? Так же говорят, что Кровавые Ангелы самые благородные из Агентус Астартес. Но пытать человека и почти лишить его жизни, даже преступника... В чем здесь благородство, сэр?

--- Ты думаешь, что я мог найти другой путь. В этом дело? Возможно, ты считаешь, что я не отнесся со всем необходимым уважением к магосу, несмотря на его игры с Хаосом?

--- Зеллик не служит Темным Богам, и мы оба это знаем. Несмотря на его гордыню, жадность и тщеславие ослепили его перед этим проступком. Он верит, что предан Марсу и Терре каждой частичкой своего существа, даже если он врал им, дабы набить свои сундуки.

--- Самообман --- общая черта слабых, ---
огрызнулся Рафен.

--- И зачастую сильных тоже, ---
парировал Церис.

--- Я не испытываю вину за то, что
сделал с Зелликом, --- произнес сержант, ---
если мой долг потребует, я сделал бы это
еще сотни раз. Не думай, что можешь
осуждать меня, псайкер. У тебя нет
такого права.

--- Я бы никогда не отважился,
тилорг, --- пришел нейтральный ответ, --- я
всего лишь хотел, чтобы вы сами сказали
это.

Он развернулся, чтобы уйти, затем
остановился.

--- Вы пересечете много границ, брат
Рафен, прежде чем ваш долг подействует к
концу. И эта --- просто первая.

Сержант отвернулся, чтобы
обслужить свое оружие.

--- Если есть что-то важное, брат
Церис, я охотно выслушаю. Но если нет,
оставь свои загадки при себе. Мое
терпение не безгранично, и лучше тебе
это запомнить.

Рафен ожидал что-то услышать в
ответ, и когда тот не пришел, он
оглянулся через плечо. В оружейной он
остался один.

Глава пятая

Зеркало гвизалось сквозь тьму, искривляя призрачное сияние далеких звезд и слабые потоки радиации, впитанной вакуумом. Огромный, изогнутый каплевидный щит из металла, выкованный по давным-давно забытой технологии, врал костосу, пряча истинную сущность за слоями шунтированных энергетических схем, покорными озерами сверхтекучих поверхностно-активных веществ и глинистыми, изогнутыми ребрами из чрезвычайно тонкого металла.

Зеркало говорило костосу, что тут ничего нет. Оно врало, вытягивая весь спектр волн, видимых и невидимых, считывая их, и мягко проецировало позади так, что даже самое продвинутое оборудование для гадания мало что могло считать, кроме нескольких беспризорных молекул водорода. В самом тонком месте оно было едва толще человеческого волоса и все же могло противостоять прямому попаданию из лазерышки, если бы такое

приключилось. Само зеркало было еще одним великим и секретным сокровищем Зеллика, устройством, которое позволяло ему множество раз скрытно передвигать громаду "Археохорта" прямо под носом у врага. На другой стороне изогнутой щита, в его середине, конструкция Механикус передвигалась по инерции, ускорители молчали и были закопированы с тех пор, как он вошел в систему Дайники. Окружая "Археохорт", словно рыбы-лоцманы, плывущие с китом, удерживая плотную формацию, рядом шли "Тихо" и "Габриель". Полет измотал их командиров до предела, как и всех сервов экипажа, но они знали, что единственная ошибка передвижения выведет крейсера за проецируемый зеркалом ореол — что сразу поставит точку, как в тайном приближении, так и на любом шансе успеха миссии. Энергетические системы всех трех кораблей были настолько минимально задействованы, насколько было возможным. Той же самой тактикой воспользовались костодесантники, дабы приблизиться к "Археохорту" на

абордажной торпедой, только теперь это была ухушенная версия. Тогда это сработало, должно и сейчас, если милость Императора не оставит их.

У планеты было две луны, обе выпуклые, деформированные астероидами, захваченные гравитационным колодезцем Дайники-5. Флотилия стремилась к дальней стороне большей из лун, спешившей под действием жесткого излучения оранжево-белого солнца. Первая луна была достаточно большой, чтобы спрятать все три корабля от любого наблюдателя с планеты ниже. Скрывшись из виду, зеркало начало складываться в сложном танце сдвигающихся материалов и под воздействием хитроумной машинерии.

НАСТОЯЩАЯ командная палуба "Археохорта" не напоминала фальшивую, в которой дух-машинеры корабля пытались поймать их. Аджир бывал на борту множества кораблей флота и видел их люльки — изукрашенные платформы для офицеров и круг ял ниже, наполненный младшими рангами и сервиторами.

иллюминаторы из контрольных башен
вокруг носа готового к битве боевого
корабля. Тут этого ничего не было.
Командный зал состоял из рядов
квадратных террас с загнанными по углам
балконами, друг над другом, каждый
последующий был меньше предыдущего.
Создавался эффект перевернутой
пирамиды, вывернутой наизнанку, чьи
ступеньки уходили к разным возвышениям
ниже. На каждой террасе линиями
выстраивались чрезвычайно сложные
консоли, за которыми трудились младшие
технопроводцы и лекстеханики. Их головы
были покрыты капюшонами или проводами
от развевающихся механогендритов. На
некоторых террасах были установлены
рельсы для бесконечно снующих туда-сюда
техножрецов на колесах вместо ног.

В воздухе висел острый запах озона и
электричества, постоянный быстрый
треск шипуканья на машинном коде
доносился до Кровавого Ангела со всех
сторон. Кающийся Түркио стоял позади
Рафена, как всегда, вместе с несколькими
боевыми братьями — логик Беслиан, стоя

на шестиугольной платформе, сбалансировал с помощью пары роботизированных рук. Платформа шагала по уровням командной ямы, закрепляя себя одной рукой, затем отклонялась в обратную сторону к другой опорной точке, затем действие повторялось заново. Казалось, что Беслиан контролировал ее движение без всяких направляющих подсказок.

--- Вот это, если использовать метафору органики, бьющееся сердце "Археохорта", --- произнес техножрец. Провисшие фрагменты плоти на его лице продемонстрировали некоторое отвлечение от собственного сравнения.

--- Отсюда можно получить данные из любых систем конструкции.

--- Ваши пассивные ауспекс сенсоры проанализировали отклик с планеты, --- отрывисто произнес Нокс, --- что он показал?

Беслиан повернул свою голову в капюшоне на шее-плунжере, и платформа прекратила движение, прислонившись к углу ближайшей террасы.

--- Наблюдение, --- начал он, кивая в сторону пикт-экрана на стене. Тот протянулся к нему на карданном подвесе. Экран зажужжал и отобразил мерцающие руны молитвы, после чего изображение преобразовалось в зернистую картинку. Дайники-5 в режиме реального времени. Индикаторы наложения проецировались развернутыми на месте линзами. Появились яркие красные линии, точки трупного цвета и различных размеров рассеялись по дневной стороне планеты.

--- Тепловое рассеивание, мои лорды, --- объяснил Беслиан, --- прослеживаются следы отработанных газов, выброшенных в воздух био-процессами. Я гарантирую, их питает разложение тел.

--- Я думал, что эта планета мертва, --- прорычал Сов, еще один костодесантник Нокса.

--- Так и есть, --- произнес Мохл, --- то, что ты видишь --- доказательство присутствия ксеносов, брат. Тираниды шатаются по этому миру, живут за счет друг друга, после того как их улей был уничтожен.

Рафен был трaчен.

--- Они должны были съесть всех остальных.

--- Я не понимаю, --- произнес Кейн, --- разве не в привычках тиранов распотрошить живой мир, затем построить новые био-корабли и улететь к следующему? Если на Дайнике-5 больше нет местной жизни, почему эти чудовища до сих пор там?

Беслиан склонил голову, одобряя Кейна кивком.

--- Кровавый Ангел прав. Но в таком поведении нет ничего необычного. Такое уже видели раньше, когда гнездо отказывается подчиняться одному из своих командных организмов.

--- Ты говоришь о тираничье, --- сказал Түркио. Гүбы Аджира сжались. Это было очевидно.

--- Верно, --- ответил Мохл, --- я предполагаю, что на планете ниже не оказалось такой твари. А раз так, то существующие там организмы-воины ведут себя соответственно основным инстинктам. Убивают и воспроизводятся.

Через несколько десятков поколений, если не вмешиваться в эту новую экосистему, они, возможно, полностью сожрут друг друга.

--- У ты верит, что Фабий Байл живет среди этого леса клыков и когтей?

--- качая головой, Кейн свернул руки на груди. --- Не может быть.

--- Нет? --- спросил Рафен. --- Тогда объясни, почему.

Он указал на правильную группу тепловых сигнатур на атолле-полутесяце в южном полушарии.

--- Этот след слишком связанный для органических форм.

--- Хорошо подмечено, мой лорд, --- произнес Беслиан. Он подключил еще одну линзу над экраном и повернул ее своей серво-рукой.

--- Вы совершенно правы, подозревая это место. Солнечное альбедо там совпадает с произведенными материалами. Феррокрит и сплав металла.

--- Здания, --- заметил Пуло.

Нокс наклонился ближе.

--- Увеличь изображение. Покажи больше.

Беслиан нахмурился.

--- Без использования активных сенсоров я не могу увеличить изображение...

Он раздраженно поработал с линзами, еще больше размазав цвета и отражение.

--- Ох... --- Аджир разобрал характерные очертания бункеров и облицовки, выступы вокруг открытой посадочной зоны и то, что могло быть крепостью, --- среди размножающихся ксеносов он построил себе крепость.

--- Как такое возможно? --- спросил Түркио. Кающийся наклонился ближе.

--- Смотрите на остров вокруг строений. Любой другой клочок земли явно несет на себе порчу бассейнов тиранид, споровых труб, или же это их охотничьи угодия. Но не этот. Как Фабий Байл держит их в стороне?

--- Колдовство, --- мрачно пробормотал Сов.

Нүлүо изучил изображение.

--- Это похоже на закопанные лэнс-

батареи, тут и тут, --- подметил он, ---
большой калибр. Гарантирую, они способны
бить по низкой орбите.

--- Верно. Я нашел, что эти орудия
были среди объектов, которые мой бывший
хозяин продавал в этот квадрант. Они ---
вторая линия обороны, --- продолжил
Беслиан, --- основная ближе. Смотрите
сюда, Астартес.

Техножрец позвал к себе одного из
своих лекстехаников, и фигура в капюшоне
подняла для них еще один мобильный
экран. Все те же изображения, снятые с
костоса рядом с орбитой, пролистывались,
словно страницы из книги. Рафен узнал их
первым.

--- Орудийные черепя.

В километре над поверхностью
Дайники-5 во тьме плавали сферы, у
каждой торчали сопла двигателей и
стрелы хребтов. Даже на размытом
изображении, снятом пролетевшими
дронами наблюдения "Археохорта", явно
были видны вопящие пасти на
поверхностях, как и сложные строчки
текста на запрещенных языках.

вырезанные на металле. От некоторых тянулись линии цепей, другие были украшены веерами солнечных панелей. Не было двух одинаковых, но у каждого было лицо. Аджир однажды слышал, что для железных изваяний моделями служили лица определенных чемпионов богов Хаоса, своего рода форма почитания. Он мог видеть сверхтяжелые лазерные пушки и наконечники телта-торпед, торчащие из разъяренных пастей с потрескавшимися зубами и из пустых глазниц. Каждый из этих спутников-убийц в своей сердцевине содержал искалеченного безумца, вмонтированного и захороненного в стальной оболочке, никогда не спящего, всегда активного и отчаянно желающего выпустить смерть на врагов Гибельных Сил. Таких там были сотни. И все их орудия и пушки были нацелены вне планеты — сотни застывших, забывающих лиц и кричащих черепов.

— Я не капитан корабля, — сказал Нокс, — но я бы сказал, что эти штуки оставляют нам мало шансов.

Мохл кивнул.

— У спутников вооружение среднего радиуса действия, но их столько, что по огневой мощи они легко превзойдут два ударных крейсера. Любое меньшее многолетнее сражение будет в пользу защитников.

— А что насчет этой громадины? — потребовал ответа Кейн. Беслиан отозвался на оскорбление отчетливым выдохом.

— "Археохорт" не боевой корабль! Он построен не для длительных военных действий.

Он злобно отвернулся. Рафен проигнорировал вспышку гнева.

— Фабий очень хорошо окопался, этого нельзя отрицать. Но мы зашли так далеко не для того, чтобы развернуться у самых врат крепости врага.

— Лобовая атака будет пустой затеей, — с легкостью отозвался Беслиан, — в лучшем случае вы, возможно, подойдете близко для использования тяжелого оружия и ударите орбитальной бомбардировкой по комплексу Байла. А затем ваши корабли окружают черепа-

стрелки, и этого вы не переживаете. Не говоря уже о том, что очень вероятно, что предатель укрепил свою базу и стены далеко за ...

--- Мы оценили твое понимание вопроса, --- отрезал сержант, и в его голосе звучал металл, --- но не тебе решать вопросы тактики.

Но Беслиан дожимал, явно обеспокоенный судьбой "Археохорта", когда он уже оказался в его руках.

--- Я со всем уважением предложил бы вам вызвать подкрепление из звездного флота вашего Ордена, брат-сержант. Огромные ударные силы уничтожат Дайнику-5 глительной бомбардировкой циклонными торпедатами, понеся совсем небольшие потери.

Сов фыркнул, его покрытое шрамами лицо сторщилось.

--- Займет недели собрать такой флот.

--- Кузен прав, --- Аджир кивнул. Расчленителю, --- и даже в этом случае, если бы у нас было время ждать, как мы можем быть уверены, что Байл просто

не сбежит, как убежал с Ваала?

Секунду Рафен молчал, возможно, вспоминая тусклый коридор под цитаделью Виталис и серную воню закрывшихся ворот варна.

--- Убийство должно быть совершено рукатами. С высокой орбиты, прячась за пшукатами... Этого будет недостаточно. Наша честь требует большего.

--- Логика... --- Беслиан едва успел вытолкнуть слово, когда рядом с ним оказался Нокс. Он упер палец ему в грудь.

--- Ты слышал Кровавого Ангела, --- произнес он, --- это вопрос возмездия, а не твоей драгоценной логики.

Когда логис моргнул, его оптика зажужжала.

--- Как пожелаете...

Он отступил назад, почти на край мобильной платформы.

--- Но... какие у нас есть другие средства нападения?

--- "Грозовые ястребы" и десантные капсулы уничтожат еще до того, как они войдут в атмосферу, --- ответил Церис, --- телепорт не работает. В этом месте

есть защитные печати, дабы остановить
его.

Он постучал пальцем по голове.

--- Я вижу их.

Аджир смотрел, как Рафен сложил
руки на груди.

--- Значит, любые доступные средства
невозможны. Кажется, что любой наш шаг
по этой дороге приводит к еще двум, --- он
взглянул на изображение, --- с меня хватит.
Я не намерен больше выслушивать, что
мы не можем сделать, и что у нас не
получится.

Сержант обернулся, ярость горела в
его взоре, он буквально испепелял ею всех.

--- Нам дали эту миссию не для того,
чтобы мы потерпели неудачу! Рука
Императора у нас на плече, и мы не
разочаруем Его! Нам поручено это ради
чести нашего Ордена...

Рафен поймал взгляд Аджира.

--- Ради чести нашего примарха! Мы
найдем путь!

В последующем далее молчании
Мохл поднял руку.

--- Если брат-сержант разрешит, ---

протолвил техногесантник, — то у меня
есть предложение.

С ПЕРВОГО взгляда это напоминало
бомбу, но гораздо большую, чем когда-либо
видел Рафен. Даже больше чем огромные
ракеты "Атлант", применяемые флотом
Империи для укрепленных наземных
целей. Она была повешена на цепях с
крана над головами техногесантников, и
её чёрные изогнутые бока всем своим
видом проецировали угрозу.

— Это корабль? — потребовал ответа
Нокс.

— Своего рода, — ответил Мохл.

Эйген изогнул шею, пытаясь оценить
её целиком.

— Я никогда не видел такого прежде.

Рафен заметил люки на гладком
закругленном носу объекта, которые
превосходно сливались с металлом
обшивки, а другой конец странного судна
сужался словно капля. Там торчали
короткие Х-образные крылья, и в свете
мерцающих сварочных горелок сервиторов,
он обнаружил небольшой холм башенки

наверху.

--- Мой командир, позволь мне представить тебе "Нейтос". Судя по мемориальной доске внутри, он был построен во время Великого Крестового похода для службы в Имперской армии. Охотники за реликвиями Зеллика подобрали его несколько лет тому назад из костяка скитальца в секторе Драш.

--- Он обтекаемый...--- начал Туркио, --- это атмосферное судно.

--- Нет, --- произнес Рафен, когда к нему пришло понимание, --- этот корабль построен для океанов, а не для атмосферы.

Мохл кивнул.

--- Верно, брат-сержант. "Нейтос" боевой аппарат для погружения под воду, предназначенный для развертки в океанических тирах. Я нашел упоминание о нем в списках материальных запасов магоса.

Кейн фыркнул.

--- И как этот реликт поможет нам поймать Байла? Что ты предлагаешь сделать, Расчленитель? Сбросить на него?

--- Корнүс "Неймоса" создан из
формованного сентаниум-кератитного
сплава. Это очень прочное вещество,
чрезвычайно гибкое и крепкое. В
дополнение там еще есть дополнительные
слои абляционной брони по всей длине.
Хотя судно было построено в расчете на
экипаж из обычных матросов, я верю, что
его можно быстро переоборудовать для
отряда астартес и сервиторов.

--- Ты предлагаешь нам проплыть на
этой штурке под морями Дайники-5 прямо к
дверям крепости Байла? --- хохотнул Нокс,
хотя выражение его холодных глаз никак
не изменилось.

--- Давайте на секунду забудем об
опасности такого путешествия и
сосредоточимся на вопросе молодого
человека, --- он кивнул в сторону Кейна, ---
или ты забыл маленькое представление
Беслиана? Я спрашиваю тебя, какую
ценность представляет собой эта лодка в
костосе?

--- "Неймос" можно отправить с
орбиты, командир, --- ответил Мохл, ---
системы штурмовых щитов и броня

защитят ее от прохождения через атмосферу. Системы торможения замедлят падение.

--- Я был прав, --- отказываясь верить, произнес Кейн, --- ты хочешь сбросить нас прямо на него.

Неожиданно глядя себя Рафен разразился сдержанным стехом.

--- Должен признаться, брат Нокс, я не могу понять, твой техногесантник или потерял разум, или стал гением.

--- Чувствую то же самое, --- ответил Расчленитель, глядя на воина, --- такое вообще на самом деле возможно?

Нокс кивнул.

--- Судно этого типа было опробовано в бою много раз. Однако выживаемость не на высоте.

--- Хочется спросить тебя о конкретных цифрах, --- произнес Рафен, --- но боюсь, что очень сильно пожалею, узнав ответ.

--- Я как-то вообще не понимаю общую концепцию, --- протолвил Аджир, --- если мы сможем приблизиться так, чтобы сбросить эту... диковину ... то почему вместо нее не

воспользуется просто десантными кансулами?

--- "Неймос" мы можем скинуть в океаны на другой стороне Дайники-5 от атолла, где размещенные орудия крепости будут за горизонтом и не смогут достать нас. К тому же в этой зоне защитных спутников намного меньше. А как только мы погружимся, черепа-стрелки вообще не смогут отследить нас, --- Мохл махнул в сторону субмарины, --- мы спокойно доберемся незатеченными.

--- Но как мы попадем к позиции запуска? --- настаивал Кейн.

--- Потребуется жертва, --- через секунду произнес технодесантник.

На губах Рафена медленно проступила улыбка, когда слова Мохла всецело дошли до него.

--- Да, думаю, потребуется, --- обдумывая, он сделал паузу, --- сколько времени нужно, чтобы подготовить "Неймос" к сбросу?

--- Я уже начал подготовку, командир. Несколько часов.

Рафен кивнул сам себе и озвучил

мысли.

--- Два отделения проникают на планету, доставленные этим кораблем к вражеской крепости. Мы под огнем прикрития незаметно прорывается и убивает цель.

--- Значит, так и сделаем? --- спросил Нокс.

--- Да. У этого плана есть некоторая стелость...

--- А он будет чего-то стоить, если исполняя, мы утрем? --- проскрежетал Эйген.

Рафен оглядел всех.

--- Собирайте вооружение. Готовьтесь к предстоящей битве.

Лицо Кейна сделалось болезненным.

--- У нас время на молитву останется? Боюсь, нам понадобится все благословение, которое мы сможем получить.

Сержант кивнул.

--- Ты прав. Но знай --- Бог-Император все видит, и Он благоволит стелым.

БЕСЛУАН подлетел на своей

мобильной платформе, чтобы встретить их, механизм пролязгал на уровень командой ямы. Рафен развернулся от шлюза, передающего его приказы по внутренним и внешним вокс-каналам, и быстро взглянул на жреца Механикус.

--- Брат Рафен! --- воскликнул логик, --- что происходит?

Он указал тонкой и глинной сервопружкой на Мохла.

--- Контрольные протоколы "Археохорта" были изменены! Этот боевой брат сделал это, не проконсультировавшись со мной! Что все это значит?

Рафен проигнорировал его, сконцентрировавшись на непосредственной задаче. Шлюз подсоединился к машинной сети конструкции, и теперь слова Кровавого Ангела передавались соответственно Астартес на мостиках "Габриеля" и "Тихо".

--- Капитаны кораблей, --- сказал он, --- вы знаете свои приказы. У вас есть пять стандартных земных дней. Если мы потерпим неудачу или если сигнал не

бюджет и меть правильного шифровального протокола, изо всех сил бомбардируйте крепость. По приказу нашего магистрата Ордена, вы должны сделать все, что потребуется, дабы обратить этот остров в пепел... даже потеряв свои корабли, экипаж и все, что только можно. Аве Император!

Командиры двух боевых кораблей эхом повторили клич и выключили каналы.

--- Мы готовы, --- произнес Мохл.

--- Вперед, --- ответил ему Рафен, после чего наконец-то обратил внимание на агента.

--- Я думал, ты построил доверительные отношения, --- скрежетал Беслиан, --- вместо этого я нашел строчки своего кода не действительными, и данные захватчиков посягают на функции систем твоего корабля! Так не пойдет!

--- Нет? --- Рафен тяжело шагнул к нему. --- Может быть, мне стоит напомнить тебе, как ты получил этот символ?

Кровавый Ангел толкнул его в грудь бронированными пальцами, вдавливая

висящую с шеи Беслиана эмблему капитана в складки его ржаво-красной рубашки.

--- Вспомни, мой дорогой логик. Ты командуешь "Археохортом" только номинально. Это судно принадлежит Сынам Сангвиния с того момента, как мы это провозгласили.

--- Мохл --- техногесантник! --- жрец с отвращением вынул его звание. --- Есть договоренность с Расчленителями. Поймите! Он не годится для руководства этим превосходным кораблем, даже во имя вашего припарха... Техногесантников тренируют на Марсе, но они никогда на самом деле не преуспевают! Им никогда не дано понять совершенство машины так, как его понимают члены *Agencies Mechaniques*!

--- И все же, несмотря на мой кажущийся небольшой статус, я смог заблокировать тебя от твоих собственных кодовых систем, --- с обманчивой мягкостью произнес Мохл.

Беслиан проигнорировал насмешку.

--- Техногесантники жестокие, грубые

и наивные! А Мохл и еще больше того, из-за своего Оргена и родства!

Плоское лицо Расчленивателя внезапно искривилось в раздражении, но Рафен презградил ему путь до того, как тот пошел к агенту.

— Что ты только что сказал мне? — холодно произнес Кровавый Ангел. — Что ты сильнее предан моей миссии, чем боевой брат из родственного Оргена? Ты выдержишь меня за идиота?

Он разжал кулак и ударом тыльной стороны уложил агента на палубу. Он бил так легко, как только мог — не желая его убивать — но все же Беслиан с грохотом металла растянулся на полу.

— Если я еще раз услышу, что ты плохо отзываешься об Астартес или о любом Сыне Сангвиния, то я разрежу тебя на запчасти для сервиторов. Ты будешь подчиняться Мохлу, словно это приказ самого Бога-Императора человечества!

Беслиан издал раненый, рыдающий всхлип, но все же кивал головой, пока попытался встать со всеми крупностями достоинства, которые еще остались.

— Я... Я только хочу знать почему?
Чем я не угодил вам?

Рафен посмотрел на него.

— Ты считаешь себя выше нас, и ты настолько унижаешь нас, что думаешь, будто мы об этом не знаем. Хватит.

Со скрежетом открылся диафрагменный люк на командной палубе, и Беслиан увидел фигуру в проходе. Тут же все сказанное костогесантником было забыто, и он вскинул руки, как механические, так и органические, в защитном жесте.

— Нет! — завопил он, его имплантированный воксодер резонировал от наполненной статикой отдачи. — Зачем он здесь? Нет! Уведите его!

Брат Сов справа, прижимая болтер к его серебряному черепу, и вечно настороженный брат Церис слева вошли вместе с бывшим магосом Маттханом Зелликом в зал. В арестантских наручниках и с ниспадающими сдерживающими тросами он прошаркал вперед. Машинные глаза на его травмированном металлическом лице

стали суровыми от ненависти, когда увидели Беслиана.

--- Предатель! --- прорычал Зеллик.

Он немедленно зашел трескучий гимн на грубом бинарном коде, но прежде чем успел произнести больше, чем пару фраз, Церис дернул за привязь, и магос придуманно замолчал.

--- Это что был за шум? --- спросил Рафен.

--- Мемо-код, --- ответил Мохл, скорчив гримасу, --- засоряет ментальные функции тех, кто слушает его.

--- Если он еще раз такое сделает --- убейте его, --- сказал сержант другому Расчленителю. Сов кивнул и в качестве запоздалого действия оторвал полоску материи от одежды заключенного, и быстро залепил кляпом рот. Беслиан последовал за Рафеном, намеренно держа Кровавого Ангела тем же нит и своим бывшим хозяином.

--- Зачем вы привели его сюда? --- блеял он. --- Он должен оставаться на палубе заключенных или должен быть казнен!

— Зеллик отгаст окончательной дол-
г Умпериуму, — промолвил Церис, — в
назидание слабым.

Он пихнул бывшего мага к рулевому
подиуму, который возвышался над
командной ямой. Огромная церемониальная
конструкция подиума использовалась
рунными жрецами Механикус для
пробуждения двигателей корабля перед
началом путешествия или для важной
миссии. Оттуда они во имя Императора
успокаивали духи-машин корабля, дабы
они лучше исполняли свои функции.
Штурвал нес в себе исключительную
ритуальную цель, на самом деле им
управляли лишенные разума дроны-
сервиторы на нижних уровнях ямы.

Церис взял тросы Зеллика и привязал
того к подиуму. Провода зазвенели, когда
натянулись, и стали жесткими. Зеллик
противился новому унижению, но Сов без
труда удержал его. Бывший маг ревел
сквозь клан, и слюна стекала ручейками с
его губ по потускневшей металлической
щеке. Рафен долго изучал заключенного.

— Все те, кто повернулись спиной к

Богу-Императору и попали в объятия к
чужакам, мутантам или предателям... из-
за жадности. Из-за жажды собственной
славы. В невежестве. В страхе... Все они
должны заплатить за свое преступление.

Он бросил взгляд на Беслиана.

--- Все, агент.

--- Сделано, --- сказал Сов, --- остальные
из отделения грузятся на "Неймос". Мы
готовы, брат-сержант.

Беслиан при упоминании подводного
судна внезапно остановился.

--- Что... что вы собираетесь делать с
кораблем? Это же просто реликвия!
Инженерное новшество...

Церис проткнул взором техножреца.

--- Ради твоего же блага, лучше тебе
ошибаться насчет этого.

--- Отведите логика вниз, --- сказал
Рафен, --- передайте сержанту Ноксу
начинать отсчет.

Беслиан последовал к люку, его
железные ноги царапали пол, когда он с
неохотой двигался.

--- Я не понимаю...

--- Очень скоро поймешь, --- заметил

Церис. Псайкер остановился и кивнул своему командиру.

--- Не бойтесь, сэр. Мы не полетим без вас.

Он вроде бы улыбнулся, но Рафена точечку-то от этого охватила дрожь. Он отвернулся и убедил, что Мохл наблюдает за ним. Техногесантник вытянул на всю длину свой механогендрит и подсоединил его к тедному гнезду на командной консоли.

--- Готово, --- произнес Расчленитель.

--- Ты уверен, что полностью контролируешь "Археохорт"?

Мохл отрывисто кивнул, словно это его отвлекло.

--- Ага.

Рафен мог себе только представить тот поток машинного кода, который проникал по проводам в разум воина, наводнение из бинарного лепета сотен болтающих членов экипажа и когитаторов. Зеллик заревел что-то неразборчивое из-под клыка и напрягся в суставах. Рафен проигнорировал протесты предателя.

--- Ошибки быть не должно.
Единственное протекание, любой акт
неповиновения одного из экипажа...

--- Такого не будет, --- наконец-то
произнес Мохл, --- команды четко
закодированы. Понадобится тысячелетие,
чтобы отменить их. Этот экипаж
илотов делает то, что им прикажут, им
не разрешено сомневаться. Я не позволю.

Техногесантник с осторожностью
опустил свой болтер на палубу и встал на
одно колено, словно собирался помолиться.
Рафен ощутил недоумение.

--- Мохл, ты что делаешь? Мы
должны идти.

Расчленитель покачал головой.

--- Нет, --- ответил он, --- я должен
остаться и сопроводить "Археохорт".

Мохл печально улыбнулся.

--- Я сказал, что нужна будет жертва.

Долгие секунды Рафен взвешивал
слова другого Астартес, пока он всецело не
понял выбор Мохла. И, наконец, он
заговорил.

--- Другого пути нет?

--- Нет, командир, к моему сожалению

нет. Я бы хотел очутиться внизу, когда вы найдете предателя. Увидеть, как он заплатит.

Он нахмурился от концентрации.

--- Времени осталось мало.

Двигатели готовы включиться, сэр. Вы должны идти.

Рафен кивнул и положил руку на плечо Мохлу.

--- Тебя будут помнить, күзен.

Мохл не погнул глаз.

--- Это все, чего я прошу.

НА КОРБЯХ сверкающего термоядерного пламени неповоротливая громада "Археохорта" поднялась над поверхностью главной луны, ее конечности-краны были плотно прижаты. Торпедные башенки и оружейные батареи включились на полную мощность, разворачиваясь и беря на прицел нависающий диск Дайники-5. С убраным зеркалом-щитом и включенными на полную двигателями инферно выделяемой энергии осветило загадательные сенсоры черепов-стрелков на орбите, словно рассвет разорвал ночь.

Спутники развернулись на маневровых двигателях, выхлопы газа ориентировали их к незваному гостю, пока быстрые сенсоры исследовали силуэт корабля. Они сравнивали его с типами всех известных кораблей в их банках данных, и ответы породили только сумятицу в прикованных органических мозгах в сердце каждого спутника. Весь этот процесс занял только долю секунды, и искаженное машинное общение, передаваемое туда-сюда маломощными лазерными лучами, стремительно пришло к заключению. Семь черепов-стрелков послала вокс-код через турбулентную, омываемую ветрами атмосферу Дайники-5 — вопрос, требующий незамедлительного ответа — убивать или не убивать.

Любой корабль, намеревающийся замедлиться и зависнуть на орбите над океаническим миром, нуждался в тщательно составленных формулах зависимости ускорения-гравитации-массы, дабы избежать перелета или нежелательного влияния атмосферы. "Археохорт" достиг точки перехода и не

сбавил скорость. Кроме того, с учетом возникшей гравитации Дайники-5, массивная конструкция Механикус только набирала скорость. На борту судна первые ворчливые, испуганные сообщения от младших агентов и более разумных корабельных сервиторов начали стекаться в буфер voxа командного центра. Каждое из них было твердо отвергнуто Мохлом жесткими, бескомпромиссными приказами.

"Археохорт" продолжал приближаться к планете.

"НЕЙМОС" уже перемещался, когда Рафен бегом залетел в нещероподобный пусковой ангар. Теперь, находящийся в длинной, приземистой люльке, которая каталась по стальным рельсам, корабль можно было полностью рассмотреть. Детство, проведенное в мире пустынь, означало, что океаны и животные, населяющие его, были для него незнакомы, но на каком-то уровне он понимал внешний вид лодки — касатка с плавниками и обтекаемым телом.

"Нейтос" напоминал ее, но Рафену было легче воспринять очертания судна как силует оружия. Подводная лодка была подобна глубине, тяжелой и опасной --- устройство грубой атаки, готовое избить врага до потери сознания.

Стремительно сократив дистанцию, он заскочил в люльку, разбросав по пути слишком медленных сервов экипажа, и вскарабкался к люку рядом с задним крылом. Ботинки Рафена клацали по слою изогнутой, чешуйчатой плитки, дополнительной абляционной броне, которая будет служить кораблю щитом от жара прохода через атмосферу. Он бросил взгляд вдоль корты, мимо Х-образных крыльев в то место, где должны были стоять двигатели, но сейчас они были спрятаны в корпусе субмарины, дабы развернуться в воде.

Рафен проскользнул в люк и закрыл его за собой. Новые пятна от сварки и куски изоляции отмечали места, где воздушный шлюз был расширен, чтобы пропустить громаду бронированного костодесантника. Вращая колесо замка, он

проворно произнес литанию оружия.

Внутри пространство "Нейтоса" было тесным и замкнутым. Построенные для обычных людей коридоры и каюты судна были тесны даже для них, а для Агентств Астартес в силовой броне даже похожий на гроб интерьер десантной капсулы казался просторнее.

--- Берегите голову, сэр, --- сказал Түркио, призывая его спуститься в люк, --- проходит очень плотно, это уж точно.

Сержант последовал за ним, отмечая места, где блестел яркий металл, указывая, что панели были срезаны, а настил палубы был убран. Все было приспособлено для прохода костодесантника. Это было быстрое и временное решение, но если эта миссия и дала что-то Рафену, так это понимание, что самый целесообразный образ действий редко был самым простым.

Он вошел в контрольную комнату и увидел сервиторов на постах, в то время как остальные Астартес сгрудились вокруг поднятой надстройки в центре комнаты. Он заметил, как Кейн

наблюдает за гвѣтя илотами у рулевого поста, перед которыми стояла стена черных экранов и неподвижных верньеров. Весь корабль трясся и дико раскачивался, пока держалась на месте транспортная люлька.

--- Где брат Мохл? --- спросил Сов, и его бородатое лицо напряглось. Нокс тоже взглянул на Рафена. Сержант наверняка с самого начала знал намерения своего брата из отделения, но ничего не сказал.

--- У Мохла еще есть работа. У нас есть своя.

Глаза Сова вспыхнули, как будто отсутствие технодесантника было его виной, а затем он отвернулся.

--- Корабль герметизирован, --- произнес Аджир, --- хорошо это или плохо, но этот антиквариат станет или нашим спасителем, или гробом.

--- Доложить о состоянии, --- Рафен спросил Нокса.

Мертвые глаза Расчленителя взглянули на него.

--- На борту у нас двадцать илотов, лучшие из команды Зеллика, стоят на

всех постах. Я боюсь, что наш
достопочтенный логик Беслиан впал в
истеричку, когда до него дошло, что мы
собираемся сделать.

Рафен огляделся, но не увидел агента
Механикус.

--- И как вы с ним все уладили?

--- Он в одной из спусковых стоек, ---
ответил Нокс, --- Гаст уложил его
седативными из лазарета "Неймуса". Я
посчитал, что ему там будет лучше
вместо того, чтобы скакать по лодке,
словно паникующий грокс.

Когда Рафен кивнул, он окинул
взглядом остальных.

--- Призовая команда вернулась на
"Тихо". Все остальные здесь.

Он нахмурился.

--- Конечно же, не считая Мохла...

Кровавый Ангел встопорлся в лицо
окружающих воинов. Группа в темно-
красном и золотом, боевые братья Кейн,
Туркио, Аджир и десантник-опустошитель
Нулло. Рядом с ним в своей броне цвета
индиго стоял псайкер Церис. С другой
стороны --- в своей темно-красной броне с

черной чеканкой сержант Нокс и остатки
его отделения, брат Эйген, Сов и клерик
Гаст. Десять воинов, десять Сынов
Сангвиния против целого мира,
изобилующего прожорливыми ксено-
творами, и против бессердечного
отпрыска Хаоса Негелимого. Рафен
улыбнулся, и его клыки обнажились.

--- Наша победа там внизу, братья.
Нам нужно только добратся туда и взять
ее.

Еще одна волна с грохотом
прокатилась по палубе "Нейтоса".

--- Начинается, -- толвил Церис.

ЗЕЛЛИК орал с кляпом во рту, его
аугментические глаза были широко
открыты и вращались. Все его тело
вибрировало от разъяренного потрясения,
когда он дергался в нутах со всей силой
безутия и отчаянья. Его
имплантированная антенна -- одна из тех,
что были глубоко в мускулах и костях,
которую неуклюжие Астартес не нашли и
не вырезали -- ловила коротковолновые
передачи речи тех младшими

сервиторами у ближайших консолей. То, что Зеллик услышал, и, судя по поведению Кровавого Ангела и этого вредного технодесантника Расчленителей, он быстро собрал общую картину. Всех этих данных было достаточно, чтобы вызвать уколы настоящих, искренних эмоций глубоко в разуме технолорда. Очень много времени прошло с тех пор, как он чувствовал истинный, реальный страх. Остальным эмоциональным состояниям, таким как жадность или желание иметь, ненависть и гнев, он потворствовал часто. Маттхан Зеллик не принадлежал тем, кто отказывается от всех эмоций, в отличие от множества рожденных на Марсе родичей. Те сторонились их, веря, что только холодная логика может найти совершенство. Зеллик же верил, что эмоции, как и любые другие абстрактные системы, можно свести к познаваемым уравнениям, если бы у него было время и достаточно интеллекта. Он использовал эмоции как игрушки, включал и выключал их, дабы увеличить свое удовольствие от каждого приобретения, использовал их,

чтобы обострить свой разум во время противоречий.

Ранее его почти поглотила ненависть, после того как он открыл, что Беслиан предал его Астартес. Но она быстро стихла от осознания, что если бы обстоятельства поменялись, он поступил бы точно так же с этим мелким, раздражающим нулевым блоком. Поначалу же стенил обжигающий, сверкающий гнев. Ярость от того, что его заставили ничего не делать, когда эти идиоты с нулевыми кулаками ломали и опустошали его драгоценный "Археохорт". Но он не жалел о своем решении сдаться, по крайней мере, поначалу. На каком-то уровне он понимал, -- он всегда это понимал, -- что коллекция в его власти гораздо важнее, чем любая отдельная жизнь, даже самого важнее, чем его собственная. Зелик смирился с этим, он бы с радостью позволил себя уничтожить, чтобы коллекция выжила. Всегда найдутся другие, которые продолжат его работу по сбору техно-реликвий прошлого. Каждая найденная приближала его к Богу-Машине.

и он ни о чем не жалел.

Но сейчас у него все отобрали, и в его механическом сердце поселилось такое огромное и бесконечное горе. Он слушал через свои антенны и слышал приказы, он осознал чудовищность того, что делали Астармес. Он дергал пугы, орал и орал, но техногесантник Мохл, всего лишь в паре шагов по палубе, полностью игнорировал его.

И именно в тот момент появился новый голос. Вокс сигнал, передаваемый с планеты ниже, нес шифр, который привлеч внимание Зеллика. Передача была четкой, голос Гарана Серпенса исходил из колоколообразных рожков громкоговорителей.

--- Мой дорогой Маттхан, --- рокотал он, --- Ты впечатлил меня. Как ты утвдрился рискнуть пообщаться так близко незамеченным... Я всегда знал, что ты человек великого ума.

Голос размеренно вздохнул. И пока Зеллик слушал, он задумался, насколько безумен был Кровавый Ангел, делая такое заявление.

Гаран Серпенс не мог быть мертв, это было невозможно! И, кроме того, чтобы не кого-то, а самого Зеллика, мог обмануть агент Хаоса, взяв себе личину мертвого? Он бы смеялся над этим, если бы его рот не был забит рваной тряпкой. Фабий Байл, ага, как же! Сама эта идея была апофеозом идиотизма!

--- Ты ответишь мне, Маттхан? --- спросил голос. --- Нет? Твой корабль приближается, и ты ничего мне об этом не сказал. Что мне думать? Разве у нас не взаимовыгодные отношения? Или это посеянное в тебе семя жадности, которое я всегда видел, теперь принесло свои плоды? Да. Думаю, так и есть.

--- Нет! Нет! --- с огромными усилиями Зеллик заставил крошечные манипуляторы в ротовой полости наконец-то разрезать кляп, что и позволило ему заорать. Он передал этот рев на всех доступных ему частотах, но к нему вернулись только статические помехи. Технолорг бурлил взглядом Мохла, который все еще не двигался и не реагировал ни на йоту, пока

"Археохорт" пагал к планете все с большой и большей скоростью.

--- Гаран! --- орал Зеллик. --- Это не я сделаю! Услышь меня!

Его слова не уходили дальше окружающих стен.

Затем он был оскорблен до глубины души. Зеллик поймал строчки машинного кода из транзиттеров "Археохорта", направленные к планете ниже. Данные имитировали личные вокс протоколы технолорда, гипер-комплексные пакеты информации пронесли волной за долю секунды. Они превосходно подражали собственным кодам Зеллика в цифровом исполнении одаренного имитатора. Он взглянул на Мохла, оскорбленный таким вторжением. Затем к нему вернулся страх, когда он разобрал содержимое фальшивого сигнала. Грубые, глущащиеся строчки кода требовали сдаться и объявляли войну, обращаясь непосредственно к Гарану Серпенсу.

Мрачный, хриплый хохот раздался в эфире.

--- Мне жаль, что дошло до этого, ---

произнес голос и в свою очередь начал
меняться, — я понял, что ты еще больший
дурак, чем я думал. Какая жалость,
Зеллик. Но, предполагаю, что ожидать
другого не следовало. Ты такой же, как и
все остальные. Ограниченный. Слабый.
Слепо служащий богу-трону.

Машинное сердце Зеллика начало
толотом бить в железные ребра, и он
снова ощутил страх.

— Какая утрата. Какая чудовищная,
глубокая утрата...

Невидимые для техноорга данные
последовали с планеты ниже, и орудия
черепов-стрелков на ближней орбите
расцвели вспышками, выбрасывая огонь в
сторону "Археохорта".

* * *

КОНСТРУКЦИЯ

Механикус

прорезала широкую дугу по дневной стороне

Дайники-5, ракетные ускорители выбрасывали языки ядерного пламени, пушечные батареи на кранах и на катающихся по сети рельсах нацелились в двадцати различных направлениях, ища цели на поверхности и среди роя черепов-стрелков.

Орбита, на которую он попал, не была стабильной, курс снижения был слишком низок и задел край атмосферы, проходя через терминатор планеты во лрак-тальной стороны. Но до того, как он дошел до этой точки, ему пришлось пройти через плотный поток ракет и лэнсовых залпов, через жесткий ливень лучей, частиц, радиацию и управляемые боеголовки. Не каждая боевая баржа могла пережить такой концентрированный обстрел — но "Археохорт" все же летел дальше, и каждой интеллектуальной системе на борту было запрещено рассуждать о дальнейшей судьбе, их контролировала железная воля техногесантника Мохла.

Череп-стрелки пришли в экстаз. Каждый выстрел, каждый выпущенный разряд энергии — все это разжигало

удовольствие в их искалеченных разумах. Сосуды, наполненные разрезанным человеческим мозгом, пузырились и лопались, пока тех переполняло удовольствие от атаки.

Взрывы ракет расходились сферами огня и расширялись, поглощали медные конечности конструкции и вырывали целые краны. Некоторые разрывало на части, и они отлетали в стороны. Рваные краны кровоточили электрическими дугами и фонтанами уходящего газа. Пушки завывали во тьме, отгача их выстрелов эхом прокатывалась по палубам "Археохорта", их бесшумные боезаряды взрывы разносили черепа, но спутников оставалось еще слишком много, и теперь они слетались со своих орбит, словно голодные птицы-падальщики к свежеструну.

Великий корабль Зеллика теперь начал распадаться на части, от него отрывались полосы раскученного металла, и по всему небу проливались жидкости. Это была тщетная, высокомерная атака, которую мог

предпринять только самый безрассудный, самый самонадеянный командир -- ну или тот, кто жаждал смерти. Недлиительные, тяжелые орудия на поверхности отслеживали и стреляли, стреляли и отслеживали, и каждый выпущенный выстрел нес заметные разрушения. Маленькие, более шустрые корабли могли бы ускользнуть, но только не "Археохорт". Прогвижение конструкции стало пуганным, выдавая панику. Сопла двигателей ярко и безумно сияли, толкая массивное судно подалее от боевой зоны, но пока они работали, к безумному удовольствию черепов-спутников, лазерный огонь пронизывал все небо. Когда они попадали в обшивку конструкции. Механикус, силовые поля выгибались и увядали, позволяя терзающим выстрелам расколоть броню и палубы под ней. Трупы задохнувшихся в вакууме сервиторов следовали за всем выброшенным в космос. В дрейфующих, раздутых телах киборгов продолжали безумно работать механические импланты.

Пагая и пагая, основной корпус

"Археохорта" раскрылся и взорвался. За несколько секунд, даже пока автономные пушки на его массивном корпусе еще стреляли в ответ, огромная конструкция начала дергаться в предсмертных тупках. Он больше не представлял собой корабль, а только массу медленно утирающих обломков размером с город. Судно все сильнее погружалось в гравитационный колодезь Дайники-5, вперед к окисленным океанам, которые станут ему могилой.

Глава шестая

По всей командной кафедре линии индикаторов переключились с красного на синий, и каждое такое переключение сопровождалось глупым ударом звенящего вдалеке колокола. Эхом разносились тяжелые, размывающие удары металла о металл запечатающих корпус плит. Стрелки под стеклом индикаторов останавливались напротив секций "активно".

--- Готовность на всех палубах, --- прогудел сервитор, не замечающий вибрацию палубы под ногами, --- судно герметизировано. In nomine Imperator, aegis Terra!

Из свисающих с низкого потолка масок пухлых лиц херувимов, из их открытых ртов полился потрескивающий от статики церковный гимн. Хорошее пение из их уст было едва слышно, стоны и скрипы "Нейтоса" были более громкими, кричащим и мощным оркестром.

Взор Рафена окинул мостик судна,

где каждый из рабов-машин покорно привязал себя к назначенным командным постам, а активная сеть ретней безопасности удерживала их на месте. Кровавый Ангел ненадолго бросил взгляд на схему "Нейтоса" и узнал, что мостик был одним из немногих отсеков внутри подводного судна, прикрепленный к противоположному механизму. Таинственная энерго-шунтовая технология позволяла экипажу пережить удары, от которых в противном случае их тело превратилось бы во влажную кашу. Однако эта система не была достаточно мощной, чтобы охватить все судно.

--- Братья, к спусковым модулям, --- приказал Рафен, разворачиваясь к рядам костогесантников поблизости, --- у нас есть только один шанс пройти это. Не ошибитесь, единственного прохода будет достаточно, чтобы убить нас всех.

--- Наши жизни в их руках? --- Совсем наоборот указал в сторону сервиторов, --- в руках осужденных за преступление слуг?

--- Постарайся не беспокоиться по

этому поводу, -- ответил Туркио. Пулу
язвительно бросил взгляд на обоих
Астартес и высказался за всех.

-- Мы готовы.

Рафен кивком принял ответ.

-- Это точка невозвращения, братья.
Этим днем мы рискнули сунуться в
неизвестность, вниз на планету, кишущую
чужаками, в мир, очерненный отметиной
Хаоса. Обратите взор на себя, боевые
братья, на свою броню и мы победим.

Нокс поднял зажатый в кулаке шлем.

-- За Императора и Сангвиния.

Слова Расчленителя вызвали
мощную, яростную бурю.

-- Дааа! -- хором проревели воины.

Рафен закрыл глаза и в своих мыслях
вознес беззвучную молитву.

"Позволь нам выжить, Великий
Ангел", -- тихо молился он, -- позволь нам
выжить, дабы довести наше предприятие
до заслуженного конца".

"АРХЕОХОРТ" распадался на части
в ослепительных вспышках света.
Пробоины в разорванных трубах,

проводящих потоки электромагнитной энергии, плевались сгустками разного цвета. Целые палубы, сделанные из окрашенного стекла, спасенного с миров, стертых до основания, были раскрошены в пыль. Экспонаты с тысяч планет и сотнями лет истории были разорваны на части медленными, агонизирующими предсмертными толчками конструкции. Склады с еще не каталогизированными предметами, вещи чужеродные по происхождению или по характеру для человека, были раздавлены весом падающего металла. Столетние пергаменты питали пламя, которое кипятило био-жидкости тепло-хранилищ и раскалывало нежную структуру кристаллов записи. Библиотеки с барахлом и антиквариатом, вперемишку с ценными и не задокументированными сокровищами, разрушались друг за другом. Этот великий монумент алчности и одержимой жадности одного человека исторгал в костос и оставлял за собой гладкую полосу из раскуроченного антиквариата. Легкие обломки медленно

притянутся гравитационным полем к
своей пламенной кончине, большие же
упадут быстрее. На фоне темноты
костоса они вырисовывались ярко и четко.
Перед синтетическими чувствами
черепов-спутников быстро прогорали их
термические сигнатуры. Орудия черепов
выливали на них все больше и больше
убийственной тощи, размазывая их все на
меньшие и меньшие кусочки.

В самом центре этого
клубящегося безумия, расколотое ядро
"Археохорта", единственный самый
огромный кусок обломков, продолжал свое
падение. В носовой части, состоящей из
зазубренных лоскутов обшивки,
отстрелились листы на взрывных болтах.
За ними появился объект, напоминающий
по форме глубину, едущий на пусковой
люльке и медленно вылетающий вперед.

МАТТХАН ЗЕЛЛУК ощущал, как
упирает его корабль, и если бы он мог, он
бы рыдал горькими слезами. Но часть его
плоти, отвечающая за эту функцию, была
удалена и сто пятьдесят семь занятая

два года тому назад, во время получения
ранга на конклаве в Морит Тан. Вместо
этого он позволил таленьким циклам
прогресса эмуляции эмоций волчком
вертеться внутри его разделенных
мыслей. Таким образом, изолировав свою
скорбь, он позволил остальной части
разума сконцентрироваться на
освобождении из заключения.

Техногесантник Мохл смотрел в
небытие, разнообразные механогендриты
свисали из гнезд имплантов вдоль его шеи.
Они покачивались и корчились. Его
единственная серво-рука прерывисто
подергивалась.

Металлические губы Зеллика
скривились от отвращения. В самых
сокровенных уголках своего разума, он
часто высмеивал этих полукровок
Астартес и их идиотское поведение.
Космогесантники -- во всем своем
огромном разнообразии -- представляли
собой впечатляющий инструмент, это уж
точно, и он уважал их примерно так же,
как обычный человек уважает норовистую
боевую собаку. Но эти, так называемые

"техногесантники"... Что они такое? Сверхлюди, играющие в агентов? Органы отсылали их на Марс обучиться тайнам машины, но разве они могли надеяться когда-либо по-настоящему прийти хотя бы к пониманию таких вещей? Только рожденные на Марсе могли действительно осознать размах Бога-Машины. Только истинные носители шестеренки стремятся надеяться познать величие Омниссии.

Зеллик изогнулся, оскорбленный неестественной природой того, чем его вынудили заняться, и позволил микро-мандибулам, спрятым в его рту, перерезать нити, связывающие его со штурвалом "Археохорта". Он не обращал внимания на скрип измученного металла и вспыхивающие пламени, опасаясь в полной мере узнать, насколько пострадало его драгоценное сущно. Вместо этого, он сконцентрировался на перерезании, заполняя буфер мыслей своей неприязнью к Мохлу. Техногесантник явно не был наследником Великого Бинарного Господина, а если бы и был, то тогда бы проигнорировал безумные приказы Рафена

задать "Археохорту" такой
самоубийственный курс. Настоящее дитя
Механикус сохранило бы свою верность
Зеллику...

Но даже когда эти мысли
сформировались в его разуме, Маттханс
Зеллик испытал мгновения отчаянья.
Беслиан был марсианином, как и он, и все
же его подчиненный поставил себя выше
судьбы "Археохорта" и его драгоценных
реликвий. Зеллик построил гримасу. Не
важно. События того дня открыли ему
правду. Этот дурак считал себя лучше,
лучше тех, чей священный долг был
охранять потерянные технологии
человечества, утраченное будущее — без
которых их наверняка уничтожат!

Когда до Зеллика дошло, что он тоже
вскоре умрет, он сформировал план.
Наконец-то нуты были разрезаны и со
скрежетом шестеренок в приводах ног, он
разорвал их, после чего расставил ноги на
грожащих палубных плитах.

На секунду он испугался, что
Астартес Мохл развернется и убьет его,
но глаза Мохла были пусты и смотрели

куда-то вдаль. Зеллику был знаком такой взгляд --- огромный экстаз от работы в сети. Мохл непосредственно воздействовал своей волей на сонм сервиторов и думающих машин на борту "Археохорта", заставляя их подчиняться своим сцицидальным командам. Это была обременительная задача даже для технолорда.

Нос Зеллика сторщился, когда обонятельные сенсоры ощутили страдание человеческого нота, выделяющегося от усилий Расчленителя. Приведя в порядок все свои поршни, выровняв стержневидные конечности, Зеллик пригнулся и затем прыгнул к Астартес. Рядом с бронированным воином на полуобнадеженной глыбой лежал его болтер. Когтистые пальцы агента схватились за оружие и дернули. Болтер оказался тяжелее, чем он ожидал, его вес был необычно сбалансирован. Он уткнулся поднять его в какое-то подобие позиции для стрельбы, приставив его к своему бедру из углеродистой стали. Зеллик едва мог его удерживать и уже жалел о своем

протестивом решении, хотя его тонкие пальцы дотянулись до спускового крючка.

--- Что ты делаешь, жрец?

Посреди грохота и безумия разрушения, голос Мохла был необычайно громким. Он говорил медленно и хрипло, пытаясь выйти из командной сети "Археохорта", но этот процесс был не из быстрых. Его серво-рука попыталась схватить его.

--- Ты заплатишь за это, --- промрещал Зеллик, --- я заставляю каждого из вас заплатить!

--- Не... --- начал Мохл, но затем раздался гудкий, громоподобный взрыв шума и света, и внезапно техножрец очутился на палубе в нескольких метрах от десантника, скупя от боли, разрушительный спазм которой заставил его конечности подергиваться.

Лицо Зеллика оказалось влажным, и язык-сенсор высунулся из ротового отверстия взять на пробу теплую субстанцию, усеивающую его лицо. Внутренние сканеры подсказали ему, что это была кровь и мозговое вещество.

Очистив лицо рукой из серво-сбруи, Зеллик взглянул на грожащие плиты и увидел лежащее под углом тело Мохла.

Вместо головы остались только красные осколки костей челюсти, рядом валялся вверх ногами огромный болтер, дуло которого дытилось. Он услышал булькающий звук, который и вызвал в нем отвращение.

Перематывая инфо-катушки в черепной коробке, Зеллик взглянул на свою когтистую руку. Все произошло так быстро. Оружие, спусковой крючок... Он не знал, что нужно было давить с такой силой. Если бы его тело не было так значительно улучшено и усиленно работой магоса, то он никогда бы не смог удержат такое огромное оружие, и что еще менее вероятно, что смог бы выстрелить. И все равно отгача причинила ему огромные страдания.

Жрец ожидал, что к нему вернется страх, но вместо этого было отчетливое ощущение восторга. Он убил Агентус Астармес! Пусть даже отвлеченного, жестко подключенного к интерфейсу

корабля, но все же...

--- Я говорил, что заставляю тебя заплатить, --- сказал он телу Мохла, --- а ты не послушал! Но я на этом не останавлиюсь!

Странная истерика угрожала захватить его, и Зеллик снова заглушил ее, окружил эмоциональную вспышку барьерами холодной логики. Он пробрался в коридор за мостиком и затешился. Недалеко в стороне, у правого борта, располагался отсек с полудюжиной спасательных капсул. Он мог добраться туда за секунды, убрать с этих обломков, пока они не погибнут навечно...

--- Но почему? --- вопрошал он дымящийся воздух. --- Почему?

Вокруг него утирал "Археохорт" и внезапно ему показалось неблагодарным пытаться пережить его, этот великий монумент поискам личной славы Зеллика. Его место было здесь, рядом со своей коллекцией. Он жил ради нее, и правильным было умереть за нее.

--- Еще рано, --- процедил он, когда в его голове окончательно сформировался план.

— Еще рано! — заорал Зеллик, убежая со всей скоростью, которую могли позволить ноги-поршни, вперед, к потайному святилищу в его частном музее — к запрещенному ксено-устройству, лежащему там.

СПУСКОВЫЕ модули стояли вдоль коридора "Нейтоса", покоясь в гидравлических салазках и противоперегрузочных люльках, которые должны были поглотить удар при падении с орбиты. Обычно они были рассчитаны на трех человек, но в данном случае с Астармес, они стали личными капсулами. Но двое, быстро и сноровисто, Кровавые Ангелы и Расчленители вошли в модули и загерметизировались внутри. Рафен наблюдал, как раб-машина с когтистыми ступнями подсоединяет выпуклые трубы к каждому закрытому люку. Те сгибались и дергались, пока перекачивали противоударный био-гель в модули. Полутвердое вещество стягивает эффект от удара еще сильнее, и костодесантники, уже завернутые в одеяние из кератита и

пластали силовой брони, ничего не почувствуют, пока не очутятся на земле.

Сержант согнулся, чтобы посмотреть через стеклянный иллюминатор в одной из стоек. Он разобрал очертания, плавающие в густой тьме. Роба растянулась в желе, рука сжимала кислородную маску на лице. Бесшумно, словно туха, запаянная в янтаре.

— Если мы погибнем, он никогда этого не узнает, — высказался Нокс. Рафен поднял взгляд и увидел, что они с сержантом остались последними. Осторожно ступая по трясущейся палубе, Кровавый Ангел потянулся и загерметизировал шлем.

— Мы доберемся вниз живыми, — ответил он Ноксу, — я доверяю оценке брата Мохла.

— Почему?

Вопрос показался странным, но брат Рафен к этому времени уже понял, что брат-сержант Нокс все ставит под сомнение. Он показал вверх, словно в сторону мостика "Археохорта".

— Я доверяю ему из-за того, что он

сделал, чтобы увидеть, как мы завершим миссию.

Нокс встретился взглядом с Рафеном. На мгновение в почти всегда безжизненных и пустых глазах вспыхнула черная ярость.

— Я вырежу его ита на тысячу трунов врага и не гутаю, что этого хватит. Это будет подходящая дань.

Он забрался в собственный модуль и дернул крышку.

— Увидимся в аду, Кровавый Ангел.

Рафен в одиночестве остался на палубе и вслушался в окружающий грохот. В любую секунду можно было ожидать, что "Нейтос" выпадет из обломков и начнет свободное падение. В любую секунду. Их место падения будет в руках судьбы. Миссия требовала везения намного больше, чем могло найтись у Астартес. Перед тем как войти в модуль, он решил вознести еще одну молитву, а может быть, литанию защиты, и затем откинул эту мысль. Больше ничего не нужно было говорить. Император наблюдает за ними, и Рафен ощущал это.

Он вошел в модуль и закрыл себя изнутри. Как только створки замкнулись, он закрыл глаза, поэтому от него ускользнула внезапная быстрая судорога, схватившая ближайшего сервитора. Работавшая машина дернулась и изо рта пошла пена, манипуляторы то сжимались, то разжимались, ярко зажглись индикаторы передачи мыслесхем. В следующую секунду судорожный спазм прошел, и, как ни в чем не бывало, илот возвратился к своим обязанностям.

"АРХЕОХОРТУ" пришел конец. Огненный шторм от спутников-стрелков, схвативший вращающиеся фрагменты конструкции, превратил их в ливень из металла и стекла, дерева и плоти, газа и плазмы. Пройдя тысячи километров по стратосфере и войдя в темную, густую ночь Дайники-5, останки корабля были захвачены атмосферой, и куски судна Mechanus начало сжигать от входа. Переживший это мусор вошел в верхний, редкий облачный покров планеты. Эти глубины искореженного железа и зазубренные

копья обломков разбросало широким веером по невзрачному ржаво-оранжевому океану. Некоторые были достаточно огромны, дабы вызвать ударную волну, которая обрушится на другую сторону этой планеты. Некоторые стремительно потонули в глубинах морей Дайники, а некоторые протаранили несчастные коралловые острова и вереницу атоллов, позволив медлительным волнам океана заполнить огромные воронки.

Прячась в пламени падающих обломков, затерявшись в ревущем жаре и ярости падения, "Нейтос", вращаясь, летел к поджигавшему водат.

Поначалу невообразимый жар бил в нелепообразный нос судна, за секунды прожигая оболочки из чешуйчатой брони, защищающей передний край. Под ним включился в работу изобретенный двадцать тысяч лет тому назад энергоотводящий механизм, чей принцип действия затерялся во времени. Но он сработал, отведя интенсивный жар.

Он работал словно фрикцион, поглощал энергию и возвращал ее обратно.

Невидимое поле ионизированных частиц зажглось вокруг судна. Его могли наблюдать только улучшенные органы кибер-чувств рабов-машин экипажа. Снова и снова оглушительные звуковые удары рассекали ночную сторону Дайники-5, когда падающие обломки преодолевали скорость звука. На вершине такой волны давления, оставляя пламенеющий след, летел "Нейтос", одинокая пылающая стрела среди комет других.

В управляющих системах корабля сработали датчики и по их команде из корпуса высунулись короткие крылья двойного назначения. В это же время, в кормовой части "Нейтоса" развернулись огромные серо-синие конусы не рвущегося синтешелка. Их объем моментально заполнило воздухом местной атмосферы и отработанными газами двигателя. Широкая баллютная тормозная система натянулась и стабилизировала корабль. Все еще прячась под зонтиком из падающих обломков, "Нейтос" серией небольших поворотов потенял направление. Его крылья разворачивались в воздухе,

сбавляя предельную скорость падения. Если бы остатки "Археохорта" не ослепляли, тогда бы датчики орбитальных черепов-стрелков в мгновение взяли бы на прицел судно. Но в данный момент все, что они видели — массу противоречивых, искаженных откликов. Найти "Нейтос" в этом диком беспорядке было все равно, что пытаться отыскать один единственный факел в пылающем инферно.

Затем последовал удар. Вспененные воды океана поднимались и опали под небесами, взрезанными полосами огня, и из этой освященной пожарищами тьмы, словно молот бога войны, ударил "Нейтос". Быстро мерцающие, гравитационно-стесняющие поля, питаемые энергией от жара входа в атмосферу, ореолом окружили подводное судно, когда оно коснулось вершин волн. Невидимая чаша энергии раздулась вширь, рассеивая кинетическую энергию и разрезая канал в мутных водах.

Проходя бурю напряжения от ударной нагрузки, мощнее, чем кто-либо когда-либо мог испытать на себе, судно стонало.

Отгача выразилась отчетливой термической вспышкой, и маслянистые воды мгновенно вскипели в жирный туман перегретого пара.

Все это произошло в течение секунд, после чего раздался гром стесненного воздуха. Когда "Нейтос" исчез под поверхностью, спусковую систему торможения, как и направляющие крылья, оторвало.

И пока вокруг продолжал падать ливень обломков, судно начало погружение.

В СОГРЕВАЮЩЕМ безмолвии наполненной жидкостью капсулы, брат Церис позволил себе использовать эти мгновения для передышки. Нужно было только хорошо сосредоточиться, чтобы отстраниться до своих сверхъестественных чувств, отгородиться от бурлящих приливов и отливов психических откликов его боевых братьев. Некоторые из них излучали страх, хотя и никогда не выказывали его, другие гнев, и все они были напряжены, давая в себе желание вступить в бой. Бурление эмоций-цветов было

сильным. Воины Agentys Астартес не были известны спокойным нравом — они были стелыми и активными, и все эти черты характера проявлялись в каждой стороне их существования. Но опознания простой истины тонкие губы псайкера изогнулись в спокойной улыбке. Несмотря на полную непохожесть благородных Кровавых Ангелов и свирепых Расчленителей, в своих сердцах и разумах они были одинаковы. В самой своей сути между ними не было разницы.

Церис ощутил небольшой прилив уверенности — они победят. Фабий Байл утратит, и священная кровь будет сохранена. Он ощущал это столь остро, что это казалось пророческим предчувствием — и когда голос на задворках его разума предположил, что он верит в то, чего жаждет, он утихомирил его. Они не потерпят поражения. Они победят. Ум придется. Возвращение на Баал с пустыми руками — самый великий позор, который только мог себе вообразить Церис.

Во время падения он погрузился в

полутранс, и тряска корпуса казалась чем-то отдаленным и смутным. Если бы "Нейтосом" управлял человеческий экипаж, он ощущал бы пелену их беспокойства, но сервиторы с вычищенными мозгами работали с системами корабля не выражая эмоций. Он смутно ощутил смерть двоих из них, когда сила нагения повредила второстепенные системы в различных отсеках, но в этих обстоятельствах их гибель была подобна тому, как задули свечу.

Нагение прошло быстро, ну или так показалось. Анабиозная мембрана в его сером веществе погрузила его на небольшой промежуток времени в состояние полусна. Не полная потеря сознания, но достаточно, дабы тело отдохнуло перед предстоящей битвой. Затем, столь же стремительно как все началось, оно закончилось, и он ощутил, как вялость уходит.

Церис так же осознал, что противоударная жидкость уходит из модуля через выпускные клапаны. Овальный люк перед ним раскрылся. Страхнув

застраваішую на бране пленку геля, он
выбрался наружу и позваіліл серватору
обдуть его воздухом для очищения.
Остальные из отделеіня помогалі друз
друзгу. Все отделеілись только небольшими
ранениями, контузиями или синакати от
такого жесткого падеіня. Учитаваіа их
улучшенное восстановление, небольшие
повреждения будут забыты
костодесантниками через часы.

— Ты все еще с нами, братац-колдун? —
спросил Эйген, счищаіа густую жидкость
с дыхательной решетки. — Понравилось
путешествие?

— Я все время дремал, — честно
ответил Церис.

Туркио ухмыльнулся.

— Я тоже подумывал об этом. Воин
должен отдыхать всегда, когда может.

Церис кивнул.

— Я гарантирую, что с этого
момента ни у кого из нас не будет времени
для отдыха.

— Постараюсь не заснуть, когда
появится враг, — парировал Эйген.

В его ауре дыткой плавало

раздражение и Церис позревал, что Расчленитель остро переживал каждую секунду падения с орбиты. Мерцание на краю его мыслей привлекло внимание и псайкер бросил взгляд на беседующих Нокса и Рафена. Рядом с ними стоял один из сервиторов с мостика, из его рта, словно слюна, свисала инфо-лента.

--- Этот момент может наступить быстрее, чем хотелось бы, --- сказал Церис, увидев напряжение в походке гвух-сержантов. Не ожидая ответа Эйдена, он пошел навстречу командирам.

Пристально изучая, Рафен пальцами перебирал конец ленты.

--- Существуют допустимые отклонения?

--- Нет, --- прогрохотал сервитор.

--- Так быстро? --- Нокс нахмурился. --- Только не говори мне, что мы уже утратили элемент неожиданности!

--- Думаю, нет, --- ответил Рафен, --- в противном случае нас бы уже обстреливали.

Он взглянул на Цериса.

--- Кодиций. Нас видели колдовским

взором?

Нсайкер покачал головой.

--- Нет, мой лорд. Я бы ощутил его прикосновение.

--- На поверхности в этой зоне появились суда, --- в качестве объяснения произнес Нокс, повысив голос, чтобы все услышали, --- баржи и быстрые катера, судя по звуку, если он не врет. Причем слишком близко для спокойствия.

С булькающим шипением открылась последний модуль для спуска, потрепанная фигура загнулась и рухнула на палубу. Логик Беслиан издал металлический кашель и из жалюзей дыхательной решетки, спрятанной под его протокшей одеждой, струями ударила жидкость. Он испустил низкий, влажный стон, который привлек клирика Гаста. Остальные костодесантники проигнорировали его.

--- Мы едва только приземлились, --- проскрежетал Аджир, --- как могли эти ублюдки Хаоса узнать, что мы здесь?

--- Должно быть, они были уже поблизости, --- предположил Туркио, --- может, это патруль?

--- На другой стороне планеты от крепости Байла? --- Аджир покачал головой. --- С какой целью?

Туркио проигнорировал ядовитый тон в голосе Кровавого Ангела.

--- Мы еще слишком многого не знаем о работе предателя в этом мире.

Рафен кивнул.

--- Фабий отличается проникательностью. Он отослал эти суды, дабы остотреть обломки... Скорее всего, чтобы спасти то, что можно, так как он знал ценность "Археохорта" Зеллика.

--- Мы атакуем их? --- спросил Сов.

--- Держи в узде свое нетерпение, Расчленитель, --- глядя на других Астартес и сложив руки на груди, ответил Кейн, --- атакуем --- и сразу же потеряем единственное преимущество!

--- А тебе бы хотелось прятаться в тенях? --- Сов шагнул к молодому десантнику.

--- Хватит, --- прорычал Нокс, --- когда начнется битва, вам всем хватит крови, чтобы насытиться. Но до этого мгновения --- сдерживайте себя.

Он сурово глянул на Сова.

--- Ясно?

Расчленитель быстро кивнул.

--- Так точно, брат-сержант.

Церис наблюдал за обменом любезностями и затем прочистил горло.

--- Со всем уважением, я должен указать, что есть еще и третий вариант. Не атака, но и не бездействие.

Рафен посмотрел на него.

--- Продолжай.

--- Мы в логове врага, и все же, как заметил брат Туркио, нами движет наша хитрость и смелость. Мы должны собрать свои силы и узнать все что может об этих кораблях и экипажах Фабия.

--- Справедливо, --- сказал Пулуо, --- но мы Астартес. А не шпионы.

Эйген, соглашаясь, кивнул.

--- Мы рождены для сражения, а не для наблюдения.

--- Верно, --- признал Рафен, --- но кое-кто на борту поможет.

Он смотрел как Беслиан, шатаясь, вставал на ноги. С выворачивающим кашлем, Механикус скривился, обозревая

свое собственное жалкое состояние, после чего медленно осознал, что все костодесантники в помещении смотрят на него. Он вздрогнул, словно его ударили, и попятился от Гаста.

— О, нет, — прошепестел он, — что вы еще от меня хотите? Вы мало у меня отобрали?

— Наш долг перед Золотым Троном никогда не заканчивается, агент, — произнес Гаст.

ПАДЕНИЕ из костоса "Нейтос" пережил с незначительными повреждениями, и это факт вызвал тихое удивление среди некоторых костодесантников. Рафен знал, что Гаст и Эйген держали пари, что произойдет какой-нибудь несчастный случай, и нахмурился от самой такой мысли, что можно делать ставки на то, что тебя убьет. Этот жестокий юмор был не по нему.

Под его командованием Беслиан передал приказы экипажу сервиторов, и, паря под поверхностью воды, судно

поднялось на перископную глубину. Поначалу техножрец Механикус не хотел подчиняться и высказывал тысячи причин, почему подъем корабля будет очень опасен, но комбинация почти неприкрытой угрозы Нокса и маленькой лестии со стороны Рафена подтолкнули агента к работе.

Привязанный к глинному тросу провидческий шар, обернутый в талозаметные и не поддающиеся обнаружению материалы, был выпущен из обтекателя рубки. Он медленно поднялся и бесшумно всплыл меж бушующих волн.

Выше, под мерцанием продуваемой всеми ветрами ночи Дайники, постоянные потоки воздуха, разрывая волны, взбивали океан. Тяжелые, свинцовые волны кипели и бурлили, виной тому было все еще отдающее эхом падение обломков "Археохорта". Еще несколько часов части от конструкции будут падать на планету, возмущения атмосферы и постоянные столкновения с поверхностью сделают невозможным разобрать любой отклик сканеров. Но проблема была обоюдной, и пока "Нейтос" не может четко разобрать

флотилию вдалеке, так и враг не может с уверенностью обнаружить подводную лодку. На беснующихся волнах плавала масса легких обломков и "Нейтос" передвигался в их тени.

В командном центре стояли Рафен, Нокс и Церис, и наблюдали за сложной игрой откликов сканеров. Остальные костомогесантники готовили свое снаряжение в грузовом отсеке, превращенном сервиторати в оружейную.

Беслиан, согнувшись, изучал пикт-экран.

--- Думаю, я нашел, --- он постучал по панели серво-рукой, --- смотрите. Стандартная Шаблонная Конструкция этой баржи мне знакома. Это Канна-Ро-Шесть --- океанское грузовое судно, типа Ланугас.

Рафен увидел зернистую картинку, наложенную на сияющие линии схематичного трафарета. Огромный корабль сидел глубоко в воде, а его изначальные прямоугольные очертания были исковерканы рифлеными дополнениями, которые напоминали

крепостные донжоны.

--- Возможно, модифицированные огневые позиции, --- предположил Нокс, думая о том же, что и Кровавый Ангел.

--- Ага. Но это... --- Рафен указал на веера специфических кристаллических антенн и выпуклую сферу, усеянную дырами, --- для чего это?

Беслиан не был готов дать ответ на этот вопрос и продолжил на другую тему.

--- Записи говорят о том, что несколько океанских судов были развернуты флотом эксплораторов, чтобы начать аграрные работы на этой планете. Это судно может быть одним из них.

--- Фабий, возможно, восстановил все, что не было уничтожено атакой тиранид,

--- сказал Нокс, --- эффективное использование ресурсов. Этот мир далеко от обычных торговых путей или варп-маршрутов. Несомненно, что предателю сложно доставить сюда большой объем новой техники.

--- Он использует то, что под рукой, --- согласился Рафен, --- его крепость, скорее всего, видоизмененный комплекс,

оставленный фермерской колонией. Это может быть нам на руку.

Сержант решил обдумать это позже. Пустые глаза Нокса сощурились, и он указал на вторичную передаточную провидческого шара. Зеленая прямая на зеленом экране проходила его по радиусу и каждый раз на нем появлялись и затухали люминесцентные точки.

--- Это не флотилия, --- заявил он.

Беслиан неловко погочел.

--- Точно. Это... биологический отклик.

Рафен втянул воздух. Экосфера Дайники-5 была лишена всех местных форм жизни, и это означало, что любые живые существа, которых они встретят и которые не были связаны с операцией Байла, могут иметь только одно происхождение.

--- Тираниды? Ты посчитал, что не нужно информировать нас о том, что они близко?

Агент вздрогнул, словно испугался, что его ударят за такое преступление.

--- Они не представляют угрозы... Пока

не представляют, господин. Они слишком далеко.

Нокс кивнул.

--- Они ближе к кораблям Байла. Если они атакуют, то сначала их.

--- Нет, --- нараспев произнес Церис. Кодиций не отрывал взгляд от пикт-экрана, сконцентрировал свое внимание на странной конструкции, на которую указал Рафен.

--- Они не видят флотилии. Ксеносы ее не видят.

--- Как такое возможно? --- Нокс нахмурился и указал на развертку сканера. --- Эти чешуйчатые ублюдки так близко, что могут поднять морды и плюнуть в эти корабли.

Церис покачал головой.

--- Они пройдут мимо.

Рафен стал наблюдать за дальнейшим развитием событий. Колеблющиеся точки тиранидской стаи пересекли ближайшие баржи, которые заглушили двигатели и плыли в дрейфе.

--- Откуда ты узнал это? --- спросил он псайкера.

--- Я вижу корабли зрением... --- после
этого он постучал по своему психическому
канюшону, --- но не вижу их здесь.

--- Антенна?

Церис кивнул.

--- Возможно, психический глушитель.
Когда я попытался своими чувствами
дотянуться до разумов существ на борту
этих кораблей, то не обнаружил там
ничего, кроме стены белого шума.

--- Тираниды конечно животные, но не
слепые, --- сказал Нокс, --- не может быть,
что дело только в этом.

--- Ты прав, --- ответил Беслиан,
разворачиваясь от трещащих
когитаторов, --- сенсорный блок
протестировал атмосферу планеты,
чтобы определить протоколы
безопасности.

В руках он держал связку
напечатанных пергаментов.

--- Согласно этому, в воздухе огромное
скопление феромона конкретного
тиранида. Несколько молекул на миллион.
Налного больше, чем я ожидал.

--- Споры? --- при этом слове губы

Рафен скривились. Он был свидетелем тому, как споры ксеносов воздействуют на плоть человека, их чудовищная ядовитость вызывала в нем отвращение.

— Нет, — ответил агент, — для уверенности мне нужно перепроверить, но, кажется, преобладают феромоны, указывающие на мертвый организм.

Техножрец быстро объяснил, что в улирианидских ульях, как и у других коллективных насекомых, информация передается с помощью феромонов-маркеров. Таким образом, что-то токсичное маркируется как "не-еда", что-то, что можно генатүрировать и передать в конверсионные бассейны, отмечается как "поглощаемое", а когда организмы из улья утилируют, их тела выделяют секрет, который помечает их как "мертвых", что привлекает рабочих для переработки их биоматериала.

Встретив такую отметку, существа-воины просто игнорируют все, что их примитивные мозги считают мертвым, но до тех пор, пока это остается недвижимым и не делает

ничего, чтобы рассеять это убеждение. С тиранидами высшего порядка эти маркеры не работают, ибо они способны разумом осознать приближение человеческих существ — но на Дайнике-5 не было очевидных признаков существования высокоорганизованных существ типа норн-королев или тиранов улья. Только воины, адаптировавшиеся к природе планеты океана.

— Сфера на барже, — сделал заключение Беслиан, кивая самому себе, — это распылительное устройство для феромонов.

— Крепость Байла должна обладать той же технологией, — сказал Рафен, — тираниды не атакуют его, потому что не могут почувствовать.

Нокс подбородком указал на экран.

— Зато чувствуют нас. Видите?

Стая чужаков изменила курс, и разошлась веером к "Нейтосу", который прятался среди плавающих обломков. Рафен взглянул на Беслиана и увидел, что оставшаяся на лице кожа агента побледнела. В следующую секунду Беслиан

прыгнуў к рўлевой консоли.

--- Нам нужно бежать! --- свистел он. ---

Включить двигатели, максимальная скорость...

--- Отменить приказ! --- рўбанўл

Рафен. --- Выброс двигателей отметит нас на решетке провидческих сканеров этих барж. Ты приведешь их к нам столько же верно, как если бы зажег магниевую ракету.

--- Но существа... --- агент с видимыми усилиями взял себя в рўки.

--- Они атакуют нас, если мы останемся у поверхности, --- произнес Церис.

--- Они тираниды, --- возразил Нокс, --- они атакуют нас всюду, где бы мы ни были.

--- У нас нет защитного аппарата Байла! Мы не можем просто оставаться неподвижными и молиться, чтобы они нас не тронули!

Беслиан сжал в замок свои металлические пальцы.

--- Если "Нейтос" не сможет убежать от них, то мы можем сражаться! --- Рафен взглянул на Цериса.

--- Всегда есть третий путь, --- тот шагнул вперед и обратился к сервитору экипажа, --- опускай шар и начинай погружение. Оставь двигатели отключенными. Просто наполни балластные резервуары, и мы уйдем на глубину.

--- Это их не остановит, --- толкнул Нокс.

Кровавый Ангел кивнул.

--- Я знаю. Но чем глубже мы уйдем, тем меньше шансов, что наше сражение заметит враг.

Сержант Расчленителей покачал головой.

--- Ты рискуешь всеми нами.

Рафен при этом разразился смехом.

--- Конечно же! Но риск --- это наш хлеб и наша вода!

Он взглянул на Беслиана.

--- А теперь исполняй мои приказы.

Агент нетвердо кивнул и начала выдавать машинный код. Сервиторы загнулись и пришли в движение, расползаясь к своим командным постам.

--- А какие будут приказы для нас? ---

спросил Церис, нахмурив брови.

--- Поднимайте отделения. Приказ...
приготовиться к отражению абордажа.

У БИОФОРМЫ охотника-хищника
были глаза, но это были достаточно
слабые органы. Недоразвитые глазницы в
маслянистой муте еле видели немного
пространства перед собой. Вместо этого,
они прокладывали путь по океанам.
Дайники-5 с помощью нервов
электрорецепторов в костяных черепах и
чувствительных усиков, которые
колыхались вокруг беззубого рта в
окружении зубов. Они пробовали на вкус и
запах окружающую тягучую воду,
ориентировались по звуковым колебаниям,
которые отображали ландшафт в виде
звуковых волн и точек.

Когда их улей поначалу заложил
споры в этот мир, их вид был близок к
тому, что люди называют "ликторатами",
но стремительный эволюционный цикл и
физиология, основанная на бесконечно
покорных восьми-спиральных ДНК,
перекроила их под новую окружающую

среду. Теперь у ликторов были только самые основные сходные черты со своими распространёнными родичами. Эти существа были более гладкими, покрытыми легкими микрошипами, у них были плоские когти, которых было вдвое больше у рулевых плавников. Мощные ноги, которые осуществляли движение, покрывал секрет слизи, делающий их обтекаемыми для океанов.

Их животные разумы реагировали на объект перед ними, металлическую массу, уплывающую в темноту. Отклики звуковых волн были искаженными и ступающими, и они приводили ликторов в бешенство. В этой тьме нельзя было полагаться на обонятельные рецепторы, но ничего не говорило им о том, что эта штука часть их рода. Объект был чужд для них, он нес привкус других миров и тепло, которому не было места в холодных водах.

Подойдя поближе и замедлившись, тираниды развернули свои когти из кармашков в коже и воткнули их в корпус "Нейтоса". Они искали свою добычу, путь

внутрь.

КЕЙН окунул палец в стазку, и провел им по дулу своего болтера, как и советовал брат-сержант Рафен.

--- Смотрите куда стреляете, --- убеждал он, --- только одиночными. Используйте оружие ближнего боя. Любые сопутствующие повреждения сделают эту грохоту нашей могилой, так что будьте осмотрительны, --- их командир размахивал плазменным пистолетом, соленюды были выставлены на минимальную мощность.

Кейн оглянулся, все еще не уверенный, почему Рафен собрал их в этом отсеке. Это был ангар с наклонной палубой вдоль брюха субмарины, который примыкал к корме, но не доходил до двигателей лопастей. Палуба уходила под крутым углом, в то время как вдоль всего ангара стояли сетчатые платформы. Это напоминало Астартес десантный отсек "Грохового ястреба", только гораздо шире.

Палуба "Неймаса" грозила, когда кто-то начал бить в обшивку, привлекая

всеобщее внимание. Секундой позже Кейн услышал еще один звук -- высокочастотный визг, словно клинок царапал клинок. Рядом с ним стоял Расчленитель Сов, он склонил голову набок и нахмурился.

-- Когти, -- мрачно изрек он и для демонстрации оцарапал воздух пальцами.

-- Мы для них консервированное мясо в железном гробу, -- пробормотал Аджир, -- должно быть, их уже тошнит от гнеты из предателей и грубого мусора... Их голод требует чего-то свеженького.

-- Ксеносы найдут здесь только свою смерть, -- возразил Эйген.

Рафен повернулся к Пулу, который стоял рядом с контрольной кафедрой.

-- Заполняй, -- приказал он.

Пул мрачно кивнул и крутанул верньеры, и тягучие волны морской воды немедленно начали заполнять нижний уровень. Наклонный пол исчез из-под ног и Кейн осознал, что был прав. Палуба под платформами была единым механизмом, массивной десантной рамной на петлях. Над ним в зажимах висела громоздовая капсула с плавниками и винтами -- какое-

то вспомогательное судно, решил он, которое может маневрировать под ратной и выходить наружу. Ему в голову пришла неприятная мысль.

--- Мы собирается выйти в море?

--- Пока что нет, --- ответил Рафен и на его губах заиграл хищный оскал, --- вспомни свои тактические уроки, брат. Выбирай для себя подходящее поле боя, иначе враг это сделает за тебя.

--- Снаружи у нас нет преимуществ, --- добавил Пулуо, --- нам бы понадобились троллеи, магнитные захваты...

--- Ты хочешь встретить этих тварей здесь? --- низким голосом спросил Нокс.

--- Ага, --- кивнул Рафен, --- мы уложим их и поедет дальше.

Он снимал свою правую перчатку, когда Нокс приблизился к нему.

--- Ты ударился головой о палубу во время падения с орбиты, Кровавый Ангел? Это не стелый план, а глупый!

--- Тираниды все равно прорвутся через обшивку, если только мы их не остановим. Лучше опередить их, встретиться на

наших условиях, чем позволить
продырявить "Нейтос".

Рафен убрал бронированную перчатку
и достал боевой нож. Он взглянул на
остальных.

--- Поднять оружие! Приготовьтесь
встретить врага.

Кейн двинулся к грузовому
контейнеру, уже наметив линии огня из-за
частичного укрытия, когда сержант
Расчленителей снова заговорил.

--- Стоять! --- рявкнул Нокс, подняв
руку и остановив остальных Астартес.
Рафен посмотрел на него.

--- Ты мне перечишь? Разве ты не
согласился следовать моим приказам?

--- Я сказал, что буду временно
подчиняться.

--- Ты итеешь в виду, до тех пор, пока
тебе не понравится один из моих
приказов?

Рафен схватился за лезвие ножа
голой рукой, полилась кровь.

--- Если желаешь, я обсужу с тобой
этот мятеж позже, күзен. Но не здесь.

Он шагнул вниз по рампе, пока

олоноватая морская вода не скрыла его ботинки.

--- Сначала мы разберемся с ксеносами.

Кейн видел, как Рафен протянул свой кулак, и кровь из неглубокого пореза закапала в воду.

--- Готовьтесь, --- сказал сержант, --- вот теперь они идут к нам.

Нокс прорычал в ответ и колючим взглядом окинул своих Расчленителей. Воины в черном и красном, в свою очередь, приготовились к бою. Стоящий рядом Церис достал свою силовую булаву. Она нацелил ее к глубочайшей части заполненного водой ангара.

--- Там!

Кейн увидел движение в мутных водах, стремительные и гибкие очертания двигались там словно дым. Он однажды слышал, что морские хищники способны учуять в воде единственную каплю человеческой крови с расстояния больше чем в километр, и если это было правдой, то он мог себе представить, как рой вокруг "Нейтоса" теперь стремился сюда.

Поверхность воды внезапно забурлила

и в следующий момент из-под воды выскочили черные, как ночь, очертания.

Кейн открыл огонь, хотя еле мог различить силуэт своей цели. Он заметил торс, зазубренные изгибы когтей и попал в него по счастливой случайности. Болтерный снаряд ударил тиранига в бок и моментально в воздухе возникла резкая вонь. Солоноватый, словно ржавчина, страданий рыбы и чего-то отвратительного и кислотного. Он скорчил гримасу. Существа могли источать химический след и если все оставить как есть, они привлекут всех тиранигов на сотни километров вокруг. Яркий заряд плазмы проревел в воздухе и ударил в одного из тиранигов в воде, за ним последовали болтерные снаряды, которые разорвали тело.

--- Ликторы! --- прорычал Сов, отстреливая их из-за катушки с тросами. --- Но другие... как хрящеперы на Кретаии...

--- Адаптировались, --- процедил сквозь зубы Кейн, --- они убили высших хищников. Дайники и теперь стали ими!

Из-под воды появилось пять существ. Одно, сотрясаясь в конвульсиях, уже утирало.

Остальные издали настолько высокочастотный вопль, что Кейн ощутил, словно в его голову вонзили иголки.

— Не оставлять никого в живых! — орал Рафен, целясь из плазменного пистолета. — Быстро убиваем их, пока они не позвали еще!

Церис стело выпрыгнул из-за укрытия, дабы ударить одного из гибридов акул-ликторов. Ярко-белой дугой летела его силовая булава. Когда оружие попало в зверя, в этот краткий миг, псайкер выпустил заряд телепатической силы и тиранид снова завопил — но на сей раз в агонии. Кейн повернулся, целясь из своего болтера, сделал паузу буквально на долю секунды, чтобы выбрать куда стрелять, и снаряд полетел в скопление трупной плоти вокруг глотки зверя. Усики ликтора разорвало и изо рта, похожего на тиножий, его вырвало черной кровью.

Псайкер проревел боевой клич, и раз за

разом бил зверя булавой, пока пси-силовые
шины не раскололи костяной экзоскелет
головы ликтора.

Обжигающая отгача раскаленного
воздуха дважды обгала Кейна, когда Рафел
стрелял в цель Церуса, чтобы наверняка
уложить тварь. Еще один вопль чужаков
привлек его внимание, когда второй
тиранид дернулся в воде, и один из его
массивных, секущих когтей плавился и
трещал, словно свечной воск. Выброшенные
гильзы лязгали по решетчатой палубе у
его ног. Брат Пулуо прикончил раненого,
вонящего зверя, во время ходьбы вгоняя в
его тело снаряд за снарядом из своего
тяжелого болтера.

Кейн ощутил, что обнажил клыки, и
ощутил грохот крови в своих ушах. На его
устах был вкус битвы, сладкий и сильный.

Аджир был пойман ударом хвостового
плавника другого ликтора и загрохотал по
палубе в воду, после чего приземлился на
отмель с гневным криком. Пока он с
плеском карабкался обратно по рампам,
чтобы присоединиться к сражению, Гаст и
Эйген уложили зверя выстрелами в морду.

Нокс увяз в ближнем бою, свои ценными мечом нанося огромные рваные раны грудной броне зверя. Но ликтору пробежал мышечный спазм и тот выстрелил в сержанта конусом из крюков. Нокс тарировал атаку и поймал зубцами своего оружия тянущийся за крюками канат из жил. Вращающиеся зубы с рычанием разорвали его на части. Туркио помог Расчленителю, его бионическая рука приняла на себя всю силу отдачи, когда он, держа болтер только ею, выстрелил в ногу тираниду. Припертый к палубе Нокс зарычал и погрузил свой ценной меч в мягкое подбрюшье ликтора, и его вес помог жужжащему оружию достать до жизненно важных органов.

Остался еще один. Кейн откатился в сторону, когда Рафен предупреждающе выкрикнул его имя. Когда он нырнул, в воздухе прозвучал огромный коготь-полумесяц. Задержись он хоть на мгновение, мощный удар чужака отсек бы ему голову. Продолжая разворачиваться, он сделал два выстрела наугад. Кейн услышал отчетливый треск, когда масс-

реактивные снаряды ударились в хитиновую грудную броню ликтора. Существо замычало от боли, но не прервало атаки.

Костяной плавник-конечность, с которого свисали комки волокнистой слизи, зазубренный до места соединения с телом, подобно кнүтү, оцарапал палүбү за шит. Астартес выстрелил в него, но ему нигде было укрыться. В пылу боя он был вынужден позволить зажать себя между грузовыми контейнерами и дальней стеной. С влажным свистом перед ним разошлись когти — и затем ликтор-акүла отшатнулся, воя в агонии. Ореол обжигающей плазмы окутал его спину, и зверь от дикой боли начал вертеться волчком. Кейн увидел, как подпрыгнул Сов и попытался убить его в рукопашной, но Ксенос уклонился, схватил его и выбил оружие из рук Расчленителя. Неустрашимый, рычащий костодесантник продолжил атаку. Массивный кинжал, длинный и тонкий трехгранный клинок из полированной стали с фрактальной заточенной кромкой выскочил из наруча

успеха Сова. Склонившись для удара, он погрузил гибельное лезвие меж толстых ребер и вознал его по самую рукоятку, после чего провернул кинжал, чтобы расширить рану.

Кейн выстрелил в тварь и смутно осознал, что с других сторон тоже стреляют, каждый Астартес тщательно прицеливался в конечности тирана, в страхе случайно попасть в своих товарищей.

Ликтор завыл и начал молотить конечностями. Кейн видел все сражение во всем его кровавом великолении. Зверь рвал себя на части, дабы вырвать клинок из внутренних. Оружие Сова и его правую руку оторвало и отбросило вместе с кровавой мешаниной. Из плеча Расчленителя точками била кровь. Его откинуло в сторону запоздалым взмахом зазубренных когтей.

Сов отлетел в нагромождение складских ящиков и исчез в этой гряде. Из разорванного живота последнего ликтора стекали ручейки крови и маслянисто-черная жижа. Он превратился в тишень

для ливня болтерных снарядов и плазменных разрядов. Предсмертный вопль существа отразился от стен, затем затих, превратившись в шипение кипящих жидкостей. Рафен подошел к трупу и ударом ноги отправил его в затопленную секцию ангара. Вокруг них висел страганный, обгорелый запах горелого мяса и жженого кордита. Его лицо было оцарапано и кровоточило.

--- Выкиньте это в океан. Пусть их сородичи сожрут трупы.

Кейн подошел к груде поваленных контейнеров, куда приземлился Сов, но Нокс его опередил. За ним шел клирик-апотекарий Гаст. Сержант свирепо раскидал обломки и поднял своего раненого воина с палубы. При падении Сов потерял свой шлем, его борогатое лицо было бледным. Рафен спросил.

--- Он...

--- ... жив, --- проскрежетал Нокс. Расчленитель затешился, пытаясь сформулировать, и наконец-то добавил. --- Пока что.

До того, как командир Кейна сказал что-то еще, Нокс отдал краткий приказ

Гасту и клирик потащил Сова на верхние
палубы "Нейтоса".

После долгой паузы Кейн увидел, как
Рафен спрятал свое оружие и посмотрел
на пленку темной жидкости на
поверхности морской воды.

--- Мы освятили этот мир своей
кровью и кровью врага, --- произнес он, а его
взгляд витал где-то вдаль, --- и если нам
придется, мы завалим эти моря их
телами.

НАД поверхностью воды небеса
окрасились слабым отдаленным свечением
надвигающегося рассвета. Лучи солнца
спустились на волны, окрашивая их в
чеканное серебро.

Но под ними, куда никогда не
заглядывало солнце, в бескрайней серой
тгле бездонных разломов, погружался в
глубины "Нейтос". Труны чужаков, немые
свидетельства ярости Астартес,
исковеркало ходом субмарины.
Мелководные попрошители ощутили
останки и остановились на несколько
мгновений, рассчитывая попить. Но

они остались в стороне, когда животные
чувства тиранид уловили плывущее рядом
кое-что большое и гораздо более
стерпимое. Существо наблюдало и
оценивало свои шансы против вторгшихся
в его царство.

Под поверхностью, куда никогда не
заглядывало солнце, за "Неймосом" в
глубины последовали темные и гибкие
очертания.

Глава седьмая

Гоел Беслиан осторожно ступал, прислушиваясь.

На килевой палубе, в самой нижней секции отсека с двигателями "Нейтоса", гудящие редукторы пели рансодию машин. Превосходно отлаженные механизмы, шестеренки, стержни и передачи соединялись друг с другом в безупречном исполнении своих функций. Все это было еще более невообразимым из-за почтенного возраста систем. Двигатели субмарин были основаны на философии строения, заложенной в веках, когда человечество еще не покинуло колыбель Святой Терры. Хотя подобно некоторым служащим *Агентус Механикус*, Беслиан был одним из тех, кто в глубине души верил, что человечество на самом деле сначала эволюционировало на Марсе и перебралось на соседнюю планету задолго до появления Императора, а не согласно тому, на чем настаивают другие. Марс всегда был прибежищем гениев, обителью

величайших утов человечества.

В грубое время и в грубом месте
Беслиан, может быть, смог бы
остановиться и насладиться красотой
этой великой машины, изумиться ее
работой, но в данный момент он отринул
все. Как бы он хотел, чтобы шум и мощь
двигателей успокоили его, но все, что он
слышал — шевеление мыслей-шестеренок у
себя в голове. Он не мог найти себе места.

Наконец-то он остановился у
контрольного отсека реактора, игнорируя
троицу молчаливо работающих у своих
консолей сервиторов, и уставился на
россыпь индикаторных ламп на кафедре
наблюдения за ядром. В данную секунду все
шло как надо. Его аугметические глаза
расширились, теряя фокус, взор его
обратился внутрь себя.

Гоел Беслиан очень сильно боялся, и
его страх был столь силен, что он
представлял, словно тот преследует его
везде, куда бы он ни шел, как вонь
пролитого, отработанного масла для
шпинделей. Он был уверен, что эти грубые
Астартес могут учуять его ужас, словно

хищники из плоти и крови. Он ощущал это каждый раз, когда приближался к ним.

Он взглянул на латунные манипуляторы, которые служили ему руками. Превосходная работа, они были вырезаны лазером и отполированы рабами кузни.

Измученные работой металлические хранилища, провода и керамика — все это давало ловкость и многогранность, которая никогда не была доступна любым человеческим пальцам... но даже они все равно грозили. Он много раз пытался настроить коэффициент обратной связи и стабилизировать функции конечностей, но подергивание никогда и нигде не исчезало. Когда приходил страх, оно было тут как тут. Это была чудовищная, однозначная человеческая реакция плоти. Она выдвигала несовершенство Беслиана, показывала ему, насколько он далеко от величия и безупречности Бога-Машины.

В логических катушках его усовершенствованного мозга сформировался непрощенный вопрос. Как я дошел до этого? Вместе с этим вопросом

пришло яркое понимание.

--- Из-за страха, --- произнес он сервиторам. Они игнорировали его. Пока он не отдаст им прямую команду, снабженную правильной инфо-фразой, они будут вести себя так, словно он невидим.

Беслиан наблюдал за их работой и ощутил укол гнева, столь сильный, угдивший его. Он и не думал, что еще способен испытывать эмоции такой силы. Он почти завидовал рабам-машинам, чьи высшие функции мозга были вырезаны, как у личности мужчин и женщин, которыми они когда-то являлись. Теперь они никогда не боялись. Никогда не злились. Их никогда не давила ноша собственной трусости. Они сновали туда-сюда, шептали сами себе строчки своих команд, бормотали темные приказы и операционные коды. Они были довольны своей судьбой и не страшились.

Логик же был проклят своими собственными неудачами. Неважно, насколько он затенил себя точной машиной, в глубине души он все равно оставался Гоелом Беслианом. До сих пор слабым.

Он думал о других, о коллегах, которые прошли тренировочные режимы вместе с ним. С тех пор они достигли должностей намного выше него. Он вспоминал товарища с детства Литтона, который был теперь лордом-магосом кузницы Монгасии, элегантную и язвительную Дефру, которая пошла командовать эксплораторами. Да и всех остальных, кого знал. Беслиан был худшим из всех.

Кто-то с его талантами и самоуверенностью мог бы стать командующим дивизии техногвардии или даже встать во главе своих собственных археотехнологов, но вместо этого Беслиан все еще трудился в тени великих и бежал на цыпочках за их роботами. Он всегда выбирал наименее рискованное назначение, шел по пути наименьшего сопротивления.

Его непрерывная, ничем не примечательная карьера в Агентстве Механикус привела его к Маттхану Зеллику. Возможно, как раз из-за характера Беслиана Зеллик и нанял его — возможно, ему нужен был заместитель,

который никогда бы не задавал вопросов, когда поведение Зеллика выходило за рамки правил Механикус. В целом кто-то, кто никогда бы не осмелился бросить ему вызов.

И теперь, после столь долгого ожидания, после того как Гоел Беслиан наконец-то собрал воедино в себе все остатки мужества, бросил вызов Зеллику рядом с этими Астартес... После этих чудовищных усилий по демонстрации стального стержня внутри, чем он был вознагражден? Разве Бог-Машина улыбнулся ему и пожаловал мечту, которую он никогда не осмеливался озвучивать — сделал его владыкой "Археохорта"?

Нет. Вместо этого его прокляли. Одно унижение следовало за другим. "Археохорт" был расколот на куски и уничтожен. Умения Беслиана высмеяли и опорочили, и, будучи втянут в эту безумную, самоубийственную миссию, его жизнь шла под откос.

Он дрожал, вспоминая, как по внутренним мониторам наблюдал за

костогесантниками. Вигел, как Кровавые Ангелы и Расчленители с безумной отрешенностью сражались с ликторами. Беслиан всегда подозревал, что все костические гесантники на каком-то уровне были психопатами. Он не вигел никаких возможностей отговорить их. Он глубоко вздохнул. Вот куда привела его трусость, к этому безумию, где все вокруг угрожало убить его. Под одеждой агент сжался, потянулся внутрь в слабом жесте самозащиты. Все, на что он мог надеяться — пережить это. Прожить еще один день и, возможно, если Отниссия пожелает поделиться с ним частью Своего сияния, его не забудут.

--- Предатель.

Беслиан оторвался от своих размышлений при звуках этого слова. Он оглянулся в поисках источника звука.

--- Кто это сказал?

Троица сервиторов продолжала игнорировать его. Он подошел к ближайшему из них, бывшему мужчине, а теперь инженерному илоту третьего класса. Кратким, еле слышимым

цепотом, тот бормотал допустимые проценты ускорения. Беслиан нахмурился. Возможно, это было плодом его мечтательности. Его звуковые обрабатывающие центры, должно быть, ошиблись...

--- Предатель.

В этот раз это был женский голос, и в этот он был уверен. Беслиан, запинаясь, подобрался к рабуташине, построенному на основе женщины, который был наблюдателем реактора, бормотал про себя показатели температуры жидкости и пересказывал строфы литании ядра. В этот раз он обратился к нему с правильными вопросительными кодами.

--- Это ты говорил? --- потребовал он ответа.

--- Ответ отрицательный, логик, --- пришел безлый отклик.

Он разворачивался, когда снова услышал.

--- Ты --- предатель. Беслиан.

Agent схватил сервитора и потряс его.

--- Что ты сказал? --- заорал он. --- Кто

тебе приказал говорить такое? Отвечай!

--- Предатель. Предатель.

Он снова услышал эхо этого слова, но на сей раз сразу от всех трех рабов-машин одновременно. Он отпустил женщину и отшатнулся. Три илота начали дергаться и зашлись в спазме. Беслиан видел подобные свои ранее, очень часто в конце жизненного цикла сервиторов, когда их ментальные функции невосстановимо разрушались, и их нужно было отключить — но это было что-то иное. На губах илотов выступили капли слюны.

--- Предатель, --- хором произнесли они, --- предатель. Предатель!

Слабое и неживое выражение гнева идентично отобразилось на всех трех лицах. Тройной голос углублялся и делался плотным, принимая знакомый тон и ритм.

--- Ты ненавистный слабак-предатель, Беслиан! Вот как ты оплатил мне?

--- Маттхан? --- он задохнулся от шока, узнав голос. Именно в этот момент агент осознал, что испытываемый им до сих пор страх вовсе не был таким уж

глубоким, даже совсем не глубоким. То, что обрушилось на него, было намного, намного хуже. Agent завизжал.

Все как один, три сервитора потянулись в карман своих рабочих фартуков и достали по одному инструменту -- священный гаечный ключ, лезвие-резак, стилус для записок -- после чего начали бить логика Гоела Беслиана. Они губасили его до тех пор, пока тот не утонул в гудящем шуме контрольного отсека реактора.

Когда все было закончено, на их лицах вернулось нейтральное, пустое выражение. Сервиторы сделали паузу, дабы с бережностью очистить свои инструменты, прежде чем вернуть те в карманы. Затем, снова ограниченные своими собственными тирками с обязанностями, задачами и функциями, рабы-машины вернулись к работе.

На палубе теж нили, растянувшись в луже крови, недвижимо лежал Беслиан. Они продолжили вести себя так, словно он был невидимым.

НА ВТОРОЙ палубе "Нейтоса" горел
неяркий свет. Отсеки с кроватями по
коридору, безущему по всей длине
субмарины, были закрыты и пустынные. Они
были построены для людей экипажа с
целью длительных миссий. Однако ни
сервиторы, ни Астартес на борту судна не
испытывали необходимости во сне, в
котором нуждался обычный экипаж.
Пустое пространство отдавало эхом от
звона керамических ботинок о плиты
палубы, когда фигуры в красной броне шли
к носу судна, раздумывая о своем.

--- Рафен, --- одна из фигур при звуках
шлени остановилась и развернулась.

Стоящий за Кровавым Ангелом брат-
сержант Нокс заполнял собой практически
все пространство коридора. Его голова
находилась буквально в сантиметрах от
беспорядочной путаницы труб над ним,
руки были прижаты к бокам, а мощные
плечи блокировали свет из прохода позади.

На боевой броне Расчленителя была
свежая кровь, кровь Астартес. Выражение
лица Рафена было осторожно-
нейтральным.

--- Нокс. Каково состояние брата Сова?

В полумтраке блеснули темные глаза Нокса.

--- Гаст приставляет за ним. Он лежит в лазарете, накачанный под завязку анти-шоковым зельем и противоядием. Он выживет.

--- Хорошо.

--- Но он не сможет сражаться. У меня теперь я лишился трех братьев, --- продолжил Нокс, не обращая внимания на ответ Рафена.

--- Мы все лишились трех братьев, --- твердо ответил Рафен, --- это объединенная миссия, күзен, не забывай. Ваш магистр Оргена потребовал этого.

--- Он сказал мне выследить и убить предателя, Кровавый Ангел. Он не предлагал мне использовать моих братьев как пушечное мясо.

--- Если ты предполагаешь, что я позволил твоим родичам подвергнуть себя огромному риску, то тебе необходимо перестотреть эту мысль. Мы все в огромной опасности, --- Рафен сложил руки на груди, его губы скривились.

— Разве ты не должны вырезать сердце предателя? — равкнул он. — У меня нет времени на пререкания и критику. Нокс, говори то, что думаешь. Озвучь свои мысли.

Он свирепо взглянул на Расчленителя.

— Ты веришь в то, что мог все сделать лучше, чем сделал я.

— Ты, кажется, так уверен в себе, — сказал Нокс, — но ответ мне, у тебя вообще был план, Рафен? Или ты просто плывешь по течению?

Кровавый Ангел ощутил прилив раздражения.

— Ты сражался с врагами Императора намного больше меня. Так скажи мне, как много раз тебя вынуждали идти в битву, рассчитывая только на свою хитрость и благословение Святой Терры?

— Не пытайся учить меня, мальчишка, — парировал воин. — Этого недостаточно! Командир, который идет на битву без стратегии — ходячий мертвец.

— А ты, в свою очередь, пытаешься

научить меня тактике, -- огрызнулся Рафен. -- Как часто ты еще будешь испытывать меня? На арене Ваала я уже однажды одержал победу над тобой... Ты снова хочешь драться со мной здесь и сейчас? Ты хочешь бросить мне вызов ради командования этой миссией?

Тело Нокса напряглось, и на мгновение Рафен подумал, что Расчленитель ударит его.

-- Наверное, так и следует поступить.

-- И что за превосходный пример мы подадим, -- устехнулся Рафен, -- в этот раз, когда наше единство ради цели нам нужнее всего.

-- Ага, -- ответил Нокс, -- а как мы можем этого добиться, если не доверяем собственному командиру?

Он сделал два шага вперед.

-- Заставь меня поверить тебе, Рафен. Убеди меня, почему я должен следовать за тобой.

-- Мы найдем ренегата, который пришел на Ваал, и уничтожим его, -- ответил Кровавый Ангел, -- если хочешь.

можешь сомневаться во мне, но не сомневайся в этом. С нами Император.

Услехнувшись, Нокс изогнул бровь.

— Это тебе сородич колдун сказал?

Может, скажешь еще, что Он сойдет с Золотого Трона и проткнет копьем Фабия для нас? — он фыркнул. — Да, я грался во имя его гораздо больше тебя, и за это время я научился тому, что Он помогает тем, кто помогает сам себе.

— Следи за языком, — прорычал Рафен.

Расчленитель сверкнул глазами в ответ, не обращая внимания на предупреждение.

— До сих пор ты производишь плохое впечатление, братец. Ты позволил своим мыслям затуманиться. Ты все еще сражаешься в проигранной битве, Рафен! Размышляешь наг всемирными обстоятельствами бегства Байла вместо того, чтобы готовиться к грядущему сражению! И я не позволю из-за этого утирать мои братьям.

Рафен отвернулся.

— Ты не знаешь, о чем я думаю. Если

бы знал, ты не спорил бы со мной!

Рука Нокса вылетела вперед и схватила наруч Рафена.

--- Я знаю, о чем ты думаешь, Кровавый Ангел! Я знаю, потому что думаю о том же!

--- Убери свою руку, --- прорычал Рафен.

--- Что он делает со священной кровью? --- выпалил Нокс. Рафен ощутил, как будто кровь в венах обратилась в лед, и напрягся. Тень великого ужаса перед позором и отвращение, столь темное, как старая ненависть, накрыли его разум. Этот вопрос бился у него в подсознании. Он бился там с того самого момента, когда Рафен покинул общество лорда Данте. После того, как магистр Оргена поручил ему эту миссию.

--- Этот вопрос..., --- Нокс убрал руку, --- он лишил меня сна. Иногда я желаю, чтобы не знал ничего этого... Но это только секундная передышка...

Весь гнев, вся сдерживаемая ярость в сердце Расчленителя испарилась, и на мгновение он показался почти уязвимым.

Странно, но Рафен внезапно ощутил сочувствие к своему брату по оружию.

--- Да, --- согласился он, --- я слышу тот же самый вопрос в своих мыслях и с ужасом жду ответа на него.

--- Мы боимся его, --- ответил Нокс, --- как и должно быть. Этот поглый ублюдок Хаоса, его темное колдовство и порченная наука создают таких чудовищных созданий. Говорят, что Байл однажды приложил руку к созданию клона короля ублюдков --- Хоруса...

Лицо воина скривилось от отвращения, и он сплюнул на палубу.

--- Если он остелился воссоздать этого низжайшего из предателей... Во имя Терры, что еще он может создать?

Рафен ощутил слабость.

--- Не могу даже представить...

--- Но должен, --- ответил ему Нокс, --- ты должен остелиться и ответить себе на этот вопрос, в противном случае ты пойдешь сражаться не готовым!

Он сделал паузу.

--- И если ты поступишь так, то ты докажешь мою правоту. Не один достойный

командир не может отвернуть свое лицо от такой темной и ужасающей неопределенности. Это цена лавров героя. Если хочешь вести нас в бой, ты должен с радостью вести нас хоть в самое пекло ада.

— И делать это с открытыми глазами, — кивнув, добавил Рафен, — только так.

Нокс внимательно посмотрел на него.

— Вот что я тебе скажу. Я — Расчленитель, Сын Великого Сангвиния, Agentus Астартес. Преданный слуга Золотого Трона и так далее и тому подобное. Я могу встать перед тобой и строчить лист за листом, перечисляя победы и твои набожные, фанатичные деяния во имя Святой Терры. Но мне нет нужды доказывать это тебе или любому другому человеку под светом этих звезд.

Рафен посмотрел на него.

— Но ты требуешь этого от меня!

— Такова ноша командования. Ты знаешь это. Преодолей это, Рафен, или отойди в сторону.

Нокс встал перед ним, ожидая.

--- Что ты выберешь?

После долгой паузы Кровавый Ангел медленно вздохнул.

--- У меня нет великого плана, --- признал он, --- каждый разработанный против Фабия план, каждая наработка, чтобы схватить его, оказывается неплот в моих руках. Он не похож ни на одного врага, с которым я когда-либо сталкивался. Десять тысяч лет тому назад он был примером для героев и чемпионов, и время не затуманило его мастерство. Это чудовище --- исключительная добыча, Расчленитель. Знай это.

--- Знаю. Мы все знаем.

Взор Рафена упал на палубу.

--- Сейчас у меня ничего не осталось, кроме клинка из ненависти, и ярости, которая питает его. Мы незаметно приблизится к его острову и проломим стены голыми руками, если понадобится. Все что ты найдем внутри, будет уничтожено.

--- А... сосуд со священной кровью?

--- Он будет возвращен. Так или иначе.

Нокс на секунду замолчал.

--- Эта миссия погубит нас всех,
Кровавый Ангел.

--- Возможно, --- Рафен взглянул на
него, --- ты теперь жалеешь о том, что
присоединился ко мне, кузен?

Нокс покачал головой.

--- Единственное, о чем я буду
сожалеть, если мы этого сукиного сына не
заставим страдать перед смертью.

--- Мне нужно только поговорить
ближе, --- продолжил Рафен практически
для себя, --- всего лишь один удар, не больше.
Достаточно близко, чтобы убить.

Он стяхнул наваждение.

--- Сов отлично сражался ради
защиты своих боевых братьев и для
миссии. Очень жаль, что его так
поранили.

--- Он еще не вышел из игры, ---
ответил Нокс, --- никто из нас еще не
вышел.

Рафен принял его слова кивком.

--- Так что, брат-сержант, я ответил
на твой вопрос? Я удостоен твоей
верности? Последуешь ты за мной в

неизвестное, в пасть смерти?

Нокс развернулся и начал уходить.

--- Ты помнишь слова, которые я произнес в ангаре, как раз перед тем, как "Нейтос" начал падение?

--- Ты сказал... "увидится в аду, Кровавый Ангел".

Нокс трачно кивнул.

--- Тогда ты получил свой ответ.

Рафен затешкался, но все, что он хотел добавить, было прервано передаточей вокс-бүсины в үхе. Он переключился на главный канал.

--- Это сержант Рафен. Докладывайте.

С возрастающей тревогой он слүшал описание того, что Түркио обнаружил на инженерной палүбе.

ЗА КОРМОЙ субмарины таяло оставшееся слабое искажение потоков медлительных вод морей Дайники. Медленно и постоянно с холодными, просчитанными намерениями прирожденного хищника за сүдном плыли затененные очертания.

Небольшие фосфорные точки, тянувшиеся по телу из сочлененного, подвижного хитина, обрисовывали размеры очертаний монстра. В целом размерами оно походило на "Нейтос", слабо изогнутые плавники и хвост позволяли ему плыть на одной скорости с человеческим судном. Невидимо и неловимо тиранидское существо двигалось через океан, инстинктивно ощущая водный рельеф. Оно врывало и выплывало из термоклинных слоев и больших полос течений, где пластинами лежала вода разной температуры, где отражались звуковые волны, еще сильнее маскируя ее осторожное приближение.

Оно было превосходно адаптировано к своим охотничьим угодьям. Поколения назад из цепи стремительной эволюции пращураты были вырваны генотипы жизненных форм Дайники-5, и в процессе было поглощено все необходимое, дабы полностью уничтожить все живое. Извлеченные из воды микрочастицы тяжелых металлов тускло блестели в матовой, естественной броне существа, в

бивнях, окружающих овальное ротовое отверстие, и в клыках, вокруг каждой присоски на множестве щупалец. Оно скорее перетекало в воде, чем двигалось, ныряло в глубокие потоки, толчками приближаясь к незванным гостям. По сторонам головы пластинчатые веки обнажили гладкие линзы с темными зрачками. Оптические рецепторы эволюционировали, чтобы отслеживать тепловое излучение, и они наблюдали за очертаниями "Нейтоса". Тонкие, чувствительные щупальца могли уловить магнитное волнение от колебаний на кончиках листьев.

В медлительных и угрюмых мыслях существо сравнивало свою добычу со всеми другими, которыми когда-либо питалось. Кое-что было органическим, из плоти и хрящей, неся в себе геном происхождения тиранидов, а иногда были и другие иштуквины, облаченные в твердые панцири из кератина или плавающие по волнам в железных оболочках. До последних нужно было дотянуться и утащить на дно, убивая неимоверным давлением глубин и

своими крепкими объятьями.

Оно поглотило остатки хрящеперых форм тиранидов одним движением, вытянувшись и достав их тела, засосав те через решетку металлических китовых усов. Мозговые клетки были перекачаны во вторичный желудок с клетками-рецепторами отофагов и денатурированы. Цепочки рибонуклеиновых кислот были разорваны, как только их воспоминания были впитаны собственными биосистемами существа. Тиранид почерпнул остатки сенсорных ощущений и феромоновые воспоминания из трупов, извлекая все, что можно. Глядя глазами убитых, оно пережило вместе с ними их смерть и ощутило плотскую жизнь, которую они пытались сожрать. Сверхлюди, как существа с поверхности, только немного иные. Существо недолго порыскало в странных обломках, которые ливнем падали в его владения с небес выше, но не нашло в них ничего значительного. Но теперь к нему пришло понимание.

Ранее добыча с небес никогда не остеливалась опуститься под поверхность

вод. Это было незнакомо тираниду, и в его огромном разуме постоянный голод приобрел новый оттенок эмоции. Предвкушение.

"Нейтос" уходил все глубже, и существо последовало за ним.

* * *

Спускаясь вниз по ступенькам стальной лестницы, которая вела к второстепенным палубам, Рафен ощутил запах раньше, чем достиг лазарета. Воздух был пропитан тяжелым, ржавым запахом пролитой крови, но его чувства выделили еще один аромат в смеси смазки и озона.

Он двигался стремительно, осознавая, что его тяжелые ботинки оставляют вмятины на палубе, пока он быстро по ней несется. Палуба была немного наклонена, "Нейтос" мягко поворачивал на правый

борт, и он подтянул себя выше, хватаясь за железные перила, приваренные к изогнутым стенам. Люк к корабельному изолятору был открыт настежь, и в коридор лился яркий, желто-белый свет. Түркио стоял снаружи, и выражение его лица было мрачным. С его аутистической руки свисал болтер. Краем сознания Рафен отметил, что оружие снято с предохранителя.

— Командующие, — начал Түркио, живая Рафену, а вслед за этим еще раз Ноксу, поскольку Расчленитель следовал за ним, — он тут. Брат Гаст приглядывает за ним.

Нокс штыгнул носом и заговорил до того, как Рафен успел задать вопрос.

— Ты уверен в том, что произошло? Agent был слаб духом... возможно, он пытался лишить себя жизни.

Түркио покачал головой.

— Существуют более простые способы. К несчастью, на катушках камер внутренней безопасности не обнаружилось данных. Кажется, что в это время произошел какой-то сбой. "Нейтос", конечно,

антикварное судно, и его системы старые, но я не верю в такие совпадения. Это была преднамеренная атака.

--- Организованная кем? --- спросил Рафен, --- Механикус, может быть, и мало похожат на Агентус Астартес, но Беслиан не имел врагов среди нас. Мы должны предположить, что у нас на борту есть незванный гость.

--- Может быть, кто-то проскользнул на "Нейтос" перед тем, как мы покинули "Археохорт", --- предположил Туркио, --- другой агент. Если один из них узнал о намерениях Мохла...

Он умолк. Нокс покачал головой.

--- Мохл бы узнал об этом. Он бы предупредил нас.

--- Неважно как, --- вклинился Рафен, --- со всем этим мы быстро разберемся.

Кивнув Туркио, он указал на проход.

--- Собери братьев и прочеши корабль от носа до кормы.

Кровавый Ангел кивнул и прошел мимо них исполнять приказ, а в это время Рафен вошел в лазарет. Задумчивый Нокс последовал за ним.

Внутри отсека, под сиянием люминесцентных ламп, брат Гаст был занят телом техножреца. Он снял свои латные перчатки и наручи, и густая, маслянистая кровь пачкала его голые руки, пока он обрабатывал раны Беслиана. Ему помогала раб-машина, одетый в кожаный рабочий халат. Он развернул маленькую лазерную иглу, которой с гудением и шипением запечатывал вены, соединял провода и трубопроводы.

Беслиан напминал мертвые останки с поля боя. Если бы не множество проводов, соединяющих его со стеклянными измерителями мониторов над кушеткой и медленный звон жизненных показателей, Рафен считал бы его давно умершим. Он несколько секунд наблюдал за работой аптекаря-клирика на каком-то отстраненном, далеком уровне и был заинтригован видом внутренностей агента. Воина всегда интересовало, какое сердце бьется внутри высохшей груди этих шестеренок.

На ближайшей койке в поддерживающих петлях недвижимо

лежал брат Сов. Раненный Расчленитель
дышал хрипло и неглубоко. Рафен быстро
остотрел его.

Воин находился в исцеляющем
трансе, импланты Астартес работали
над его восстановлением. Однако с одной
отсутствующей рукой, тело Сова казалось
каким-то странно непропорциональным.

Гаст колдовал с кожным степлером и
вакуумным тубиком морфического клея
над раной на боку Беслиана и начал ее
закрывать. Не поворачиваясь, он обратился
к остальным Астартес.

--- Агенту повезло, что он остался в
живых. Туркио нашел его до того, как био-
импланты полностью отключились от
физического шока. Потеря крови огромна.
Я сомневаюсь, что в следующие несколько
лет он вообще придет в сознание. На его
теле очень много ран от разного оружия. ---
Он указал на сочащийся кровавый порез и
область сильно поврежденной ткани. ---
Тупая травма в области головы и шеи.
Множественные трещины.

--- Ты предполагаешь, что убийц было
несколько? --- спросил Нокс. Гаст качнул

головой.

--- Не предполагаю, брат-сержант, а констатирую факт. И нападающие были достаточно сильны. Эти жестокие раны были нанесены в безумии и быстро. Однако не совсем умело.

--- Если бы это были Астартес, Беслиан был бы убит одним ударом, --- пробормотал Рафен, --- быстрым и законным.

Он указал на злотку агента, предлагая, как бы он сам это сделал.

--- Резкий, крушащий удар вот сюда. Или нож в череп.

--- Как я зафиксировал, атакующие действовали неумело, --- продолжил Гаст, --- только из-за этого Беслиан выжил.

--- Значит, в конце концов, у нас есть свидетель, --- сказал Рафен, --- у него же нет повреждений мозга?

Гаст отошел в сторону, позволив сервитору закончить работу и зашнуровать пациента. Он протер свои руки освященной материей.

--- Сложно сказать точно. Мои знания ограничены медицинской помощью на поле

боя и призыванием сангвинарного
жречества, не больше.

Рафен наклонился, изучая пепельное
лицо растерзанного агента.

--- Разбуди его.

--- Сэр? --- Гаст остановился и
вопросительно посмотрел на Нокса. ---
Может быть, я не ясно выразился насчет
физического состояния Беслиана...

--- Я все точно понял, --- ответил
Рафен, --- а теперь разбуди его.

Сервитор отошел в сторону и
исчез в режиме ожидания, когда его
задача была завершена. Гаст потянулся к
нартециуму и не осмелился.

--- Вы понимаете, что если я это
сделаю, то он умрет?

--- Если на борту судна есть
посторонние, это нас всех лишит жизни, ---
ответил Нокс, --- делай, как сказал
Кровавый Ангел.

--- Как пожелаете.

Втягивая порцию жидкости внутрь,
Гаст настроил инъекторную иглу. Он
остановился около шпунца в плоти на
шее Беслиана.

— Я бы на вашем месте подготовил вопросы, — сказал он им, — агент может быть не в себе... или недолго... проживет.

Угла зашипела, и эффект был практически мгновенным.

Тело Беслиана напряглось, механогендриты и серво-рука из-за спины задержались и начали хлестать по воздуху. Он выгнулся дугой, когда его свело дугой судорогой, и он издал какой-то невнятный звук, что-то среднее между визгом и рыданием. Глаза агента открылись и зафиксировались на Рафене. Он начал лепетать на машинном коде, трескучий шум начал усиливаться от паники.

— Логик! — рывкнул Рафен, привлекая внимание Беслиана. — Кто напал на тебя? Скажи мне!

Агент попытался заговорить и поднял руку. С его губ снова слетел трещащий шум. Звук начал плавать и изменился. Это было так, словно слушаешь вокс-передачу на пустом канале, когда порывы статики медленно освобождают дорогу уверенному приему. Из рокочущего лепета Рафен вычленил одно слово, и его

глаза сұзились.

--- Зеллик!

Гаст тоже услышал это и повернулся к Кровавому Ангелу.

--- Магос? Он умер в космосе. Возможно, разум агента все-таки поврежден...

Беслиан затрясся, раскачиваясь туда-сюда.

--- Зеллик хочет убить меня! --- слова получались очень искаженными, деформированными и едва членораздельными.

--- Это он! Месть, месть...

Пока техножрец говорил, его голова в судорогах резко откинулась на кушетку, и тут впервые он увидел застывшего сервитора у стойки с мониторами. Рот Беслиана широко открылся, намного шире, чем могла бы позволить обычная челюсть, и с его губ слетел воющий визг.

Все произошло настолько быстро, что движения показались размытыми. Сервитор дернулся и кинулся на агента Механикус. Одной рукой, не из плоти и крови, а пальцами-скальпелями с

медицинским инструментом и сочлененными зондами, он ударил в глаза Беслиана. Стальные персты погрузились по ладонь в его череп и разорвали его.

Первым отреагировал Рафен и ударил изо всех сил. Бронированный кулак попал сервитору-убийце в поясницу, где ноги-поршни были соединены с тазовыми костями человека. Фонтаном брызнули жидкости, и раб-машина упал на палубу. Однако шок от удара, кажется, никак на нем не отразился, и он все еще полз к агенту. Его мокрые от стекловидного вещества глаз пальцы отчаянно щелкали, дабы причинить еще больше повреждений.

Рафен услышал, что сервитор бормотал что-то, когда падал. Вроде бы слово "предатель". С рыком он поднял ботинок и втоптал глотку сервитора в палубу. Все нападение заняло только секунды, но внезапная тишина мониторов жизненных показателей красноречиво говорила о том, что оно удалось. Лицо Рафена скривилось в гримасе, когда голова Беслиана откинута назад, демонстрируя кровавые, пустые глазницы.

--- Кажется, ты был прав, --- через секунду молвил Гаст.

--- Кажется, мы оба были правы, --- ответил Рафен.

Нокс присел на корточки и перевернул труп сервитора.

--- Это наш напавший? Или один из них, хотя бы?

Гаст покачал головой.

--- Невозможно. Раб-машина привязан к палате лазарета. В него заложен запрет покидать этот отсек.

--- Он сказал --- Зеллик, --- размышляя. Рафен изучал мертвого человека, --- Зеллик хотел отомстить.

--- Маттхан Зеллик мертв, --- настаивал Нокс, --- я в этом уверен так же, как если бы сам лишил его жизни.

Рафен взглянул на илота.

--- Существуют мертвые, а потом они опять умирают.

Внутренне он упрекал себя. Воин никогда даже подумать не мог, что раб-машина может быть потенциальным противником.

Безмозглых сервиторов едва можно

было считать человеком. Но большей частью они состояли из искусственных материалов генномодифицированных клонов, выращенных в резервуарах под горати Марса, или из тел преступников и еретиков, отданных культу Механикус для видоизменения. Им вживляли импланты, бионику, инфо-катушки и наборы инструментов. Любые остатки личности, которые могли быть в их мозгах, безжалостно удалялись во время строгих ритуалов приведения в надлежащее состояние. Некоторых програтировали для боевых действий, некоторых для выполнения задач в тангеме с когитаторами, но илоты на борту "Неймуса" даже близко не были настолько продвинутыми. Они были техноматами, способными исполнять набор инструкций своих обязанностей и ничего больше. Они были нечувствительны, собственной воли в них было не больше, чем в болтере или ауспексе.

Но крайней мере, так считал Рафен.

--- Магос достал его из могилы, ---

произнес Кровавый Ангел, -- он ненавидел
Беслиана за его роль по захвату
"Археохорта". Сервиторы стали
инструментами его возмездия.

-- Как такое возможно? -- спросил
Гаст.

-- Если это сделали илоты, мы
должны их уничтожить, -- добавил Нокс, --
у нас не один враг на борту, у нас их
десятки!

Рафен бросил на него взгляд.

-- И как нам управлять этим судном
без сервиторов, күзен? Как обходиться с
реакторами, обуздывать дүхов машины?

Гаст собрал останки мертвого
сервитора и уложил их на рабочий стол.

-- Я не понимаю. Одного илота,
возможно, Зеллик мог подготовить к
такому случаю. Я даже это допускаю. Но
всех?

Рафен подумал о чем-то, что Мохл
употинал на командной палубе
"Археохорта".

-- Или кое-что еще... вирус.

-- Вирусный метоког? -- Гаст
нахмурился.

— Расчлени эту штуку и найди ответы, — потребовал Нокс.

Клирик кивнул и потянулся за пилой для костей.

ПЕРЕСЕКАЯ глубокую впадину, "Нейтос" несколько затеделся, так как сила океанского прилива была против курса субмарины. Работая по возвращению судна на заложенный курс, небольшие ускорительные двигатели, спрятанные под антикавитационными колпаками, вернулись к жизни, проталкивая судно через поле пересекающихся течений.

Прячась в жидких пузырьках по следу, тиранид сгладил свое тело по плоскости, держась той же схемы движения. Массив датчиков на кончиках Х-образного хвоста "Нейтоса" получил крошечный отклик, и перед пустым взглядом присоединенного шлюта из экипажа дернулась изла измерителя. Сервитор мигнул, и данные остались незатеченными, ведь за этими пустыми глазами работал совершенно другой процесс, пока совсем иной убийца крался за судном.

--- ДАЙТЕ-КА прикинуть, если я все правильно понимаю, --- с презрением в голосе произнес Аджир, --- мы охотился за убийцей, прячущимся в пустах обшивки, посланным человеком, который сгорел до непла, пока "Археохорт" прогорал при входе в атмосферу. Мертвого предателя, чьи шестеренки и звездочки все еще дождет падают на эту светом забытую планету?

--- Кажется, ты все оценил по достоинству, --- пробормотал Пулу.

Церис наблюдал, как он, нагнувшись, обогнул изогнутую стену и крадучись пересекал отсек, который служил временной оружейной.

--- А брату-сержанту не кажется, что у нас и так уже достаточно невыполненных задач?

Псайкер уловил в ауре Туркиос вспышку раздражения, который стоял неподалеку и изучал развернутые веером инструменты в своих руках.

--- А ты хотел бы, чтобы мы ничего не делали и разделили судьбу Беслиана?

--- Не глупи, --- ответил Аджир, --- я, не

раздумывая ни секунды, могу убить любого
сервитора, который попытается
прикончить меня.

Эйген, единственный Расчленитель в
отсеке, витая в своих мыслях, смотрел на
палубу.

— Не получится, если этот сервитор
выпустит духа-машины реактора или
отправит этот корабль в сокрушающие
глубины.

— Он прав, — молвил Түркио, — это не
та проблема, которую можно решить
болтерным снарядом.

Глаза Аджира вспыхнули, но он
придержал язык. Как только Церис
присоединился к отделению под
командованием Рафена, он уловил
напряженные отношения между
воинами. Түркио открыто носил на своей
щеке клеймо кающегося. Отметину
выжгли на его коже в знак того, что он
завершил ритуалы очищения. Воин был
одним из тех, кто последовал за ложным
ангелом Аркио только для того, чтобы
позднее осознать обман и вернуться в
отчий дом. Второе пятно, выжтое

только гля тех, кто обладал колдовским зрением, окрашивало ауру Түркио — сожаление. Цвет этой эмоции покрывал его всего, хотя лично сам лорд Данте простил презрешения Кровавых Ангелов, обманутых Аркио, но сам себя Түркио не простил. Аджир, чья аура редко окрашивалась чем-то иным, кроме темного красного оттенка ярости, кажется, считал своим долгом при каждом случае напомянуть Түркио о его статусе кающегося.

Церис раздумывал о том, почему Аджир не видит за клеймом человека. Он ощущал там что-то насчет других Астартес, но это было намного глубже под поверхностью, чем он мог прочесть.

Он откинул этот вопрос в сторону, когда Кейн открыл люк и вышел наружу, позволив войти сержанту Рафену, Ноксу и Гасту. Молодой Кровавый Ангел встал в стороне от входа настороже. Пүлүс приказали поступить так же — это казалось благоразумным, учитывая недавние события на борту "Нейтоса".

Рафен начал без преамбул.

--- Логик Беслиан мертв.

Он рассказал то, что выяснилось в
лазарете с медицинским сервитором.
Эйген нахмурился.

--- Если раб-машина хотел убить его,
почему он этого не сделал, когда Туркио
принес его в изолятор? У него была такая
возможность.

Гаст кивнул.

--- Он атаковал только тогда, когда
Беслиан очнулся. После того, как он
употынул иля Зеллика.

--- Коговое слово, --- произнес Пулуо, ---
убийцы-гипнотизеры используют ту же
самую технику, чтобы активировать
исполнителя.

--- Тут кое-что другое, --- Рафен
взглянул на Нокса, --- покажи им.

Ветеран Расчленителей показал
кровавую тряпку в своей руке и с
отвращением, которое искривило его
покрытое шрамами лицо, развернул ее,
продемонстрировав раненный драгоценный
камень, глиняную изувеченную слезу,
переплетенную превосходными золотыми
нитями. Церис стог разглядеть строчку

зеленых глифов на поверхности объекта, и что-то в оттенке и в том, как камень отражал свет, немедленно заставило его поднять ментальные барьеры.

--- Что это такое? --- спросил Нокс.

--- Точно от ксеносов, --- с полной уверенностью добавил Рафен.

--- Этот объект был спрятан в мозжечке медицинского сервитора, --- объяснил Гаст, --- и провода, что вы видите, были воткнуты в различные участки органического мозга илота.

При виде камня Эйдена передернуло.

--- Управляющее устройство?

Рафен кивнул.

--- Или что-то подобное.

--- Мы знаем, что Инквизиция подозревала Зеллика в торговле предметами чужаков. Вот это и то, что мы видели в музее --- подтверждение.

Нокс так держал камень, словно едва сдерживал себя, чтобы не раздавить его в порошок.

Церис подошел ближе. Безделушка притягивала к себе. Ему нужно было взглянуть ближе, разглядеть ее. Стоящий

за ним Туркио показал инструменты в своих руках.

— Следы крови на этом инвентаре, командир. Я взял их у троицы сервиторов в контрольном отсеке реактора, где нашел Беслиана.

— Мы должны вскрыть черепа этим троим, — отрезал Аджир, — не сомневаюсь, что мы найдем там такой же нечестивый имплант, как этот.

— Или хуже, — произнес Рафен, — я попросил брата Гаста провести ауспекс сканирование произвольно выбранных сервиторов.

— Раз уж я знал, что ищю, то нашел это с легкостью, — тяжело вздохнул Гаст, — братья, кузены. Каждый раб-машина на борту "Нейтоса" несет внутри своего черепа один из таких камней. Я подозреваю, что Зеллик имплантировал их в каждого илота — члена экипажа.

— Убьем экипаж — предполагая, что ни один из них не успеет затопить корабль до того, как мы всех перебьем — утонем, — Нокс подчеркнул тяжелое положение, — оставим их в живых и никак

не сможет убедиться, что они не кинутся на нас, когда мы не заметим.

--- Мы не можем доверять никому из них, --- молвил Туркио, но внимание Цериса было где-то в другом месте. Он дотянулся до камня. Он мог ощущать его, даже сквозь латную перчатку. Странное, безучастное тепло, словно сердце утирающей звезды.

--- Дайте-ка посмотреть, --- сказал он, и до того как Нокс успел его остановить, взял камень ксеносов из лапони воина.

ОН НЕЛ ЕМУ, и это была неприятная мелодия.

Воящий, атональный хор бил по психическим ощущениям Цериса. Там были сотни голосов, и все они сплелись в один. Все тонulo в гнев, боли и останавливающим сердца ужасе. Все было без ута от жажды возмездия. И все они были Маттханом Зелликом.

Церис словно очутился в зале с разбитыми зеркалами, но в каждом осколке он видел отражение злого, воящего, плачущего лица магоса. Он мог почувствовать кусочек человеческой души.

осколок его разума и духа, заключенный в
этот крошечный драгоценный камень.
Псайкер укрепил свою оборону и остелился
скользнуть глубже, счищая сло
устройства.

В его глубинах цвета индиго он
увидел расходящиеся во всех направлениях
квантовые линии, каждая соединялась с
другим камнем, спрятанным в другом
разуме. Он ступно ощутил, что сеть
соединяет все импланты в одну закрытую
систему. Потянувшись дальше, он ощутил,
что его пси-чувства отскочили от стен из
символов чужих, не давая ему увидеть
больше. Церис уловил исковерканный,
разъяренный разум в этой паутине,
двигающийся от точки к точке, и тот
знал его имя.

-- ЗЕЛЛУК! -- псайкер выкрикнул имя
и отскочил от драгоценного камня, словно
тот укусил его.

-- Ты взглянул в него... -- сказал Нокс, --
-- что ты увидел, брат-колдун?

Рафен подошел к кодицию и
оценивающе взглянул на него.

--- Это было глупо, брат. Эта штука могла сжечь твою душу!

Церис покачал головой. К его щекам прилила кровь.

--- Я... ощущаю, что меня заставили. Было нужно так сделать, --- он оглядел окружающих воинов, --- Зеллик мертв, в этом вы можете быть уверены, но он все еще докучает нам.

Псайкер указал на камень-имплант.

--- Это, как заметил сержант Рафен, произведение ксеносов. Пси-устройство, способное хранить в себе живое сознание.

Эйген недоверчиво посмотрел на камень.

--- Ты хочешь сказать, что Зеллик каким-то образом... скопировал себя в раба-машину?

--- Не в одного, --- молвил Церис, --- во всех. Он расщепил свой разум и разделил его среди них, разобрал его, словно на главы книги.

Он сделал паузу, обдумывая.

--- Возможно, с достаточным количеством целых элементов, позднее он мог бы воссоздать свою душу... и обмануть

смерть.

--- Если разум Зеллика управляет этими сервиторами, почему мы все еще живы? --- задал вопрос Кейн, напряженно бросая взгляды за плечо в коридор.

--- Он не управляет, --- ответил Церис, --- он сделал это в отчаянье. От него остались только фрагменты, возможно достаточное количество, чтобы вскоре собраться вместе, но не достаточно, чтобы диктовать свою волю.

--- Пока что, --- молвил Пулуо.

Губы Рафена сжались.

--- Если Зеллик существует в этих... фрагментах... тогда, может быть, мы сможем уничтожить их, стереть подобно вредоносному коду.

Церис кивнул.

--- Там, внутри, центр его намерений. В сети, соединяющей импланты. Это самый сильный аспект его личности. Если мы сможем изолировать его, убить сервитора, в котором этот фрагмент...

--- Тогда он умрет во второй раз... --- Нокс кивнул сам себе. Рафен обдумал слова псайкера:

--- Ты сможешь это сделать?

Церис кивнул.

--- Смогу.

--- Тогда прикончи его...

Без предупреждения палуба под ним отдала эхом удара, словно ее поразили гигантский молот.

Незакрепленные вещи разлетелись по сторонам и упали на пол, люминовые полосы на головах затерцали и заускрили. Раздался низкий, глиняный стон, когда торсионы древнего корпуса напряглись от внезапного, смертельного давления. Рафен пошатнулся и схватился за поручень.

--- Кто-то атаковал нас!

--- Зеллик? --- спросил Кейн.

Эйген покачал головой:

--- Нет, снаружи корпуса.

Нокс достал свое оружие:

--- Те ликторы-гибриды вернулись за добавкой!

Еще один удар прошелся по корпусу, и "Нейтос" резко накренился на левый борт, снова лишая всех равновесия.

--- Мы слишком глубоко для них, ---

отвѣтилъ иль Рафенъ, --- это что-то
другое.

Глава восьмая

Тиранид сжался, изогнулся, по всей длине его тела прошелся импульс, и тот выстрелил себя в стигийские глубины, зазубренные щупальца вырвались вперед в хватательном движении.

Костяная броня на теле расцарапала правый борт "Неймоса", красноватые вспыхнули хроматофоры существа, объявляя о намерении атаковать. Чувствительные конечности чужака обернулись вокруг корпуса и расцарапали звукопоглощающие плиты, оставив в них глубокие борозды. Хемо-чувствительные уплотнения на кончиках щупалец вели их к загерметизированным шлюзам и люкам. Тиранид хотел открыть сүдно океану, вывернуть его наизнанку и закусить тело, что внутри.

Стальные кольца напряглись, хищник закрепил в своих объятиях подводное сүдно, кислотный, ядовитый гель, выделяемый из металлических клыков его тела, залил изогнутый корпус. "Неймос" затрясся и

загрожал, остов корабля начал изгибаться в разные стороны, когда тиранид тянул и давил.

Пока Рафен неся по узкому коридору, налұба дико накренилась, его впечатало в стену, пластина его наплечника размазала выключенный экран. Из соединительного щита над его головой полились искры, но он проигнорировал ослепляющие вспышки и продолжил бег. Через решетчатый настил ног его ботинками слышались голоса, рассерженные и резкие, выкрикивающие грубым рыком фразы боевого языка. Кровавый Ангел сделал еще два шага и услышал над головой треск. Он вовремя поднял руки, чтобы поймать сломанный кусок трубы, когда ее кинуло вниз, и позволил струйкам технической воды свободно стекать. Отбросив ее в сторону, он продолжил широким шагом идти к люку командного отсека в кортовой части.

Небольшое пламя вырывалось изнутри одной из контрольных консолей, и сервитор начал заливать во внутренности машины ингибиторы. Везде зловеще мерцали

латны, отсек дернуло, когда еще один удар по касательной обрушился на "Нейтос".
Постоянным воем исходили сирены предупреждения.

--- Докладывайте! --- заорал он, привлекая к себе внимание илота. Все рабы-машины казались раздражающе невозмутимыми относительно того, что происходило с судном, их выражения лиц были такими же пустыми, словно те находились в круизе на спокойной заводи.

--- Работаю, --- ответил сервитор, распечатывая перфокарту из полости в груди, --- аварийная ситуация. "Нейтос" подвергся атаке биологического ксеноса.

--- И это все? --- спросил Нокс, прибыв вслеп Рафеном, --- Это едва ли можно не заметить.

И снова корабль зазвенел, словно церковный колокол.

Вслед за Ноксом в зал ввалились остальные боевые братья, раздраженные от такого оскорбления.

--- Наблюдаю, --- произнес сервитор. Рафен изучил его, размышляя насчет драгоценного камня ксеноса, спрятанного в

его сером веществе. Была ли там какая-то часть разума Маттхана Зеллика в данный момент, наблюдавшая за этим обменом ударами? Он нахмурился и откинул эту мысль. Всему свое время.

Улот нажал вырезанные из дерева клавиши, и над штурманским столом возникло мерцание гололита. Оно появлялось и исчезало, но призрачное изображение было достаточно четким, чтобы Астартес осознали, с чем они столкнулись. Голографический экран показывал модель резонансного сканирования "Нейлоса" и обернутую вокруг него, словно похотливый любовник, тварь со щупальцами и крючьями, похожие на пугающие очертания были покрыты иглами.

--- Трон и кровь, --- пробормотал Эйген, --- это кракен.

--- Он не похож на тех, с родного мира, --- ответил Нокс, --- это тиранид. Больше никем он быть не может.

Рафен кивнул:

--- Еще одна эволюционировавшая в океане форма, как ликторы-акүлы.

--- Мы можем его страхнуть? ---

спросил Түркио. --- Опуститъ глубже?
Может он не захочет последовать за нами.

Кейн покачал головой и указал на огромную стрелку в циферблате на задней переборке. Стрелка пересекала желтую полосу, медленно продвигаясь к красной зоне.

--- Глубиномер, --- объяснил он, --- еще немного воды под нашим килем и нас раздавит, как пустую гильзу.

--- Взгляните на эти костяные пластины, --- добавил Гаст, кивая в сторону изображения, --- гарантирую, что это чудище выживет в глубинах намного лучше нас.

--- Значит в другую сторону, --- ответил Түркио, --- поднимается. Если он глубоководный, то когда мы поднимется к поверхности, он может потерять интерес...

Двойной удар по носу с левой стороны развернул "Нейтос" на бок, начали лопаться заклепки торсионов внутри корпуса. Пуло шепотом выругался, когда панель рядом с ним испустила фонтан

искр и погасла.

--- Кроме того, кажется, его не так легко обескуражить.

Рафен принялся, и уловил запах раскаленной проводки и затхлой морской воды из коридора.

--- Он разорвет нас на части, если мы его не остановим.

--- У "Нейтоса" есть башенки с лазпушками, --- рискнул предложить Эйген, --- Мохл упомянул об этом...

Он сглотнул и продолжил:

--- Сине-зеленый спектр частот лазера позволяет стрелять под водой.

--- Не пойдет, --- ответил Нокс, --- эта тварь прямо на нашем корпусе, вне досягаемости выстрела в упор.

--- Нам придется непосредственно разбираться с этой штукой, --- согласился Рафен, --- взглянуть ей в глаза.

--- Снаружи? --- Эйген торгнул. Сержант Кровавых Ангелов кивнул:

--- Снаружи.

Нокс скрестил руки:

--- Самый прямолинейный способ. Я почти одобряю, --- он наклонился, --- почти.

Но что по поводу "фрагментов" Зеллика?
Мы не можем игнорировать то, что
сказал псайкер. Если призрак этого
судейного дурака бродит по кораблю, нам
нужно быть готовым, что он вонзит нож в
спину!

--- Верно, --- согласился Рафен, --- вот
почему я отправляю брата Кейна и
Кодицию Цериса на нижние палубы
"Нейтоса", дабы найти пристанище разума
Зеллика. И убить его.

Он отвернулся до того, как
Расчленитель успел ответить.

--- Гаст, Туркио. Вы двое останетесь
здесь и будете поддерживать открытую
вокс-связь. Всеми силами охраняйте этот
отсек.

Они кивнули. Рафен посмотрел на
других Астартес: Аджира, Эйдена и Пуло:

--- Остальным из нас придется
проточить ножки.

КЕЙН пошел к точке сбора и
спустился вниз по перекошенной лестнице
колодца, мимо второго уровня к
инженерному пространству. Достигнув

уровня реактора, он крепко схватился, так как подводное судно снова грозило. Удары о корпус были теперь сильнее и чаще, и он ощущал, как из микротрещин в потолке дымкой распыляется вода. Она имела ржавый, тяжелый привкус, где-то во внешней броне были трещины и "Нейтос" начало заливать водой. Он двинулся вперед, отбросив из разума проблему, которую не мог решить.

Воин бросил взгляд за плечо и взглянул в прикрытые капюшоном глаза псайкера. Церис, казалось, смотрит прямо через него, кристаллическая матрица его психонического капюшона слабо мерцала в сырости полутраке. Тень следовавшего за ним Расчленивателя Нокса подсвечивали мерцающие аварийные лютины.

--- Смотри в оба, --- приказал сержант, --- этот уродец Механикус уже давно преследует нас, и я хочу наверняка упокоить его в этот раз.

--- Угу, --- с чувством ответил Кейн.

Продолжая работать со сжатой в руке драгоценностью чужаков, Церис спокойно произнес:

--- Он близко, --- прошептал он, --- не может остановить меня от взгляда на паутину соединений. Он убивал и ему это нравилось. Не только Беслиана.

--- Мохла? --- с большим трудом выудил из себя Нокс.

--- Да, --- неразборчиво ответил Церис, --- он принес твоего боевого брата в жертву. Он атаковал его, когда тот не мог ответить.

Несмотря на то, что Нокс был спрятан за крепкими пластинами силовой брони, Кейн заметил, как тот напрягся при словах псайкера. Он видел холодную ярость на лице Расчлениателя, ту самую странную ярость, которая никогда не появлялась в безжизненных глазах воина.

--- Сюда, --- добавил Церис, указывая Кейну на утопающий в тенях коридор. Нокс быстро кивнул:

--- Когда мы найдем саму суть этого человека, --- сказал он им, --- я лично нанесу смертельный удар, ясно?

Ни один из Кровавых Ангелов не стал оспаривать приказ. Кейн шагнул вперед и начал прокладывать путь во тьме.

АДЖИР был последним из четверых, достигших татбура переднего шлюза субмарины. Кракен схватился за кортун "Нейтоса" и обвинил множеством щупалец спинной плавник, заклинив тем самым люк. Соответственно ангар, где они игрались с ликторами, был опасен. Если открыть ратну, то монстр тиранидов протолкнет свои щупальца внутрь и разорвет корабль.

Рафен прошелся от воина к воину, проверяя сочленения их брони:

--- Убедитесь, что зажимы вашей брони плотно закрыты, --- произнес он, --- единственная утечка будет для вашей плоти словно острое ножа. Вы можете потерять конечность до того, как успеете остановить поток.

Эйген присел, копаясь со своим боевым шлемом. Осмотрел слой гермоуплотнителя вокруг кольца горжета:

--- Нам нужно сохранить внутреннюю атмосферу, --- заметил он, --- вода снаружи слишком пагубна для наших мульти-

легких, чтобы они получали кислород из нее.

— Мы не пробудем там достаточно долго, чтобы задохнуться, — заметил Пуло, проверяя свой тяжелый болтер, — вероятность утонуть выше.

Аджир подумал над этим мгновение и не смог удержать дрожь отвращения. Он сражался и раньше во враждебной окружающей среде, на безвоздушных лунах и мирах где атмосфера состояла из токсичного супа, который не вынесли бы даже Астартес, но он никогда не сражался в океанских глубинах. Он представил себе, каково это ощущать, когда броня наполняет солоноватая, кислотная морская вода, каково падать в эти бездонные глубины, зажатый в затопленном керамитовом гробу. Его лицо исказила гримаса, и он сосредоточился на своем оружии.

Его болтер был создан по шаблонной системе Годвина, штатное оружие, которое можно было найти в руках тысяч костодесантников по всей галактике. Хотя говорили, что каждое оружие воина

по-своему уникально. Многочисленным из них были века, а некоторые переходили от Астармес к Астармес со дня основания Оргена. Оружие Аджира было окрашено в бронзовый цвет с завитками более темных оттенков, словно следы сгоревшего масла. Сотни имен, братьев и мест сражений, были выгравированы на казеннике и кожухе-затворе вместе со строфами боевых молитв и священных обетов. Он проверил боезапас секторного магазина, масс-реактивные снаряды были скорее не патронами, а миниатюрными ракетами и каждый внутри себя содержал определенную долю насыщенного кислородом воспламенительного состава. И благодаря этому, даже в абсолютном вакууме, или как сейчас, в жидкой среде, болтер все равно мог выплюнуть свой смертельный груз.

Он работал быстро, настраивая железную мушку и дульный тормоз, вода очень сильно уменьшит скорость и дальность оружия, ему нужно было компенсировать это. В данный момент пол уже постоянно трясся, словно во время

боевого вылета "Грозового ястреба".
Аджир был сосредоточен, он игнорировал
стоны металлического корпуса. В этом
месте они были близко к внешней обшивке
"Нейтоса", всего лишь несколько слоев
пластали и кератита между нити и
плотными водами океана.

--- Как только мы выйдем из внешнего
шлюза, активируйте магнитные захваты,

--- Рафен постучал по колену своего
ботинка, это отдалось глухим звоном, ---
они прикрепят вас к корпусу, но замедлят.

Он протянул руку в открытый
воздушный шлюз и вытащил оттуда
стальной трос:

--- Привяжите себя и проверьте своих
боевых братьев. Если одному из вас не
повезет оторваться от палубы, мы
стожем притянуть вас обратно.

Сержант достал свой силовой меч и,
тестируя,махнул им.

Нүлүо принес шестиугольную коробку
и снял крышку, с осторожностью предлагая
всем им содержимое:

--- Раскалыватель корпусов. Тут их
достаточно, чтобы измельчить это

чуговище на рыбные палочки.

Аджир протянул руку и взял один из зарядов, это была модифицированная версия типичной крак-гранаты, очертания взрывчатки предполагали непосредственное прикрепление к обшивке вражеского корабля. Когда он поднял взгляд, остальные воины уже ждали, держа в руках свои шлемы. Стенки корпуса снова завибрировали, грохот прошлась по погошве ботинок Аджира и пробежалась по костям.

Рафен оглядел каждого из них, одного за другим:

--- Берегите себя. Не сражайтесь с сопротивлением воды, это только утомит вас.

Он одной рукой поднял свой шлем и защелкнул его на место.

--- Оценивайте каждый выстрел, --- продолжил сержант уже через вокс, --- считайте каждый снаряд.

Аджир и остальные последовали примеру и зашли в шлюз. Эйген был последним, он закрыл за собой тяжелый внутренний люк.

Рафен кивнул Нуно, и

костюгосантник-опустошитель ударил по
изысканно украшенному красному
переключателю. Затем потом с силой
тысяч молотов ударило по ним, когда
морская вода заполнила шлюз.

ГАСТ отвернулся от сияющей красной
руны, выгравированной на медной
индикаторной панели:

--- Передний шлюз открыт.

Туркио вздохнул, его пальцы сжали
рукоять болтера.

--- Активирован автоматический
цикл. Он будет закрыт, как только они
выйдут из корабля.

--- Разве это мудро? --- спросил
Расчленитель. --- А что если им
понадобится быстро отступить?

--- Любой люк, который мы оставим
открытым --- еще один путь внутрь для
этого ужаса, --- ответил воин, --- они знают
это.

Гаст нахмурился, но Кровавый Ангел
был прав. Он развернулся к панели и
вручную активировал дистанционное
управление люком --- но воздержался от

удаления воды из затопленного шлюза.

Туркио с негодованием смотрел на зеленое мерцание гололитического дисплея. Он проследил за зондирующими конечностями тиранида и нахмурился. Отдаленный грохот ударов гремел из кормовой части.

--- Кракен... он запустил щупальца в кожух винта. Я думаю, он пытается остановить лопасти.

К нему подошел воин-клирик:

--- Должно быть его привлекли вибрации...

Он утолк, когда в голову пришла неприятная мысль:

--- Или возможно, он делает это намеренно.

--- Тираниды --- животные ксеносы, --- парировал Туркио, --- хитрые --- да, но все же животные.

Гаст покачал головой:

--- Ты в этом уверен? А что если зверь снаружи разумен?

--- Почему ты так думаешь?

Астартес посмотрел на изображение корчащегося цефалопода:

— Не могу избавиться от ощущения, что этот монстр играет с нами.

ПУЛУО широколи шагами вышел из шлюза, и его восприятие плоскостей изменилось, он переступил из горизонтальных внутренностей палуб "Нейтоса" и попал на многогранную поверхность внешнего корпуса. Путь снаружи была гуще, чем он ожидал, густые океанские воды ржавого цвета утешали видимость до пары метров. Отбрасывая туманные конусы света вперед, включились точечные светильники на такюшке боевого шлема, но они мало чем помогли.

Его ботинки гудко грохотали по черно-серому корпусу, изогнутая поверхность убежала влево и вправо от него, исчезая к горизонту. Пулуо ощущал движение корабля через воду, он стоял лицом к корме, и давление встречного течения настойчиво толкало его в спину. Без магнитных зажимов в подошве его бы уже унесло к корме, зади него болтался трос. Он сделал еще шаг, ощущая, как его

тянет при каждом движении. Астармес слышал все звуки моря вокруг себя и медленный, устойчивый рокот безущей крови в ушах. На секунду он почувствовал себя абсолютно одиноким, затем в вокс-бусине с треском появился голос Рафена:

--- Вон на корме! Вы видите ее?

Оптика шлема Нулу переключилась, увеличивая обзор, и внезапно он увидел. Только смутное впечатление о твари, огромная, возвышающаяся тень невдалеке. Она обвилась около плавников субмарины и, хотя деталей было не разглядеть. Кровавый Ангел оценил ее размеры. Очертания кракена вырисовывались, словно отдаленный грозовой фронт, и Нулу поднял вверх тяжелый болтер. Расстояние здесь было обманчивым --- тварь выглядела так, словно находилась в паре километров отсюда. Он сконцентрировался на порхающих вокруг него крошечных частичках мусора в воде, используя их для расчета расстояния.

Что-то, сияющее тусклым вишнево-красным, словно вытащенный из горна металл, двигалось к нему.

— Я думаю, он нас увидел, — произнес
Эйген.

Очертания подтянулись ближе, можно было разобратить похожие на капюшон кобры кончики змеиных, толстых щупалец жилистой плоти. В свете лампы темнела кожа монстра была трепно-белого цвета. На щупальцах располагались круглые присоски, размером больше чем голова человека. Красное свечение исходило от флуоресцирующих пятен на кончиках широких конечностей.

Нүлүо сжал спусковой крючок и дал очередь из трех болтов в эту кучу. Взялая отгача вдавила его в течение, вслед за разошедшимися веером болтами появились линии сжатого воздуха. Казалось, все двигается словно в затеженной съемке --- все, за исключением массивных хлещущих конечностей кракена. Два снаряда из трех прошли мимо, но третий попал в цель, и щупальце грозило от боли. Следуя примеру Нүлүо, Эйген и Аджир открыли огонь.

— Вперед! — призвал сержант, его активированный клинок силового меча

окүтал пенящийся ореол из извивающихся
пүзырьков. -- Прогвизгается и атакүет все
возможные цели!

Пүлүо не нүждался в воодүшевлении.
Быстро приспособившись к этому новому,
странному полю боя, он гвизгался
размеренными, четкими шагами. Он
стрелял на ходу и заслүжил этим право
пролить первую кровь, когда гибкое
щүпальце разорвало на части вдоль всей
длины. Выливаясь из раны, клүбилась и
закрүчивалась чернильная жизненная влага
монстра.

Низкий, гүлкий стон завибрировал в
воде, частота была настолько низка, что
Пүлүо ощутил его ребрами.

-- Ты привлек ее внимание, брат, --
протолвил Аджир.

Пүлүо медленно кивнүл, когда
разбросанные красные диски ярче и четче
засветились во мраке. Яркость үсилилась,
когда стон достиг пика, появилось еще
больше огромных теней, которые, казалось,
оторвались и прогвизгались ближе.

-- Вот и он! -- заорал Эүген.

Можно было легко представить себе,

что атакующих было множество, а не один. Стремительные тросы из мускулов летели к ним, каждый, казалось, жил своей отдельной жизнью и не было соединен с другими. Невидимая в тенях, основная громада тела кракена казалась отрезанной, вне досягаемости. Но думать так было смертельно опасно. Пулус напомнил себе, что каждая из этих конечностей всего лишь одна грань огромного врага, и все они работают вместе, управляемые одним разумом хищника.

Он снова открыл огонь, болтерные снаряды двигались мучительно медленно. Астартес увидел, как опустилось мерцающее лезвие меча Рафена, разрезая скользящим ударом щупальце, от которого осталась пленка темной крови.

Затем сержант впервые поднял свой плазменный пистолет и выстрелил, на краткий миг область вокруг воинов осветилась ярким, жестким свечением, которое отбрасывало прыгающие тени. Росчерк обжигающей, белой плазмы проткнул воду, вскипятив канал к своей

цели, и через долю секунды Рафена
окунало облаком бурлящих пузырьков,
когда жаро-гаситель оружия отвел лишнее
тепло.

Уменьшилось еще одно щупальце, его
кончик увял и оплавился, кракен издал еще
одну субчастотный вой.

--- Усиливает атаку! --- прорычал
командир.

В ОТЛУЧЕ от командного центра
двух палубами выше, инжиниринг был
местом самой большой концентрации
рабов-машин, и это было не удивительно.
В центре "Нейтоса", защищенном броней
гораздо лучше, чем другие секции судна, в
массивной бронированной сфере пряталась
сердце и душа субмарины.

Церису выдался шанс взглянуть на
этот модуль, кратко оценить его по
линиям света,двигающимся вверх и вниз
по охлаждающим трубам, которые его
окружали. Термоядерный реактор. За
этим плитам из титана и
сверхпрочного сплава, тлели угли
термоядерного пламени. Они

представляли собой зарождающуюся звезду, плененную там, дабы питать двигатели и внутренние системы "Нейтоса". Реактор должна была обслуживать ватага технопровидцев, но в этой миссии этот отсек занимал экипаж только из сервиторов.

Пронзительный взгляд псайкера прошелся по расслабленным и пустым лицам рабов-машин, пока они выполняли свои задачи, явно игнорируя тот факт, что судно было атаковано. Тут и там грожь обшивки отправляла одного из илотов грудой тряпья на палубу, но они просто вставали и продолжали работать. Заговорил Нокс, он стоял рядом с плечом и держал поднятый болтер:

--- Он тут?

Церис взглянул на пси-камень ксеносов в руке. Он уловил отблеск изумруда за рунатами или это была просто игра света? Он не был в этом уверен. Но зато он точно знал другое:

--- Он здесь, --- кивнул псайкер, --- я чую след его разума. Он оставляет аромат.

Шепот камня притягивал его, в

этом месте подобное тянулось к
подобному.

Кейн передернул затвор своего
болтера:

--- Кто именно?

Он водил оружием из стороны в
сторону, наводя на борточущих
сервиторов. Их было несколько.

Церис ощущал слабое мерцание
мыслеформ от рабов-машин, небольшие
вспышки разумной деятельности, которую
едва можно было уловить, если только не
сконцентрироваться на них. Сломленная
душа Зеллика пачкала их всех, порча
имплантом ксеносов давала тень и была
видима его сверхъестественным чувством,
словно движущаяся масляная пленка на
поверхности воды.

До того как он успел ответить, Нокс
принял решение:

--- Убьет их всех. Не дадим ему шанса.

Церис покачал головой:

--- Нельзя, сэр. Вы не можете
расстрелять одновременно всех. Убьете не
того, и это даст душе Зеллика
необходимое мгновение, чтобы

перебраться в другую разум.

Резко завизжала сирена, когда жидкость фонтаном хлынула из перегруженного клапана, и кучка сервиторов понеслась устранять утечку.

--- Его душа едва сбалансирована. Он так много потерял от своего "я". Все, что теперь осталось от магоса --- его ненависть и его желание отомстить... но мы должны убить именно того илота, в ком притаился его дух. В противном случае, он ускользнет в другого сервитора через импланты и наш поиск начнется с самого начала.

--- Тогда найди его, и наверняка, --- проскрежетал Нокс, --- он задолжал нам смерть, и именем Сета, будет получена кровавая плата!

Псайкер потянулся к катню перед собой и начал в него углубляться. От насыщенных телепатических миазмов, которые саваном покрывали устройства ксеносов, по его коже побежали мурашки, и он поклялся по завершению --- если они переживут нападение тиранида-кракена, --- выбрать время, чтобы провести ритуалы

очищения и стыть со своего разума
влияние камня ксеносов. Как человеческое
существо, даже полуборз Механикус, как
Маттхан Зеллик, могло по собственной
воле позволить своему разуму стать
частью этой чужеродной штуки, было за
гранью его понимания. Страх смерти в
такоме явно пересилил любые остатки
благочестия, которые у него когда-то
были. Несмотря на все свои клятвы, страх
смерти превратил его в еретика. А так
же навеки проклял себя и весь свой легион
илотов в глазах Бога-Императора. Еще
один вопрос, с которым нужно было
разобраться позднее, размышлял он, всех
сервиторов необходимо перебить, как
только закончится миссия.

Но сейчас ему нужно было найти
труса. Укрепив свою оборону, Церис
протолкнул клинок ментальных сил в пси-
срагоценность и еще раз увидел паутину
соединений между огоньками разумов
рабов-технотатов.

Он немедленно учуял Зеллика. Его
запах висел в воздухе, завитки его
мыслеследов были очень густыми, но

невыдумками для всех, без колдовского
взора. Это напомнило ему о том, что
исковерканная душа магоса состояла из
гнева и ужаса.

И она была сильнее, чем ожидал
Церис. Даже когда он осознал свою ошибку,
проклиная свое высокомерие, он ощутил,
как изменилась псионическая атмосфера в
отсеке.

--- Который из них? --- прошептал
Нокс, он терял терпение. Каждый илот в
отсеке: те, кто латали трубопроводы, те,
кто стояли у консолей реактора,
наблюдали за рунатами и безрунками --- у всех
одновременно затуманились разумы, они
все позволили переписать себя эскизу
мыслей Маттхана Зеллика.

--- Ненавижу вас, --- прошептал один из
них, угрожающе хватаясь за железный
гаечный ключ, --- ненавижу вас.

Задвигались губы, и каждый из них
присоединился к борточущему хору
хриплой ненависти. Церис бросил взгляд на
Нокса:

--- Все, --- ответил он.

Раб-машина с громоздкими

погружёнными руками из рифленой стали, шатаясь, пошел к Кейну, бормоча все громче и громче. Космогесантник выстрелил ему в грудь и тот дернулся, но не остановился, затем все илоты пришли в движение и заорали.

ВСЕ ПРОИЗОШЛО так, как будто кто-то дернул рубильник. В один момент Туркио и Гаст стоят рядом друг с другом, но разными сторонами от дисплея на штурманском столе, а сервиторы были заняты у своих постов. В следующее, командная палуба взорвалась бурством шума и движения.

Каждый работник у каждого поста и консоли оставил работу и развернул взгляд к космогесанникам -- и затем все разом заорали, подняв свои руки и манипуляторы, они выкрикивали:

-- Ненавижу вас. Ненавижу вас ненавижу вас ненавижу вас ненавижу вас...

Их пустые выражения лиц, обычные маски мягкой безучастности, искривились в изначальной ярости, когда они начали

крүшить все подраг и понесли к гвум
Астартес.

Туркио хорошо знал это жаждущее
крови выражение лица. Он множество раз
видел его на лицах врагов. Он поднял свой
болтер, поршни бионической руки
рефлекторно зафиксировали его в
положении для стрельбы — и тут он
замешкался. В любом другом месте на
корабле он выстрелил бы не раздумывая, но
в командном отсеке, на каждом шагу
окруженным жизненно важными
системами корабля, когитаторами и
вычислительными механизмами, которые
управляют каждой функцией "Нейтоса"...
Даже если он не промахнется, болтерный
снаряд пробьет тело илота и продолжит
нести разрушения.

В самую последнюю секунду он
развернул оружие дулом к себе и
затыльником врезал в лицо ближайшего
представителя обезумевшей орды. Кость и
серебро треснули, темно-красным
всплеском из ноздрей ударила кровь.
Сервитор опустился на палубу, мгновенно
убитый осколком черепа, который вошел в

мозг.

Через стол, Гаст поднял наруч и уложил схватившего его за руку техномата. Острая игла редуктора, высунувшаяся из бронированной перчатки с нижней стороны, проткнула грудь сервитора. Тот издал странный кашель, и из его рта запузырилась розовая пена. Гаст ударом откинул его в сторону, одновременно росчерком выхватывая зазубренный нож для свежевания.

--- Кровавое проклятие! --- прорычал сангвинарный клирик, --- Да это восстание!

Туркио забросил свой болтер за плечо на ретне и повторил действия Расчленителя, достав свой собственный боевой нож.

--- Мы не можем убить их... корабль...

Борточа гневное проклятие, еще одином хлестанул его, и Кровавый Ангел помтелем своего оружия отбил того в сторону.

--- Они не оставляют нам выбора! --- выкрикнул Гаст, дабы его можно было услышать в хоре жаждущих убийства криков.

Перед ними собрались сервиторы, формируя упорядоченные ряды и оставив свои обязанности. Туркио отошел на шаг, не зная как действовать, и ощутил за спиной переборку. Улоты зажали их в угол. Гаст поднял руку:

--- Рүль!

Пока за ручкой управления никто не следил, она двигалась свободно, и Туркио увидел, как дергался и наклонялся рычаг, когда кракен продолжал избиение "Нейтоса".

Палуба встала под углом, с каждой секундой угол становился все круче. Астартес поднял взгляд и увидел, как указатель глубиномера дернулся и начал перемещаться. Неуправляемая подводная лодка пошла под небольшим градусом на глубину.

ЭЙГЕН сразу же ощутил стену положения, когда вокруг изменилось течение:

--- Корабль... он изменил курс.

Он услышал, как Аджир вызвал по общему вокс-каналу:

--- Түркио, приел. Что там происходит? Түркио? Гаст?

По общему каналу Астартес слышали звон ударов стали о сталь и слабый вой сирен.

--- Мы не можем вернуться, --- через весь этот шум прорезался голос Рафена, --- доверьте своим боевым братьям охранять безопасность корабля. У нас есть своя цель. Мы не можем отступить!

Расчленитель взглянул вдоль линии обшивки и заметил, как силует Кровавого Ангела призывает их наступать. Сверкающая дуга силового теча оставила за собой похожий на змея искрящийся след из бурлящих пузырьков.

--- Вперед! --- рыкнул Пулчо, подчеркивая приказы командира.

Эйген сжал зубы и подчинился. Каждый шаг был труден, и он ощутил, как его мышцы напряглись. Его тренировали сражаться в разных условиях, сражаться в болотах Кретаии с привязанным к ногам грузом, вступать в ближний бой в космосе без воздуха или гравитации. Но тут все было по-другому. Он вспомнил слова

Алмита, первого учителя в Оргене, который гонял их как безумных, тот говорил: "не существует поля боя, которое не покорится нам. Мы властелины всех войн". Эта максима заставила его сконцентрироваться, и он продолжил.

Однако сражаться на корнүсе в твердой хватке океанских вод, было для него тем, чего он ни разу не делал. Странное эхо инфразвука раздавалось в мощном течении воды, и было сложно прицелиться на звук. Сейчас они приближались к телу кракена, и огромные щупальца все еще хлестали туда-обратно над их головами, обрушивая удары на обшивку "Нейтоса".

Он мог видеть горбатое тело монстра тиранидов, подсвеченное на долю секунды вспышкой, когда Рафен шарахнул кипящим разрядом плазмы в это существо. Пулю подбросил раскалыватель корнүсов в быстро движущийся поток воды, позволив океану перенести взрывчатку к зверю. То, что он принял за густые потоки зараженной муты, на самом деле было пленкой крови чужака, вытекающей из

прожженных ран в толстой броне по бокам кракена.

Из груди существ появились меньшие конечности, и они имели большее сходство с огромными костяными когтями нидов. Они косили воду, оставляя за собой мерцающий след из фотопланктона.

Треещащее эхо выстрелов резонировало в воде, и краем глаза он заметил, как Пуло выпускает очередные тяжелых болтов в рыскающие перед ним змеевидные конечности. Выстрелы воина были точны -- он вошел в зону эффективного огня, как и они все -- и в сферах взрывов конечности разрывало на части.

-- Как нам убить этого уродца? -- тяжело сражаясь, спросил Аджир.

-- Мы подойдем ближе, -- ответил ему Рафен, в его голосе звенела ярость битвы, -- ослепим, заглушим, будем стрелять, пока оно не издохнет, все, что сможем сделать! Наша миссия не закончится из-за этого выкидыша ксеносов!

Эйген кивнул:

-- Да!

Он тяжело шагал вперед, его ботинки звенели по корпусу, соперничая шумом с болтером. Он прицелился в фосфорные пятна на шкуре кракена, и тварь отреагировала инфразвуковым воплем, когда снаряды поразили цель.

— Справа! — заорал кто-то. Эйген услышал, как Аджир предупреждающе выкрикнул его имя, и вовремя повернулся боком, увидев, как зазубренная конечность рвется к нему по изогнутому корпусу "Нейтоса". Косящие когти проделали рваную борозду в серо-черной обшивке из звукопоглощающих чешуек. Эйген отреагировал на выпад и попытался увернуться, но его рефлекс отпрыгнуть и кувырнуться, был ошибочным: мешали магнитные зажимы ботинок. Слишком поздно, он пытался уйти в сторону, но вращающийся зазубренный кончик щупальца поймал его. Зубцы разорвали кератин и проткнули слои пластали и гибкого металла. Пойманного на месте Эйгена откинуло назад силой удара, но он не упал, его руки заработали, словно лопасти мельницы. Крича от усилия, он

вернул себя в вертикальное положение, но несущая смерть конечность кракена уже затеи́лась в обратную сторону.

Дыхание затерло в груди, когда он ощутил в своих внутренностях лед, вместе с ним по телу быстро распространялся холод. На секунду он испугался, что это шок от проникающей раны, может быть даже какой-то яда, впрыснутый этим ударом по касательной — но затем он увидел исходящий из разогранной грудной брони шлейф пугающих паров. Он почувствовал запах ржавой и затхлой соли — его броня наполнялась морской водой.

— ОНИ продолжают наступать! — кричал Кейн, отрывая голову с плеч и управляющему рычагами. По всей технической палубе эхом отдавались выстрелы.

— Нужно остановить их!

Церис поразил и откинул на палубу техномата с клешней-пинцетом вместо руки. От удара илом задрожал, и его продолжало встращивать, но он снова

атаковал. Кровь и осколки костей распустились красным цветком на груди, когда очередь сзади расколола его тело, мгновенно убивая. Нокс поднял дымящийся болтер, сдерживая вытянутой свободной рукой обезумевшего сервитора.

--- Ты слышал мальчишку! --- произнес ветеран. --- Если это происходит по всему кораблю...

--- Мы должны это сделать! --- огрызнулся псайкер.

Кейн задумался о том, как это в точности должно быть исполнено, но затем посчитал, что он не хочет знать. Чуждая магия варпа беспокоила его, и он ощутил, что сложно чувствовать себя комфортно, стоя всего в паре шагов от колдуна в броне костодесантников. На мгновение Церис бросил на него взгляд, и Кровавый Ангел решил, что воин прочитал его мысли.

Закованный в броню кулак Цериса сжался вокруг драгоценного камня чужаков, вырезанного Гастом из мозга мертвого сервитора. Церис вдохнул. И тот же час жуткий голубовато-зеленый свет пролился

через зазоры между его пальцами, кристальные стержни в психическом капюшоне кодиция вспыхнули сине-белым от задействованных сил.

--- Ненавижу вас, --- ревели рабы-машинны, --- ненавижу вас. Ненавижу вас. Ненавижу...

Словно удар молота на них обрушилась тишина. Внезапно и неожиданно. Несколько долгих секунд Кейн слышал только слабый вой сирен предупреждения на верхней палубе и постоянный грохот и стоны измученной обшивки.

Церис шагнул в отсек, распахивая застывших, как статуи, сервиторов. Они стояли на местах, обездвиженные и подергивающиеся, как будто сражались с парализующей их силой. Кейн заметил, как лоб псайкера вспотел, тот щурился от усилий. Воздух наполнило маслянистое, электрическое покалывание, заставив воина сжать зубы. Мощный выброс телепатической энергии заполнил комнату.

Церис с усилием поднял руку,

державшую сияющий камень и протянул ее, указывая кулаком:

— Я чую его. Вот он.

Одиноким сервитором, моделью надзирателя, сконструированная из гравитационной роли начальника над илотами, работающими со стержнями реактора, зашатался и, спотыкаясь, пошел вперед. Он двигался так, словно пробирался вброд через густое масло, неспособный освободиться. Вытянув руки с когтями, бетонная и рыча, раб-машинка брел к Церисе. Кейну показалось, что он заметил зеленоватое свечение в глубине незрячих глаз илота. Плоть на его лице кривилась и искажалась, и на секунду на лице словно возникла серебряная маска, плавающая в голопроекторе на борту "Археохорта".

Заикаясь и стрекоча перфокартой, голова сервитора склонилась в бок и тот заговорил:

— Вы заплатите за это!

Голос был трескучим и надломленным, словно воспроизводился загрязненной катушкой для записи:

— Я заставляю каждого из вас

заплатить!

--- Он пытается сбежать... --- выдвинул Церис, --- ускользнуть... к другому...

Сияние камня задержалось и запульсировало.

--- Убейте его сейчас же!

Кейн прицелился из болтера, но то, что он увидел, заставило его затереться. Извивающаяся голова забывающего сервитора стала призрачной: она превратилась в еле видимый рисунок воняющего лица магоса Зеллика, мерцающего, словно полярное сияние. Пока он смотрел, в воздухе появились крошечные зеленые огоньки и начали сплетаться с фантомом, это собирались фрагменты расколотой души Зеллика, возможно в последней отчаянной попытке противостоять воле псайкера.

--- Сейчас же! --- заорал Церис.

--- Заставлю... вас... заплатить! --- выдохнул задыхающийся голос, но до того как он снова заговорил, из мрака позади илота выросла фигура, сверкнула яркая сталь.

Зазубренный нож, с жуткими зубцами по всей длине клинка, вырвался из

открытого рта сервитора. Брат-сержант Нокс согнулся, проталкивая оружие через затылок раба-машины. Кейн слышал тошнотворный треск ломающихся костей и затем раздался отчетливый звон, словно треснуло стекло.

Шота стошило черной кровью и кусками разбитого драгоценного камня, воняющий в нем призрак издал последний предсмертный вой, после чего распался и ушел в небытие. Свирено дернувшись, Нокс вырвал лезвие из своей жертвы и плюнул на тело у своих ног:

— Это тебе за Мохла, Сова и всех других, — проскрежетал он, — в этот раз ты останешься мертвым, никчемный червь.

Церис медленно кивнул и уронил пистолет на палубу. Все еще пытаясь от усилий, он поставил ботинок на изумруд и раздавил его в порошок. Кейн подумал, что услышал далекий крик, но затем тот исчез.

Все сервиторы вокруг них развернулись и пошаркали к своим постам, игнорируя Астартес, как будто их тут не

было.

РАФЕН видел, как Эйгена ударил кракен, и выругался, когда Расчленитель отлетел. Он заметил, как смутные красные очертания движатся к нему, другой воин шел по корпусу — но муть была слишком густой, чтобы понять наверняка. Аджир это или Пуло, — сержант кинулся вперед, зная, что его боевые братья помогут раненному воину.

Он оказался у дергающегося бока монстра тиранидов, и на него, словно ураган хлыстов, обрушились толстые реснички морского чудища. Он вложил плазменный пистолет в кобур и сконцентрировался на парировании атак свирепыми взмахами силового меча, разрубая зондирующие усики, он превращал их в ленты тестообразной плоти. До него грохотом донеслась вибрация в глотке кракена, звук боли чужака превратил его губы в хищную ухмылку.

Серпы острых когтей прогудели в воде. Если бы в самый последний момент он не уклонился, они бы по нисходящей дуге

пробили его шлем и вошли в грудь. В
пузырящейся кутерьме атаки он ощутил
жесткий рывок за талию, который грозил
ему потерей равновесия, воин начал
бороться с сопротивлением. Внезапно
натяжение исчезло и, кляца ботинками,
он полетел по плитам корпуса. Что-то
глинное и рваное, вращаясь, летело мимо
него, он заметил это уголком глаза и
схватился за предмет. Его перчатка
быстро сошлась на растрепанном
тросе, его конец был размочален и потерт.
Его привязь.

— Не важно, — произнес он вслух и
отбросил порванный трос в сторону.

Существо начало движение, его
туловище скользило мимо. Он заметил
места, куда попали очереди болтов Пулво
и вырыли кратеры в бронированной шкуре,
под ней виднелась бледная плоть. Не
мешкая, Кровавый Ангел резким
восходящим взмахом рубанул по ране,
вгрызаясь в тело кракена. Пока монстр
ревел от боли, Рафен сорвал с ремня
раскалыватель корпусов и забил
устройство в скользкую открытую рану.

Кракен начал вращаться и корчиться, все еще пытаясь повернуться. Эхом отдался взрыв, и над головой Рафена расцвела огромная сфера красно-черной пены. Его ударила гидростатическая взрывная волна, но он выстоял и снова потянулся, дабы отцепить плазменный пистолет с зажима.

Монстр отскочил, верхняя часть его тела оторвалась от корпуса, его массивные щупальца начали разматываться.

Впервые Рафен увидел пасть изверга тиранидов, черную пропасть, окруженную сотнями похожих на рапиры зубов, которые изгибались и клацали друг о друга. Кусочки жира и мяса застряли в его многочисленных жевательных зубах — остатки его последней трапезы. Чудище вырисовывалось в сдвоенных лучах света, создаваемых лампами его шлема, и внезапно пасть, — темный туннель смерти, — раскрылся и полностью заполнил его обзор. Она могла поглотить его целиком, за один единственный укус этих гигантских челюстей, протолкнуть

его по пищеводу, где ядовитые кислоты и
размалывающие кости разотрут
костюгесантника в кашу. Бронированная
пластина, размером с люк "Носорога"
поднялась на боку туловища, когда кракен
атаковал, за ней Рафен увидел гладкую
линзу и зрачок, в котором полыхала полная
ненависти злоба чужака.

За краткий миг между ударами его
сердце, он понял, что тварь хотела
увидеть его. Перед тем как разжевать,
ксенос желал взглянуть на свою
человеческую добычу, которая остелилась
бросить ему вызов.

— Не сегодня, — ответил он зверю,
поднятая плазменный пистолет.

С громом подобным бульканьем
перегретых жидкостей, оружие исторгло
энергетический разряд, морская вода
вокруг гула мгновенно превратилась в
огромную сферу пара, когда плазменный
сгусток пронесся вперед и попал в глаз
кракену.

В Рафена ударила горячая взрывная
волна из крови ксеноса и кипящих
жидкостей, дополненная стонающим

воплем, таким глубоким в инфразвуковом спектре, что его кости завибрировали, а кишечник скрутило. Обезумевший от боли тиранид рефлекторно разжал свои объятия вокруг "Нейтоса" и превратился во вращающуюся бурю из щупалец и когтистых конечностей. Изогнутые когти и клыкастые усики били и хлестали по пустоте.

Рафен услышал чей-то крик, вроде бы Нүлүо, строгий, суровый голос боевого пса протрещал в его ухе, предупреждая.

Но этого было недостаточно. При отступлении кракена, щупальце, толщиной с корпус "Громового ястреба", обратным взмахом попало по Рафену. Удар сломал кератин, разрушил герметизацию и переломал кости.

Кровавый Ангел почувствовал боль, удар этого молота богов хлопнул его по спине, сокрушая механизмы в ранце. В агонии перед глазами заплескали разные цвета и вспышки, из легких вышибло воздух.

Он ощутил густой медный привкус крови во рту, почувствовал, как сломанные

ребра впились в его грудь. Затем он осознал, что больше не чувствует ног ногами корпус корабля. Он ничего не видел, густая влага залепила его глаза. Кувыркаясь, он падал.

Рафен пытался собраться силами и заговорить, но не мог вытолкнуть ни слова. Попытка стоила ему огромных усилий и из-за нее, его сознание ушло в грохочущее, темное небытие, куда никогда не падал свет.

НОКС ПРОНЕССЯ по коридору снаружи лазарета и тут же ощутил вонюхую затхлой морской воды. Волны зараженной жидкости отывали его ботинки, и стекали сквозь решетки палубного настила. Он увидел Пулу, Кровавый Ангел со снятым шлемом тяжело опирался о стену. Глядя в пол, тот тяжело дышал.

--- Эйзен? --- спросил Расчленитель.

--- Он жив, --- приблизился темнокожий астартес, которого звали Аджир, его длинные, черные кудри лежали на горжете, --- слава Трону.

Нокс взглянул на Пулу:

--- Зеллика больше нет. Вы отогнали чудовище?

Воин кивнул:

--- Да. Это нам стоило...

Оглядываясь, сержант вздохнул:

--- Рафена...

Нүлүо трачно кивнул:

--- Бестия достала его. Я видел, как это произошло. Она стахнула парня с палубы, выкинула его во тьму. Его больше нет.

--- Он не отвечает по воксу, --- тихо толвил Аджир, --- ауспекс тоже ничего не показывает. В этих течениях снаружи, даже если проклятый ксенос не сожрал его...

Кровавый Ангел затих, его взгляд потупился. На долгие секунды повисло молчание. Нокс смотрел в пол, ощущая в груди внезапный укол сожаления. Еще один брат потерян...

--- Будь проклято это задание, --- пробормотал он.

Когда Нокс поднял взгляд, то заметил, что Нүлүо и Аджир пристально наблюдают за ним:

--- Руководство заданием теперь
перешло к вам, командир, --- произнес
костогесантник-опустошитель, --- какие
будут приказы?

И Нокс рассказал им.

Глава девятая

ВРЕМЯ БЫЛО РАЗВИТО, из его ран шла кровь; то же самое происходило с Рафеном.

Он чувствовал, как проходят мгновения -- но они не бежали ровной чередой; каждое из них пронзало его мысли мучительно-яркой вспышкой, резкой, как удар. Каждый миг превращался в острый иззубренный осколок боли; знание о нем прорывалось сквозь теплую, как кровь, плелену, которая окутывала его.

Его тело горело в лихорадочном жару -- так проявляла себя усовершенствованная физиология Астартес, которая сейчас работала, исцеляя его. Сломанные кости срастались, кровь свертывалась и раны по всему его телу закрывались -- но разум Рафена мучительно пытался уцепиться за любое ощущение, которое тот испытывал.

Выброшенный из реального мира, он качался на бурных волнах сознания, как пробка -- то падая к подножию дыбящихся

валов, то погружаясь в темную глубину. Время от времени он выныривал на поверхность --- только чтобы осознать, где находится --- и снова шел ко дну.

Он попытался соединить воедино разрозненные обломки, стараясь воспроизвести связную последовательность событий. Ключья пены белели на валах, вздымающихся из темной бездны... да, это случилось с ним. Когда они отбивали последнюю атаку кракена, он остался за бортом. Те удары --- тучения от них были невыносимыми, такими, что захватывало дыхание --- сейчас казались ему бесконечно далекими. "Как быстро тело забывает все, что с ним случилось", --- подумал он.

Он вынырнул на поверхность: это тоже оказалось реальностью... не так ли? Его шлем наполнился маслянистой морской водой, покачивавшей его на легких волнах с подветренной части низкого кораллового рифа. Машинный дух, управлявший его боевым госпехом, постарался сохранить ему жизнь. Спиной он ощущал ледяной холод от разбитых крио-отсеков микротермоядерного

реактора. Гребни темных, цвета грязи волн уходили вдаль — до самого горизонта, встречаясь с мрачным, дождливым, ржавым небом.

Вдалеке возникло что-то — тускло блестящее, относительно отчетливых очертаний. Помощь? Нет, он не должен хвататься за эту иллюзию... а то совсем потеряет голову.

Мелкие создания в воде; существа, похожие на угрей, с костяными панцирями на головах, похожими по форме на наконечники стрел. Крутятся вокруг него, ищут новые пробоины в доспехах. Тиранидские твари... да. Явно биомеханические — это стало ясно, когда он поймал одну и раздавил защищенными доспехом пальцами. Похоже, пагальщики — они поняли, что Кровавый Ангел больше, чем просто кусок органического вещества, которое можно растворить и поглотить.

Снова темная вода. Бездонные глубины, окрашенные кровью, содрогающиеся от звуков подводной жизни. Все это действительно было? Это действительно произошло в реальности.

или было просто лихорадочными видениями?

Пальцы ощутили цепи вокруг запястий, другие концами прицепленные к его оружию. Он не потерял свой пистолет и меч. Короткая вспышка радости. Хорошо. Призрачная глубина этого чужого океана не приняла его оружие. Погибнуть безоружным было как-то... неправильно -- словно встретить смерть обнаженным и слабым.

Опять эта штука среди волн, теперь уже ближе. Ее форма становится четче на фоне клубящихся облаков. Корабль? Высокий, острый, как бритва, нос судна. Тяжелый, отдающий гнилью запах тиранидских феромонов, зловонным туманом стелется по воде. Воздух становится густым и едким.

Тьма и свет. Тьма и свет. Тьма... Свет --

СУДНО С ГРУБЫМИ, РЕЗКИМИ очертаниями -- патрульный корабль -- двигалось по слабой зыби, в которую превратились бушующие волны; флюгеры с

частыми лопастями скрипели на
непрекращающемся ветру. От режущих
глаза лучей поисковых прожекторов вода
вокруг дрейфующего тела покрылась
причудливым рисунком резких, пляшущих
теней. Фигура в темно-красном доспехе
была отчетливо видна, выделяясь, словно
клеймо — в одну секунду орудия на борту
выстрелили, забрасывая в море сети из
липкого, как паутина, вещества. Фигура
предприняла слабые попытки освободиться,
но безрезультатно. Сеть из искусственно
выращенного биоволокна опутала руки и
ноги жертвы, и застыла, зафиксировав их.
На борту, внутри бросивших сети орудий,
немедленно пришли в движение
механизмы, которые подтянули добычу к
низкой траловой палубе в кормовой части
судна.

Там уже стояли два мутанта, с
удивлением глядя на странного нового
пленника, приближавшегося к ним по
волнам. Они обменялись быстрыми
встревоженными взглядами, почесывая
импланты, торчавшие из безобразно
раздутых мускулов их предплечий. Тот из

двух, что был крупнее, самец, модифицированный с использованием научного ДНК, повернул свою восьмиглавую голову к пришельцу и, помедлив, отважился подойти ближе.

Он не ожидал увидеть здесь подобное. Но не требующему отлагательства приказу Чейна -- вассала их повелителя, корабль прервал выполнение обычных задач по патрулированию участка океана и ловле морских тварей. Получив приказ, они были вынуждены выбросить за борт недельный улов ксеносов и на полной скорости отправиться в район неподалеку от Оксидных Отделений. Мутанты были сбиты с толку -- но они отлично знали, чем может обернуться для них невыполнение приказов Чейна, к которым нужно было относиться так, словно они исходили от самого Отца-Прародителя.

Как бы то ни было, скоро им стало ясно, зачем их отправили сюда. Небо вспыхнуло от взрыва -- на орбите погиб космический корабль, вскоре после этого сверху посыпались обломки. Не прекращая движения, они подбирали то, что падало

сверху, выбрасывая за борт казавшееся бесполезным и сгужая в трюм то, что можно было использовать. Как и их повелитель, мутанты отлично умели находить новое применение всему, что попадало им в руки. Поэтому все, что они собрали, должно было пригодиться. Но они не нашли никого живого... по крайней мере, до настоящего времени.

Мутант-арахнис подошел к мутанной сетями фигуре и увидел, что они подняли на борт гуманоида в силовом доспехе, примерно такого же роста и телосложения, что и он сам. Работая рудиментарными дополнительными руками, он начал распутывать ячейки сети, щелчками сбивая соединявшие их липкие узелки. Потом он сам себе кивнул большой раздутой головой. Он понял, кто перед ним. Он узнал слугу Мертвого Бога, как только увидел его.

Арахнис повернулся к второму мутанту, собакоподобному существу с влажно блестящим носом, ворчливому и постоянно недовольному.

— Астартес, — произнес он. Слово

прозвучало невнятно, с присвистом
вырвавшись из окруженного тангидулати
рта.

Нес коротко пролаял ругательство...
превратившееся в изумленный взвизг, когда
костодесантник внезапно дернулся на
покрытой жирной грязью раскачивающейся
палубе и взмахнул мечом. Оружие
появилось словно ниоткуда — несомненно,
оно запуталось в плотном переплетении
сети, и теперь арахнид, сам того не
желая, освободил его.

Энергопача силового меча работала
неровно, энергетическое поле дергалось —
но клинок оставался тяжелым и
стертоносным. Оружие отделило голову
мутанта от шеи; фонтаном брызнула
кровь. И внезапно, астартес,
пошатнувшись, поднялся на ноги.

Второй мутант учуял исходящий
от костодесантника запах, и понял, что
сверхчеловек серьезно ранен; но до сих пор
стертельно опасен — это доказывало
обезглавленное тело, оставшееся от
арахнида. Убитый мутант скатился по
палубе и свалился в океан, когда судно

поднялось на очередной волне. Нес снова
придвинулся таякнул --- его голос звенел от
паники, он звал на помощь. В ответ на
этот зов появились другие мутанты; они
бежали, неся новые сети и сжатая древки
потрескивающих разрядами
электрических алебард. Не теряя времени,
они обступили раненого костогесантника;
им было ясно, что при малейшем
промедлении они потеряют и то
небольшое преимущество, что у них было.

Чтобы свалить астарес на палубу,
потребовались усилия всей команды --- но он
успел убить еще двоих: они превратились в
кричащие факелы прежде, чем плазменный
пистолет выбили из его руки. Когда воин в
темно-красной броне споткнулся и упал,
они окружили его и отвели душу --- били и
награждали его электрическими
разрядами, пока он не потерял сознание от
боли.

ТЕМНОТА...

Он убивал --- но это казалось
далекими, как сон, бессвязными
видениями... они могли быть

порождениями его пылающего в лихорадке воображения. Рафен почувствовал ледяной холод, коснувшийся его обнаженной кожи; ощущение было таким резким и внезапным, что он открыл слезящиеся глаза и заставил себя сфокусировать взгляд на своих руках. Очертания расплывались, он едва видел их — они были покрыты грязью и засохшей кровью. При каждой попытке сделать вдох его грудь словно полосовали бритвой; боль наполняла, казалось, каждый миллиметр его тела. Он чувствовал влагу, которой пропиталась его одежда из плотного, с толстыми порами материала — и с этим ощущением к Рафену медленно начало приходить понимание того, в каком ужасном положении он оказался.

На нем не было доспеха; его срывали без всяких церемоний так, что на руках и ногах остались круговые царапины и порезы. Облаченный в ветхие тряпки — похоже, в старую тюремную робу — Рафен лежал в вонючей металлической клетке, изгазированной пятнами зеленой плесени и ржавчины. Металлические тросы

толщиной с его запястье, прикрепленные к
тяжелым металлическим обручам на его
руках и ногах, поднимались вверх и
терялись в темноте. Эти оковы не
позволяли ему выпрямиться в полный рост,
не позволяли отойти больше чем на пару
шагов от того места, где тюремщики
приковали его.

Его тюремщики...

Усилив воли Рафен постарался
вернуть себе ясность мысли и вспомнить,
что с ним произошло. Он собирал воедино
события последних нескольких часов,
отделяя их друг от друга, анализируя
тончайшие оттенки их смысла. Из этих
осколков постепенно возникала связная
картина. Мучительная боль от
электрических разрядов, и благословенное
забытие. Чувство потери чего-то
важного... да, это случилось, когда они
осквернили священную броню его Оргена,
когда доспехи оторвали от тела и унесли
прочь. Они забрали его меч и пистолет,
шлем сорвали с головы.

--- Голос..., --- он произнес это слово без
всяких мыслей, когда в его мозгу всплыло

новое воспоминание. За несколько мгновений до того, как погрузиться в тишину и трек, он кое-что увидел. Мерцающий призрак, сотворенный из света; высокая фигура, в одеянии из кричащих лиц.

--- Фабий...

Предатель говорил вполголоса, отдавая приказания одному из полужверей-мутантов, которые напали на него. Рафен попытался вспомнить слова, которые слышал --- но память отказывалась открывать их, затуманиваясь болью. Он помнил только голограмму Байла, изображение смотрело на него сквозь прутья клетки и тонко улыбалось, кивая мутанту. Потом он произнес несколько слов, которые Рафен не расслышал... но по движениям губ догадался о том, что было сказано.

"Доставьте его ко мне!".

Кровавый Ангел кивнул своим мыслям, вспомнив о том, что говорил ему Церис в часовне на борту "Тихо". Была ли это воля самого Бога-Императора? --- спрашивал он себя. Неужели сам Владыка

Человечества взял в руки нить судьбы Рафена и привел его к тому, что произошло? Каждый шаг по этому пути приближал Рафена к встрече с тварью, называвшей себя Фабий Байл -- но сейчас судьба оторвала его от боевых братьев, уничтожила кропотливо выстроенные планы победы над предателем, и бросила его сюда. В одиночку и без оружия.

Он закрыл глаза и позволил себе погрузиться в исцеляющий транс, чтобы окончательно прийти в себя. По вибрации и покачиванию пола клетки он понял, что корабль, на котором его везут, идет с большой скоростью -- несомненно, они возвращались к крепости Байла, месту, куда Рафен стремился попасть во что бы то ни стало.

Кровавый Ангел молча сел и позволил своему телу исцелять себя, приводить в норму, готовиться к новым боям. Если Император привел его сюда -- это было верно и справедливо; если же это была лишь насмешка капризной судьбы -- ей не удастся играть с ним.

У него не было оружия -- но ни один

Астартес не может считаться безоружным, пока ни испустит последнее дыхание.

Он был один — но ни один Астартес не одинок, ибо каждый из воинов всегда остается частью братства, а их высшая цель всегда живет в их сердцах.

В окружившей его темноте он молча вознес молитву, прося указать ему верный путь.

ЗВЕЗДА ДАЙНИКА посылала тусклые лучи света сквозь плотные облака, бегущие по небу над глиняными извилистым архипелагом; пронизывающий ветер, не ослабевая, гулял над волнами. Бесплодные пики каменистых островов возносились к небу над бушующей красноватой водой. Сглаженные миллионати лет тайфунов и штормов, горные породы — редкие атоллы, бывшие вершинами огромных подводных скал — походили на большие скопления кораллов или торских губок, образовавших причудливые изгибы, даже их линии создавали полную иллюзию органических

форм, которые на самом деле никогда не существовали. Как и все остальные острова здесь, на Дайнике-5 этот был до конца опустошен от всех форм жизни из-за наскоками тиранидского флота, которые случайно попали на планету. Здесь почти не было людей, как и природной флоры и фауны. Аграрная колония, построенная для использования богатств океанов Дайники, первой пала под натиском алчных хищников, уничтожавших все на своем пути. Поселения, вырубленные в скалах или построенные руками подданных Империи, превратились в города-призраки: их жители — мужчины, женщины, дети, все до единого были пожраны тиранидами.

В этом гибельном месте, ставшем воплощенным напоминанием о злом роке, постигшем его обитателей, Фабий Байл скрывался после своих вылазок. Среди опустошенных руин, на планете, к которой не приблизился бы никто в здравом уме, в мертвом, всеми забытом углу галактики безумный ученый выстроил свою крепость.

Патрульный катер пришвартовался у

южной оконечности главного острова архипелага; двигатели, взыв в последний раз, отключились, и волны внесли судно в покрытый трещинами феррокрытый док. Кровли заброшенных строений покоились на согбенных фигурах ангелов --- последних остатках огромного портового комплекса, построенного в расчете на десятки траулеров. Сейчас в рабочем состоянии поддерживалась только эта небольшая секция --- остальная часть порта была заброшена и постепенно приходила в упадок.

Чихая и стреляя глушителями двигателя, выбрасывая жирный дым из выхлопных труб, к пристани с рычанием подполз оскверненный эвакуационно-ремонтный танк модели "Атлант"; с крана, торчавшего из его задней части, свисали тяжелые черные цепи. Машина, когда-то использовавшаяся Имперской Гвардией во имя Императора, сейчас была разрисована нечестивыми символами Пути Восьми стрел; с нее сняли броню, оставив только стальной каркас. Птицеподобный мутант с хриплым

совиным уханьем приземлился на переднюю часть машины; цепи опустились в люк на палубе траулера. Оттуда слышались звуки борьбы, из темноты вырвались вспышки мощных электрических разрядов. Цепи натянулись и начали наматываться на барабан.

* * *

РАСКАЧИВАЯСЬ на своих оковах, Рафен поднимался к свету. Он извивался в железных путах, пытаясь освободиться — но никак не мог найти точку опоры. С каждым движением он только запутывался все больше, цепи петляли обвивались вокруг его рук и ног.

Уродливые мутанты на судне перекликались со своей родней в доке, их звериное рычание, похоже, было чем-то вроде их собственного языка; потом "Атлант" отъехал назад, и Рафен

обнаружил, что плывет по воздуху над грудой белого, как кость, камня; его толтало из стороны в сторону, когда край подпрыгивал на своих опорах.

Он старался развернуться так, чтобы видеть, что происходит вокруг, часто старгивая, потому что перед глазами плясали пурпурные искры — сетчатка глаз запомнила проникающие до сердца прикосновения шестов с электрошокерами, которыми была вооружена команда траулера.

Они миновали отвесный утес, который высился вдалеке, возносясь к небу острой вершиной. На камне темнело высеченное изображение чудовищного крыла, заканчивавшегося когтем — символ Детей Императора, Легиона, основанного Фүлгримом, в котором прежде служил Фабий Байл.

Первым строением, которое встретилось им на пути, была низкая коренастая башня, поднимавшаяся над береговой линией острова. Прямые, соединявшиеся под прямым углом стены с несколькими входами венчала крыша в

форме зиккурата. Он решил, что сооружение на крыше — возможно, коммуникатор, состоявший из флюгера, который гнулся на постоянном ветру, и нескольких антенн. Внешний вид и принцип работы антенн казались чуждыми и непонятными; кристаллы на их наконечниках трачно мерцали белоголубым светом.

Танк выкатился на извилистое шоссе, с одной стороны которого тянулся широкий пляж, усыпанный осколками сланца и скользкими от водорослей камнями. Короткие, толстые столбы торчали на пляже через равные промежутки, их линия тянулась по всему пляжу, теряясь за границей атолла. С другой стороны дороги располагалось нечто, что на первый взгляд казалось огромным кратером от удара метеорита; но Рафен, извиваясь в своих оковах, стараясь висеть ровнее, получил возможность взглянуть еще раз. Внутри кратера, на дальней от дороги стороне он увидел вырубленные одна над другой террасы, которые спускались вниз насколько хватало взгляда; по краю террас

или балконы из тонких ажурных металлоконструкций, вбитых прямо в камень.

Повсюду виднелись металлические трубы, выраставшие из земли, словно стальные деревья. Каждая из них заканчивалась сферой из металлической сетки, от них нестерпимо несло тиранидскими феромонами. Этот запах висел над всем островом подобно плотной пелене.

До слуха Рафена долетел вой сирены откуда-то со дна кратера. Потом он услышал резкое шипение лазера, и танк, подпрыгнув, затормозил, скрипя перемалываемым гусеницами грунтом. Пользуясь моментом, Кровавый Ангел захватил цепь обеими лапонами, и, переставляя руки, начал подниматься к катушке, на которую наматывалась цепь. Он уже почти добрался до верха, когда из кратера выпрыгнула фигура, закутанная в рваные бесформенные одежды с капюшоном, и бросилась через дорогу в направлении берега моря.

Рафен замер — он решил, что

мүтанты в кабине танка сейчас начнут стрелять по безлецу --- но они ничего не предпринимали. Он не мог рассмотреть фигуру в деталях, но видел, что это гуманоид, и что он больше обычного человека. По мнению Рафена он, скорее, был похож на Астартес.

Беглец в капюшоне тем временем карабкался вниз по утесу, потом --- спрыгнул на берег. Едва его грязные босые ноги коснулись пляжа, послышался новый звук сирены.

На этот раз трубный звук, выедавший четыре ноты, доносился от линии столбов на берегу. Рафен увидел, как верхние части ближайших столбов медленно раскрылись веером, разделяясь на четыре сектора.

Беглец заметил движение; Рафен решил, что сейчас он побежит к воде, но тот ничего не делал. В его движениях не было заметно усталости --- только странная покорность судьбе.

Из спрятанного динамика послышался голос, искаженный треском помех:

--- Не будь идиотом.

Рафен скривился, узнав вкрадчивую, размеренную речь Байла, на какую-то долю секунды ему показалось, что эти слова обращены к нему; но они относились к беглецу.

— Поворачивай обратно. Вернись, и твоя выходка будет забыта.

Беглец осторожно развернулся и на полусогнутых рванул вдоль пляжа. Рафен услышал механический скрип и с ужасом увидел пару сторожевых орудий, которые появились из раскрывшихся наверху стоящих на берегу столбов. Сигнал сирены повторялся. Это были все те же четыре звука — но с каждым разом они звучали все быстрее и быстрее.

Человек остановился и опустился на одно колено. У Кровавого Ангела перехватило дыхание, когда он увидел, что укутанная в бесформенные лохмотья фигура склонила голову и прижала к груди скрещенные в запястьях руки. До его слуха донесся шепот — и он отчетливо разобрал слова молитвы; это была Литания Аквилы, древнее обращение к Богу Императору о заступничестве против сил

зла. Рафен понял, что должно произойти. Он вскрикнул, забился в своих оковах, так, что одна из цепей затрещала. Человек на берегу не пошевелился.

--- Ну... Как скажешь. --- произнес голос из динамиков, и в следующую секунду орудия прицелились, зарядились и выстрелили. Короткий энергетический заряд пролетел над берегом и разнес беглеца --- Астартес --- на молекулы. От него осталась только едва заметная, тонкая, как туман, полоса крови на спекшемся в стекло песке.

Извергая проклятия, Рафен снова забился в цепях, пытаясь освободиться, танк завел двигатель и покатился дальше. Он понял, что мутанты в кабине знали, что произойдет, и просто остановились посмотреть.

Рафен чувствовал себя так, словно с размаху прыгнул в ледяную воду. Одно дело видеть смерть боевого брата на поле битвы --- а сейчас у него не оставалось сомнений в том, что погибший у него на глазах был костогесантником, таким же, как и он сам --- но то, что он стал

свидетелем такой низкой, бесславной гибели наполняло его одновременно гневом и безысходностью. Он судорожно пытался понять то, что видел, и найти в произошедшем некий смысл.

Тем временем "Атлант" свернул с дороги, и, развернувшись, остановился на выглаженной ветрами феррокрытой площадке, которую с трех сторон окружали крепостные стены. Цепи ослабли, и он рухнул на грунт, приземлившись не слишком удачно. Рафен заставил себя подняться, пока танк отъезжал, и стал осматриваться.

Он сразу заметил группы странных звероподобных мутантов, которые собрались на сторожевых постах и оружейных башнях, у лафетов, на которых были установлены автоматы и огнеметы. Но его внимание привлекло другое. Он видел только двоих, без всякого интереса глазевших на него с арочной галереи — но это точно были Астартес: высокие, могучего телосложения, словно выкроенные из мускулов... как отборные туши в мясной лавке. Поначалу он подумал, что это

костюгосантники Хаоса, но, приглядевшись, решил, что ошибся. Они носили на себе оружие самых разных систем, но их броня не походила на порченные варпом доспехи, что так любили легионы отступников. Несмотря на высеченный на скале знак, который он видел раньше, он не заметил знакомых символов --- только изображение восьмиконечной звезды Разрушительных Сил. Если уж на то пошло, они напоминали Рафену самого Фабия: высокие неподвижные фигуры, от которых исходило ощущение опасности.

Скрип заржавленных механизмов заставил его обернуться. Створки ворот, входившие друг в друга, как зубы пилы, разошлись в стороны, и из них вышел человек в глинном бесформенном одеянии --- вроде того, которое он видел на убитом. Обвитая мускулами рука с кожей цвета старой дубленой шкуры, поднялась, чтобы откинуть капюшон.

--- Если ты желаешь умереть прямо сейчас, родственничек, наше зверье устроит тебе это. А если не хочешь --- я б

советовал тебе не делать резких движений.

Его прилизанные волосы, если их отмыть, были бы серебристо-серыми; они обрамляли старое, покрытое шрамами лицо с тяжелой челюстью, которую подчеркивала козлатая борода. У сего пришельца не было глаз — пустые глазницы были забиты толстыми комками ткани, оплавленной, как воск. Тонкие и резкие чернильные линии выгнулись на впалых щеках и вокруг шеи, складываясь в угловатые буквы на языке, которого Рафен не знал. Но некоторые знаки были ему знакомы — он признал руны, которые использовали племена, населявшие Фенрис. Старик показал зубы — желтоватые клыки, выгнувшиеся из-под верхней губы.

— Назови своего господина, — потребовал он.

— Ты... сын Русса... Кости́ческий Волк... — Рафен не мог поверить. Кости́ческий десантник из лояльного Ордена, даже старый, слепой ветеран без оружия и доспехов был последним, что он

ожидая увидеть здесь.

— А ты — нет, — заметил слепой воин, и шутно принялся, — я бы сказал точно, если бы в твоих венах был лег. Да и ты бы не стал тратить время напрасно и попытаться меня убить. Поэтому спрашиваю еще раз. Кто твой господин?

Рафен не видел смысла скрывать свое происхождение; если бы у Костицкого Волка были глаза, он сразу получил бы ответ, увидев выжженный на его плече знак — слезу с крыльями.

— Я сын Сангвиния, из IX Ордена Астарес.

— Ха, — невесело ухмыльнулся ветеран, — Кровавый Ангел. Ну, конечно... Я отсюда чую, какой ты красавчик.

Не на шутку обозлившись, Рафен шагнул к Костицкому Волку.

— Не стейся нагло мной, старик. Может быть, я действительно поступлю, как ты говоришь, и убью тебя! Пока я не вижу ни одной причины для Астарес-лоялиста — если он не предатель — находится здесь, у нашего врага!

Улыбка сбежала с лица его

собеседника, он оскалил клыки:

--- Щенок! Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни об этом месте! --- он коротко кивнул. --- Но скоро узнаешь. Уж поверь мне, узнаешь.

Коротким жестом он сделал знак следовать за ним:

--- Пойдем со мной. Или... как хочешь. Сростки потренируются на тебе в стрельбе, если проторчишь тут слишком долго.

Рафен неохотно двинулся следом за Костическим Волком, который провел его через ворота.

--- Сростки... --- повторил он, --- это тутанты?

--- Он их так называет, --- ответил ветеран, на секунду остановившись, кашлянув и сплюнув в сторону сгусток слюноотокроты.

--- Когда-то они были обычными людьми... пока Байл не надумал получить от них кое-что... как он это умеет.

--- Фабий Байл. Где он? --- спросил Рафен.

--- Молись, чтобы тебе этого никогда

не узнать, -- был ответ.

Ворота медленно закрылись за ними, и туннель, по которому они шли, погрузился в непроглядный мрак. Оккулобный имплант Рафена позволял ему различать неясные контуры предметов, но слепой Костицкий Волк шагал уверенно, словно отлично видел в темноте. Кровавый Ангел остановился, нахмурив брови. Второй воин даже не заметил шага.

-- Утак, я пленник отступника, хаоситской твари, -- произнес Рафен, -- а как сюда занесло тебя?

-- Так же, как тебя. Но так давно, что уже песок сыпется. Короче, я здесь куда дольше тебя.

-- И поэтому ты ему служишь? Тащишь меня к нему, как охотничий пес -- гичь? Он стог тебя сломать?

-- Ничего ты не знаешь, парень, -- старик остановился.

-- Говорят, сынов Рюсса нельзя подчинить, что их стелость в бою -- безгранична, а воля -- тверже камня. Но смотрю на тебя, и вижу -- врёт те, кто

так говорит!

Кости́ческий Волк зарычал, и, развернувшись к нему, резко вскинул обе руки — пальцы были согнуты, как когти; но на секунду затешился, а потом — уронил руки вдоль тела. Несмотря на темноту, Рафен смог разобратъ выражение его лица. В нем не было ярости, только... странная покорность.

— Отсюда нельзя сбежать, — произнес ветеран, — выхода нет... кроме того, что ты видел.

Он кивнул в сторону ворот, через которые они вошли.

— Спроси себя, почему один из нас по своей воле предпочел смерть жизни здесь. Спроси себя, Кровавый Ангел — и на досуге подумай над ответом.

— Здесь есть еще Астартес? Из других Оргенов?

— А то. И все они думали как ты сейчас, — старик вздохнул, подошел ближе, и, понизив голос, продолжал, — каждый раз, когда я говорю с теми, кто сюда попал — всегда одно и то же. Они спрашивают, почему я здесь. И почему я больше не

сопротивляюсь.

--- Мы --- Астартес, --- отрывисто
возразил Рафен, и медленно овладевала
холодная ярость, --- и ты никогда не
сдается. Мы сотворены для боя!

--- Как тебя зовут, Кровавый Ангел?

--- Рафен, сын Аксана. Сержант.

--- А я --- Нурхунн Ветча, из Длинных
Клыков. Слышал мое имя?

Он пототал головой:

--- Нет. Не слышал.

--- Это потому, что я покойник. Как и
все остальные наши с тобой родичи здесь.
Мы сопротивляется, Рафен,
сопротивляется, как можем. Тем, что
остается в живых так долго, сколько
можем, и каждый наш вздох здесь говорит,
что мы не покоримся!

--- Сколько здесь может быть этих
мутантов? --- требовательно спросил
Рафен. --- Все действительно так
безнадежно? И ни у кого не хватило пороха
захватить это место и сравнять его с
землей?

--- Много кто пытался.

--- Они пытались и не смогли?

— Они пытались и погибли, — с нажимом произнес Ветча, поворачивая к Кровавому Ангелу свое спокойное и покорное лицо, — а мне помогает моя надежда, парень. Каждое утро я прошу Рюсса и Императора стать свидетелями тому, что здесь происходит — и силу выдержать это. А делаю я это потому, что знаю: однажды настанет мой день!

Голос старого воина зазвенел от сдерживаемой ярости:

— Я жду, Рафен. Я жду этого дня. Этой минуты, которая обязательно настанет. И тогда — даже свинцовый нож сойдет для одного удара.

— А пока ты ждешь — Фабий Байл жив-здоров и продолжает творить преступления по всей галактике, — покачал головой Рафен.

Костический Волк развернулся и зашагал дальше:

— Если б ты пробыл здесь столько же, сколько я, Кровавый Ангел, ты бы понял. А сейчас — идет. В этом стоке у нас прометит, чтобы угробить любого покровителя, который пройдет

феромоновый щит. Тебе точно не понравится, если ты здесь окажешься, когда такое случится.

В ДАЛЬНЕМ КОНЦЕ туннеля в стене разошлись в стороны створки нескольких ворот -- и Рафен, стиснув зубы, зашипел от боли: в его привыкшие к темноте глаза словно впились иглы. Часто моргая, он огляделся и обнаружил, что стоит на краю каменного пандуса, который спиралью спускался в огромную яму, которую он заметил с "Атланта". То, что показалось ему вырубленными в скале террасами, оказалось одним наклонным выступом, который поворот за поворотом спускался вниз, ограждение на его овальных витках поблескивало у самого дна кратера. Сотни одинаковых контейнеров лежали рядами по всему выступу, это были стандартные прямоугольные металлические контейнеры вроде тех, которые перевозят на многочисленных костических кораблях. Они были закреплены большими кусками расплавленного и отвердевшего

феррокрита, усиленного стальными
листами, которые, похоже, были вырезаны
из корпусов местных траулеров. Цепочки
ламп висели над контейнерами, от одной
стены до другой --- сейчас они были
выключены, но при взгляде на них
становилось понятно, что, когда
стемнеет, они должны освещать все
помещение, не оставляя ни одного темного
угла. Отвратительные каракули
богохульных текстов покрывали каменные
бордюры, а по всей глине ограды через
равное расстояние выдавались небольшие
алтари; низенькие платформы были
залиты кровью, которую проливали
столько раз, что покрывавшая алтари
корка стала черной, как чернила, в воздухе
гудели огромные стаи мух. Рафен
отвернулся --- это было отвратительно.

Еще больше мутантов --- «сростков» ---
сновали туда-сюда, перепрыгивая с
контейнера на контейнер, все были
вооружены электромагнитным оружием.
Рафен рассмотрел, что большинство из
них были больше похожи на обезьян, чем на
людей, части тела других казались скорее

бычьими или змеиными. Он испытывал
гнетущее чувство, когда думал, что эти
перекроенные, собранные из разных кусков
существа, возможно, когда-то были
невинными людьми.

— Нам сюда, — сказал Ветча.

Осторожно следуя за ним, Рафен
замечал странные, похожие на летучих
мышей, объекты, которые тяжело
описывали круги над кратером, ловя
восходящие потоки горячего воздуха. Он не
мог рассмотреть их достаточно подробно,
чтобы понять, были ли это механические
устройства, или еще какая-то
разновидность мушкетеров; но видел
очертания тяжелых лазерных пушек,
которые покачивались у них в когтях. Он
бросил беглый взгляд на отвесные стены
кратера, прикидывая его настоящий
размер и ища опоры для рук — не слишком
рассчитывая их найти. У кратера не было
крыши, и он был уверен, что "летучие
мыши" были чем-то вроде стражей.
Безостановочно кружа по воздуху, они
ждали, когда кто-нибудь попытается
сбежать. Тут и там он замечал на

каменных стенах черные следы: скальная порода сплавилась в обсидиан от попадания лазера.

Кровавый Ангел размышлял, оценивая свои шансы на побег. Стоило ли делать это сейчас? У него была верная возможность добраться до края кратера... но, даже если он выберется отсюда — куда ему бежать? Сторожевые орудия охраняют весь периметр острова, а вокруг простирался океан, полный биоформ, оставленных тиранидами.

Похоже, здесь "свобода" означало то же, что и "смерть".

К тому же, у него было здесь задание. Фабий Байл находился здесь, он продолжал творить свои ужасные дела. Вряд ли отступник хранил похищенную священную кровь далеко от себя. Рафен вспоминал то, что сказал Ветча в туннеле, стараясь применить их к своей судьбе. Похоже, сейчас самым разумным было плыть по течению, держа глаза открытыми и быть готовым действовать; ему очень хотелось верить, что Нокс и другие на борту "Нейтоса" уже направляются сюда. Ко

времени их появления он должен как можно больше узнать об этом месте.

--- Куда мы идем? --- спросил он.

--- Тебя ждет Чейн, --- ответил Костицкий Волк, --- он здесь главный после Байла.

Рафен кивнул в сторону зашипевшего на него человека-змеи, который злобно глядел на него с верха одного из ящиков.

--- Огун из этих урогов?

Ветча покачал головой:

--- Нет. Чейн куда хуже.

Кровавый Ангел хотел задать еще вопрос --- но забыл об этом, когда они остановились у двери, которая закрывала вход в огун из огромных грузовых контейнеров.

В маленькое шестиугольное окно, прорезанное в двери, можно было видеть то, что происходит внутри; Рафен узнал желтоватый оттенок бронированного стекла. Этот материал, изобретенный еще в Темную Эру технологии, был крепче стали, и, прозрачный с лицевой стороны, был матовым с внутренней. Для того, чтобы разбить его, потребовалась бы

дюжина попаданий из болтера.

Внутри он увидел Астартес, который молился, преклонив колени на грязном полу. Воин не мог видеть его — он вообще ничего не замечал, погруженный в медитацию. Его эбонитово-черная кожа блестела от пота. Рафен сделал шаг к контейнеру — змееногобный мутант преградил ему путь, поднимая оружие. Воин почувствовал, что его схватили за руку, и, повернувшись, обнаружил, что Ветча тянет его дальше.

— Не давай им повода, — вполголоса посоветовал Космический Волк.

— Т-там... — произнес он, — это брат из Оргена Саламандр?

Ветча кивнул и показал на другой контейнер, неподалеку:

— Гвардия Ворона.

Он тыкал пальцем на один контейнер за другим:

— Тауранец. Серебряный Тигр. И еще... всякие.

— Сколько их? — отрывисто спросил Рафен. Ветеран подвел его к двери в стене, и она со скрипом отворилась.

целкнув автоматическим замком.

--- Они постоянно утирают, --- сказал Ветча, --- их... немного.

КРОВАВЫЙ Ангел переступил порог и снова оказался в полной темноте. Пока он старался приспособить свое зрение к темноте, дверь с грохотом захлопнулась --- Космический Волк остался за ней. Рафен заколотил по металлу:

--- Ветча! Ветча, что такое?!

Он услышал дыхание и трачное фырканье:

--- Не позволяй ему влезть к тебе в душ, родич. Он --- хуже их всех.

В дальнем конце контейнера он различил фигуру, сидящую у стены: грудой Астартес, коренастый, со странно скошенными плечами.

--- Рафен, из Кровавых Ангелов, --- представился он. Его собеседник бросил на него страдальческий взгляд. Смуглый и напряженный воин произнес:

--- Тарик. Орлы Обреченности. Но не знаю, что имена здесь что-то значат, --- боль звучала в каждом его слове.

--- Сколько времени ты здесь? ---
спросил Рафен, подходя ближе.

--- Мне кажется, три года. Может, пять. Здесь трудно следить за ходом времени.

--- Пять лет? --- Кровавый Ангел был изумлен. Тарик отвернулся и продолжал, глядя в сторону:

--- Другие здесь дольше. Ветча говорит, что сидит тут больше десяти лет... но я не больно-то верю тому, что он говорит.

Рафен пототал головой:

--- Что за бред. Эти братья... если бы они пропали, об этом бы узнали. Ваши Оргены искали бы вас...

Орел Обреченности снова посмотрел на него, на этот раз в его взгляде светилась холодная злость:

--- Ты думаешь, они помнят о нас, родственничек? --- он с трудом поднялся на ноги, и с неожиданной энергией поднял палец к потолку, видимо, показывая на небо. --- Они помнят? Нет! Потому что мы все мертвы!

Рафен стоял на своем:

— Я не понимаю. Почему этот проклятый предатель творит это? Зачем он собирает здесь боевых братьев, как... фигуры для игры в ругициг?

— И ты тоже уже покойник, — Тарик, не обратив внимания на его вопрос, повернулся и скрылся в тени, — ты будешь гнить в этом аду, куда свет не заглядывает, вместе со всеми.

Рафен нахмурился. Орген Тарика был известен своим суровым и мрачным взглядом на мир, но то, что он услышал сейчас, было слишком даже для них. Его собеседник выглядел измотанным и изтожденным так, что ни одна битва не смогла бы довести его до такого состояния.

— Но что Байл делает здесь? — настаивал он. — Ты, Ветча, другие Астартес... Что ему от вас надо?

— Он делает то, с чем справляется лучше всего, — проскрежетал его собеседник, протянул руку и почесал плечо, — причиняет боль.

Только сейчас Рафен заметил на груди воина широкую, мокнущую, синевато-

багровую полосу ожога.

--- Мы --- его игрушки. Сырье для его экспериментов, --- последнее слово он выплюнул, словно яд.

--- Тарик, я должен узнать, --- произнес Рафен, --- кузен, помоги мне...

Он с тольбой протянул руки:

--- Если мы оказались вместе в этой клетке...

Тарик устехнулся:

--- Это не клетка, Кровавый Ангел.

В эту секунду у них из-под ног послышался скрежещущий шум, потом пол внезапно рухнул вниз, и они провалились в темноту.

ОН ПРИШЕЛ В СЕБЯ от крика Орла Обреченности. Рафен попытался пошевелиться, но сама сила тяготения, похоже, ополчилась против него. Он был распростерт на наклонной платформе, откуда-то сзади доносилось тихое, как шепот, жужжание генератора гравитационного поля.

Кровавый Ангел заторгал, фокусируя зрение. Помещение, в котором он

находился, казалось чем-то средним между глубокой пещерой и скотобойней --- скользкие от крови цепи свисали с неровного, изогнутого потолка, кафель на полу блестел от постоянно стекавших потоков воды, которые уносили органические останки в дренажные стоки.

Он с трудом повернул голову, и увидел лежащего на соседней платформе Тарика и три фигуры, которые двигались между платформами. Двоих он уже видел --- это были те два громила, которых он заметил, когда его везли в крепость. Третий был такого же роста и мускулистого телосложения, но его фигура была другой, и казалась странной. Существо повернулось к нему, и Рафеном овладело ступор.

Лицо создания, смотревшего на него, отличалось странной красотой, и казалось почти женским --- но жесткий, мускулистый овал лица нарушал это впечатление. Андрогин убрал руку с груди Тарика, где Рафен заметил ожог. Его посетила жуткая мысль --- он подумал, что, возможно, Орел Обреченности сам

нанес себе эту рану.

Он прищурился, не веря своим глазам. Ему показалось, что в ране Тарика исчезло нечто -- нечто живое, мертвенно-белое, словно личинка мясной мухи. Второй астартес снова закричал, и попытался сдвинуться с места -- но, как Рафен, он был намертво впечатан в платформу гравитацией, в сотни раз превышающей земную силу тяготения, растянут на ней, как бабочка на рате коллекционера. Андрогин приблизился к нему и улыбнулся:

-- Я -- Чейн, -- произнес он.

У него был высокий, музыкальный голос, не сочетавшийся с могучей, как башня, фигурой:

-- Добро пожаловать.

Один из его напарников выступил из тени, бережно неся в руках бесформенную, тестообразную массу, издававшую пронзительный визг. Это нечто было размером с кулак и напоминало мутировавшую личинку, на одном конце которой открывался рот, внутри покрытый тонкими ресничками, окруженный черными точками глаз.

волнообразно сокращавшееся тельце было покрыто прозрачной слизью.

Чейн сделал неумовимое движение рукой, бесшумно извлекая из ножен широкий тычковый нож.

— Этот дар, — произнес он, — мы преподносим всем нашим гостям.

Андрогин бросил беглый взгляд на Тарика:

— Возможно, ты думаешь, что сможешь отказать от него. Но ты ошибаешься.

Рафен рванулся изо всех сил, стараясь оттолкнуть его. Чейн, которого, казалось, забавлял вид его перекошенного лица, до пояса разрезал рубашку костодесантника, открывая его грудь. Он плавным движением взял изогнутый нож, и изгибо повертел им.

— Добро пожаловать, — повторил Чейн, и сделал глубокий надрез на груди Кровавого Ангела. Прежде чем Рафен пришел в себя после болевого шока, второй изгнала поднес голову личинки к ране и позволил ей, извиваясь, забиться внутрь.

Рафен почувствовал, как тварь

ввинчивается в его плоть --- и его крик был
таким же громким, как крик Орла
Обреченности незадолго до этого.

Глава десятая

ВСЕ ТЕЛО РАФЕНА было мокрым от пота, он раз за разом отмахивал от лица слипшиеся сосульками влажные пряди волос. Его камера провоняла потом и промυхшей морской водой. Снаружи вечерело, и прохладный ветер, как обычно, пронеслся над тюремным комплексом, но здесь воздух был невыносимо спертым от его испарений.

Охваченный унынием, он осторожно трогал запекшүюся корку вокруг раны на груди, в которую зарылась обратительная личинка; от боли, пронзавшей грудь до самых легких, он едва мог дышать, голова кружилась. Боль была невыносимой — но все же легче, чем тогда... Когда подручные Чейна бросили его в эту железную коробку, он попытался выдернуть паразита из себя, докопавшись до скрученных узлами молочно-белых нитей, которые уже поселились в его грудной клетке, змеясь к его "природному" сердцу. Он потянул за нить — и больше

ничего не помнил. Боль, которую он тогда разбудил, вырубил его, как удар молота.

Тварь двигалась у него под кожей, и от этого ощущения Кровавого Ангела мутило. Эта скверна изматывала его сверх всякой меры, все, чего он желал, был нож, любая полоска металла, что-нибудь, все, что угодно — чтобы вырезать это прочь.

Он начал задыхаться, и сделал судорожный вдох. Ему очень хотелось верить, что безотказно действующие клетки Ларратана, курсирующие по его кровеносной системе от имплантированных ему дополнительных органов, помогут отторгнуть паразита — но не слишком рассчитывал, что эта всемирно известная особенность физиологии Астартес легко сможет нейтрализовать посланца фабия Байла. Байл был апотекарием высокого ранга в Легионе Детей Императора во времена Великого Крестового похода, задолго до ереси архипредателя Хоруса; сведения о генокоде Космических Десантников, которыми он владел, несомненно, могли бы занять

целую библиотеку.

Рафена бросило в холод, потом --- в жар. Его тюремщики оставили ему бесформенные, с неровно обрезанным низом, одеяния, и сейчас он подобрал их с пола. Оторванными полосками ткани воин обмотал ступни и кисти рук. От глиняной накидки с капюшоном несло смертью --- смертью тех, кто носил ее раньше.

Он уловил слабый звук. Постукивание металла о металл из-под пластмассовой решетки, прикрученной к вентиляционному отверстию в углу контейнера, которое сейчас использовалось как сток для нечистот. Рафен подошел ближе, торща нос от вони, и прислушался. Через несколько секунд он узнал стук. Повторяющиеся через равные промежутки времени серии коротких и длинных сигналов, похожих на Орског --- древний военный язык. Некоторые из Оргенов Костодесанта до сих пор использовали этот шифр, и он его знал. Он постучал в ответ, и еще через секунду до него долетел едва слышимый шепот.

--- Кровавый Ангел... ты там живой?

Рафен напрягал слух, чтобы различить слова за унылым завыванием ветра снаружи.

--- Тарик? --- он не видел Орла Обреченности с тех пор, как воины Чейна сняли его с платформы и оттащили в темноту.

--- Где ты?

--- Парой клеток ниже. Они сливаются потом в общую трубу. Там не пролезть никому крупнее крысы --- но слышно нормально.

Рафен устроился на полу, привалившись к стене. Паразит словно вытянул из него все силы. Ему нужно было постараться, чтобы просто подняться на ноги.

--- Ни одна тюрьма... не сдержит Астартес, --- произнес он, вложив в слова больше уверенности, чем у него было. Тарик секунду помолчал.

--- А сейчас ты будешь спрашивать меня, как я собираюсь сбежать отсюда? --- Орел Обреченности хмыкнул. --- Интересно, Байл решил, что, если мы на двоих сообразим маленький план, то станем

лучшими грузьями?

--- Я не сомневаюсь, что эта сволочь ничего не делает просто так. Все, что я видел с тех пор, как попал на этот остров, стало для меня уроком, --- он вздрогнул, когда личинка пошевелилась внутри его грудной клетки.

--- Я тебе не верю! --- Тарик говорил все громче, в голосе неизвестно откуда появились эмоции.

--- Келлет сбежал и пропал в горах, а тебя привезли через пару минут? Байл держит нас за идиотов?

--- Келлет... --- медленно произнес Рафен. --- Это тот, которого расстреляли пушки на берегу?

--- Боевой брат из Каменных Сердец, --- прозвучал ответ, --- теперь мертв.

--- Я не шпион. --- взвился Рафен, как от удара. --- Поверь мне, Орел Обреченности, в этом гнилом месте нет никого, кто бы так, как я желал, чтобы Фабий подох!

Второй Астартес снова замолчал, и через некоторое время Рафен начал думать, что Тарик больше не будет

разговаривать с ним; но тот заговорил снова:

--- Как они тебя поймали?

Рафен помедлил. Фабий сейчас мог слышать каждое слово, произнесенное им. Он был склонен оценивать ситуацию и взвешивать каждое свое действие, и, несмотря на то, что его импровизированная тюрьма была построена из утиля и обломков, Кровавый Ангел ни минуты не сомневался, что так называемый Прародитель мог со всех сторон опутать ее подслушивающими устройствами и экранами наблюдения. К тому же, была вероятность, --- мысль об этом была настолько отвратительна, что он не желал об этом думать --- что среди пленников был шпион ...и еще хуже, этим предателем мог оказаться Тарик. Про себя он отметил: меньше, чем за день это место уже заставило его утратить доверие ко всему и вся.

Поэтому он ответил, тщательно обдумывая каждое слово:

--- Я был на борту корабля *Агентус Механикус*. Я тайно проник туда... Я знал,

что у хозяина корабля какие-то дела с Байлом, но не знал, что он окажется настолько глуп. Корабль взорвался, когда пытался атаковать планету. Я успел запрыгнуть в спасательную шлюпку, и сэростки подобрали меня в океане.

--- То есть... ты попал сюда по своей воле? --- спросил Тарик.

Рафен кивнул:

--- Да. Это за мои грехи. А ты?

--- Меня взяли во время перелета. Я летел на медицинском катере на планету нашего Оргена, Гатис... Меня ранили, когда мы сражались на Некронтире. Корабль затанили в ловушку и уничтожили.

Кровавый Ангел задумался над последними словами Орла Обреченности:

--- И твой Орген решил, что ты пропал вместе с катером.

--- Угу, --- подтвердил Тарик, --- тут у всех примерно такие же истории, как у меня. Слуги Байла собирают нас --- раненых, без вести пропавших, изгнанных. Привозят сюда, и делают то, что только им понятно. Мы пропали, Рафен. Про нас

забыли. Мы уже мертвые -- так что
тоже только дожидаться смерти.

Личинка снова зашевелилась, и
Рафен тихонько зашипел от боли:

-- Проклятье! Эти паразиты -- чтобы
медленно убивать нас?

-- Нет, -- голос Тарика стал совсем
страгальческим, когда он начал
объяснять, -- Келлет считал, что это
такие ксеносы, или даже мелкие варповы
твари. Байл и его Новые Люди используют
их, чтобы управлять нами. Нет лучше
кандалов, чем те, что человек таскает
прямо в себе.

-- Новые Люди... -- повторил за ним
Рафен. -- Я слышал это название раньше.

-- Чейн и другие, -- произнес Орел
Обреченности, -- результаты
экспериментов, которые Байл в свое
удовольствие ставит над человеческими
существом. Представь себе полную
противоположность тем благородным
замыслам, которыми руководствовались,
когда создавали Астартес. Байловы
монстры -- больные на всю голову
психопаты, но силой и силой они

соперничают с нами. Они --- нечто противоположное нам, это генетически усовершенствованные убийцы, у них нет ни души, ни совести, никакого понятия о морали.

Тарик снова помолчал:

--- Помнишь, ты спрашивал в камере?

Ты спрашивал, что этот предатель делает с нами.

Рафен наклонился к отверстию, и произнес совсем тихо:

--- А ты знаешь ответ?

--- У меня есть одна мысль... --- услышал он. --- Ты, скорее всего, видел башню, там, на горе.

Внутри нее... камеры. В них --- ужас и боль.

Голос Тарика стал злым:

--- Некоторых из нас забирают туда из наших камер, и они не возвращаются. Других мучают по несколько дней... когда их возвращают, они похожи на тени самих себя. Это чтобы мы видели, что с нами будет... --- он тяжело вздохнул.

--- Представь себе талантливого ребенка, который хочет понять, как

соткан гобелен. Он распускает его, чтобы
изучить. Он раздериивает его по ниточке.
То же самое Байл делает с нами,
Кровавый Ангел. Он разбирает нас и
собирает заново, словно мы -- головоломка
для его развлечения.

Руки Рафена сжались в кулаки.

-- Если он там -- я доберусь до него.

Мои дела с ним не закончены.

-- Молись, чтобы тебе не попасть
туда, -- отрубил Тарик, -- ты ничего там
не найдешь, кроме медленной смерти и
потери себя...

Рафен взглянул на свои покрытые
полосками грязи пальцы, гутая о
кристаллическом сосуде.

-- У меня нет выбора, -- прошептал
он.

Второй космогесантник продолжал,
говоря, казалось, сам с собой:

-- Нас изолируют друг от друга. Мы
месяцами можем не видеть лица другого
Астартес. Байл знает, что, пока он
держит нас порознь -- это сводит к нулю
вероятность заговора... Но, гутая, он
может нам позволить говорить друг с

другом -- просто, чтобы поиздеваться, -- он снова вздохнул, -- никто и никогда не может бежать отсюда.

-- Я не собираюсь бежать... -- начал Кровавый Ангел, но неожиданно издалека Рафен услышал резкий стук кости по металлу. Стук приближался.

-- Это охрана, -- прошипел Тарик, -- если нас застукают за разговором, они впустят в камеры гнилостный яд, они разьест нас легкие. Достаточно большая доза этого химического газа могла убить даже Костогесантника.

Орел Обреченности заговорил быстро, с неожиданным напряжением:

-- Слушай меня, Кровавый Ангел. Ты не должен спать! Не позволяй себе выдрых! Они пролезут к тебе в мозг и впустят туда кошмары... У Байла есть слуги, которые владеют магическим зрением. Их воля управляет нами, когда нам дают выдых. Не спи! -- голос Тарика становился все тише.

-- А еда... Чейн подмешивает туда сильные наркотики, мы не можем их распознать, и они разрушают волю!

Протеин надо искать в другом месте...
Мох на стенах, он растет на железе. Если
других вариантов нет -- некоторые ловят
на еду сервиторов...

Постукивание когтей по верху
контейнеров стало громче, и Тарик
затолчал. Одним быстрым движением
Рафен скользнул через всю камеру, к
плоскому топчану для сна -- единственной
мебели, которая была здесь. Он лежал,
вжавшись в топчан, пока подпрыгивающие
тени двигались за бронированным оконным
стеклом, задержавшись на секунду, чтобы
посмотреть на него, и двигаться дальше.
Он мог видеть только эти неясные
силуэты.

Потом наступила тишина,
нарушаемая только завыванием ветра,
бряканьем плохо завинченных болтов в
стенах и навязчивым шуршанием крупного
песка в коридорах тюрьмы. Прилагая все
усилия, Рафен постарался не думать о
неослабевающей обжигающей боли в груди
и сосредоточиться -- но не мог. Его
сознание по-прежнему тупанилось от бурно
стелющихся друг друга путаных эмоций.

одновременно тщательно желая наконец
добиться до цели — и ощущающая
стертельную усталость от того, что он
видел сегодня, переполняясь страданиями
от воспоминаний о пустых взглядах
запавших глаз других, заключенных
вместе с ним.

ОНИ СОБРАЛИСЬ
импровизированной оружейной, корпус
"Нейтоса" тихо поскрипывал, пока, как
ножом, прорезал воды морей. Они все
пришли, сняв капюшоны, но только Эйген
не был облачен в свой боевой доспех,
раненный Расчленитель был раздет по
пояс, его грудь пересекали полосы био-
активных повязок. К его обнаженной правой
руке, словно толстый медный клещ,
присосался авто-дозатор, медленно
управляя подачей противоядий, дабы
противодействовать оставшимся в
системах организмы ядов от когтей
кракена тиранидов. Он сидел на ящике с
боеприпасами и осматривал всех
оставшихся Астартес.

— Демократии у нас не будет, —

сообщил брат-сержант Нокс, обращаясь к
псайкеру Церису, -- ты не бестолковое
сборище гражданских, которые спорят из-
за любой ерунды. Мы выполняем приказ. Я
здесь командую. Это все.

Церис поторщился:

-- При всем моем уважении, я хотел
бы предложить альтернативный вариант.

Медик-клирик Гаст покачал головой:

-- Я как-то не видел, чтобы ты
поступал так, пока командовал миссией
Рафен. Я как-то не заметил, что ты
обсуждаешь приказы, когда Кровавый Ангел
командовал стрелять. А теперь за
старшего Расчленитель и ты недоволен?

Церис одарил Гаста тяжелым
взглядом:

-- То, что ты не слышал ни одного
вопроса, не означает, что я во всем
соглашался с сержантом Рафеном, -- он
отвернулся, -- эта миссия слишком важна,
чтобы идти на поводу у сильных эмоций.
Выбор следует делать, основываясь на
холодной логике, в противном случае мы
проиграем.

На другой стороне комнаты Аджир

трачно кивнул.

--- Насколько я успел понять моего...
мудрого брата Цериса, он сказал бы это,
даже если бы сам Лорд Сангвиний
руководил нами.

--- Не сомневаюсь, --- ответил Нокс, ---
и ты всегда волен высказывать свое
мнение.

Он произнес это таким образом, что
фраза казалась одновременно
непринужденной, но в то же время и
угрожающей:

--- Но я не буду его слушать.

Нүлүо, огромный молчаливый воин с
тяжелым болтером за спиной, заговорил
впервые с тех пор, как они собрались:

--- Ты уверен, что он погиб?

Довольно долго никто из них не
решился заговорить. После чего Церис
глубоко вздохнул:

--- Уверен... я бы не стал употреблять
это слово. Пути варна нечасто дают
полную уверенность. Постоянная
изменчивость --- вот природа
материума.

--- Тогда в чем ты уверен, псайкер? ---

потребовал ответа Кейн. Молодой
костодесантник злобно вышел вперед на
два шага, игнорируя Туркио, поскольку
Кровавый Ангел протянул руку, дабы
остановить его.

--- Скажи нам!

Церис встретил горящий взгляд
Кейна:

--- Я не улавливаю мыслеслед брата-
сержанта Рафена. В атаке кракена было
столько животной боли и мучений, к тому
же были искажения после разрушения пси-
катня Зеллика... Когда этот туман
рассеялся, и у меня появилось возмозможность
сконцентрироваться, я не ощутил его.
Рафен мог находиться в недосязгаемости
моего разума, или он мог...

Церис сделал паузу:

--- Пропасть в глубине океана, --- он
махнул рукой, --- я старался искать на как
можно большей площади --- но не поймал ни
единого теленатического следа. Чем
ближе мы подходим к крепости, тем
сильнее затуманен варп.

--- Остров Байла защищен от
тиранидов. И не только преградами.

которые можно потрогать руками, ---
трачно молвил Түркио.

--- Ты не сказал ничего нового, ---
произнес Нокс, в его словах сквозило
раздражение, --- мы ходим кругами.

Церис покачал головой:

--- Вы должны прислушаться ко мне,
сэр. Мы уже у цели. Нам нужно лишь
связаться с "Тихо" и "Габриелем" и отдать
приказ об атаке. Дайника-5 должна быть
уничтожена. Теперь у нас нет другого
пути. Мы не можем рисковать
поражением.

Эйген ощутил прилив раздражения:

--- Мы все еще можем сражаться!
Даже Сов вступит в схватку, если мы его
выведем из исцеляющего транса.

Гаст нахмурился, чувствуя себя
неловко от такого предложения:

--- Возможно...

--- Брат Церис говорит не о
численности воинов, --- молвил Пулуо, --- он
говорит о том, что мы ставим всю
миссию под угрозу.

--- Объясни! --- нахмурился Кейн. После
того, как астартес отбили от кракена,

"Нейтос" рискнул войти в лабиринт каньонов вдоль морского дна; подводная лодка маскировала свое продвижение ценой скорости и времени. Такая тактика была необходима из-за курсирующих по поверхности судов.

--- Есть шанс, что Рафена могли поймать. Слабый. Но все же такую возможность мы не можем игнорировать.

Кейн напрягся:

--- Брат, ты говоришь о том, что сержанта так быстро мог сломать Байл и его прихвостни? Ты считаешь, что он перед ними растеряет все свое мужество?

Губы космодезанта скривились:

--- Да он скорее умрет!

--- Мы говорим о фабие Байле, --- рискнул высказаться Гаст, --- он --- один из величайших воинов Хаоса, он повелевает миллионами ужасов. Мы не знаем, какие страшные методы он может применить.

--- Наша цель может знать о нашем приближении, --- молвил Церис. Но Космос скрестил руки на груди:

--- Байл осквернил священную реликвию всех Сынов Сангвиния и, убив

наших братьев, сбежал с Баала. Конечно же, он знает, что мы придём! Такое преступление никогда не останется без ответа! Ну и что это меняет? Что если он выжал из Рафена все, что тот знает? Это неважно. Наша миссия от этого не меняется. Мы должны найти Байла и убить его, даже ценой всех наших жизней, если это потребуется. Сержант Рафен получил такой приказ. И я буду его придерживаться.

--- Я не против, --- ответил псайкер, --- я только сомневаюсь в средствах достижения цели. Если на планету обрушить циклонные торпеды, ничто не выживет.

--- Включая нас, --- заметил Аджир, --- так что мы погибнем в любом случае. Но если мы преуспеем в наземной операции, тогда экипажу этих двух кораблей не нужно будет последовать за нами в ад.

Эйген кивнул:

--- Если "Габриель" и "Тихо" приблизятся, дабы запустить свой смертоносный груз, оба судна будут разорваны на части орбитальными

черепами-стрелками и множеством орудий дальнего радиуса, расположенных по всей цепочке островов. А если нет, они все равно тогда будут бомбить планету.

Церис взглянул в его направлении:

— Но тогда уже может быть слишком поздно. Каждую секунду, что мы мешаем, мы даем Фабью шанс подготовиться к побегу. Спрятанный корабль, может быть, или варп-туннель, как тот, что он использовал, чтобы сбежать из цитадели Виталис. Мы все знаем, что враг сбежит, если мы дадим ему такой шанс. У него духу не хватит встретиться с нами лицом к лицу.

Нокс вышел в центр комнаты:

— Этот трусливый вор, который выкрал священную кровь, должен умереть, и он умрет.

Но возмездие не должно свалиться на него с высоты триста километров, от нажатия кнопки на пусковой установке! — Он поднял руку в доспешной перчатке, и медленно сжал пальцы. — Наши корабли будут хорошим предупреждением для этого сукиного сына. Но подойдет он от

рук одного из нас -- и должен увидеть это. Мы вернем фиал, или уничтожим, чтобы не достался врагу. Мы должны это сделать. Наша честь требует не меньшего.

Он по очереди взглянул на них всех, его холодные глаза буравили воинов:

-- Если мы этого не сделаем, значит всё, что нам пришлось перенести: поражения и неудачи, клятвы, которые мы давали, братья, которых мы потеряли, искалеченные воины и убитые... все это -- ничего не будет стоить.

-- А честь -- гораздо важнее жизни, -- спокойно произнес Церис.

-- Это утверждение, брат? -- спросил Түркио, -- Или ты задаешь этот вопрос нам?

-- Вы получили приказ, -- Церис не взглянул на него, в его голосе слышалось раздражение, -- так какая теперь разница?

Нокс отвернулся, выражение его лица красноречиво говорило о том, что любыми обсуждениям пришел конец. Он взглянул на Кейна:

-- Сколько еще осталось?

--- День, не больше, --- ответил Кровавый Ангел, --- наш курс через подводные рифы выведет нас прямо к вражеской крепости на острове. С благословением Императора и Сангвиния, мы стоим подвести к нему "Нейтос" до того, как включится любая защита периметра.

Расчетчик едва заметно кивнул:

--- Тогда, братья, я предлагаю с пользой провести оставшееся время. Проверить оружие и подготовиться. Пройти все ритуалы битвы.

Гаст прищурился:

--- А Сов? Вы хотите, чтобы он сражался? Он все еще нуждается в лечении, командир.

--- Я знаю, --- молвил Нокс, --- но мы близко к завершению всего этого, и если я позволю ему все проспять, он будет проклинять меня отсюда и до самого Глаза Ужаса. Нам нужен каждый воин, каждый меч и каждый болтер.

--- Аве Император, --- начал Пуло.

Остальные из отделения повторили слова, Церис присоединился к молитве.

последним.

СЛОВА ТАРИКА были еще свежи в его памяти, Рафен позволил каталептическому узлу, имплантированному в его подкорку, погрузить себя в пограничное состояние между сном и явью, странный, но знакомый для него эффект. Время, казалось, проходило на ускоренной перемотке, часы сжались в мгновения. Лучик холодного, лунного света, отбрасываемый через отверстие в потолке, похожее на дыру от пули, упорно бежал по металлическому полу тесной комнаты. Кровавый Ангел наблюдал за ним. За лунной, которая отражала свет солнца, прятались ударные крейсера его Оргена и союзников Расчленителей. Менее чем за двадцать стандартных земных минут они могли выйти из укрытия и атаковать это место с высокой орбиты. Он задумался: вот такой вот будет теперь его судьба? Услышать свистящий визг падающих боеголовок и сгореть в термоядерном пламени?

Рафен отбросил мрачную мысль, на мгновение проклиная Орла Обреченности, словно угрюмое настроение Тарика могло каким-то образом передаться ему. Обжигающая боль от паразита спала до монотонного недомогания где-то на фоне, пульсация сердцебиения твари-личинки скрежетала по ребрам. Он поклялся себе, что вырежет ее из собственной плоти ножом, лазером или пламенем, если это понадобится.

Лучик лунного света угас на металлической, холодной стене и появилось первое, слабое сияние рассвета. С осторожностью Рафен прошел серию ментальных упражнений и практик, которые погрузили каталептический узел в состояние покоя, и вернул мозговую активность к нормальной. Работая на полную, узел-имплант позволял Астартес полностью избегать обычного сна, организм разбивал мозг человека на участки, позволяя некоторым отдыхать, в то время как остальные оставались активными. Он ощутил, как его тело очнулось от состояния не-совсем-сна, ощущение было

схоже с всплытием к поверхности воды, от такого сравнения на его лице произвольно появилась гримаса, когда он вспомнил свои приключения в океане.

Рафен встал на ноги и вышел на центр камеры. Там остановился, успокоил дыхание и прислушался.

После того, как его бросили в эту клетку и заперли в ней, Кровавый Ангел потратил несколько часов, чтобы обыскать каждый миллиметр поверхности, это хороший способ занять свой разум и отвлечься от боли, доставляемой паразитом. Рафен обследовал каждый темный угол, каждый сварной и клепанный шов, каждое пятнышко ржавчины и корродированные головки болтов, высчитал точные размеры помещения и опробовал его слабые места. Но внешний вид конструкции доказал первоначальную, горькую истину. Клетки в яме были построены из грузовых контейнеров для использования в космосе, емкости были спроектированы так, чтобы пережить любое разрушение любого транспортного судна, а так же любой жар

или холод глубокого костоса. Окисленные, красные пятна коррозии были только на поверхности, их хватало, чтобы с первого раза одурочить, или даже подать спешную, ложную надежду. Рафен задумался о том, что это могло быть специально построено Фабием Байлом. Может быть, он решил сделать эти клетки на вид ветхими и плохо подходящими для заключения только для того, чтобы заключенные внутри брата тратили свои силы и энергию на бессмысленные попытки побега? Кровавый Ангел представлял себе арестантский комплекс как какую-то огромную настольную игру, а заключенных внутри — пешками для извращенного удовольствия Байла.

Он услышал движение. Железо прошаркало по каменному скату. Пауза. Шипение выходящего воздуха и бульканье жидкостей. Рафен улыбнулся сам себе и подошел к люку.

В металлическую стену на уровне талии была встроена короткая железная труба. У открытого конца виднелась корка засохшей субстанции, а под трубой на полу

располагалось бесцветное пятно. Это был
желоб для пищи, мало отличавшийся от
тех, которые использовали, чтобы
подавать питательную кашу в стойла
зрков или лошадей. Рафен помнил
предупреждение Тарика насчет
напичканной наркотиками еды,
предоставляемой сrostками, но он и не
натеревался есть.

Во время своего отдыха в объятиях
узла, Рафен так же задал задачу для
другого био-импланта. Железы Бетчера во
рту слегка опухли от яда, словно резервуар
ядовитой железы какой-то рептилии,
гланды могли вырабатывать секрет в
виде токсичной жидкости, которую можно
было использовать вместо кислоты.
Работа этого органа не была
стремительной, но при определенных
обстоятельствах кислоту с близкого
расстояния можно было выплюнуть в лицо
врагу или извергнуть ее на наручники,
дабы прожечь металл. Использование
этого импланта не особо
приветствовалось в его Органе — среди его
боевых братьев считалось, что

использовать ее в схватке один на один несколько ниже достоинства, --- но при определенных обстоятельствах и так могли бы использоваться.

Рафен знал, что сейчас ему придется использовать железы, его резервы тела будут слишком быстро истрачены отторжением личинки паразита, и он не сможет заново их наполнить. Токсин не будет эффективен против замков люка или бронированного стекла --- но подойдет для трубы на стене. Кровавый Ангел изрыгнул жидкость и выплюнул ее на сварной шов, в ответ послышалось шипение плавящегося металла.

Лязгающие шаги приближались. Он оценил, что это были один сервитор, несущий огромный чан с кашей и три скоростка-охранника. Завитки резкого воняющего дыма поднимались из шва трубы, и Рафен протестировал ее. Труба скрежетала и перемещалась, все заработало.

К люку подошли тени, и послышалось шипение шланга под давлением, подсоединенного к грузому концу

питающего желоба снаружи клетки. Тут же просочился плотный виток серой и воняющей тухлой морской водой пасты, который шлепнулся на пол. Значит, заключенные должны были опуститься до животного состояния и жрать как звери, отбросив даже самое простое достоинство.

Рафен схватил трубу обеими руками и свирепо дернул, скручивая ее к себе. Труба сопротивлялась, затем сдалась. С той стороны послышались гортанные и ступенчатые завывания. Кровавый Ангел напрягся и с силой пихнул трубу обратно, заставляя вернуться ее до сварного шва. Она затеделась, когда проткнула что-то рыхлое, тогда он снова крутанул ею. Поток пасты дернулся и застыл, тут же стенившись струей крови и машинного масла. Чудесно. Рафен дернул ее и втащил обратно в клетку, на сей раз всю трубу. Последние полметра она блестела от свернувшейся крови, там, где он проткнул ее плоть и кости.

Люк начали открывать. Рафен взмахнул трубой, оценивая ее как оружие, затем топнул и расплющил конец,

составив из него импровизированный клинок. Дверь открылась, и появились три сростка, собакоподобный, рогатый минотавр и обезьяноподобный мутант. У каждого была потрескивающая электрокоса, размахивая ими, они атаковали.

Но Рафен не дал шанса усилить натиск. Держась за конец трубы, он взмахнул ей от земли и расплюснутым концом ударил в лицо мутанту-обезьяне, оставив там глубокую рану. Потеряв глаз, сросток завизжал, руками схватился за лицо, меж пальцев брызгала кровь.

Похожий на быка минотавр заревел и кинулся на Рафена, опустив голову и выставив вперед скрюченные рога. Такая атака откровенно разочаровывала, так как была достаточно просчитываемой и вряд ли представляла угрозу для костодесантника. Увернувшись, он крутанул трубой и врезал ей в живот второму сростку. От силы удара труба деформировалась и сломалась, но при этом сбила минотавра с ног, тот рухнул в агонизирующей, искалеченной грудой.

Рафен отбросил то, что осталось от импровизированного оружия, поднырнул под гудящий взмах косы сбоку и перекатился вперед. Пяткой он раздавил глотку минотавра, дабы полностью вывести его из сражения. Он собирался пообратить оружие минотавра, когда ощутил странное, легкомысленное состояние. Паразит пытался остановить бой, старался затормозить его, вбрасывая в кровь изнуряющий яд. Он страхнул это состояние и столкнулся с последним из трех — собакоподобным, который гавкал на него и пытался тянуть. Собака-мутант был ростом почти с Астартес, к тому же у него были волчьи челюсти, полные зубо-кинжалов. Он заревел и ударил своим оружием.

Кровавый Ангел зарычал от боли, когда по груди прошелся мощный электрический разряд, и ощутил, как заголосил в ответ паразит. Собакоподобный широко открыл свою пасть, намереваясь откусить кусок плоти с плеча. Рафен увернулся и выкинул вперед руки, схватился пальцами за открытую

пасть зверя. Используя набранную сросстком скорость, он крутанулся, и оторвал голову существу. С влажным звуком раздираемой плоти, фонтаном ударила кровь.

К тому времени, когда мутант обезьяна достаточно пришел в себя, чтобы атаковать, Рафен уже вооружился гвутья электрокосами. Он парировал удар сверху и сблизился, после чего вытолкнул обезьяну из клетки на каменный пол снаружи. В луже крови и пасты поблизости лежало остывающее тело сервитора.

Как только двое сражающихся появились снаружи, тут же сверху начал бить лазерный огонь. Рафен понял, что сверху кружили стражники — летучие мыши, мощным взмахом он отправил огнь из кривых кос в грудь существу в небесах. Не теряя ни секунды, он перекувырнулся к обезьяне и стремительным, жестоким потоком ударов в голову, прикончил зверя.

Существо упало в грязь. Рафен встал, мокрый от крови и обдуваемый ветрами. Он ощутил необычную нехватку кислорода, снова активизировался паразит. Ему нужно было как-то компенсировать это

Вредоносное воздействие — против обычных
головоулов, вроде сростков, он по-прежнему
имел преимущество, даже если бы дрался с
завязанными глазами, но эта угроза была
намного существеннее. Рафен огляделся и
определил свое местоположение. Весь
комплекс казался странно притихшим. Не
было слышно ни воя сирен, ни тревожных
криков. Только стабильный стон ветров.

Он остотрелся и увидел вершину
башни, сооружение, которого так
страшился Тарик, было едва видно за
крошкой кратера. Он кивнул сам себе. Там
находится его цель. Кровавый Ангел
сорвался на бег, стараясь держаться теней.

НАСТОЯЩИЙ враг ждал его на
крошке склона, прямо перед железной,
тяжелой, опускающей решеткой, охраняющей
туннель к склону. Фигура страхнула с себя
серовато-коричневую туннику и пинком
отшвырнула ее прочь. Под ней не оказалось
ничего, чтобы намотало одежду.
Вместо нее, враг был обмотан чем-то,
что было похоже на одну глиняную полоску
кожи, которая кольцами охватывала

изогнутые конечности и гибкий, худой торс, кажущийся почти эльдарским. Пояса из цепей и булавки из красной стали держали всю эту конструкцию вместе. У опутанного на груди висели небольшие пистолеты и бритвенно-острые клинки.

--- Чейн, --- Рафен заметлился и стал осторожно приближаться, --- твоя клетка не сдержит меня.

Воин-андрогин растаял:

--- Ваш род столь предсказуем, Астартес. Вы всегда говорите одно и то же, но потом сожалеете. Скажи мне, у вас был специальный курс во время обучения, на котором вас учили высказываться такими банальностями?

Бесполая фигура склонила голову набок:

--- Ваши учителя правда преподавали вам, как высказываться напыщенно и торжественно?

--- Это да, --- с устешкой ответил Рафен, --- к тому же, кажется, мне столь же быстро наскучил твой голос, как и тебе той.

--- Ох, хорошо, --- ответил Чейн, ---

значит меньше болтовни. Больше дела.

Андрогин сделал пирүэт и отбросил жилетку с ору́жием, после чего лагонью потанил к себе Рафена. Чейн кивнул ему:

--- Никакого дистанционного ору́жия. Повеселимся с холодным.

Кровавый Ангел прищүрился. Посреди руки Чейна были глинные, вертикальные разрезы, словно какие-то странные стигматы. Он все еще рассматривал их, когда раны внезапно открылись и оттуда появились глинные, влажные кинжалы из серых костей. Чейн атаковал полосующим, ниспадающим взмахом, и Рафен увернулся, услышав, как по воздуху просвистели костяные стилеты. Он ответил подсечкой, которую Чейн с легкостью избежал, андрогин издал вздох от удовольствия. Казалось, что он рассматривает бой как какую-то игру.

--- Наслаждайся, пока можешь, уродец, -- прошипел Рафен. Чейн изобразил оскорбленное выражение лица:

--- Какие грубые слова. Как они меня глубоко ранили.

--- Будет еще хуже, -- Рафен ткнул

оставшейся электрокосою и протяхнулся на
какую-то долю миллиметра. Шоковый
ореол задел плечо Чейна и воин дернулся,
когда по нему прошел разряд. Напряжение
было огромным, но андросин только
зашипел:

--- Ты думаешь, что намного лучше
меня, --- произнес Чейн, кружа рядом,
осторожно сохраняя дистанцию
недосыгаемости холодного оружия, --- но
правда в том, что твой рог устарел,
костогесантник. Я есть его продолжение,
дорогой Рафен. Я --- Новый Человек.

--- Человек? --- повторил Кровавый
Ангел. --- Это под вопросом.

--- Я думал, что твой Орген
понимает красоту. Ты зря меня
ненавидишь за то, что я столь изящен, ---
со стешком огрызнулся тот, --- это
унижает тебя.

Чейн снова атаковал и Рафен
успел избежать порезов груди и рук,
но рукояти извергнутых костяных клинков
все равно попали ему в голову, удар был
столь силен, что почти оглушил его.
Личинка заворочалась в груди Рафен, и он

погавил острое желание ударить по ней.
Паразит, казалось, ощущает
непосредственную близость чемпиона
Хаоса.

--- Ваш рог уже износился, ---
погначивал Чейн, --- за десять тысяч лет
шаблон Agentys Астартес нисколько не
улучшился. Я, с другой стороны,
произведение гения. Не просто следующее
поколение, а намного лучше.

Он снова хекнул и ударил Рафена в
ногу, кончик ножа порезал кожу.

--- Ступенькой выше. Астартес Новус
Супериор. Новый и улучшенный.

--- Как скажешь, --- ответил Рафен,
поймав один из костяных-клинков рукой. Он
ударил наверху косы, и кость треснула
посередине, андрогин крикнул от боли.

--- Ну не так уж и улучшен, как я
посмотрю, --- он бросил взгляд на решетку,
Чейн оттеснял от нее, держал его в
стороне.

Рафен догадался, что на помощь
спешат другие Новые Люди, и осознал, что
бой нужно заканчивать как можно
быстрее. Фарфоровое белое лицо Чейна

покрылось бисеринками пота. Сломанный клинок убрался обратно в руку, и андрогин крутанулся, орудуя оставшимся кинжалом, словно дуэлянт.

--- Ты силен, --- произнес он, --- но слаб внутри.

Он постучал по своей голове, его глаза были широко открыты, и в них светилось безумие:

--- А вот здесь. Пусть. Ты следуешь тупым догмам и никчемным мифам, созданным трупом на троне, потому что у тебя ничего нет.

Чейн захихикал:

--- Твой мир не меняется, Кровавый Ангел. Он покинут и разлагается. А мой? Мой устремлен вперед, растет и эволюционирует. И это дар Магистра Фабия! Он видел прошлое и теперь строит будущее.

От оскорблений этого существа, внутри Рафена забурлила боевая ярость:

--- Все еще болтаешь? А как же "меньше слов"? Это все, на что ты способен?

В груди возник колючий жар.

который распространялся от места заражения.

--- Я тебя разозлил? --- огрызнулся Чейн. --- Кажется да! Ах, если бы ты был таким как я, и сражался с улыбкой на устах...

Игнорируя тупую боль, Рафен обманным движением ушел вправо и в самый последний момент изменил направление. Пройдя защиту Чейна, он ударил. Андрогин достаточно стремительно отреагировал, дабы избежать убийственный удар Кровавого Ангела не завершился, но все же получил болезненное попадание, кончик косы разорвал щеку Нового Человека, лохмотьями повисла кожа.

--- Ты прав, --- ответил Рафен, слушая завывание от боли Чейна, --- мне никогда не будет дано так широко улыбаться, как тебе.

Воспользовавшись моментом, он снова атаковал и сбил своего противника на землю. Кровавый Ангел наклонился и схватил кусок кожаной ленты, поднимая Чейна вверх. Они были очень близки к краю

склона, а до низа было достаточно далеко. Но крайней мере, если швырнуть туда андрогида, то он переломает себе все кости, даже если столь же крепок как Астартес. Чейн попытался нырнуть его, Рафен поймал клинок голой рукой и отвел в сторону. Меж крепко сжатых пальцев полилась кровь.

Затем визг Чейна изменился и превратился в нечто иное. В стех. При этом звуке раздражение Рафена вернулось.

--- Тебе весело? Так постейся напоследок, уродец! Твое будущее кончится здесь!

--- Ах, --- задохался Чейн, --- враг ли.

Когда воин Байла заговорил вновь, звучание было столь нечестивым, что Рафен ощутил отвращение до глубины души. Это была, если вообще такое слово можно применить к столь отвратительному шуму, своего рода молитва. Призыв, просьба, литания, но не к одному из мерзких богов, которому поклонялось существо.

Воззвание шло к паразиту. От этих звуков личинка неистово закопошилась, и

внезапно кровь Рафена превратилась в
пламя. Каждое нервное окончание в теле
завопило от боли, погружая его в объятья
такой агонии, которая сокрушила всю его
волю. Забыв обо всем, он отпустил Чейна.
Пришла такая боль, что, казалось, вся
галактика сжалась внутри него. Рафен
ничего не мог сделать, кроме как стоять в
ее центре и пытаться выжить.

Он слышал дикий вой и знал, что в
этом хоре его голос был первым.

Глава огуннацатая

ОГРОМНЫЙ Новый Человек, миновав тяжёлую пневматическую дверь, втолкнул Рафена в помещение, вдоль стен которого ярусами тянулись лестницы -- и швырнул на пол. Дверь с шипением пневматики и грохотом закрылась у него за спиной. Костодесантник судорожно вдохнул, едва ему удалось сфокусировать взгляд. Первым, что он увидел, были жуткие символы, выгравированные на серых плитах, покрывавших стены вокруг него: иероглифы-проклятия, охранные руны и восьмиконечные звезды. Он рефлекторно отшатнулся, не в силах противиться охватившему его отвращению -- а Новый Человек растаял, увидев это.

Рафен попытался дышать ровнее -- но это оказалось трудно. Движения паразита внутри его грудной клетки, обратили усовершенствованную физиологию Астартес против него: импланты в его теле словно пошли войной против изначально-человеческой биологии.

Он прилагал все усилия, чтобы унять дрожь в руках — дрожь, причиной которой стало внезапное нарушение нормального взаимодействия телец в его крови; он заморгал и попытался подняться на ноги, хотя от его обычно безупречной координации не осталось и следа. Тварь внутри с каждым ударом сердца вкачивала в него дозу отравы. Он впился взглядом в Чейна, тот ответил злобным взглядом. Чемпион Хаоса держался от боли, когда таскавшийся за ним следом сервитор, используя тонкую био-нить, сшивал разрезанные края плоти его лица.

Чейн сделал это с ним, пробудив паразита действовать в полную силу своими странными заклинаниями. Боль то отступала, то накатывала волной — но каждый раз становилась сильнее. Теперь Рафен окончательно понял, зачем в него вселили эту личинку; она действительно заменяла собой старые и ненадежные цепи и оковы. Каждого пленника, оскверненного подобной тварью, держала незримая цепь; достаточно было одного слова, чтобы выпустить на свободу не поддающиеся

описанию тьки.

— Ты ведь хотел сюда попасть, правда? — Новый Человек произносил слова невнятно, мелкие брызги крови и слюны вылетали из покоруженного рта андрогида. — Тебе нравится то, что ты видишь?

Рафен повел взглядом по сторонам, не веря, что его действительно принесли в башню, куда, как ему казалось, Чейн всемирными силами старался не допустить его. Его поразило сходство этого помещения с импровизированным госпиталем, на который его отделение наткнулось на астероиде тау: конечно же, здесь было гораздо светлее — но сейчас Рафен много бы отдал, если бы это было не так.

Скамьи и рабочие столы вытянулись длинными рядами, со всех сторон их окружали округлые резервуары, заполненные темной жидкостью. Внутри резервуаров двигались какие-то тени. Рафен решил, что вряд ли хочет приставать к ним. Внутри колонии тау это жуткое место казалось заброшенным и пребывающим в беспорядке —

— а эту лабораторию явно с любовью и вниманием поддерживали в рабочем состоянии. Пара сервиторов — их бесцветные лица были закрыты так, что виднелись только глаза — двигались по периметру помещения, выполняя задания, с которых Рафену оставалось только догадываться.

Ослепительный свет бил из биоломинов, линии которых тянулись по потолку, желтое сияние заливало покрытый плиткой пол и обшитые металлом стены. Свет играл на контейнерах, заполненных скальпелями и клинками — они казались острее и опаснее боевых ножей. Воин подумал, что, возможно, мог бы попытаться воспользоваться одним из них прежде, чем боль вновь завладеет им.

Над их головами, на изогнутых металлических крючьях висели прозрачные емкости из синтетических материалов, в которых, в небольшом количестве жидкости, лежало нечто, что могло быть только кусками человеческих тел. Многие операционные столы были

покрыты пластиковыми чехлами — под
этими покрывалами угадывались
бесформенные груды похожей на вязкое
тесто плоти. В воздухе висел запах крови
не свежей, как на поле брани, а застарелой
— полускрытая тошкливая вонь лазарета,
места, где от смерти госагливо
отмахивались как от чего-то не
заслуживающего внимания и только
отвлекающего от выполнения основных
задач.

Рафен тряхнул головой, стараясь
отогнать непрошенное головокружение.
Мысли были как болотная тина —
вязкими, угушливо-плотными и
медленными. Он сделал несколько шагов и
увидел прямо у себя под ногами
стеклянный диск, вмонтированный в пол.
Он взгляделся, и почувствовал, как его
внутренности содрогаются от гурноты.
Под толстой, затуманенной линзой он
увидел гнездо, в котором копошилась
отвратительная волокнистая масса
дюжины личинок, больших и поменьше,
корчились, извивались, стараясь влезть
поверх груды, хватаясь за воздух

ресничками, покрывавшими их тела. Он отвернулся от омерзения, ощущая тяжесть нежеланного пассажира в своем теле. Рафен спрашивал себя -- паразит набирает вес, или ощущения обманывают его? Внезапно его охватил ужас: что, если тварь будет расти, медленно пожирая его изнутри? Или случится то, что еще хуже: она сделает его плоть своей собственной?

Он заставил себя взглянуть снова -- и на этот раз увидел кое-что еще. Внизу, под шевелящимся ковром личинок, покрытое влажной желеобразной массой... Нечто, состоящее из костяного панциря и мягкой, как тесто, плоти, свернутое в кольцо, чудовищно раздутое.

-- Тиранидский зоантрон, -- произнес глубокий низкий голос, -- во всяком случае, сначала это было именно им -- пока я не выловил его, не сплавил его плоть с образцом тканей пожирателей биологической материи; изменил его, дабы он лучше служил моим целям. Так что теперь это создание, можно сказать, стало чем-то большим и меньшим, чем было до того.

Голос был знаком Рафену. Он знал ---
и ненавидел его.

Он взгляделся и увидел фигуру,
шагнувшую в помещение через дугую
дверь в дальнем конце лаборатории.
Высокий, как и любой воин Агентс
Астартес, вошедший подавлял своим
присутствием; от него исходила мрачная,
злая сила --- сила, делавшая его полной
противоположностью благородным
воителям, таким, как магистр Рафена ---
командор Данте. На человеке --- хотя он
уже очень давно утратил все права
называться этим словом --- красовался
длинный, достигающий до пола плащ.
Жесткая, местами потрескавшаяся
поверхность плаща была составлена из
плоскотов человеческой кожи. Кровавый
Ангел видел на полах плаща перекошенные
беззвучным воплем лица Астартес,
сшитые между собой --- плоть, срезанную с
тех, кто погиб от рук этого убийцы за
тысячи лет до рождения Рафена. Плащ
был задранирован поверх тяжелого
силового доспеха старинной модели
"Максимус" --- но древняя броня была

переделана, изменена, превращена в нечто нечестивое. Когда-то сиявший золотом и царственным пурпуром, доспех приобрел тусклый темновинный оттенок, кератитовый панцирь столько раз отмывала пролитая кровь, что неровная поверхность брони словно потемнела от нее.

На спине у него, нарушая пропорции гигантской фигуры, торчала огромная медная конструкция — словно прицепившийся к жертве громадный хищный жук-скарабей. Клешней и когтей было не видно, они казались втянутыми и спрятанными — но наверху конструкции толстые, узловатые шланги и стеклянные колбы, украшенные черепами, неустанно работали, с влажным, хриплым бульканьем перекачивая темный, как стола, ихор. Одним широким, величественным шагом пришелец вышел на свет; космогесантник увидел жесткое лицо с глубоко посаженными глазами. Обрамлявшие лицо глинные, жесткие как проволока белые волосы подчеркивали выражение легкого, ленивого интереса:

— Что это тут у нас? — произнес он.

Этот человек, этот предатель когда-то путешествовал среди звезд и был воином из Легиона Демей Императора, но, как и другие из его покрывшего себя позором Легиона, они встали на сторону воителя-отступника Гора и приняли безумие Богов Хаоса. Некоторые утверждали, что он встал на этот путь еще раньше — до того, как воины фүлгрита нарушили клятвы верности Терре, он, будучи апотекарием, ставил эксперименты на своих братьях Астартес. Эти отвратительные эксперименты помогли ему освободиться от всех моральных норм — и вскоре он стал находить новые объекты, подвергая пыткам и ставя опыты на всех, кому не повезло попасть к нему в руки. Потом, уже когда Хорус потерпел поражение, а фүлгрим скрылся от преследователей в Оке Ужаса, этот порочный гений стал предателем во второй раз: он покинул пораженный порчей Легион Демей Императора, став отступником — и еще глубже погрузился в исследования тех

жутких, извращенных возможностей, которые давало ему темное искусство перекраивания живой плоти. Свои безумные зверства он творил на тысячах миров.

Боль от паразита снова вспыхнула в груди Рафена, но он едва заметил ее: его ярость, казалось, вот-вот перехлестнет через несокрушимый вал самоконтроля. Если бы злоба, заключенная в словах, могла убивать, речи Рафена прошивали бы насквозь.

— Фабий Байл, — прорычал он, — во имя Бога-Императора, я называю тебя предателем!

— Само собой, ты называешь меня так, — невозмутимо ответил Байл, не обращая никакого внимания на волны чистой ненависти, исходившей от костодесантника, — ты и множество других. Это так утомительно.

— Иногда я надеюсь, что один из вас скажет хоть что-то иное, — он ухмыльнулся своим словам, показав зубы, бывшие серыми, как могильные камни, — после нескольких сотен веков я просто

жажду, чтобы кто-то нарушил это
однобразие.

Рафен сделал шаг в направлении
контейнера со скальпелями, но Чейн,
внезапно оказавшийся рядом, презградил ему
путь, облизывая губы в предвкушении
нового поединка. Кровь по-прежнему
сочилась из раны у него на щеке. Астартес
заметил, что позади него появился и
встал в боевую стойку второй Новый
Человек. Фабий пристально оглядел своего
приспешника и кивнул головой.

— Ты сделал это с ним? Даже при
этой пиявке, которая сидит в тебе? Какая
стойкость!

— Я был бы вне себя от счастья, если
бы смог показать тебе, предатель, на что
способен!

Чейн хихикнул — ему явно
понравилась эта идея, но Байл покачал
головой.

— Никаких поединков здесь. Не
сегодня. — Безумный ученый сделал шаг,
подходя ближе. — По крайней мере, не
сейчас. Сначала мне нужно получить
ответ на мои вопросы.

--- От меня ты не получишь ничего... ---
отрезал Рафен. --- ... кроме своей смерти.
И на этот раз тебе не сбежать.

Байл пристально взгляделся в него.

--- На этот раз? --- он наморщил лоб. ---
Мы что, встречались раньше, сопляк?
Сказать по правде, не припоминаю.

--- Я был на Ваале, когда ты стылся,
как трусливый ублюдок, --- бросил Кровавый
Ангел, --- у тебя не хватило духу
встретиться с нами в бою!

Если ренегат и узнал его --- он ничем
не выдал этого и только фыркнул носом.

--- Я бы не прожил так долго, если бы
ввязывался в поединки, в которых не смог
бы победить, когда у меня была
возможность использовать другие пути. А
ваша порода, похоже, взяла себе за правило
встревать в конфликты, в которых у вас
нет ни малейшего шанса. --- Широкий
жестом он обвел помещение. --- Поэтому
ты и попал сюда, не так ли?

--- Убери своих псов, предатель, и мы
посмотрим, у кого тут нет шансов, ---
глаза Рафена сверкнули, мускулы на руках
напряглись. Байл не обратил внимания на

его вынаг, бросив взгляд на Чейна.

--- Его подобрали в океане.

--- Какой подарок! Но я не желаю принимать его, пока не узнаю, чего он мне может стоить. Как он попал туда?

Новый Человек злобно взглянул на Рафена:

--- Отвечай на вопрос повелителя, или снова испытываешь боль, Кровавый Ангел.

Рафен взглянул в ответ --- с неменьшей злобой:

--- Не прикидывайся, что до сих пор не знаешь.

--- Может и знаю, --- улыбнулся Чейн, --- но хочу, чтобы ты сам рассказал обо всем.

--- Я летел с Баала, --- ответил Рафен, --- чтобы перебить вас всех.

Он повернулся к Байлу.

--- И чтобы ты понес наказание, которое точно заслужил за оскорбление, что нанес моему Оргену.

--- Он говорил, что прибыл один, --- добавил Чейн, --- на корабле этого идиота Зеллика.

Кровавый Ангел промолчал: андроид подтвердил то, о чем он догадывался ---

каждое слово, сказанное в тюремных камерах, слышали шпионы Чейна.

--- Он так сказал? --- Байл задумался. ---
Одиноким Астартес, несущий возмездие за нанесенное оскорбление.

Он отступил назад, к второй двери.

--- С чего бы он так взволновался из-за этого?

Ренегат свистящим шепотом произнес кодовое слово, и дверь опустилась вниз, открывая проход. Байл шагнул в него, сделав ленивый знак своему прислужнику.

--- Ведите его.

Рафен почувствовал болезненный толчок-укол в спину, и, развернувшись, увидел еще двух Новых Людей с алебардами; наверху алебард, увенчанные несколькими лезвиями, упирались в него. Чейн, поспешивший за своим господином, потянул Рафена:

--- Шагай-шагай. Обещаю тебе, костодесантник, сейчас ты увидишь кое-что такое, чего точно не хотел бы пропустить.

Кровавый Ангел старался сдерживаться, как мог --- но в нем

проснулось любопытство. Сейчас он больше, чем когда-либо хотел выпустить на волю генетическое проклятие своего Ордена, берсеркерскую ярость, которую дарует Красная Жажда; он желал бы стать смертельным ураганом и разметать это место. Но в его мозгу уже звучали другие голоса, он вспомнил слова своего наставника Кориса и своего командира — лорда Данте. Он не может выпустить на свободу свою ярость, не сейчас. Сначала необходимо выполнить задание.

С мрачным лицом, он последовал за Чейном и шагнул в дверь.

— ТЫ УВЕРЕН? — Нокс понизил голос, чтобы он не разносился по капитанской рубке "Нейлоса", как бывало обычно. Расчленитель наклонился и через плечо Кровавого Ангела заглянул в пикт-экран, заключенный в витиеватую и изукрашенную раму.

Нүлүо кивнул с сатым серьезным выражением лица:

— Не говорил бы, если б не был уверен.

Посмотри сам.

Нокс прищурил глаза, внимательно изучая изображение на экране; оно показывало участок океана в кильватере подводного корабля, клиновидная, как кусок пирога, область, расчерченная черными и серыми пунктирными линиями статических помех. Картинку передавал звуковой сонар — прибор, который позволял "видеть" сквозь воду, используя сверхчувствительные аудиосенсоры, которые отслеживали малейшее движение в глубине

--- Я не вижу его.

--- Подожди, — ответил Пуло. Он показал на небольшую белую область на дисплее:

--- Смотри сюда.

Через мгновение экран мигнул, и на долю секунды Нокс увидел неясную тень — что-то вроде трассирующей пули — тонким, как проволока, следом. Он остановил изображение на экране и посмотрел на второго Астартес.

--- Он вернулся?

--- Да. Вернулся, — подтвердил Пуло.

трачно кивая.

--- Я думал, ты убил эту тварь.

Нүлүо помотал головой:

--- Как следует врезал ему. Думал, этого хватит.

Нокс взглянул на показания дальнометра рядом с экраном:

--- Он далеко. И плывет медленно. Он ранен.

--- Он не так далеко, --- заметил Нүлүо, --- судя по когитаторам, скорость кракена примерно равна нашей. Если мы по какой-нибудь причине остановимся --- он догонит нас через несколько минут.

--- Тем больше поводов поторопиться. --- Нокс собрался уходить, но Нүлүо схватил его за руку.

--- Что еще? --- рассерженно бросил сержант. Кровавый Ангел, нахмурившись, повернул дисплей:

--- Подожди, еще не все. Стотри дальше, --- он повернул тумблер, снова включая воспроизведение. Мерцание на дисплее переместилось к дальней части клина, и Нокс удивленно поднял бровь.

Как тиранид смог настолько быстро

переместиться с одной части экрана на другую? Изображение затуманилось статикой, потом повторилось в отдельной картинке на экранах сканеров, теперь сонар показывал не один, а пять самостоятельных объектов.

У всех одинаковая, напоминающая пύлю, форма, за каждым тянется тонкий след помех.

--- Он вернулся, --- снова повторил Пύлю, --- и не один, а с грузьями.

Нокс слегка улыбнулся:

--- По-моему, можно начинать гордиться. Эти жуткие твари собрались целой стаей, чтобы оставить от нас только место.

Он помолчал, размышляя.

--- Скажи сервиторам, чтобы они выжали из этой лохани максимальную скорость. Нам нужна каждая секунда преимущества перед этими тварями, потому что перед островом придется сбросить скорость.

--- Если мы не выберемся на берег достаточно быстро, они набросятся на нас, --- произнес Кровавый Ангел.

--- Ага, даже не сомневаюсь, ---
ответил Нокс, --- еще одна причина
увеличить скорость, кузен.

Нүлүо снова кивнул:

--- Словно нас нүжно подгонять.

ОН ОЖИДАЛ увидеть еще одну
кусткамеру, наполненную ужасами, и, в
некотором роде, так оно и было.

Подгоняемый безжалостным оружием
головорезов Чейна, Рафен следом за
андрогином и его сервитором вошел в
длинное помещение, которое больше
напоминало галерею, чем зал. Здесь, на
стойках вдоль стен или на цепях,
тянувшихся с низкого потолка,
располагались сотни трофеев. Куски
кермитовой брони, грудные пластины и
наплечники, перчатки и шлемы, все эти
разбитые части покоились в тишине,
напоминая останки на поле боя. Выше,
так, что невозможно было дотянуться,
висел целый арсенал холодного и
огнестрельного оружия.

Рафен онемел, когда обнаружил, что
все находящееся здесь было стандартным

вооружением Астартес. В этой комнате
была собрана добыча Байла -- трофеи,
отнятые у пленников, которые
показывались в этом аду, скрытом от
посторонних глаз.

Он заметил красную перчатку
Багрового Кулака, ее пальцы были
переломаны и разбиты; череп-шлем
Костического Волка, наплечники, несущие
на себе эмблемы Черных Драконов,
Саламандр, Успивающих Души, и других.

-- Отличное напоминание, --
непринужденно промолвил Байл, шагая к
булькающему резервуару в дальнем конце
помещения, -- мне нравится держать эти
реликвии при себе, как напоминание о моих
шагах по дороге к успеху.

Чейн посмотрел на Кровавого Ангела:

-- Он думает о том, сколько времени
их собирали. Они всегда первым задают
именно этот вопрос.

Андрозин вызывающе вскинул голову:

-- Как думаешь -- скоро ты
оправишься от потрясения, если узнаешь
что прошли десятилетия с тех пор, как
той хозяин начал здесь свою работу? --

Чейн насмешливо фыркнул. — А теперь
напряги свои сверхчеловеческие мозги.
Сколько боевых братьев объявлены
пропавшими без вести и
предположительно мертвыми за последние
десять лет, двадцать, тридцать, а?
Интересно было бы посчитать, сколько из
них закончили свои дни здесь, как ты
думаешь?

Он пробежался своими глиняными
пальцами по проломленной, покрытой
засохшей кровью лобовой части шлема,
принадлежавшего Ультрадесантнику.

Рафен пытался ответить — но не
смог. Его взгляд был прикован к аллой
нагрудной пластине, которая, словно
ненужный хлам, валялась под одной из
стоек. На ней красовались золотые крылья,
обратляющие рубиновую каплю. Он
приблизился, взял ее в руки. На секунду
Рафен подумал, что это часть его
успеха — он предполагал, что сросстки,
сорвавшие с него священное одеяние, когда
он попал на их корабль, каким-то образом
переместили ее сюда — но его бросило в
ужас, когда он понял, что это не его

броня. С благоговейной осторожностью он перевернул пластину и увидел список сражений, начертанный на внутренней стороне. Последняя запись о боях и имя воина, который носил эту броню, были покрыты сажей. Рафен стер ее большим пальцем.

--- Брат Риар, --- хрипло произнес он, читая имя вслух. Он не знал этого воина, но его гнев вспыхнул с новой силой при мысли о том, что собрат по Ордену умер в этом месте до него, одинокий и всеми покинутый.

--- Еще один в списке павших в бою... --- прошептал он, надеясь, что поблизости все еще витает и слышит его речь дух павшего товарища, --- клянусь, я отомщу за тебя.

Он развернулся и встретил угрюмый взгляд Фабия, в его глазах полыхнуло пламя.

--- Посмотри на него, --- произнес Байл, обращаясь к своему помощнику, --- он в бешенстве, ярость настолько охватила его, что он едва может сопротивляться ей.

— Кровавые Ангелы славятся своей сдержанностью, — пропел Чейн, словно они обсуждали тончайший букет вина, — или, может быть, он хочет подражать, но боится?

Рафен сделал медленный глубокий выдох, представляя, какие звуки будет издавать андрогин, когда он наконец возьмет его за горло и как следует сожмет; он до сих пор сопротивлялся острому желанию броситься на них с голыми руками. Но он знал характер этих отродий Хаоса: они были без ута от собственного высокомерия, от запутанных интриг, и присущего им непомерного чувства превосходства над всеми и вся. Они не могли действовать молча и позволять своим деяниям говорить самими за себя. Такие, как Фабий Байл, всегда любили злорадствовать, эффектно размахивать клинком, прежде чем нанести последний удар; и какое бы неприятие ни вызывало у него то, что он вынужден стоять здесь и выслушивать оскорбление за оскорблением, Рафен знал, что должен вынести это, чтобы узнать

истину, сокрытую в глубинах этого
отвратительного места. Он молча
добавил это оскорбление к счету, по
которому ему очень скоро заплатят.

--- Я должен поблагодарить тебя,
Кровавый Ангел, --- произнес Прародитель, ---
тебя и твоих дебильных родственничков.
Вы помогли мне, я сделал огромный шаг в
моей величайшей работе --- и все благодаря
самонадеянности одного из ваших боевых
братьев.

--- Цек... --- иля сорвалось с губ прежде,
чем он успел удержаться и не произносить
эго.

Байл кивнул:

--- Он был в отчаянии. Его пугало
будущее Оргена --- но он был достаточно
самонадеян, чтобы считать, что именно
он сможет все исправить. Вместо этого
он выболтал мне все ваши тайны, --- он
тонко улыбнулся, --- он достоин твоей
жалости.

--- Он мертв, --- бросил Рафен, --- погиб
от моей руки. Но в конце он осознал все
ошибки, которые совершил. Он умер,
приняв ответственность за содеянное.

--- Как благородно, --- хихикнул Чейн.

"Я буду навеки проклят за мою гордыню", сказал апотекарий Цек. Рафен вспомнил вес болтера в своих руках, когда он произносил смертный приговор своему брату --- и эхо единственного выстрела. Кровавый Ангел хотел чувствовать ненависть к убитому, но не мог. Байл, пусть сгниет его душа, был прав, вместо этого он чувствовал к Цеку только жалость. Безуспешно пытаясь восстановить численность Кровавых Ангелов, ряды которых выкосила ступа Аркио, старший Апотекарий отважился обратиться к тайному искусству клонирования. Его неудачи в конце концов привели к тому, что он заключил сделку с биологом по имени Гаран Серпенс --- и это стало его фатальной ошибкой: он не знал, что за этим именем скрывается Фабий Байл.

Голос Рафена звучал негромко и ровно, но в нем слышалась угроза:

--- Ты обокрал нас, предатель. Ты забрал частичку наших сердец. Я здесь, чтобы вернуть ее и увидеть, как ты

заплатишь за свои преступления.

Байл расстелся отворачивательным скрипучим стехом:

--- Мои преступления? Я совершил их столько, что ты загнулся бы от старости прежде, чем смог бы составить их полный список. И у тебя, скулящий щенок, сосущий высохшую сиську своего дохлого бога, хватает глупости думать, что ты сможешь наказать меня за них?

Лицо ученого стало жестким, глаза сверкнули, словно два темных драгоценных камня:

--- Скажи мне, это то, что ты ищешь, воин?

Механическая рука появилась из тускло блестящей латунной рамы экзосооружения на спине Байла и опустилась в заполненный жидкостью резервуар. Когда она вернулась наружу, когти манипулятора за горлышко сжали кристаллическую склянку.

У Рафена перехватило дыхание: святая кровь! Он почти различил алую жидкость внутри трубки, талую часть жизненной силы самого Лорда Примарха.

сохраненную силу и сангвинарных жрецов
его Оргена. Прежде, чем он смог
остановиться, его рука потянулась к
сосуду.

Байл фыркнул и бросил фиал обратно
в резервуар, словно нечто, не стоящее
внимания.

--- Какую ценность приписывают
вещам, подобным этой... хотя, если
подумать, это всего лишь комплекты
белковых цепей, углеводов и базовых
молекулярных соединений. Впрочем, в
правильной комбинации, они
действительно бесценны.

Он отшагнул в сторону, подметая пол
своим плащом --- теперь можно было
увидеть все остальное содержимое
резервуара. Маленькие узелки плоти
висели в плотном растворе, едва заметно
колехаясь от слабого движения жидкости.
Слабый туман крови окрашивал
содержимое резервуара розоватым, как на
куске мрамора, и, с нарастающим ужасом,
Рафен узнал очертания странных органов.

--- Ты же знаешь, что это такое, а? ---
спросил Байл. Рафен прилетел на этом

загубленный мир, считая, что предатель
вынашивает какие-то грязные планы,
связанные с генетическим наследием его
Оргена, но теперь он начал понимать, что
Кровавые Ангелы были не единственными
кто удостоился его внимания. Предметы в
резервуаре оказались извлеченными
прогеноидными глангами.

Каждый Космогесантник, независимо
от того, из какого Оргена он происходит,
носил в своем теле эти импланты,
которые получал при инициации,
становясь равным своим боевым братьям.
Со временем, прогеноиды вбирали
генетический материал и созревали.
Новое генное семя, возросшее среди других
органов, может быть извлечено и
помещено в генетические хранилища
Оргена, чтобы использовать его в новых
циклах. Прогеноиды всегда были истинной
сутью, живой кровью Агентус Астартес,
сырьем для создания новых поколений
воинов. Некоторые утверждали, что они ---
ценнейшее из сокровищ, более драгоценные,
чем святые реликвии или сокровенные
знания, потому что несут в себе будущее.

А здесь Фабий Байл самодовольно демонстрировал коллекцию этих бесценных органов, которые он вырезал из тел убитых им воинов.

--- Я собирал их многие годы, --- произнес он, улыбаясь звуку собственного голоса, --- поначалу я крал их или выменивал у воинов, чьи легионы порвали с Императором и избрали путь восьми стрел... Но я мало преуспел. Мощь наших новых богов столь велика, что она изменила саму природу Демей Императора, Гвардии Смерти, Повелителей Ночи, Несущих слово, и всех остальных...

--- Они исказили вас! --- прошипел Рафен. --- Отравили!

--- Как скажешь, --- продолжил ученый, --- Впрочем, если говорить о том, чем я занялся, ты совершенно прав. Мне нужен был более... стабильный источник генетического материала. Что-то более близкое к истоку.

--- Мы собирали их так долго, --- вздохнул Чейн.

Байл продолжал, словно ментор,

обращающийся к ученику:

--- Это нелегкое исследование.

Он подошел к Рафену, глядя с трагичным укором:

--- Сложно оценить усилия, которые я вложил в эту работу.

Кровавый Ангел почувствовал, как ит овладевает тошнотворный страх. Одна часть его души стремилась остаться в неведении, ничего не желая знать о целях Байла и о планах, которые он строит для своих достижения; но именно для этого он здесь, ему необходимо узнать правду. Ренегат наслаждался моментом, зная, что Рафен все равно спросит, несмотря на то, что ответ страшит его.

--- Какую... работу?

--- Я сотворил множество великолепных вещей, --- произнес Байл, слегка кивнув в сторону Чейна и остальных Новых Людей. В ответ Чейн изобразил преувеличенно женственную невинную гримаску.

--- Ты был на Ваале. Ты видел моих Кровавых демонов.

Рафен согрознулся от воспоминаний о

чужовищных зверях-вампирах, созданных из генетического материала Астартес. Сражение с этими тварями было ожесточенным и кровавым.

--- Вигел. Мы уничтожили этих позорных выкидышей. Сожгли всех до единого.

Ноздри Байла раздулись от раздражения:

--- Нечасто встречаются те, у кого хватает ума, чтобы оценить высокое искусство. Иногда меня переполняет гордость при мысли о том, что в этом проклятом тысячелетии нет никого, чей разум смог бы охватить масштаб моей гениальности.

Он подошел к Кровавому Ангелу:

--- Я --- Повелитель Жизни, Астартес. Прародитель и владыка плоти. Не то, что ваш глухонемой Император, который, ни жив, ни мертв, прячется за армиями измучивших людей, которые тем временем распиливают на части трухлявый остов галактики.

--- Да ты --- пустое место по сравнению с Ним! --- прорычал Рафен. --- Ты был бы прахом и пылью, если бы Он не

коснулся тебя! Император сотворил твой
Орден предателей вместе со всеми
остальными, из Своей собственной плоти!

--- Я сделал то же самое, --- ответил
Байл, его настроение снова изменилось, ---
из обломков воссоздал живое, дышащее
великолепие. Я вернул к жизни
величайшего воина всех времен, после
тысяч лет смерти...

Чейн хрипло выдохнул:

--- Великого Гора...

Байл кивнул:

--- Я воссоздал его.

Рафен слышал темные слухи о
возрожденном Горе еще в бытность свою
скаутом, но он всегда считал это не более
чем пропагандистскими историями,
распространяемыми архиврагом. Похоже,
он ошибался.

--- Ты создал мерзость! Чудовище
настолько отвратительное, что даже
твои союзники не вынесли его присутствия
среди живых!

--- К сожалению, это так, ---
согласился ренегат, --- этот неблагодарный
дүшегүб Абaddon должен был

приветствовать мое творение с
распростертыми объятиями...

--- Но вместо этого он послал своих
шавок из Черного Легиона убить его и
сравнять с землей мою лабораторию. Он
назвал это "святотатством", словно
такая вещь существует, --- фыркнул Байл,
--- кодекс, мораль, принципы, этика, да
называй как хочешь. Это умозрительные
конструкции, построенные слабаками, у
которых не хватает смелости идти
своим путем!

Кровавый Ангел медленно, едва
заметно повернулся. Сейчас ренегат стоял
совсем близко от него. Он ощутил легкую
дрожь и покалывание в пальцах, когда
стало ясно, что именно сейчас он может
осуществить задуманное. "Я могу напасть."
Еще шаг ближе, и в этот раз Чейн не
сможет меня остановить". Рафен
облизнул губы, дотронулся языком до
кончиков клыков. Он задумался, какова на
вкус кровь такой твари?

--- Я знавал множество слабаков, ---
продолжал Байл, --- многих, считавших
себя способными прозреть будущее, но

ограничивавших себя пұтати, которые они
накладывали сами на себя, пұтати так
называемого "достоинства"... Твой

Император был как раз из таких.

--- Ты не имеешь права говорить о
Нем! --- Рафен не смог сдержаться; ни один
Астартес не в силах молчать, слыша, как
возводят хулу на его бога.

--- Нем? --- Байл пристально взгляделся
в него. --- В отличие от тебя, сопляк, я
когда-то ходил по той же земле, что и
твой идо́л. И дышал с ним одним воздухом.
И я рассказываю тебе об этом без всякого
вранья и уловок. Он никогда не хотел
стать тем, что вы из него сотворили! Он
не хотел стать вашим божеством. Сама
мысль об этом была ему отвратительна!
Да если б сейчас он своими глазами уви́дел
рабскую покорность вашего слепого,
искалеченного Империума --- его бы
вывернуло наизнанку.

Он скрестил руки на своей
бочкообразной груди:

--- Ты можешь называть меня
предателем, и, возможно, будешь прав --- но
я никогда не предавал то, что для меня

было правдой. Я никогда не предавал себя. Это ты, Астартес, и вся твоя порода предаете вашего Императора каждым мгновением ваших ничелных жизней!

--- Мне плевать, что ты думаешь, --- ответил Кровавый Ангел. Байл продолжал, словно не слышал его слов.

--- И все же... Он преподал мне урок, который я не мог понять многие годы. По своему, Абаддон напомнил его мне.

Ренегат, казалось, размышляет вслух, словно в комнате находился он один и обращался к пустоте.

--- Этот урок таков: единственное настоящее преступление для того, чей интеллект и искусство не знают равных --- заковать себя в кандалы посредственности. Преступление в том, чтобы достичь меньшего, чем можешь достичь.

Он кивнул своим мыслям.

--- Поставить себе слишком низкую планку.

Что-то в тоне Байла заставило Рафена насторожиться:

--- Во имя Терры, о чем ты борточешь?

— О, я был очень терпелив. Моя работа была долгой и тяжелой, я знал, что самое трудное впереди — но я готов к этому. Я знаю, что все это стоит затраченных усилий. Когда я творил моих Новых людей, я лишь делал ту же работу, что магистры Оргенов Космогесанта и Примархи.

Он снова взглянул на Чейна:

— Но этого было недостаточно, — и я рискнул пойти дальше: клонировал Гора Лунеркала. Я повторил работу вашего Императора и создал Примарха, — Байл устехнулся, — но даже тогда я ошибался. Потому что понял, что мне суждено не просто сравняться в моем искусстве с Императором и воссоздать его творение, с ним.

Он сделал еще шаг к Рафену, теперь Астартес мог чувствовать запах ржавчины и вонь старой, гниющей плоти.

— Мне суждено затмить его.

Высочайшее самознание, прозвучавшее в словах ученого, заставило Рафена настешиво ослабиться.

— Твоя гордыня может затмить

небеса! Но она --- мелочь по сравнению с твоим безумием.

--- Ты не понимаешь. Конечно, не понимаешь. Ты ограничен и не смотришь вперед!

Он прикоснулся к своему лбу:

--- Подумай, Космогесантник, подумай! Если мне удалось заполучить образцы ДНК целого Оргена и научиться лепить из них, как из глины все, что мне угодно, кого я смогу создать? Примарха? А теперь представь, что я смогу сделать, когда у меня в руках генетическое наследие не одного, а сотен Оргенов!

--- Нет... --- понимание возникло где-то на задворках разума Рафена, и у него перехватило дыхание: догадка была так чудовищна, так неописуемо-ужасна, что разум отказывался принять ее.

--- Нет!

--- О, да! --- рывкнул Байл, ухмыляясь всю свою волчью пасть, --- Я собрал различные генетические образцы каждого из Агентус Астартес, извлек из них нити, которые связывают их с Примархами, а Примархов --- с их создателем!

Величайшая головоломка, Кровавый Ангел!
Извлечь ту часть генетического кода,
которая приведет к первоисточнику всего
Космогосанта! К прародителю вашего
вида, к отцу, создавшему всех нас!

--- Император... --- чудовищность
преступного плана Байла переходила все
границы. --- Ты хочешь создать... Его
копию?

--- Можешь себе представить? ---
поинтересовался Чейн. --- Самый
могущественный псайкер в истории
человечества, воссозданный служителем
Разрушительных Сил!

На глазах андрогина блеснули слезы
радости.

--- А ты помоги мне все подготовить,
Кровавый Ангел, --- произнес Байл, --- в
карте Имперского генома было много
крупных пробелов, но чистая кровь... так
сказать, родного сына Императора...
например, Примарха Сангвиния...
продвинет меня далеко вперед, поможет
исправить ошибки.

Он ухмыльнулся своим мыслям:

--- И уже очень скоро, когда я соберу

достаточно прогенуиров и замучаю до
смерти достаточно твоих бракованных
родственников, мое дитя выйдет из
генетического инкубатора, сделает свои
первые шаги и назовет меня отцом! Дитя,
которое перекроит всю Галактику!
Император-Наследник, чья власть будет
свободной, не знающей запретов и границ...

Ужас ослепил Рафена, и, казалось,
унес из этого времени и места, он
почувствовал, что его разум погружается
в мрачную глубину этого чудовищного,
отвратительного замысла. Шок от этого
был слишком сильным, чтобы преодолеть
его — это было словно попытка
представить себе размеры вселенной.
Возможно ли такое? На службе Золотому
Трону он повидал многое — эти ужасы
почти не поддавались описанию. Холод
разлился по его венам, когда он понял, что
из всех умов галактики, способных на
подобное кощунство, Фабий Байл был
наиболее вероятным кандидатом.

Какая-то дальняя часть его
матющегося разума поняла это; некие
темные, звериные инстинкты в нем

отреагировали так, как велела им природа.

Двигаясь без участия рассудка, Рафен прыгнул на ренегата и врезался в него такой силой, что они обрушили одну из стоек с трофеями; реликвии раскатились по металлическому полу. Охваченный первобытной яростью Астартес пытался разогнать врага в клочья, отрывая куски от его кожаного плаща.

Байл вскинул руки, из странного сооружения у него на спине появились пристегнутые к кистям металлические когти, но Рафен уже раскрыл рот, целясь в его незащищенное горло. Ангел вонзил зубы в покрытую обвисшей кожей плоть на шее ренегата и укусил, разрывая кожу, пронзая вены, перекусывая хрящи гортани.

Поток густой, словно масло, жидкости ударил фонтаном, отчаянный крик Байла превратился в полугадушенное влажное бульканье.

Плоть и железо нанесли удар, лезвия впились в торс Рафена, но он не ощутил боли; сейчас он желал только убивать, кровь — ее отвратительный, гнилой вкус и

ощущение грязи были именно такими, как он себе представлял — залила ему подбородок и грудь. Байл снова пытался закричать, но его горло уже превратилось в сплошную рваную рану.

Новые Люди уже стояли вокруг, их электрические алебарды роняли синие молнии, от которых каждое нервное окончание в его теле корчилось от боли, но он не отрывался от врага, чувствуя каждый клочок, который он зубами выдирал из горла Байла. Безумный ученый потерял опору и рухнул на пол, но Рафен не обратил на это внимания, продолжая кусать и рвать его зубами. Безумная атака Кровавого Ангела прекратилась только когда Чейн вновь затянул мантру боли.

Паразит поворачивался снова и снова, разливая кипящую, раскаленную лужу по груди Рафена. Покрытый кровью, заходясь от крика, он оторвался от своей жертвы, сжимаясь от боли.

Другие ранения взяли свое и затопили его, сломав плотину, выстроенную его волей. Рафен грозил и задыхался.

балансируя на грани забвения.

--- Уберите его! --- Чейн кричал пронзительным, звенящим голосом. --- Не позволяйте щенку сдохнуть! Он заплатит за все! Уберите его отсюда!

Тьма окружила Рафена со всех сторон, выбравшись из темных углов залы, цвета вокруг потеряли яркость, его раны пели жуткую песнь страдания. Последняя картина, которую он унес в крошечную черноту, был Фабий Байл, корчащийся в предсмертной агонии; кровь выхлестывала из него красно-коричневой струей, а его разогнанное горло зияло распахнутой раной.

Последним усилием он собрал дрянь, наполнившую его рот, и плюнул, стараясь попасть в физиономию стоявших рядом Новых Людей. Это забрало последние силы, он почувствовал, что теряет сознание, свет разлетелся осколками, которые растаяли, как дым.

Глава двенадцатая

Поток солоноватой, ледяной воды выдернул Рафена из забытья, отплевываясь, он затолотил по воздуху сжатыми кулаками, готовясь отразить любую атаку. Моргая, он мог различить только смутные очертания предметов. Его лицо раздулось от ударов, кровь залепила глаза.

Туман перед глазами начал рассеиваться, и он обнаружил, что находился в металлической клетке — не своей, а другой; снаружи был день, лучики тусклого желтого света пробивались сквозь вертикальные зазоры в стенах. Здесь не было других входов и выходов, кроме тяжелой стальной двери на толстых петлях.

— Вставай, парень, — произнес грубый голос. Он услышал лязг пустого ведра, когда сутулая фигура отбросила еткость.

— Ветча, — произнес Рафен, откидывая назад свои растрепанные, покрытые засохшей кровью волосы. Когда

Он взглянул на свои пальцы, то увидел, что они тоже перепачканы кровью:

--- Я думал, что уже умер.

Старый Костицкий Волк издал хриплый смешок:

--- Думал узреть лик Императора, а? Желал очутиться в раю? --- резко бросил Ветча. --- Не будет тебе такого счастья, Кровавый Ангел. Никто отсюда туда не попадает. Это слишком легкий способ убежать.

Слепой ветеран протянул узловатую руку и помог ему встать. Пальцы Ветчи были костлявыми, но сильными и жесткими, словно железные прутья. Рафен огляделся и нахмурился. Он слышал шум за стенами металлической клетки, грохот, бряцающие удары, которые следовали один за другим:

--- Ну и куда ты привел меня на сей раз, Волк?

--- Не я, --- ответил Ветча, отступая в тень, наклоняясь и что-то делая, --- Новые Люди притащили тебя.

Он снова хихикнул:

--- С ума сойти, похоже, ты их здорово

обозлил. Я редко видел, чтобы они с таким удовольствием пинали человека, который не может дать сдачи.

--- Угу, --- ответил Рафен, сплюнувшись в роток мокроты и крови. Откашливаясь, он услышал легкий стук --- на пол вылетел обломок его зуба.

--- Они что, признали сюда стадо зрелых крокодилов потоптать меня?

Он оценил свое состояние, внимательно прислушиваясь к ощущениям в руках и ногах. Каждое движение, каждое прикосновение заставляло Рафена вздрагивать от боли; на нем не оставили живого места.

--- Почему они просто не перерезали мне глотку?

--- Ты все еще не понял, какие здесь порядки? --- Ветча покачал головой, возвращаясь с какой-то тяжелой штукой, затоптанной в промасленную ветошь, --- на этом светлом забытом острове не бывает смертей, если они не нужны Фабию Байлу --- для дела, или просто скуки ради.

--- Фабий... --- Рафен облизнул сухие, потрескавшиеся губы, вспоминая мерзкий

жизни крови прародителя, — он получил по заслугам.

— Да ну? — Костицкий Волк сделал паузу. — Я слышал такое не единожды, парень — и от людей в гораздо лучшей форме, чем ты сейчас. На твоем месте, я бы сосредоточился на том, чтобы выжить в течение ближайших нескольких минут.

Грохочущие звуки снаружи начали убыстрять ритм.

— Сначала просто дойди до стола. Там поймешь, что делать дальше.

— До стола? Какого стола? — Рафен был сбит с толку, у него звенело в ушах, и это не добавляло происходящему ясности.

— Слушай внимательно! — отрезал ветеран. — Хочешь жить — слушай.

Рафен посмотрел на него:

— Ты мой волк-проводник, что ли? Но я тут слышал кое-что, и сомневаюсь в честности твоих помыслов, старик.

— Ты ничего не знаешь, — последовал ответ, — Твой клинок еще остер, он не успел затупиться... Но это еще впереди! Запомни мои слова, а поймешь их потом, если не погибнешь!

--- Так вот что с тобой произошло? ---
дерзко ответил Рафен. --- Ты уже
настолько слаб? Кое-кто тут удивляется,
как это тебе удается свободно
расхаживать туда-сюда.

--- Проклятие, я тут не свободен! ---
прорычал костогесантник. --- Кровь
Фенриса, неблагодарный ты щенок! Я
пытаюсь помочь тебе!

С рычанием он сунул обернутый
ветошью предмет в руки Рафену:

--- На! Забирай и проваливай!

Кровавый Ангел дернул за тряпку, и
она развернулась, открыв массивный
молот на глинной ручке. Рафен видел
такие раньше. Благодаря специально
утяжеленному бойку, при должном навыке
им можно было крушить валуны --- но это
была вещь, которую могли бы
использовать сервы оргена --- или
сервиторы; инструмент, а не оружие,
подходящее для Астартес. В его руке
молот выглядел слишком маленьким и
легким.

--- И что я должен делать с этой
штучкой?

--- Расстаться, чтоб тебя не убили!
--- Ветча скрылся в тени и дернул ржавую
затворную ручку, с металлическим
скрежетом передняя часть клетки
разделилась на две створки и они
разошлись в стороны, поворачиваясь на
петлях.

Глаза Рафена отозвались болью, пока
не привыкли к внезапно хлынушему
поток у яркого света. Солнце Дайники
стояло высоко в небе, светя, казалось,
прямо на него; он ощутил химическую вонь
жидкого протетия. Трохочущая какофония
достигла кульминации, и Астартес
увидел источник звуков.

Он находился на нижнем уровне
кратера, наклонные стены спирально
поднимались вокруг него. Выше он
рассмотрел ряды металлических
контейнеров --- катер, расположенных, как
ложи в амфитеатре. Стенки контейнеров
вибрировали под палящим солнцем; он
заметил, что щели, затенявшие в них
окна, открыты. Его родичам позволили
увидеть его.

Но то, что он слышал, не было

приветствием; грохочущий шум производили ряды мутантов и Новых людей, шеренгами выстроившиеся на самом дне кратера так, что яблоку было негде упасть. Они колотили бронированными кулаками или поднятым оружием о грудные пластины брони, с каждой секундой убыстряя ритм.

Он осторожно шагнул вперед; перед клеткой располагалась подъемная платформа, сработанная из сваренных вместе железных пластин; она переходила в цепи и кабели, образовавшие подвесной мост — хлипкую конструкцию, такую узкую, что он едва смог бы пройти по ней в одиночку. За мостом он различил что-то вроде бетонного бункера с обвалившейся крышей.

Воздух наполняла тухлая вонь разлагающейся рыбы. Он решил, что это место, скорее всего, было частью инфраструктуры бывшей здесь хозяйственной колонии, секцией комплекса, где перерабатывали богатую добычу, собранную с морей Дайники-5; по крайней мере, до тех пор, пока небольшая часть

тиранидского флота не попала на планету
и не опустошила ее.

Он услышал лязг за спиной, и, развернувшись, увидел, что Ветча поднимается вверх, влекомый стрелой крана.

--- Не стой, --- крикнул тот, --- они уже целятся в тебя.

Над головой кружили крылатые стражи, и впервые Рафен заметил яркие красные точки лазерных прицелов; точки двигались туда-сюда по металлу у его ног, поднимались вверх по торсу, показывая дорогу зарядам пушек в их когтях. Он оглянулся, ища возможность спастись... хотя и знал, что не найдет ее. С платформ был только один путь --- через подвесной мост. На всех остальных направлениях горел прометий, отрезая пути к отступлению, обжигаящее синее пламя вырывалось из резервуаров, расположенных под стоящими выше клетками. Но даже если бы он смог преодолеть это препятствие, дальше не было ничего, кроме волны злобных туртантов. Он прихватил бы с собой

многих из них, но в своем нынешнем состоянии погиб бы раньше, чем успел уничтожить их всех.

И тут Рафен заметил еще одну железную клетку, еще один подвесной мост, расположенный справа. Абсолютно ничем не отличающийся от моста, висящего впереди, он тянулся параллельно ему. Послышался рев, когда открылись двери второй клетки, и из нее уверенным твердым шагом появилась массивная фигура, окутанная глинным одеянием.

--- Итак, начнем состязание, --- произнес голос, и металлически-звонящее эхо замечалось между стен кратера. Слова разносились из соен воксого-громкоговорителей, прикрученных проводами к потускневшим колоннам, которые торчали по всей территории комплекса.

Рафен развернулся на звук голоса, и увидел еще один кран, на этот раз --- с огромным железным экскаваторным ковшом, превращенным в передвижную смотровую площадку. Там стоял Чейн, широким, искаженным лицом андрогида.

заставил его навечно застыть в натянутой ухмылке; он стоял, небрежно опираясь на термический лабрис, но внимание Рафена было приковано к тому, кто стоял рядом с ним, кривясь безжалостной улыбкой.

--- Точно, --- злобно прищурился Фабий Байл в ответ на сообщение из вокса, --- начнем состязание.

Внешность ренегата, казалось, ничуть не изменилась: тот же самый плащ и очертания громадного выкованного Хаосом хирурга за спиной, та же безразлично-самоговольная улыбка. Его шея была обмотана темной тканью, не позволяя Рафену увидеть хоть какие-нибудь следы от нанесенных им ран --- но во имя Императора! Как он вообще остался жив?

Кровавый Ангел разограл горло предателя в клочья, взрызаясь в него с такой яростью, что еще пара укусов --- и голова оказалась бы отделена от шеи. Он выпустил столько крови, что в ней можно было утонуть, а сейчас Фабий, ухмыляясь, стоял перед ним. Как такое возможно?

Рафен спрашивал себя, каким
отвратительным колдовством владеет
ренегат --- колдовством, благодаря
которому остался невредим после
нанесенных ему смертельных ран. Его
пальцы сжали рукоять массивного молота,
пока он вспоминал слова данного им Обета.
Он останется в живых, и, если будет на то
воля судьбы --- убьет Фабия Байла столько
раз, сколько будет необходимо.

--- Начинаем!-- заорал Чейн, и сросстки
вокруг встретили его слова
одобрительным гиканьем.

Боковым зрением Рафен уловил
движение, когда фигура в плаще, с
закрытым капюшоном лицом на соседней
платформе бегом рванула через подвесной
мост. Кровавый Ангел взглянул вверх, и
обнаружил, что стражи над головой
целятся в него. Поморщившись, он
развернулся на пятках и пустился вперед
по раскачивающейся тропе.
Металлический мост раскачивался и
громко скрипел от его тяжелой поступи,
роняя хлопья ржавчины прямо на
беснующуюся толпу под ним. Рафен дошел

почти до середины, когда почувствовал, как тросы загрожали и натянулись под дополнительным весом. Взглянув через плечо, он увидел крупного обезьяноподобного мутанта, который двигался следом; мост снова накренился — еще два спостка, подбагриваемые товарищами, высоко подпрыгнули, и, вскарабкавшись, оказались перед ним. Эти двое напминали гибрид человека с крызуном, их глинные острые крысиные носы постоянно двигались, принюхиваясь к его запаху. Оба были тощими и вертлявыми, и у каждого в когтистой лапе был джамадхар с раздвоенным лезвием. Значит, это не просто забег, который он должен выиграть.

Не собираясь терять ни секунды от полученной форы, он перехватил молот обратным хватом и махнул им по широкой дуге. Тяжелый боек инструмента встретился с челюстью первого крысоподобного мутанта и разтозил ее с глухим влажным звуком.

Мутант зашатался, и Астартес отпихнул его в сторону. Атакующий

кувыркнулся через перила мостика и упал в толпу. Второй грызун низко пригнулся, и, нырнув вперед, со злобным шипением выбросил перед собой руку с катаром. Действуя рукоятью молота как дубинкой, Рафен нанес резкий удар прямо в морду отрогья. Из рта сросстка брызнула кровь, не останавливаясь, воин захватил шею твари своей вооруженной рукой, зафиксировал ее, не давая пошевелиться, и поднял мутанта над полом.

Резким движением согнутого локтя Рафен переломил шею крысоподобного. Он замешкался лишь на секунду, отбрасывая от себя тело — но этого оказалось достаточно, чтобы огромный обезьяноподобный мутант приблизился достаточно близко, дабы поймать его.

Толпа внизу радостно взревела, когда мутант сгреб его в охапку, стараясь переломать кости, и все синяки и ушибы на теле Рафена отозвались на это вспышкой боли. Затылком он чувствовал горячее, зловонное дыхание обезьяноподобного, тварь запросто могла потягаться размерами с терминатором в

полной боевой броне, мост стонал от движений тяжелой туши. Рафен наклонился вперед, затем резко запрокинул голову, врезав затылком по морде обезьяноподобного. Тот заорал и на секунду ослабил свою подобную тискам хватку. Этой секунды оказалось достаточно.

Кровавый Ангел шатнулся вперед, держась одной стороны раскачивающегося моста, потом оттолкнулся в противоположном направлении. Подвесной мост прогибался и грожал, опора под ботинками обезьяноподобного мутанта внезапно стала зыбкой и неустойчивой. Бойком молота Рафен зацепился за петлю троса и повторил свою трюк, на этот раз ему удалось наклонить мост на свою сторону — после чего резко ударил ногой.

Вес обезьяноподобного мутанта сделал все остальное. Существо запаниковало, выпустило Космогосантника из лап, чтобы не упасть самому. Рафен снова ударил ногой, на этот раз по направлению туда, куда хотел упасть сначала. Обезьяна заревела от боли и потеряла

равновесие, в следующее мгновение она уже
падала в беснующуюся под ними толпу.

Рафен выпрямился, уцепившись за
толстые канаты, пережидая, когда мост
перестанет раскачиваться. Он безом
преодолел оставшуюся часть пути и по
низкому пандусу скатился в заброшенный
блокгауз на другой стороне моста. Там он
остотрелся.

Нигде не было видно ни малейших
следов присутствия второго бегуна -- его
соперника? -- но распахнутый люк в
дальнем конце бункера недвусмысленно
натекал, куда двигаться дальше.
Астартес двинулся и услышал щелчки и
треск смазанного металла. Щекой он
ощутил внезапный порыв ветра и
инстинктивно пригнулся. Странный шест,
увенчанный целым букетом вращающихся
лезвий, резко ударил и рассек воздух там,
где он только что стоял. Он развернулся,
подныривая под второе орудие, а затем из
узких щелей в каменной стене выдвинулось
третье -- несколько вращающихся клинков.
Ножи рубанули рядом, вспороли его грязную
туннику, он отклонился в сторону прежде,

чем они смогли коснуться тела. Длинные струи пламени вырвались из сокрытых в стенах сопел, угрожая поджарить его до корочки.

Он увидел, что пол, на котором он стоит, сплошь покрыт мелкими отверстиями, как шутовка, выполненная из темного металла и лоснящаяся от смазки. Под ним проходила канава, забитая сгустками застоявшейся жидкости, коричневым жирным осадком. Широкая борозда для стока крови. Поблизости он заметил изъеденные коррозией валы и остатки конвейерного механизма; бункер, судя по всему, был еще одной частью перерабатывающего комплекса, где добывали рыбий жир и раздвигали дневной улов. Здесь еще сильнее чувствовалась вонь горючих хитиналий, от нее было кисло во рту.

Рафен тщательно прицелился и резко ударил молотом по лезвиям, согнув и застопорив их; механизм, приводивший их в движение, сломался; шестеренки внутри выскочили из окислившихся пазов. Он пробивал себе путь к выходу, оскальзываясь

на гладком полу, и добрался до дальнего люка. За ним начинался коридор с рядом огромных безостановочно вращающихся барабанов. Он бежал, сгибаясь в три погибели, перепрыгивая от одной стены к другой, скорость его движений не позволяла ему угодить в крутящиеся жернова. Используя молот как альпеншток, он зацепился за край выходного отверстия, и, подтянувшись, выбрался наружу.

Вопли и рев толпы встретили его, когда он выбрался с противоположной стороны блокаута. Сработавшая на скорую руку наклонная площадка под крутым углом вела ко второй подъездной платформе; на ней стоял стол.

Рафен рискнул бросить быстрый взгляд вправо. Фигура в капюшоне, опережая его, уже стремительно неслась по параллельной рампе. Кровавый Ангел отбросил тяжелый молот и кинулся вперед, его мышцы и синяки отозвались болью, но он преодолел последние несколько метров наверх. Он чувствовал, как паразит извивается внутри его грудной клетки, встревоженный частыми

ударам сердца.

Кровь стучала в ушах, когда Рафен догнал своего конкурента и перезнал его. Его обмотанные тряпками ноги громко стучали по платформе, когда он в последнем усилии взобрался наверх; там, на низком столике, он увидел разбросанные тяжелые стальные детали, которые были так же знакомы ему, как отражение собственного лица в зеркале. Ствольная коробка, дуло, боевая пружина, магазин. Перед ним лежали разрозненные части потерявшего цвет от времени, явно давно не знавшего настоящего ухода болт-пистолета системы Годвина, а рядом торчал из обоймы единственный оставшийся в ней патрон. Следуя отточенному до автоматизма рефлексу, он потянулся к разобранному оружию, не выпуская из виду своего оппонента, который делал то же самое напротив него. Сросстки внизу снова замолотили кулаками по панцирям — на этот раз совсем уж неистово; забег вступил в завершающую стадию.

Руки Рафена быстро, осторожно и

точно собирали пистолет, безупречно
подогнанные детали присоединялись одна к
другой, движения следовали в раз и
навсегда затверженной
последовательности; наконец, щелкнув,
встал на место магазин. Он прогелывал
это так много раз, что действовал, почти
не думая; пальцы, повинувшись моторной
памяти, сами выполнили всю работу.

Рафен знал, что его соперник в
капюшоне закончил свою смертельную
работу почти одновременно с ним.
Болтерные заряды скользнули в казенники,
затворные рамы были неподвижны, курки ---
взведены, в точности повторяя положение
друг друга; они медленно приблизились к
спровалу, разделявшему две параллельные
платформы, держа друг друга на мушке.

Вот как заканчивалось состязание:
убийством --- для быстреешего. И гибелью ---
для того, кто оказался недостаточно
проворным. От быстрого движения
капюшон свалился с головы противника, и
Рафен увидел знакомое угрюмое лицо и
глаза, наблюдавшие за ним сквозь щель
прицела.

--- Тарик?

"НЕЙМОС" поднимался из темных бездонных глубин, нос субмарины смотрел вверх, словно следуя за бледным отблеском слабого гневного света, который проникал в верхние слои океана Дайники.

Судно затегило ход, прокладывая курс параллельно морскому дну, заваленному обломками, оставшимися после кораблекрушений, проходя над останками затопленных траулеров и костью китов, мертвых уже давно --- погибших из-за нехватки корма или убитых тиранидскими кархародонами. А за кормой корабля, с каждой секундой сокращая дистанцию, следовала стая кракенов --- их вел голод и объединяющая их инстинктивная, почти на уровне биохимии, ненависть, горящая в крови этих ксеносов.

Каждая система на борту "Неймоса", которую можно было выключить, была отключена и глубоко внутри творения Механикус группа воинов вооружалась, творя ритуалы сражения, отсчитывая

секунды до встречи с врагом.

РАФЕН медлил, его палец застыл на спусковом крючке. С такого расстояния Астармес не мог бы промахнуться.

Орел Обреченности сүзил глаза, но не открывал огонь. Его пальцы тучительно и неловко охватывали рукоять пистолета. Далеко под нити сростки вопили, требуя смерти, злясь за то, что их лишают обещанного кровопролития.

--- Давай, --- попросил Тарик, его слова разнеслись по кратеру, --- убей меня! У меня ничего не осталось... Я проклят, обо мне забыли! Стреляй, Кровавый Ангел! Прояви милосердие... Давай же!

--- Нет... --- начал Рафен, пистолет угрогнул в его руке.

--- Если не выстрелишь, тогда я убью тебя! --- со злобой выплюнул Тарик, --- Мне нечего терять!

Внизу кричала, потом начала что-то монотонно скандировать, этот шум, был громким, как рокот штормовых волн, бьющих в прибрежные скалы. Рафен, стараясь не обращать на них внимания,

покачал головой:

--- Я не могу, родич. В этом нет чести...

--- Чести? --- в ответ заорал Тарик. --- У нас ее отняли, или ты не видишь? Я что, должен утешать пристрелить меня? Мы в аду, Кровавый Ангел! И никто не придет нам на помощь.

Он ударил себя по груди, внутри которой свернулся его паразит:

--- Мы осквернены! Смерть --- наше единственное избавление.

Лицо Орла Обреченности осунулось, казалось, за одну секунду он состарился на годы:

--- Я жажду только Милости Императора, --- выдохнул он.

Рафен ужаснулся, увидев брата Астартес, павшего так низко, воля которого была почти сломлена. Воспоминания поднялись на поверхность его памяти --- он слышал о подобном от своего наставника Кориса. У каждого есть свой предел прочности, даже у таких, как мы. Те, кто утверждает, что это не так --- дураки или лжецы. Штука в том, чтобы

понимать правду, знать себя и быть готовым, что когда-нибудь такое может произойти.

Насколько он видел, для Тарика такой день уже настал. Рафен чувствовал тяжесть болт-пистолета в своей руке. Всего один выстрел; пуля войдет точно между глаз Орла Обреченности, -- смерть будет мгновенной, только короткая белая вспышка агонии. Конец боли, терзающей брата-воина, чьи страдания в этой адской тюрьме превысили все мыслимые пределы.

Но чего это будет стоить ему? Какую границу перейдет Рафен, даровав смерть одному из своих? Это стало бы предательством -- и не только его собственной морали и принципов, но и его Оргена, самой его природы... и самого Тарика, которому братская поддержка была нужнее смерти.

-- Слушай, -- произнес он, -- я никогда не лгал моим боевым братьям! И вот что я тебе скажу, Тарик из Орлов Обреченности. Нас не бросили! О нас не забыли! -- он простер свободную руку.

-- Это значит, что наши враги

выиграли и получили что хотели, ---
Рафен ткнул пальцем в сторону Фабия и
Чейна, на дальней стороне обзорной
платформы, --- Этот ты даруешь им
победу! Но сегодня им не сломить нас ---
тебя и меня!

Он орал так громко, как мог:

--- Доверься мне!

Когда Тарик поднял взгляд и снова
посмотрел ему в глаза, на секунду во взоре
Орла Обреченности появилось что-то, что
могло быть надеждой. Затем он кивнул.
Рафен услышал хлопанье кожистых
крыльев; в воздухе у них над головами на
фоне солнца появились похожие на
летучих мышей создания, отбрасывая
стремительные угловатые тени. Толпа
жаждала крови и, если даже Рафен и
Тарик не доставят им такого
удовольствия, летающие стражи
испепелят костодесантников на месте
лазерным огнем.

Двое. Их всего двое, и у каждого
пистолет с единственным патроном.
Этого не хватит, чтобы отправить на
тот свет целую орду мутантов и стаю

крылатых стражей. И стреляют ли еще эти болт-пистолеты? Рафен не удивился бы, если б узнал, что весь этот забег был не более чем прелюдией к сагистской шутке, которую Байл придумал для своего развлечения.

--- Вот и проверим, --- сказал он себе и развернулся, сгибая колени, а потом --- вытянулся на земле, словно прицеливаясь на стрельбище. Он знал, что Тарик, глядя на него, сделал то же самое.

Ветер поменял направление и Рафен уловил в воздухе химическую вонь топлива.

Из-за стены полуразрушенного блокгауза виднелся верх приземистого резервуара с прометием.

Рафен нажал на спусковой крючок, болт-пистолет коротко рывкнул, Тарик тоже выстрелил --- почти одновременно с ним. Он увидел яркие вспышки, когда масс-реактивные снаряды прошли защитный кожух контейнера; а потом на месте резервуара возникла огромная огненная сфера, превратившаяся в волну оранжевого пламени, которая, расходясь в разные стороны, врезалась в толпу сrostков.

Обжигающая ударная волна сбросила Кровавого Ангела с платформы. Рафен был готов к этому — он лишь сжался в комок, чтобы взрыв причинил ему как можно меньше вреда.

ОРЕЛ

ОБРЕЧЕННОСТИ

приземлился, присел, все еще сжимая пустой болт-пистолет, словно какой-то талисман — возможно так и было, бесполезный ствол напоминал ему о настоящем оружии, которое он носил когда-то, которое было частью его жизни, как каждого воина из Агентус Астартес. Он развернул его, изучая исцарапанную, выщербленную поверхность пистолета в пляшущем, оранжевом свете пожара. Оружие было безнадежно испорчено, если бы он передал его агентам оружейной на его родном мире, они прокляли б его за такое отвратительное обращение с духом-машины болтера. Но, даже с такими повреждениями, оно могло выполнить свою задачу.

— Я поступлю так же, — сказал сам себе Тарик, вслушиваясь в звериные вопли

охваченных паникой мутантов. Но в интонации, с которой он произнес эти слова, было больше уверенности, чем в его душе.

В густом угдушливом дыму, стеной стоявшем на нижнем уровне кратера, появилась тень. Кровавый Ангел Рафен подошел к нему, кивнул и протянул руку, помогая встать.

--- Пошли, --- произнес он, --- Байл оказался полным идиотом --- решил, что легко справится с нами. Он позволил себе расслабиться, и этим очень помог нам.

Тарик принял помощь второго воина и поднялся на ноги. Он нахмурился:

--- То, что ты сказал, там на платформе... хорошие слова.

Рафен покачал головой:

--- Я сказал только то, что ты и так знал.

--- Нет, --- ответил Тарик, --- ты сказал мне то, во что веришь. И, возможно, в глубине души я тоже хочу поверить в это. Но тебе нужно понять. Я покойник, Кровавый Ангел. В общем-то, не так и важно было, пристрелил бы ты меня, или

нет. Я уже трүн.

Его собеседник недовольно фыркнул:

--- Все плохо, не так ли? Что ж, можешь говорить за себя, Орел Обреченности, а я очень даже жив и натереваюсь оставаться таким еще очень долгое время.

Он повернулся, собираясь уходить, но Тарик остановил его:

--- Скажи мне, что ты имел в виду, когда говорил, что о нас не забыли? Это просто чтобы заставить меня слушать, или ты действительно что-то знаешь?

Рафен сделал паузу, затем наклонился поближе и тихим голосом заговорил:

--- Вот что. Я пришел сюда не один, Тарик. Группа моих боевых братьев приближаются к этому острову по океану на корабле, который называется "Нейтос". Они скоро будут здесь, в этом я уверен. И когда они придут, я хочу, чтобы это место горело и освещало им дорогу, как маяк.

--- Ты с этого корабля? --- спросил Астартес, --- Но откуда ты знаешь, что

они не отказались от этого дела?

Он поторщился:

--- Дайника-5 --- мертвый мир. В океане их подстерегают смертоносные, чудовищные твари. Ты не можешь знать, точно ли твои родичи доберутся сюда.

--- Я знаю, --- настаивал Рафен, --- я верю в них, и ничто не заставит меня отказаться от этой веры.

Он пристально посмотрел на своего товарища:

--- Ты ведь помнишь, что есть такая штука --- вера? И она была у тебя, пока ее не отняли Байл и его палачи.

Лицо Тарика окаменело.

--- Я помню. Я не потерял ее.

Рафен ухватился за его слова:

--- Так помоги мне напомнить об этом остальным братьям!

Он раскинул руки, указывая на клетки над ними:

--- Байлу нравится, когда у его изречь зрители, ведь так? Его тщеславию льстит, когда, причиняя боль другим, он наблюдает за ее отблесками, греется в ее отраженном тепле. Но теперь мы можем

обернуть это против него.

Лицо Кровавого Ангела, покрытое синяками и копотью, прорезала тонкая ухмылка.

--- Каждого боевого брата, заключенного здесь, заставляли смотреть на сегодняшнее жестокое состязание. Их заставляли смотреть, потому что Байл считал, что таким образом доносит до всех один из своих "уроков".

Он перевел дыхание:

--- Я знаю, многие боевые братья пытались сражаться до меня --- и потерпели поражение. Но это не мой случай. Не наш случай.

--- С чего это ты так уверен?

--- Потому что все Астартес здесь присоединятся к нам. Помняи мое слово, Орел Обреченности. Мы соберем всех наших родичей.

--- Они уже давно не те воины, о которых ты говоришь, Рафен! Они сломлены годами немыслимых пыток, и уверены, что их бросили!

--- Как ты? --- спросил Рафен.

Улыбка превратилась в беспощадный

оскал:

--- Пойдем. Нам нужно поднять нашу партию, если мы хотим запалить это место, как факел.

НЕРАЗБЕРУХА, которая последовала за взрывом прометия, повергла сростков в панику. Некоторые были мертвы, пожранные взрывом, который вызвали болтерные снаряды -- но большинство были захвачены врасплох и отрезаны от окружающего мира пожарами, вспыхнувшими на нижнем уровне тюремного комплекса, которые с каждой минутой распространялись, раздуваемые непрекращающимся ветром.

Они не знали и даже представить не могли, что, внаб в ярость, Фабий Байл бросил верных слуг на произвол судьбы, скотандовав своему помощнику Чейну не тушить пожар, предоставив пламени распространяться где угодно, сжигая тех, кто не успел убежать. Прародитель решил, что гибель тех сростков, которые не смогли сами спастись от огня, послужит выжившим напугиванием о

том, что если Байл желает крови и смерти — он не удовлетворится ничем иным.

Но звероподобные мутанты хранили угрожающую преданность своему хозяину.

Все, что оставалось от их человеческих личностей, уже давно было утрачено и заменено смесью препаратов, менявших их геном и безумными хирургическими перекройками. Байл переделывал каждого из них, заставляя дремлющие гены животных в их ДНК вновь заявить о себе; то, что появлялось в конце такого процесса, или утирало или было совершенно лишено всего человеческого.

Их звериный разум был поработчен их творцом, и во имя него группы мутантов без особенного труда преодолевали тлеющие, чадающие груды обломков, выстатривая узников, которые остелились выказать такое неповиновение.

В буквальном смысле слова, это стало их смертельной ошибкой.

ВОДОЛЬ ВСЕЮ ОТВЕСНОЮ стеной
кратера пылало пламя; там, где в
отводных канавах, заполненных
маслянистой жидкостью, валялись
раскаленные добела обломки металла, в
небо поднимался тяжелый черный дым.
Дым окутывал на скорую руку построенную
хижину, поднятую на железных сваях,
окруженная целым лесом колонн,
торчавших вокруг круглого, как арена
пространства, она была центром, от
которого во все стороны к колокольцам
громкоговорителей тянулись старые,
побитые коррозией провода.

Поблизости обезьяноподобный
мутант, оставшийся в живых после того,
как его сбросил с моста Кровавый Ангел,
вел за собой пару низкорослых
змееноподобных сростков, пробираясь сквозь
серо-черную дымку.

Обезьяноподобный должен был
погибнуть первым — Рафен решил
исправить ошибку, которую совершил,
оставив мутанта в живых. Астартес
стремительно выскочил из укрытия и изо
всех сил врезал сростку по пояснице своим

разряженным болт-пистолетом. Тошнотворно пошатнулся и попытался развернуться назад, раскинув ладони, чтобы схватить врага — но удар оказался настолько сильным, что перебил позвоночник и разорвал нервы. Обезьяноподобный пытался зарычать, выплескивая свою ярость — но его опоясала резкая вспышка боли, а потом тело ниже пояса утратило чувствительность. Зверь рухнул на землю, и Рафен резко ударил упавшего по затылку. Тошнотворный хруст, влажный всхлип и дело сделано.

Похожие на змей мутанты запаниковали и отступили, угодив прямо в руки другого Астартеса. Тарик кулаком сшиб одного на землю, старательно рассчитывая силу удара — один из них нужен был им живым — и разоружил другого, выбив из его руки короткий изогнутый клинок.

Рафен приблизился ко второму змееподобному мутанту, и, ни секунды не медля, схватил низкорослую рептилию и швырнул в канаву, заполненную горящим топливом. Погрузившись в пылающую

жижю, существо с пронзительным визгом
сварилось заживо. Тарик наставил
захваченный меч на сростку, которого
свалил на землю:

--- Если не сделаешь то, что мы
скажем --- то же самое будет и с тобой.

Змей быстро закивал маленькой
головой на глинной шее, его желтые глаза
расширились от ужаса.

Рафен указал на хижину.

--- Там есть вокс-сеть. Ты
активизируешь ее для нас.

Сросток закивал как заведенный и
вскарабкался в хижину, стараясь как
можно быстрее выполнить то, что
позволило бы ему спастись. Его товарищ
перестал верещать, и к разнообразному
букету запахов, наполнявших воздух,
присоединился новый --- сладковатая вонь
горелого мяса.

КОГДА дело было сделано, Тарик
подарил змею-сростку быструю и
безболезненную смерть, перерезав горло
одним стремительным скользящим
ударом клинка. Устекая кровью, мутант

смотрел на него, в его угасающих глазах застыл укор; похоже, он действительно поверил, что у него есть шанс остаться в живых.

Рафен наклонился вперед, не отрывая взгляда от тигающих огоньков и позвякивающих механизмов на панели управления, установленной в хижине. Возможно, раньше здесь был контрольный центр сортировочного производства, но сейчас механизм был модифицирован для управления кабелями и информационными каналами, цель которых ускользала от понимания Кровавого Ангела. Они змеились по стенам и полу помещения, переплетаясь друг с другом, словно корни гигантского растения. Он подумал, какой ущерб такому месту, как это, могла бы принести одна-единственная крак-граната: это был спорный вопрос. Даже действуя клинком, разрубая провода вокруг него в течение нескольких часов, можно было не повредить ничего жизненно-важного.

Он отогнал эти мысли и наконец увидел то, что искал; покрытый похожими на соты ячейками вокс-микрофон.

торчавший на конце телескопической подставки. Рафен заметил, как сияют индикаторы подачи энергии, которые с таким усердием активировал змей. Он постучал пальцем по воксу, и глухой стук донесся из вокс-передатчиков снаружи.

Он взглянул на Тарика, который стоял на страже у двери. Орел Обреченности кивнул в ответ. Рафен сделал глубокий вдох и заговорил.

ОБЫЧНО

ВОКС-рупоры

использовались для пыток звуком, раздачи приказов о казни или передавали похожие на проповеди, напыщенные речи самого Фабия Байла. Сегодня из них слышались другие слова, произнесенные сильным чистым голосом. Каждый из Астартес в тюремном комплексе затер и, затаив дыхание, напряженно прислушивался к нему.

— Братья, — начал Рафен, — родичи, близкие и дальние, Астартес. Слушайте меня. Мне так много нужно сказать, но у меня мало времени, так что я не буду тратить его на премудрости ораторского

искусства или риторики.

Сростки зашлись в злобном вое, когда поняли, что происходит, но голос из voxа был громче их воплей.

--- Это место было создано, чтобы уничтожить то, что имеет для нас особую ценность, то, что принадлежит всем нам --- и неважно, какого Примарха или какой Орген мы зовем своим. Я говорю о нашем братстве.

Руки Кровавого Ангела сжались, он вспомнил, что чувствовали его пальцы, державшие полоску пергамента с тонкими строчками начертанного на ней обета.

--- Байл изолировал нас друг от друга, пресекая почти все возможности перекинуться словом. Он посеял семена недоверия и подозрений, медленно превращая нас в прах чередой бессмысленных дней и мучительных ночей. Этот ублюдок хочет, чтобы вы поверили, что о вас забыли. Он лжет. Я здесь для того, чтобы сказать вам, что он врет и погряз в своем вранье! --- голос Рафена стал громче, обретая силу.

--- Загляните в себя, братья, и вы

поймете. Вы ждали этого дня, даже если сами не знали об этом. Дня, когда вам напомнят, кто вы такие. Я здесь для того же, что и вы -- чтобы служить Богу Императору и Святой Терре! Знайте, что каждый из вас -- предвестник собственной свободы!

Уголком глаза он увидел, как Тарик заметил что-то снаружи; издалека донеслись крики разъяренных, приближающихся врагов. Теперь он не мог остановиться:

-- Я скажу вам, что все мы в этот день не Кровавые Ангелы, Орлы Обреченности, Костиные Волки, Тауранцы, Салатандры, Багровые Кулаки... Мы одно великое воинство, одно сердце и один разум! Мы -- Агентус Астартес, Костогесантники, боги войны и внушающий ужас, разящий меч нашего Императора! Мы есть Его воля и всегда ею были!

Снаружи слышались выстрелы, пули отрывали куски от стен и рикошетили от оборудования внутри, выбивая снопы искр.

-- Вам нечего терять, Сыны

Человечества, вас ждет только слава!
Даже если вы сомневаетесь в том, что я
сказал, ... -- он уже кричал, его слова
звенели от напряжения, -- ... знайте, что
есть одна истина! Поодиночке -- мы
мертвы. Вместе -- несокрушимы...

Его голос потонул в визге
поглощающей ракеты. Рафен отпрянул от
консоли, и ракета малого радиуса
действия, сопровождаемая хвостом
оранжевого дыма, с визгом влетела внутрь
и вдребезги разнесла хижину
громоподобным взрывом.

ХЛУПКАЯ конструкция на сваях
сложилась, словно была изготовлена из
бумаги, разлетелась, как карточный
домик, сваи затрещали, и кабели,
тянувшиеся к громкоговорителям,
оборвавшись, хлестнули по воздуху словно
палки.

Чейн выступил вперед, и,
приблизившись к тлеющей груде обломков,
равкнул другим Новым Людям, которые в
замешательстве стояли вокруг него:

-- Найдите этих ублюдков! Я выгрызу

сердце тому, кто разочарует меня!

Новый Человек с мощной шеей, одетый в изогранный, висящий лохмотьями кожаный плащ, начал рыться среди развалин, используя свой меч, чтобы отбрасывать обломки с дороги.

--- Здесь! --- начал он.

Но не сумел договорить, рукнув с перерезанным горлом. Разбрасывая кучу щебня, из-под нее внезапно появился Тарик, орудуя изогнутым клинком, который отобрал у змея, он набросился на Нового Человека, нанося все новые и новые удары, охваченный боевым безумием. Откинувшись плечом в сторону потрескавшийся облицовочный лист, рядом появился шатающийся Рафен. Кровь струилась из дюжины мелких порезов, оставленных осколками стекла, брызнувшими прямо ему в лицо, он тяжело дышал от ярости. Кровавый Ангел отряхнулся, подняв облако пыли, и, приведя себя в устойчивое положение, огляделся, ища что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие.

--- Я хотел убить тебя с той минуты, как ты попался мне на глаза, --- зашипел

Чейн, -- мой хозяин хочет еще поиграть с тобой, но я думаю в этот раз, я не исполню его приказ.

Андрогин поднял жуткого вида болт-пистолет, дуло которого, словно лепестки, окружали сверкающие, как зеркало, бритвенно-острые лезвия.

-- Ты зря потратил время, пытаешься своей маленькой речью воодушевить этих никчемных придурков, сопляк. Разве ты не понял? Они все беззубые, и не хватит духу, чтобы сражаться! Фабий наистопбил ил охоту к подобному! Вы -- Астартес, в сущности, ничем не лучше обычных людей. В конце концов, вы все ломаетесь.

Чейн дернул своей пораненной щекой:

-- Я протащу твой трүн по всем уровням, чтобы все твои убогие братишки это видели.

-- Твоя ошибка, -- ответил Рафен, отплевываясь от пыли, -- в том, что ты думаешь, что слушать тебя так же приятно, как смотреть на твое милое личико. Только и то, и другое -- неправда.

-- Тогда хватит болтать, -- Чейн

прицелился, — когда увидишь своего
дохлого бога, не забудь ему рассказать, как
ты проиграл.

— Не сегодня!

Из дыма и теней появилась седовласая
фигура, врезалась в Чейна, тот от удара
потерял равновесие. Рафен увидел, что к
горлу Нового Человека прижата глиняная,
ржавая полоса металла.

— Ветча... — пробормотал Тарик, по
его голосу было слышно, что он не верит
своим глазам.

— Ага, — ответил ветеран Длинных
Клыков. Он еще крепче прижал свой
илпровизированный клинок к шее Чейна.

— Давай, прикажи своим уродам,
чтобы опустили оружие, потом поверни
свою стрелялку дулом к себе. А если тебе
придет мысль произнести хоть слово из
твоей окаянной молитвы — я распотрошу
тебя, как торского угря.

Андрогин выдал кривую ухмылку,
когда струйка крови побежала в ложбинку
у основания его шеи:

— Что случилось? Старый слепой
Костический Волк окончательно внал в

паразм?

--- Мне никогда не нужно было зрение, чтобы найти тебя, тварь, --- злобно прошипел Астартес. --- Я тебя чую! А сейчас делай, что я говорю, или пущу тебе кровь прямо здесь!

Чейн взглянул на двух других Новых Людей, и они бросили свое оружие на землю.

--- Что это на тебя нашло, Ветча? --- тон андрогина изменился, теперь он говорил спокойным, мягким голосом. --- Я думал, что ты в конце концов все узнал об этом месте, разве нет?

--- Ты думал, что я твой ценной пес! Ты думал, что меня не стоит опасаться! --- бросил Космической Волк. Он постепенно приходил в раздражение.

--- А теперь брось пистолет Рафену, живо!

Чейн театрально вздохнул и швырнул пистолет, но нарочно сделал так, чтобы оружие упало вне прямой досягаемости Кровавого Ангела. Когда Рафен, наклонившись, осторожно потянулся за ним, Чейн снова заговорил.

— Ты же знаешь, что с нами бесполезно бороться, Ветча. Ты же выучил этот урок. И сейчас ты выбрасываешь свою жизнь на помойку из-за высокомерного придурка, который пытается разбудить этот спящий сброд? — он хихикнул. — Что же ты натворил...

— Ты ничего не знаешь! — прорычал Костический Волк. — Если огни единственный Астартес бросает вызов врагам человечества, то мы все его подхватываем! Если бы ты вырос не в каком-то чане с хитрией, то может быть понял это...

— Как это по-человечески, — произнес андрогин, — я так разочарован.

Внезапно Чейн резко вскинул руку и изогнул назад запястье; с легким шорохом из скрытых в его ладони ножен выдвинулся глиняный костяной клинок. Новый Человек стремительно развернулся и нанес Ветче глиняную рану через горло и торс, стараясь найти правильный угол, чтобы рассечь плоть и добраться до сердца старого воина. Костический Волк зашипел сквозь зубы от невыносимой боли и сделал резкий

выпал своим клинком. Тупое заржавленное
лезвие вошло между ребер андрогина и
вышло из спины, окрашенное багряным. Еще
одним движением Ветча загнал
импровизированный нож еще глубже.

Выстрелы затрещали, как платя
костра, когда Рафен дал очередь по
другим Новым Людям, а Тарик кинулся с
окровавленным клинком, чтобы добить
слуг Байла. Чейн пошатнулся, рухнул на
песок и задержался в конвульсиях. Тяжело
дыша, Ветча откашлялся и харкнул
токромой в лицо андрогина.

— Врать не буду, — сказал Рафен
ветерану, — но меньше всего ожидал этого
от тебя.

— Они тоже не ждали, — ответил
Ветча. Кровавый Ангел осмотрел рану
старика. Она была глубокой и на глазах
темнела.

— Как ты, Длинный Клык?

— Это ничего, — ответил тот, —
Заживет.

Ветча плотнее запахнулся в свой
рваный тюремный балахон.

— А теперь дай мне оружие.

--- С чего такие перемены? ---
поинтересовался Орел Обреченности. --- Ты
здесь столько лет, старик. Оди
Император знает, сколько раз тебе
представлялся шанс убить Чейна или
Байла, но тогда ты не пользовался ими.
Так почему же вдруг сейчас?

--- Он мне не доверяет, --- сообщил
Ветча Рафену.

--- Ты можешь винить его за это? ---
ответил тот. --- Ну, так отвечай на
вопрос.

Ветча развернулся и с пристально
посмотрел на Тарика:

--- Я сделал это потому... Потому что
сегодня тот день, которого я ждал!

Некоторое время Орел Обреченности
ничего не говорил, потом медленно кивнул:

--- Сойдет, старик.

Тарик вложил меч в его руку, и
Костицкий волк ухмыльнулся, проведя
большим пальцем по всей длине клинка.
Рафен остановился, чтобы снять с
покойников оружие; он отошел с
охотничьими ножами, болт-пистолетами
и несколькими обоймами патронов.

--- Для начала должно хватить.

Ветча сделал несколько искусных взмахов мечом:

--- Ты отдаешь себе отчет в том, что говорил.

И это был не вопрос.

--- Ты готов перейти от слов к делу?

--- До заката мы превратим это место в склеп, --- ответил Кровавый Ангел, --- клянусь именем Сангвиния.

Он остановился и достал из поясной сумки, висевшей на остывшем трупном Чейна, странный предмет. Он напоминал ауспекс, которые использовали Астартес, но был вырезан из кости и украшен осколками хрустала.

--- Что это такое? --- не понял Тарик. --- Пульт управления?

Рафен кивнул:

--- Гарантирую, это от клеток. Ключ от всех замков...

--- Если ты откроешь клетки, Байл узнает, что мы сбежали, --- предупредил Ветча, --- и все пойдет прахом...

--- Это мы посмотрим, --- ответил Рафен и раздавил устройство в кулаке.

Глава тринадцатая

На данный момент три воина --- Рафен, Тарик и Ветча --- мало напоминали благородный идеал Агентств Астартес. Лишенные брони и благословенного Императором оружия, облаченные в лохмотья и порванные робы, запачканные грязью и пятнами крови, случайному наблюдателю они показались бы адскими посланниками смерти из самого сердца какого-то кошмарного побоища, собирателями навших из древнего мифа, готовые нести смерть всему, что стоит у них на пути.

Только их еле видные изгибы челюсти и волевая стремительная походка выдавала в них тех, кем они являлись. Воинов для единственной миссии, объединенных общей целью. Кровавый Ангел, Орел Обреченности и Костический Волк быстро бежали по подгнивающему каменному склону и затвердевшей грязи, взбирались по спиральным уровням к краю кратеры-

тюрьмы.

Они шли к железным клеткам, которые были расставлены вокруг них неровными рядами. Контейнеры скрипели и раскачивались под непрерывными ветрами, незакрытые люки, пойманные ветром, с грохотом бились о стены. Солнце зашло за стену тяжелых облаков и в пространстве между клетками появились глубокие тени. Рафен замедлился и осторожно заглянул в одну из открытых клеток. Он потрогал магнитный замок на дверной раме, тот был открыт.

— Очень хорошо. Кажется, изрушка Чейна сработала.

Тарик подошел ближе и принялся. После чего его лицо отрачилось:

— Эта клетка не была занята, Кровавый Ангел. Не сомневаюсь, что ей вообще не пользовались годами.

Орел Обреченности огляделся:

— Много в этом адском месте брошено и пусто.

Рафен на секунду задумался над этим. Крепость Байла вообще когда-либо

была набита заключенными Астартес? У
если так, то где они сейчас? По словам
старого Костицкого Волка, в
модифицированном комплексе содержалось
меньше дюжины заключенных
потерявших костицких десантников.

--- Если замки были деактивированы,
тогда, может быть, на верхних уровнях
свободно разгуливают боевые братья...

Ветча втянул в себя воздух через
треснутые зубы и заорал, перекрикивая
слова Рафена, при этом он поднял свой
скилитар в воздух:

--- Воины, --- рычал он, --- у нас гости!

Рафен услышал тяжелое клацанье
десятков когтистых и раздвоенных лап по
крышам металлических контейнеров. Он
поднял болт-пистолет, что забрал у
Чейна, и стал водить им из стороны в
сторону, ожидая, когда появится цель.

--- Сзади тоже, --- заметил Тарик. В
каждой руке он держал по пистолету и
целился в обратном направлении. Выше,
где стены каньона достигали клеток и
ниже, в изгиб скалистого склона. По
последнему поднималась группа Новых

Людей в плащах, вооруженная и воняющая
сожженным прометием.

— Явно пришли за победой вмести
Чейна, — сказал Рафен. Он сделал три
выстрела, сломав строй геномварей
Байла.

— Удѹт сростки! — заорал Ветча.

Рафен быстро взглянул назад и
увидел волну зверей, вскипающую над
краем клеток и прыгающих в их сторону.
Вниз лился поток из бывших людей, их
насекомые, кошачьи, машинные,
земноводные, собачьи и обезьяньи лица по-
настоящему напоянали зверинец ужасов.

Слепой ветеран проревел имя своего
притарха в качестве хриплого боевого
клича и превратился в водоворот из
беспоощадного, кружащегося смертоносного
клинка, без промедления он ринулся в
толпу врага. Рафен слышал, как старик
трачно стееется, пока отрѹбает головы и
рассекает тела, плохо тренированные
сростки прыгали вниз толпами, Ветча
так четко мог ѹловить их запах, что ему
не нужны были глаза, чтобы ѹбивать.

Тарик открыл огонь из болт-

пистолетов, стреляя одновременно с двух рук. Рафен увидел как обезьяноподобного, мускулистого и покрытого оранжевыми мехом мутанта отбросило назад с дырой в груди размером с кулак, минометврядом с ним был убит снарядом, прошедшим навывлет через глазницу.

Однако Новые Люди приближались к вратам. Рафен спрятался за укрытием и встал на одно колено. Длинный и худой арахнис встал перед ним на дыбы, в ответ Рафен махнул лезвиями вдоль дула болтера Чейна и вскрыл зверю живот, оттуда на грязную землю пролились выитки дытящегося кишечника. Отбросив ударом ноги утирающего сростка, он выстрелил в приближающуюся группу.

Ветча завыл, когда мутант-пес укусил его за руку, в ответ Костицкий Волк разрезал собаку на части.

--- Сколько еще? --- заорал он.

--- Еще много, --- ответил Тарик, убивая пару крысо-людей. Он отшагнул назад, выбросил пустые магазины из пистолетов и перезарядил их на ходу:

--- Все как один в этой адской дыре

пришли сражаться с нами?

--- Кажется, что да... --- предположил Рафен, его лицо исказила гримаса, когда пистолет в его руке заклинило от грязного снаряда. Проклиная плохое обслуживание подобранного оружия, он пытался разобратся с затвором, когда к нему кинулись Новый Люди. Выбросив давший осечку патрон, он загнал новый снаряд в патронник, но геносозданные воины Байла двигались словно толпи. Выстрелы ушли высоко в небо, когда самый здоровый из них --- человек-гора из плоти, в глиняной ленте из кожаных лоскутов --- огрел Кровавого Ангела тяжелой булавой.

Рафена сбilo с ног, от удара он кувыркнулся. Пребoльнo приземлившись, он захрипел. Внезапно усилие, чтобы подняться, стало тягостным, в два раза сложнее, чем должно было быть. Он ощутил знакомый ныне, тревожный спазм в грудной клетке. Просыпаясь, паразит двигался.

--- Вы ошиблись, --- произнес воин в плаще, его голос рокотал как двигатель, --- теперь вас ждет только боль. Только боль.

Рафен поднял пистолет, его палец
сжался на спусковом крючке, но Новый
Человек уже произносил, шептал чары,
обращенные к паразиту. Чейн, как
оказалось, не единственный знал слова
мучительной молитвы.

Кровавый Ангел пытался не
закричать, но на выдохе непроизвольно
заорал, раскаленные добела, мучительные
крючья боли проткнули его нервы, и он
зашатался, роняя оружие. Каждый мускул в
его теле охватило пламенем, его плоть
сгорала под иссушающей, обжигающей
болью. Самым центром пожара внутри
него была вращающаяся, корчащаяся
личинка, мучающая его плоть в грудной
клетке. Он пытался произнести слова
молитвы, просьбу к Сангвинию
даровать ему силу духа, но каждая
частичка его "я" страдала от агонии. Он
стал пустым сосудом, медленно
наполняющимся страданиями.

Голос возвышающегося существа
становился все громче и громче, звук
достиг Тарика и Ветча. Они тоже упали,
их оружие затолчало, когда их тела

восстали против них самих.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК сделал глубокий вдох, готовясь произнести финальную строчку молитвы-боли. Эти слова должны были привести демонических паразитов в пределах слышимости в полное безумство, кульминацией будет то, что они прорвутся через кости и плоть, что убьет носителей.

Но не смог. Копье из ржавого железа, наспех сработанное из глиняной арматуры, просвистело в воздухе, посланное из теней за клетками, и проткнуло глотку Нового Человека, заставляя того затолчать. Прут остался в шее, и кровь толчками красных волн выплеснулась из входного и выходного отверстия.

Из теней появились фигуры в порванных робах, воины, которые теперь напотинали тех, кем они являлись. Некоторые были сильно порезаны и избиты, у других было изумление в пустых глазах, они двигались, словно во сне, но каждый из них нес смерть, подобно своим

товарищам. Освобожденные Астартес бежали вперед свирепой волной, разрывая на части сростков, и бурей ворвались в ряды Новых Людей. Каждая глотка, которую можно было перерезать, была перерезана, каждый вражеский голос, что мог произнести слова молитвы боли, был заглушен.

Агония уменьшилась, уходила из тела, и сильные руки поставили Рафена на ноги. Он пошатывался и грожал, словно чувствуя свою собственную плоть как что-то чужеродное, словно она плохо ему подходила.

--- Варн возьми эту штуковину, --- прохрипел он, --- кто-нибудь, дайте нож, и я прямо сейчас вырежу ее из себя!

--- Это будет ошибкой, сородич, --- Рафен поднял взгляд на торщинистое, морозно-серое лицо, украшенное глубокими, пересекающимися багровыми шрамами, --- эти твари узнают, что ты пытаешься убить их. Проклятые штуковины истекнут таким мощным ядом, что он испепелит твою сердца.

--- Я... я --- Рафен, из...

Астартес с бледным лицом кивнул:

--- Кровавых Ангелов, да. Мы знаем, кто ты такой, Сын Сангвиния. Я --- Килан из Гвардии Ворона.

--- Рад знакомству, Килан, --- Рафен задыхался, ощущая, как снова начинает контролировать свое тело, --- вы услышали мой призыв.

Килан посмотрел на остальную горстку неопятных воинов, когда те подтверждали смерть выживших врагов.

--- Ты открыл двери.

--- Гораздо больше, чем одну, --- толкнул другой Астартес, его голос был тяжелым и утомленным, --- как тебе удалось?

Стуглый воин с жесткой шевелюрой и метал на руке клеймо в виде бычьей головы, что выдавало в нем брата из Ордена Тауранов.

--- Везение, --- ответил Рафен, --- везение и милость Императора.

--- Аве Император, --- ответил Килан, склонив голову. Когда он поднял взгляд, на его губах играла свирепая усмешка:

--- Вот что я тебе скажу, брат Рафен, мне почти вскружило голову... Мы

так много раз пытались сбежать и много раз терпели неудачу... А когда двери клеток открылись, многие из нас отказались выходить.

--- Они думали, что это еще одна тошнотворная игра Байла, --- произнес Тауран, --- еще один дерьмовый трюк.

--- Никаких игр, --- подходя ближе, произнес Тарик, --- не в этот раз.

Кулан изучил Рафена, глубокие красные глаза буравили его:

--- Те слова, что ты сказал, Кровавый Ангел. Они пробудили в наших сердцах пламя.

--- Я ничего такого не делал, --- ответил он, --- я только напомнил вам то, что вы и так уже знали.

--- Да, он сделал это по-своему, --- тяжело дыша, произнес Ветча. В ответ на слова Костицкого Волка, Кулан и остальные сбежавшие сурово посмотрели на него:

--- Почему эти мощи еще дышат? --- прошипел Тауран. --- Он сотрудничал с ними! Он должен быть хладным трупом!

--- А ты попытайся, --- прорычал

старый ветеран, -- попытайся, если сможешь, карлик!

-- Он помог нам, -- произнес Тарик, -- андрогин пал от его руки.

-- В самом деле? -- спросил Килан и широко улыбнулся. -- Значит, кажется, ты выбрал подходящий момент, Длинный Клык. Я и не думал, что когда-либо услышу, что Костицеской Волк обладает такой огромной хитростью и сдержанностью.

Ветча ухмыльнулся:

-- Хе. Ладно. Проживи десяток лет в металлической клетке и у тебя появится чутье времени, чтобы найти... более осторожный подход.

-- Нам нужно двигаться, -- сказал Тауран. Рафен ощущал, что воины были неуверенны, но знал, что скорость намного важнее:

-- Упрекать и рассматривать виновность будем позже. Пожарище догорает. Вскоре дым рассеется, и стражи вновь будут летать над клетками. Нельзя, чтобы нас поймали на открытом пространстве.

--- Другие Астартес все еще там, --- настаивал Тарик, указывая на склон, --- мы не можем никого оставить. Сегодня мы или сожжем это место дотла, или оно станет нашей могилой.

--- Рафен, что скажешь? --- Килан повернулся к Кровавому Ангелу, но он остался стоять на месте, словно вслушиваясь в голос, который был слышим только ему. -

Рафен? Ты меня слышишь?

+++ ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? +++

Мысленный вопрос вздыбился в теленатической дырке и угас. Церис откинул все окружающее, глухой рокот двигателей "Нейтоса", качку и наклон палубы субмарины, так как та поднималась из океана, болтовню и передвижение сервиторов у контрольных постов. Он ступно осознавал, что другие рядом, Кровавые Ангелы и Расчленители последний раз проверяли свое вооружение перед предстоящей битвой. В момент спокойного размышления кодиций уже подготовил себя, он нашел пустую каюту

экипажа, где окропил свою силовую булаву
толикой освященного масла,
благословленного лично верховным
канелланом Аргастом. Оружие висело у
бедра, готовое к использованию, болт-
пистолет, должным образом вычищенный
и заново скрепленный свежими печатями
чистоты, покоился в кобуре. Церис стоял
на одном колене, склонив голову и положив
шлем у ног. Мягкое сапфировое сияние его
псионического капюшона отбрасывало
холодный свет вокруг его, и он ощущал
висящую в воздухе напряженность его
боевых братьев. Они сторонились его,
когда он творил свое колдовство, даже
родичи путям его псионического искусства
всегда не доверяли и судили критически.

Он снова вытолкнул себя наружу.
Мимо мыслей, что искра исходила от
его товарищей: Нокса, ощущения воина
были покрыты росчерками темноты и
обязанностей; Кейна, воюющего со своими
сомнениями в себе, словно те были
монстрами, которых необходимо
покорить; Аджира, неспособного
отпустить конфликт в себе; Гаста,

чистого и сильного, подобного льду; Сова, срывающегося спрятать боль от своих ранений, чтобы не думали, что он не пригоден к битве; Эйдена, гордого и готового; Нулу, разрывающегося между своей ненавистью и надеждой вновь увидеть командира; и Туркио, повторяющего литанию оружия, ищущего концентрацию в имени своего притарха.

Церис вытолкнул себя дальше, мимо корнуса "Нейтоса", игнорируя вспышки дикой ненависти ксеносов на грани своих ощущений, отмахиваясь и ища. И нашел узлы страха и надежды, переплетенные меж собой. Нашел... Рафена. Он испытал прилив гордости от того, что его родич не утер.

+++ Ты меня слышишь? Держись, брат. Мы идем за тобой. +++

ОТДЕЛЕНИЕ модификатов-собак, стоящее на охране дока, нервничало и было напряжено. Все они издавали низкий вой и постоянно теребили пальцами свои лазганы, все их внимание раз за разом притягивала крепость за спиной, а вовсе не

безликий океан, за которым им приказали наблюдать. Полосы черного дыма появились из-за края горы и медленно поднимались к угрюмым облакам над головами. Их чувствительные уши слышали стрельбу, но с башен не доносилось ни слова. Не приходило никаких новых приказов, и с каждой проходящей минутой собаки теряли концентрацию. Это был недостаток этого выводка человеческих сростков, без команд, они впадали в самые базовые шаблоны поведения.

Они не были готовы к вторжению из моря. Взломав поверхность воды, словно массивный, просеивающий морские бурьны кит, которые некогда процветали в океанах Дайники-5, субмарина "Нейтос" прибыла на берег взрывом брызг и взбитой до пены воды. Похожий на пульт нос породил перед собой ударную волну, та окатила патрульные катера, пришвартованные к проржавевшим сваям дока. Лопастные и импульсных двигателей, скрытые под обтекателями вдоль корты "Нейтоса", взбивали ржавую воду, водометные

реактивные системы выталкивали судно вперед на максимальной надводной скорости. Короткая верхняя рубка поднялась, словно боек топора, потоки морской воды скользили по бороздкам все еще свежих повреждений, в некоторых местах эластичной противоэховой обшивки все еще торчали сломанные когти кракена.

Собаки разбежались, стали бегать кругами, после чего остановились и побежали обратно, не уверенные в том, что следует предпринять. Наконец один из модификатов — сросток, который раньше был Имперским гвардейцем — поднял лазган и выстрелил в приближающееся судно. Остальные псы-твари зарычали и тоже открыли огонь. Привлеченные визгом лучевого оружия, дальше по скалистому берегу дернулись и открылись бесшумные феррокрытые столбы, внутри них пробудились автомшки.

Любой корабль, который хотел пришвартоваться, замедлялся, но не "Нейтос". Наверху спинной рубки появился купол, закрытый ранее обтекателем.

выставляя вперед множество линз в цилиндрических медных трубах. Оружие повторяло собой очертания вытерших Терранских хрящеперых, их зубастые части представляли собой жерла энергетических пушек. Копьем пронесся резкий, синевато-зеленый свет, разрывая собак, которым не посчастливилось упасть в его ореол.

"Нейтос" протаранил корму катера, и морская вода волной накрыла открытую палубу модифицированного траулера. Судно накренилось и, набирая воду, повалилось на правый борт. Теперь, имея под килем всего пару футов, подводное судно пропахало берег, растеряв по дороге рулевые лопасти на изогнутых железных роторах, и достигло заброшенного дока. Последние из собак растеряли всю храбрость и побежали к береговой линии, но захватчики догнали их. Судно расколело поддерживающие балки и палубный настил ветхого причала, его остатки вместе с охраной рухнули во вспененную воду.

Красный лазерный огонь, словно

ненависть, бил из автоматических пушек по берегу, прожигая огромные кратеры в обшивке "Нейтоса". Судно не останавливалось, в ответ вокруг начали бить сине-зеленые лучи из рубки, словно маяк, оставляя оплавленную линию на скалистом берегу, сплавляя камни и песок в черное стекло, перед тем как попасть в свою цель. Вспыхивали импульсы излучения света, и автоматические пушки исчезали в череде взрывов, мозги сервиторов вскипали заживо в своих вычислительных контейнерах.

Наконец-то заглох последний двигатель субмарины, но волна, поднятая ей, выбросила нос на берег. С вибрирующим стоном измученного металла "Нейтос" остановился на подушке из вспененного графита, и, успокоившись, наклонился на несколько градусов на левый борт. Обтекаемые люки отстрелились на взрывных болтах и, кружась, улетели в стороны. Из внутренностей корабля вышли девять фигур в броне всех оттенков темно-красного, гигантскими шагами они побежали по берегу, заведя место, от

которого столбами шел дым.

В КИЛОМЕТРЕ от берега забурлила поверхность океана. На отмели собралась стая разъяренных животных со щупальцами, от которых исходило гневное замешательство. Жгутики и реснички взбивали воду, загнутые хитиновые клювы щелкали. Добыча исчезла в тумане хаоса, слышалась со странным барьером феромонного запаха и телепатической мешаниной, которая вынуждала кракенов уплыть прочь, хотя они пытались вплыть внутрь периметра. Потрясающая сила отталкивала тиранидов обратно, она давала им отпор подобно магнитному полю, кроме того, внутри них сработало могущественное генетическое принуждение, которое заставило их собственную плоть отступить, несмотря на натиск непреодолимого голода в их разумах.

Некоторые из меньших, молодых кракенов в раздражении атаковали друг друга, таким образом выплеснулись их гнев и потребность в еде. Старый и

огромный ксенос, к тому же доминантный самец, что привел их сюда, зашипел на толодую поросль, заставив тех утихнуть. Их простые хищные разумы были изумлены, но они были терпеливыми охотниками. Они втянули свои щупальца, гладкие тела покачивались в медленном течении, они стали ждать.

--- РАФЕН!

Ветча заметил тон воина Гвардии Ворона и напрягся. Длинный Клык ощутил, что на его предплечьях дыбом встали волосы и почувствовал какой-то сальный и металлический привкус. Он давно знал этот эфирный след и оскалился. Невдалеке находился колдун и он приближался. На секунду он сконцентрировался на этой мысли, используя укоренившуюся в нем ненависть к колдовству, дабы отвлечься от все еще горящих ран, нанесенных ножом Чейна.

--- Что с ним стряслось? --- спросил Тарик. Молчаливый Кровавый Ангел внезапно задержал дыхание и заскрежетал от боли:

--- Церис... --- пробормотал он.

--- Кто? --- Костическому Волку это имя ничего не говорило.

--- Один из моих боевых братьев, псайкер...

Ветча сплюнул, когда его подозрение подтвердилось:

--- Творитель вурга, ты имеешь в виду...

--- Мои братья идут за нами. Кровавые Ангелы и Расчленители. Они собираются атаковать крепость, --- голос воина обрел новую силу, --- Император обратил Свой лик к нашему начинанию, братья. Настало время для мести.

--- Этот... Церис... --- Тауранец осторожно подбирал слова, --- он говорит с тобой? В мыслях?

Ветча уловил, как Рафен кивнул:

--- Ага. Идея в своем распоряжение его талант, нас невозможно будет остановить.

Костический Волк хмыкнул:

--- Может быть и так, сколь бы мне ненавистно было это признать. Все эти годы, что я существовал в этом месте,

Байл никогда не держал в узниках псайкера.

--- А как бы он смог? --- спросил Килан.

--- Для говорящего разумом стены и клетки не преграда. Мы можем использовать сородича-колдуна Рафена, чтобы сместить баланс сил в нашу пользу!

--- Мы должны сразиться с предателем, --- произнес Кровавый Ангел, ускоряя свою походку, --- нам нужно собрать остальных арестантов.

--- Я займусь этим, --- молвил Тарик, --- Килан, ты мне не поможешь?

--- С радостью, Орел Обреченности.

Рафен улыбнулся:

--- Найдите штурмовой отряд.

--- А затем?

Ветеран заметил, как Тарик и остальные мгновенно уступили лидерство Кровавому Ангелу, у парня была сила, все правильно.

--- Затем, --- произнес воин Гвардии Ворона, --- мы опустил на этот место гнев Святой Терры.

--- Точно, --- ответил Рафен, --- Ветча, если ты покажешь путь, мы

войдет в башню и не оставим фабию
Байлу никаких шансов на побег.

--- С радостью... --- голос Костицкого
Волка затер в глотке, пока он говорил.
Боль от порезов выросла, и он сжал кулаки,
чувствуя их, словно те были где-то
вдалеке.

--- С радостью, --- повторил он, на сей
раз с большей силой, --- следуйте за мной,
щетки, если думаете, что сможете не
отстать.

Прежде чем кто-либо из них успел
спросить про это мгновение слабости, он
уже мчался вперед, ориентируясь по звуку,
поступь вела его прямо к тяжелым дверям
во внутреннее святилище Байла.

Он отвернулся от Рафена и
остальных, губы старика задвигались в
редкой молитве. Ветча беззвучно просил
Бога-Императора и могучего Рюсса. Он
просил их дать ему силы. Ненадолго.
Только дожить до конца этого дня.
Ветеран подавил дрожь. Все, что ему
нужно было, это чуть-чуть силы, дабы
встряхнуться от варп-яда, что покрывал
клинок Чейна.

ПОДСТУПЫ к крепости были лабиринтом огневых точек. Лазразряды и болтерные снаряды крест-накрест прошивали воздух, пока Нокс и его ударный отряд продвигался вдоль грязной дороги. Сопротивление было легче, чем он ожидал, но все же достаточное, чтобы обеспокоить их. Сов бросался крак-гранатами, демонстрируя всем, что даже с одной рукой он может внести смертоносное дополнение в любой штурм. Эйген и Кровавый Ангел Турции укрылись за застывшей машиной, стреляя по затененным фигурам, которые появлялись в бойницах бункера.

Нокс дал очередь и нырнул обратно за каменный столб. Рядом находился псайкер, его темно-красный шлем был окутан крошечными молниями.

— Не хочешь наколдовать нам какое-нибудь адское пламя? — спросил сержант. — Мы теряем здесь время.

— Я боюсь, что мое внимание приковано к другому месту, — когичий казался отстраненным и отвлеченным, —

я ощущаю... Я ощущаю разтеры этого места. Здесь очень сильный след варп-энергии...

Он указал в направлении башни:

--- Оттуда.

Расчленитель выругался:

--- Только не говори мне, что речь идет о еще одних варп-вратах. Я не хочу взорвать те двери и обнаружить только оставшуюся вонь от Фабия Байла!

Лазерная очередь вбила крошки из скалы рядом с головой Цериса, но он, кажется, этого не заметил:

--- Я не уверен. Лорд Мефистон дал мне телепатический отпечаток от колдовского перемещения Байла, когда тот улизнул с Ваала... Он не совсем похож, но...

--- Хватит! --- обрубил его Нокс. --- Мы не можем добраться до источника этой энергии, но может быть, у Рафена получится. Пошли ему мысль, отправь его туда. Передай моему странствующему кузену, что Байл стоит от нас, если мы его не нейтрализуем.

Церис не ответил, вместо этого он

низко склонил голову, и кристаллическая матрица его психического капюшона засияла ярче. Нокс рискнул еще раз выглянуть из-за столба, в его сторону тут же полетела буря лазерного огня. Он снова выругался и нырнул обратно, его взгляд наткнулся на брата Пуло. Голос костогесантника затрепетал в его vox-бусине:

--- В правом нижнем квадранте лазпушка большого калибра.

--- Да, я с ней познакомился, --- ответил Нокс, рассматривая обугленную отметину на правом плечнике доспеха.

--- Всем подразделениям, прикройте меня, --- продолжил Пуло, --- я ее снесу.

Нокс одобрительно кивнул:

--- Делайте, как он сказал.

Пуло выставил тяжелый болтер перед собой, затем из всех сил кинулся бежать. В ту же секунду как он покинул убежище, в него вонзились красные росчерки сжатого света. Нокс так же выскочил из укрытия, стреляя от плеча, он увидел как Аджир, Кейн и Гаст поступили так же, все они представляли

собой отличные мишени для вражеских стрелков.

Если бы за пушкой находились Астармес, они бы сконцентрировали свой огонь на Пулу, самой большой угрозе, но вместо этого возникло замешательство, затем полился спорадический, рефлекторный огонь в разных боевых братьев.

Для Пулу этого было достаточно, чтобы сократить дистанцию. На бегу он опустил тяжелый болтер и сжал затеку. Оружие захрипело, звук от выстрелов эхом отдавался от стен вражеской крепости. Лазерная пушка слишком поздно вернула свой прицел к Пулу, но для своих размеров Кровавый Ангел был ловок, он выдержал скользкое попадание и пробежал до самого бункера.

Наполненный боевой яростью, Пулу подпрыгнул и воткнул дуло тяжелого болтера в бойницу, за которой прятался расчет лазпушки. Он выпустил дикую очередь автоматического огня в камеру, подскакивая от отдачи огромного болтера, и повертел им из стороны в

сторону, чтобы наверняка убить все живое
внутри.

Когда лазнушка затолкла,
подтянулись остальные из отделения,
выбивая оставшихся защитников. Аджир
использовал раскалыватели корпусов,
чтобы взорвать решетку, и, в завитках
кордитового дыма, космогесантники
вместе вошли в крепость Байла.

УГРЮМЫЙ Тауран -- его звали
Нисос -- двигался быстро, но пока они
бежали по коридорам внизу башни, вдоль
каменных проходов, вырезанные лазером в
скале, казалось, что он всегда на шаг
отстает от Рафена. Кровавый Ангел
остановился у ограждения опоры и взглянул
на него. Нисос внимательно посмотрел в
ответ.

-- Ты хочешь мне что-то сказать? --
Рафен сбавил громкость своего голоса до
шепота. Тауран постучал по своей голове:

-- Ты сказал, что слышал голос у себя
в мыслях. Этот брат Церис, он говорил с
тобой.

-- Не совсем голос, -- признал Рафен, --

скорее ощущение человека...

Он нахмурился:

--- Сложно передать словати... Но он направлял меня. Нас.

Нисос таял рукоятку лазгана, который снял с трупа охранника:

--- Все это мне не нравится. Откуда ты знаешь, что это твой боевой брат? Что если это присутствие в твоём разуме -- какой-то грязный трюк Байла? Что если...

Рафен протянул руку и положил ее на плечо Тауранцу. Налет страха в голосе воина беспокоил, и он задумался о том, как долго Нисос был пленником, и какие пытки он вынес, чтобы его так выбило из колеи.

--- Ты должен довериться мне, мой друг. Поверь, я доверяю псайкеру.

--- Пути варна -- лабиринт к проклятью, -- тихо ответил Нисос, -- я видел воинов, затронутых мощью илматериута, хороших воинов, и наблюдал, как они сгорают в демоническом огне.

--- Это Фабий Байл сегодня сгорит, -- отрезал Лайко, глинный и худой Багровый

Кулак, который присоединился к ним по рекомендации Кулана. Он размахивал парой жутких боевых ножей:

--- Я в нетерпении донести до него вкус мести. Чего мы ждем?

--- Двигайся осторожно, Сын Дорна, --- толвил Ветча, проскальзывая к ним, --- рядом Новые Люди. Я чую врага, все потеют и воняют гнилым мясом.

Рафен кивнул, слушая старика в полутьме. Он затих, позволив себе на мгновение потерять концентрацию. И немедленно почувствовал присутствие Цериса. Псайкер будто бы находился рядом с ним в коридоре, словно призрак за спиной. Не говоря ни слова, колдун подтолкнул его вперед. Давление, эфирная рука за спиной, направила его направо. Он заглянул за изгиб еще одной балки и увидел двух Новых Людей Байла, охраняющих тяжелый круглый люк. Отступив, он вернулся к другим Астартес.

--- Там, --- начал он, --- источник псионической энергии, скорее всего он дает силу темному колдовству нашей цели. Его нужно нейтрализовать.

Нисос загрожал:

--- Я чувствую его в воздухе. Порча, как пленка на коже.

Рафен кивнул. Он тоже ощущал это, словно в воздухе висело что-то маслянистое, ощущение потаенных сил, как предчувствие надвигающейся бури.

--- Два охранника, --- заметил Ветча, --- я думаю, будет больше.

Нисос помахал в воздухе рукой, уже некоторое время были отдаленные сирены тревоги:

--- Остальных, должно быть, отвели, чтобы разобратся со сбежавшими или грузьями Рафена.

--- Тогда идем? --- спросил Лайко, в его худых чертах лица ярко горело желание погратся.

--- Ох, да, вперед, --- ответил Рафен.

ПЛОТНЫМ клином они вылетели из-за угла, Рафен возглавлял атаку, воля и несясь с зазубренным болтером наперевес. Он попал в ближайшего Нового Человека, тот упал, но не был убит. Второй отскочил в сторону и послал в них

лазерные разряды.

Нисос ответил, выстрелив из захваченного лазгана, и прожег второго Нового Человека, плащ геноуродца задымился и загорелся.

Лайко летел вперед, воя, и обезглавил упавшего стражника, когда тот попытался встать. Тело рухнуло на пол, но Багровый Кулак продолжил его крошчить, разбивая плоть и кровь в неузнаваемую массу.

Ветча прикрывал тылы, Рафен и Нисос пробежали мимо массивного люка и кинулись на последнего стража. Оставшийся противник выпустил веер лазерного огня, если бы Рафен до сих пор был в своей боевой броне, он бы остелелся кинуться прямо на тварь, и позволил керамиту принять на себя смертоносные вспышки света, но он был ранен, плохо себя чувствовал, еще хуже вооружен и замедлен паразитом, такая лобовая атака прикончила бы его.

Вместо этого он, низко пригнувшись к земле, прыгнул вперед. Сгруппировавшись, он кувыркнулся, и пока

Нисос отвлекал Нового Человека огнем, Кровавый Ангел подобрался к охраннику, выставив вперед болтер. Он ткнул дулом слезвиати в бедро противника и, прежде чем Новый Человек успел отреагировать, выстрелил. От выстрела в упор, оружие Чейна вырвало из плоти существа огромный кусок. Воя, охранник завалился на пол. Нисос закончил дело выстрелом в глаз Новому Человеку, энергетический разряд распылил мозг и его череп разлетелся облаком розово-серой гылки.

Рафен отбросил труп в сторону и вернулся к люку. Ветча оттащил Лайко от своей жертвы, изнуренный Астартес был покрыт брызгами крови, его кулаки стали багровыми, словно эмблема его Оргена. Лайко широко ухмылялся.

Действуя быстро, Кровавый Ангел нашел несколько железных рычагов во встроеном алькове вдоль одной из стен. Через секунду, покачиваясь на массивных петлях, тяжелый люк начал со стоном открываться.

Свежий поток воздуха из широко открытого прохода еще сильнее обдал их

псайкерским страдом, и вместе с ним
пришел еще один, ужасно знакомый запах —
кислотная вонь феромонов тиранидов,
тяжелая и забивающая обоняние.

Рафен с трудом прочистил глотку и
неглубоко дышал, пока пробирался через
порог, внезапно стирный паразит снова
проснулся. Он схватился руками за грудь,
ожидая еще одной волны боли, но в этот
раз все было по-другому. Личинка, кажется,
загрожала и завибрировала внутри плоти.
Ощущение было тошнотворным, и он
почувствовал, что всем своим нутром
бунтует против этого.

Кровавый Ангел взглянул в зал за
люком, и бурлящее внутри него
отвращение возросло десятикратно.

Следующим был Нисос, затем Ветча
и Лайко. Все притолкли, все пришли в
ужас от увиденного зрелища.

Зал был сферическим, закрытым
металлическими стенами, хотя их едва
было видно за слоями сочащегося,
желеобразного вещества, покрывающего
каждую поверхность. Высоко над головами,
выше поднимающихся мостиков, из

крюглого окна сочился свет. Вспышкой
пришло понимание, Рафен узнал это окно,
которое видел на полу в лаборатории
фабия.

Бледное освещение создавало повсюду
тени, но его было немилосердно много,
чтобы спрятать весь масштаб
чужовищности. На свисающих с
крестообразной конструкции и покрытых
слизью цепях висели раздутые и
болезненные очертания лишенного
конечностей существа тиранидов. Его
окружало мягкое свечение
кристаллических пси-экранов.

--- Зоантрон, --- прохрипел Лайко, ---
Трон и кровь, он живой...

--- Зверушка Байла, --- кивком
подтвердил Ветча. Рафен хладнокровно
остотрел зверя. Раздутый и чужовищно
деформированный массивный мозг в
огромной голове составлял примерно
половину массы гидроцефала,
тиранидского существа-псайкера. Похожие
на кувалду очертания из черного хитина, а
сверху пульсирующая розоватая масса.
Слюнявый рот с желтыми клыками был

открыт, свисал змеевидный язык, и с него капала тонкая струйка жидкости. Влажные глаза-точки смотрели на него из под костяного нароста, но даже в чужеродном взгляде Кровавый Ангел мог ощутить явную, ничем не скрываемую ненависть. Под этой раздутой головой находился волнистый торс, покрытый наростами и странными клыками, далее он утончался и переходил в глинный, зазубренный хвост, который свисал, словно кусок мертвой плоти. Ужасающие когти длиной с предплечье человека были загнуты к груди зоантропа. Время от времени они подергивались.

Сама по себе тварь ксеносов была уже достаточно ужасающей, но было кое-что еще. На спине чужака виднелись раны с рваными краями, заполненные кровью, которая не сворачивалась. Снятая кожа была зацеплена за тяжелые железные крюки, из ран свисали раздутые шары блестящей плоти, которые тянулись почти к полу. Трубки, влажные от ихора, протыкали каждую часть тела чужака. С каждым натруженным, тяжелым выдохом

существа, появлялись мельчайшие частички пыли, которые тут же засасывались трубами, уходящими в разрезы на изогнутых стенах.

Рафен остелился шагнуть ближе, и зоантрон оскалился, но этот жест казался скорее поверхностным, без какой-либо решимости что-то предпринять. Глядя на мешочек из плоти, он увидел движения внутри и услышал слабый писк. Личинка в его груди мгновенно изогнулась, заставляя его задохнуться. Он увидел, что остальные отреагировали так же. Рафен с отвращением наблюдал, как мешочек исторщился и из него выпал только что рожденный паразит, блестящий от влажной слизи.

--- Они тут повсюду, --- молвил Лайко, почти зажимая рот руками, --- Смотрите!

Он указал мечом. Всмотревшись в тени, Рафен заметил то, что имел в виду Багровый Кулак. То, что он поначалу принял за кучу мусора или груды отброшенных тряпок, оказалось медленно шевелящейся массой личинок-паразитов.

--- Неудивительно, что

имплантированные Чейном штуки так
оживились, -- произнес Нисос, -- они
ощутили близость к другим.

Рафен остановился и развернулся к
хрипящему зоантрону. Находясь
в близости, он увидел, что тот слаб и
болен. Плоть кленоса была бледной, а
поверхность хитиновой брони треснутой и
выщербленной. От твари веяло зловонием
разложения. Голова бестии повернулась к
нему и взглянула желтыми,
молочными глазами, он ощутил слабый
всплеск теленатической энергии.
Кровавый Ангел вздрогнул, но быстро взял
себя в руки, ощущение прошло так же
быстро, как и появилось.

-- Существо вроде этого... -- начал
Тауран, -- может раздробить наши разумные
одной мыслью.

-- Возможно, когда-то могло, --
произнес Ветча, -- но не сейчас. Байл
сделал его своим работ.

Рафен кивнул. Он видел швы вдоль
изгибов черепа зоантрона, места, куда в
тогда проник хирургeon Байла и
лоботомировал тварь.

--- Как всегда, предатель хитер, ---
сказал он, --- как и эту крепость, он взял
то, что мог найти тут и извратил для
своих нужд.

--- Если этот зоантрон порождает
паразитов... --- начал Нисос. Его вырвало.

--- Император сохрани нас! Мы
испорчены кровью чужаков!

--- Успокойся, --- сказал Ветча, --- мы
будем вопить о том, кто виноват и
испорчен, только когда завершим задание.

Он развернулся к Рафену, в его
пустых глазницах не было жалости:

--- Мы должны убить эту тварь.

Рафен кивнул:

--- Да. Психическая мощь этой твари
под управлением Байла. Если он
использует ее, чтобы открыть варп-ворота,
то ускользнет.

--- Но защита феромонов! --- рявкнул
Лайко, указывая на трубки. --- Я ненавижу
ксеносов так же, как и любой Астартес, но
если тварь умрет... что тогда?

Кровавый Ангел изучил механизм,
что вытягивал химический секрет из
глаз зоантрона:

--- Тогда завеса падет. И все ближайшие хищники тиранид ринутся в крепость.

--- Значит, если мы убьем зоантропа, придут его родичи и сожрут нас всех! --- сказал Багровый Кулак. --- Но если нет, тогда Байл ускользнет.

Рафен покачал головой:

--- Тут не должно быть рассуждений.

Он поднял болтер с лезвиями и прицелился в голову существа. Он напрягся, ожидая, что тварь кинется вперед и атакует его с каким-то диким, последним усилием, но вместо этого зоантрон убрал когти и склонил перед ним голову, цепки наг ним ослабли. Нисос замешкался, после чего прицелился из лазгана:

--- Забавно. Должно быть, оно знает, что мы собираемся сделать.

Ветча кивнул:

--- Оно тут пленник подольше любого из вас. Я сомневаюсь, что архипредатель проявил меньше жестокости к этой твари.

Он кашлянул и отвернулся.

--- Оно... хочет умереть, --- толвил

Лайко.

--- Это желание мы исполним, ---
ответил Рафен и выстрелил.

ЗОАНТРОН был последним живым повелителем тиранов на Дайнике-5. Мукки, которые ему причиняли раны плоти-добычи, были беспредельны, покорное генетическое разнообразие чужаков, сама сила разума улья и ключ к их победе над моноформатами, что населяли галактику, был использован против них же самих. Существо, что пленило его, сковало, деформировало зоантропа, используя науку, граничащую с темной магией и причудливым колдовством. Тиран превратился в раба, в машину производства, стал не более чем кусок органической машинерии, загнанной в цепь в потайной крепости Байла.

Если бы ксенос мог понять произошедшее, он, может быть, испытал бы благодарность к Астартес или возможно даже ухватил иронию судьбы. Но теперь, в самом конце, его волновало только одно: существо хотело смерти.

жаждало ее сильнее, чем даже утолить великий, безграничный голод, который являлся неотъемлемой чертой всего его рога.

И за секунду до того, как жизнь оборвалась, перед тем, как вырвались болтерные снаряды и разряды энергии, что разорвали его на части, зверь издал последний, окончательный вопль боли, который эхом прошелся по всей планете.

В ЗАЛЕ заключенных заорал брат Церис, и его стошнило кровью, вспышки яркого актинического света пошли по краям его психического капюшона. Он рухнул на каменный пол, держаась и кашляя, долгие секунды его трясло от теленатической отдачи предсмертного вопля чужака.

ПСИХИЧЕСКИЙ вал воющей, кипящей боли хлестнул по острову расходящейся волной, невидимый для невооруженного глаза, но сверкающий, подобно яркому солнцу, на всех частотах разума. В сотнях километров, пси-восприимчивые рабы на бортах катеров,

патрулирующих океаны Дайники-5, были мгновенно убиты, и без них плавающие в воде хищники начали подплывать ближе. Постоянный голод, подстегнутый волной ненависти, разжег их примитивные разум.

В эпицентре убийства псионический шок затронул каждое существо, у которого были молекулы ДНК тиранидов. Облака феромонов, что так долго укутывали остров, внезапно лишились всей своей мощи, вся сила утекла из них, когда биохимическая дымка стремительно распалась и затвердела, превратившись в дождь из жирного, белого непла, падающего с небес.

Волна ярости разошлась, и каждый затронутый ей тиранид внезапно затрясся от пожирающего, кровожадного безумства. Когда взвесь из феромонов и теленатического шума, прячущая остров Байла, мгновенно испарилась, существа, которые плавали, роились или летали, немедленно осознали, что рядом есть что-то новое и ужасное. Для роя ксеносов, это было подобно тому, как если бы внезапно в

их плоти образовалась огромная, злокачественная опухоль.

Все их желания, все инстинкты были забыты. Огромная, безумная ярость превратилась в ненависть к захватчикам, она яркими цветками распустилась в разуме каждого тирана на Дайнике-5. Они учуяли человеческое мясо, след грубого вандализма, и на передний край вышли совсем другие инстинкты, которые управляли их вандальством.

Атаковать.

Убить.

Поглотить.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ крик существа чужих вошел в Рафена, словно зазубренный клинок, и он рефлексивно поднял руки, дабы защитить уши. Но звук не был звуком — так только казалось, это было невидимое силовое поле, которое колебалось вокруг них, проходило через них и исчезало дальше.

Затем пришла боль. Пламенное бурление в груди, словно плоть залили расплавленным металлом, оно сжигало

его, обугливало кожу и кости в чернеющие
сгустки бесформенной материи.

Паразит внутри взрызался в его
основное сердце, как и должен был
поступить. Ни одна другая мука не могла
быть столь сильной. Болтер задержался в
его судорожном захвате, он отшатнулся
прочь от дымящегося трупа зоантропа и
упал на колени. Размытым взором он
увидел, что другие в таком же состоянии,
каждый воин вцепился в себя в предельной
агонии.

Тонкий, высокочастотный хор из
визгов достиг его слуха, с каждой секундой
он все сильнее наполнял комнату.
Личинки. Все вокруг, новорожденные,
имплантированные паразиты стегали
друг друга ресничками и корчились от
шока, на их глянцевых боках проступили
вены, из их лапчатых частей толчками
выбрасывало жидкости.

Мука психической смерти зоантропа
убила их, пока Рафен смотрел, борясь с
самим собой, дабы остаться в сознании,
личинки взрывались и увядали, выблевывая
в воздух хлопья черной золы. Без

меленаптической связи со своим
родителем-ксеносом, они утирали,
поскольку демонические компоненты их
тел уходили обратно в варн.

Дрожащими пальцами Рафен
разорвал заляпанную кровью робу на груди,
когда еще раз накатила муть,
вызывающая отвлечение и
головокружение. Он видел что паразит,
погруженный в его грудь Чейном, корчится
и бьется под темным рубцом кожи, где
затянулась его рана. Затем голова
пульсирующей, окровавленной личинки
вырвалась из плоти и зашипела, шевеля
усиками вокруг рта. Кровавый Ангел
задышался, но используя свой стальной
самоконтроль, он потянулся и схватил
вибрирующего паразита. Разорвав кожу, он
вырвал из себя личинку, пока та
отхаркивала пепельную пыль.

Рафен сплюнул, дабы избавиться от
кислотного привкуса во рту, и отправился
к товарищам. Каждый из них был осыпан
темной пылью, их грудные клетки были
разорваны и кровоточили.

--- Мы... освободились от них... ---

задыхаясь, прохрипел Нисос, — наконец-то освободились!

Кровавый Ангел схватил Ветчу и помог тому подняться на ноги, размахивая свободной рукой перед его лицом, чтобы рассеять темную дымку, создаваемую трупными личинок.

— Байлу не нужны были надзиратели, пока эти твари были внутри нас, — толвил Рафен, — он не доживет до того момента, когда будет сожалеть о своей высокомерии...

— Выше! — задыхаясь, заорал Лайко. Над головами, где комната по окружности обходили подмости, двигалась громадная тень, свет из открытого люка подчеркивал силуэт, высокий и широкий как у костюмиста.

— Ты! — послышался голос, холодный, словно проклятье. — Что ты натворил?

ДЛЯ НАСЕКОМЫХ чувств тиранид остров, казалось, появился из ниоткуда. Прибрежные кракены, рыскающие по поверхности океана, внезапно уцупали вибрацию и огромное количество добычи.

причем так близко, что это практически сводило с ума.

Их похожие на пуги тела выскочили на отмель, щупальца выбрасывались во всех направлениях, чтобы схватить все, что можно поглотить и превратить в биомассу. Огун колыхался над опрокинутыми обломками патрульного судна, вонзался во внутренности лодки в поисках живой материи, другие кинулись на корпус выброшенного на берег "Нейтоса", толстые усики полезли в открытые люки, дабы закусить почти человеческим мясом, спрятым в металлическом цилиндре. Их совместные объятия тяли сталь, они вскрыли подводную лодку, разломали укрепленный металл и открыли внутренности соленому морскому воздуху.

Когда они вычистили из судна все, что можно было, то изменили свои тела и поменяли строение своих форм, вытягивая себя на галечный пляж и сухую землю, целенаправленно и устойчиво продвигаясь к воротам крепости. Они чужали добычу, и ее было много.

По их следу вдоль берега забурлили

волны, бессчетные ликторы-акулы, угри-попрошители и другие голодные твари решили поохотиться за тем же мясом.

--- ФАБИЙ БАЙЛ! --- Рафен со всей силы выкрикнул имя своего врага, --- я называю тебя предателем!

Он нажал на спусковой крючок болтера и послал снаряды в мостки над головой.

К нему присоединился Нисос, воздух прошил ослепляющий веер лазерного огня.

Прародитель зарычал, получив попадание по касательной, и перекинул себя через перила кольца подмостков. Пока он падал, плащ из кожи хлопал за спиной, приземлился он по щиколотку в груды мертвых личинок.

Рафен уже двигался, перезаряжая на ходу, и оставив тех собой и предателем экран и труп зоантропа. Рука Байла исчезла в складках плаща и вернулась с ужасающим оружием.

Ксиклос-изольник. Перед тем, как сесть в "Тихо" и отправиться на миссию, Рафен изучил все записи, что мог найти.

о методах и боевых навыках Фабия. Данные были отрывочными и зачастую противоречащими, но по поводу излюбленного оружия предателя они сходились к одному. Байл использовал пистолет археотека, датированный Темной Эрой Технологии, оружие, в углах которого была такая смесь убийственных токсинов, что могла свалить даже костогесантника.

Оружие щелкнуло, и Рафен нырнул, ощутив порыв воздуха, когда два громких толщиной с палец просвистели рядом с его головой и вонзились в тертвого тиранига. Луч от Тауранца привлек внимание предателя, и Рафен выскочил из укрытия, ища подходящий угол для атаки. Он почувствовал рядом Лайко и Ветчу, они ждали подходящей возможности атаковать.

Он сощурился, за спиной Байла не было видно массивного медно-стального хирурга, который он так часто носил. Машина, предположительно, поддерживала тысячелетнее тело предателя оскверненными хаосом

хитикалиями, дабы сохранить ему жизнь, и на Ваале некоторые боевые братья ценой своих жизней узнали, что у аппарата есть свой собственный разум. Все же без него Байл лишился своей ключевой защиты и Рафен воспользуется любым преимуществом.

--- Вы, Астартес --- идиоты! --- заорал Байл. --- Я хотел сделать вас частью чего-то великого, и теперь вы угрожаете уничтожить все! Ну почему вы просто не захотели побыть тихими подопытными и не занять свое место?

--- Мы тебе не игрушки, ублюдок! --- прорычал Лайко. --- Ты умрешь здесь, в этом сотворенном твоими руками аду!

--- О, вряд ли, --- огрызнулся он, после чего последовала свистящая буря изл.

Рафен пригнулся и побежал к балке, стараясь не увязнуть в массе склизкого вещества и разлагающихся тушек личинок. Он послал два снаряда и убил, как они ударили Байла в плечо и того развернуло. Но до того как он успел прицелиться во второй раз, Багровый Кулак вылетел из укрытия, его клинки

превратились в веер блестящей стали. Лайко ударился в Байла с такой силой, что сбил его с ног, и они вместе скрылись с глаз Рафена.

— Ну что за глупый щенок, — прорычал Ветча. Рафен уже двигался, выискивая возможность вступить в бой, в это время Лайко наседал на Байла и с дикой, безрассудной энергией избивал предателя. Выражение лица Багрового Кулака было безумным. Он потерялся в жажде ударить в ответ человека, который так истязал его.

Порезы покрывали лицо и руки предателя, Байл заревел от гнева и схватил Лайко до того как изможденный Астартес успел отскочить. Он поднял воина и, с огромной скоростью и силой, что представлялось Рафену невозможным, запустил тело десантника через всю комнату. Бросок был не случайным, Байл отправил Лайко прямо на Нисоса, когда тот прицелился, и тем самым сбил кость десантника во влажную жижу тепельного раствора.

Все это заняло лишь миг, но Рафен

использовал его с предельной четкостью закаленного в боях воина. Фабий приходил в себя после атаки и увидел, что Кровавый Ангел целится ему в голову.

--- Тебе конец, трус, --- сказал Рафен и сжал спусковой крючок.

Звук щелчка осечки был громче любого выстрела. С глухим щелчком механизм болтера снова заклинило, и зазубренный пистолет превратился всего лишь в изукрашенную губину.

Байл поднял угольник, на его губах играла холодная улыбка:

--- Чейн никогда особо не ухаживал за своим оружием.

Оружие предателя щелкнуло, но внезапно мир вокруг Рафена перевернулся, в десантника врезалась седовласая фигура и отбросила его на склизкий, влажный пол. Приземление было жестким, Кровавый Ангел ощутил на себе вес Костицкого Волка. Ветча задыхался, из его груди торчали три толстых серебряных шипа.

В бешенстве Рафен шарахнулся, заклинившим болтером по полу, дабы освободить патрон, и с криком вскочил. До

того как Байл успел отреагировать, Рафен снова нажал на спусковой крючок, и оружие Чейна громыхнуло.

Масс-реактивный снаряд ударил предателя в щеку, и треть его головы исчезла в кровавом тумане. Ноги Байла подогнулись, и он рухнул на колени, черная кровь толчками брызгала из его изувеченного лица.

Игнорируя свою цель, Рафен склонился над Ветчем.

--- Длинный Клык! Ты --- старый дурак!

Костицкий Волк растеялся:

--- Нельзя... так разговаривать со старшими, мальчишка...

Отрава в углах уже очернила вены на лице ветерана, но он все же приподнялся и откинул свою туннику. Там, невидимая для взора, находилась гноящаяся рана от пореза мечом Чейна.

--- Я уже был отравлен, --- прошептал он, --- Чейн... своим костяным лезвием... Уж лучше слепой волк потратит свой последний вздох с утом, а, Кровавый Ангел?

Рафен трачно кивнул.

--- Да.

--- Скажи им... на Фенрисе, ---
задыхался воин, --- скажи, что Нурхунн
Ветча жил до тех пор, пока не увидел
смерть врага.

Костический Волк выдохнул и затих.
--- Аве Император, --- произнес Рафен.
Он встал и развернулся к Байлу.
Невероятно, но предатель все еще был жив,
его тело дергалось от спазмов,
маслянистая жидкость струями была из
ран. Кровавый Ангел подошел ближе,
приставил дуло к разорванной ране, что
проделал его первый выстрел. Он
выстрелил снова, и в этот раз череп
Байла взорвался, безголовое тело застыло
на полу.

Все еще дергаясь от адреналина, к
мелу подошел Лайко, Нисос осторожно
ткнул останки своим оружием.

--- Это все? --- спросил Багровый
Кулак.

Рафен поднял взгляд к круглому окну
в потолке.

--- Еще нет, --- ответил он.

Глава четырнадцатая

--- Там не пройти! --- заорал огин из воинов, прыгая обратно к шеренге Астартес, когда лазерный огонь последовал за ним через песчаный откос. Это был боевой брат из Оргена Саламандр, его эбеновое лицо нахмурилось.

Тарик посмотрел на Килана, который мрачно кивнул в ответ, подтверждая слова заключенного. Собравшиеся костодесантники держали оборону под прикрытием теней у входа в пещеру, куда их загнали враги, они едва сдерживали модификатов. У них было слишком мало оружия и слишком много истощенных воинов, на них сильно наседали.

Орел Обреченности насчитал меньше десяти боевых братьев, и, дав им выбор, он повел в сражение меньше половины из их числа. Смертельная агония паразитов освободила заключенных из-под контроля Новых Людей, но шок многих из них ослабил. Руки Тарика были все еще покрыты кровью и неплот от личинки,

которую он вырвал из своей груди.

— Пусть Вулкан будет моим свидетелем, — продолжил воин из Саламандр, — каждый спросток в крепости пополчился против нас!

— Значит, будет еще веселее, — произнес Килан, но его попытка бравады упала не на благодатную почву.

— В любой грудой день я бы согласился, — кивнул Тарик, — но нас мало, мы слабы и не готовы к драке, а их слишком много. Мы можем только держаться.

Килан пригнулся, когда лазерный луч росчерком прошел над его головой и ударился в каменный пол.

— Да пусть сгниют эти мерзкие душонки! — прорычал он. — Мы не можем утратить вот так! Мы избранные Императора, и за каждую нашу рану мы должны отплатить, иначе все утратим, прячась в темноте!

Он выстрелил в ответ и убил змея, скользящего к ним на животе. Воин Гвардии Ворона взглянул на Орла Обреченности, в его глазах полыхало

плата:

--- Кандалы Байла сломаны! И если нам суждено умереть здесь, мы погибнем с честью!

Тарик отбросил один из пистолетов, обойма была пуста, а дуло деформировалось и было раскалено добела от чрезмерного использования. Он вставил последний оставшийся магазин в другую пистолет и прошептал слова благословения:

--- Император, утешая тебя, --- тихо произнес он, его голос терялся в грохоте и шуме битвы, --- проведи нас через это.

--- Что ты сказал, родич? --- наседал Килан. --- Разве твой Орген не приветствует смерть? Может быть, нам удастся выбрать и найти ее там?

Он тыкнул пальцем в скопление врагов, крадущихся к входу в пещеру.

--- Судьба возьмет нас, когда будет готова, --- ответил Тарик, --- возможно сегодня...

Саламандра начал было отвечать, но его прервал залп лазерного огня, пришедший из загроможденного входа.

Тарик выругался от ненависти и выстрелил в ответ, убив того, кто только что уложил его боевого брата. Он все еще проклинал и ругался, когда затвор пистолета тяжело ударился о металл, с последним, финальным щелчком --- последний патрон был потрачен.

--- Пусть так и будет, --- сказал он, --- давайте, попробуйте взять меня, если остелитесь.

Тарик вслушивался в визг лазерных разрядов, полосующих воздух вокруг него, рев и болтовню модификатов, ожидая, когда вражеские боевые кличи эхом разнесутся по пещере, но вместо этого он услышал характерный гром массивных болтеров. Выглянув из укрытия, он увидел, как модификатов рвет на куски поток беснующихся снарядов и гулкие взрывы крак-гранат.

Кулан кинулся вперед, ощутив, что враг обратился в бегство, Тарик последовал за ним, стремительно несясь к входу в пещеру. Но дымный свет снаружи внезапно перегородили очертания фигур в тяжелой силовой броне, завитки кордита

обволакивали их словно плащи. Тарик
увидел утонченную, гикую ухмылку боевого
шлема тина VJJ "Аквила", во траке глаза
сияли красным. На его губах появилась
непрошенная ухмылка.

--- Братья Империиума, --- произнесла
фигура в черном и темно-красном, ---
вооружайтесь!

--- Я так полагаю, грузья Рафена? ---
стесаясь, молвил Килан.

--- Верно. Мы подумали, что вам
пригодится кой-какая помощь, ---
Расчленитель пнул мертвого тинотавра
и затем остотрел выживших:

--- Это все, кто остались?

Задавая вопрос, он снял свой шлем.

--- Ага, --- ответил гвардеец Ворона, ---
еще несколько с братом Рафеном, и все.

--- А архи-предатель? --- вопрос
исходил от стоящего рядом Кровавого
Ангела. --- Что с Фабиет Байлом?

--- Не знает, --- признался Килан.

--- А я тебя знаю, --- Тарик
пристотрелся к сержанту, --- Нокс. Много
времени утекло с Меррона.

--- Брат Тарик, --- Расчленитель

осторожно кивнул, -- так и есть. Все еще
злишься на меня?

Орел Обреченности отмахнулся от
вопроса:

-- Буду благодарен тебе, если
подскажешь нам, как выбраться из этого
места.

Фигура в броне цвета индиго, голову
которой увенчивал псионический капюшон,
вошла в пещеру и пронзительным взором
остотрела каждого из освобожденных
воинов:

-- Наш транспорт был уничтожен
тиранидами.

Твердый взгляд псайкера прошел
мимо Тарика, и он ощутил, что Кровавый
Ангел вскользь остотрел его душу, ища
признаки слабости и порчи.

-- Нам нужно найти другой путь,
чтобы убраться с этого забытого всеми
куска скалы.

-- Тиранидати... -- повторил Килан, --
воплъ, что ты слышали...

-- Громкий призыв, -- пробормотал
Тарик.

-- Они идут сюда, -- продолжил

псайкер, -- все.

-- Гарантирую вам, это не то освобождение, на которое вы надеялись, -- произнес Нокс, -- мои извинения.

-- Наоборот, -- ответил Тарик, снова гдущая о своей молитве, -- мы еще не мертвы.

ЛАЙКО поднял рычагом люк, и Рафен вошел внутрь, Нисос следовал за ним. Поднимаясь на мостки, откуда появился предатель, троица Астартес с трудом заставила себя оставить тело Костического Волка на месте гибели, так как у них не было зажигательных гранат, то они не смогли даровать ему погребальный костер. Когда люк позади захлопывался, Рафен последний раз взглянул на Длинного Клыка. Он твердо решил добиться того, чтобы каждый павший незатеченным здесь костодесантник так или иначе был удостоен почестей.

На дальнем конце комнаты виднелся тяжелый воздушный шлюз, выкрашенный в тошнотворно зеленый цвет, за ним было

то самое место, где Рафена допрашивал
предатель.

--- Мы близко к лабораторному
уровню, --- сказал он, заметив
рефлекторную сугорогу на лице Лайко при
этих словах.

--- Как раз пог нит, --- когда он
произнес эти слова, из его рта появилось
облачко пара. Почти полярный холод
приглушенно освещенной комнатой
вытягивал тепло из его пальцев и через
рвань, в которую были обернуты его ноги.

--- Что это за место? --- прищурился
Нисос. Оккулобный имплант
костодесантников дал им отличное ночное
зрение, и освещенность комнаты
заставила их глаза адаптироваться к
темноте.

Множеством рядов повсюду стояли
резервуары с открытым верхом, они были
заполнены ледяной криогенной жидкостью, на
уходящих к потолку черных цепях свисали
десятки различных фигур. Рафен уловил
слабый запах крови, уменьшенный морозом.

--- Глаза Дорна! --- выругался Лайко. ---
Да это же мясницкая!

Багровый Кулак не ошибался. Каждый висящий был трупом — или частью тела, словно мясная вырезка в витрине какого-то магазина в улье. Рафен увидел вскрытых модификатов различного рода и тварей, которые, должно быть, служили сырым материалом для создания чудовищных Новых Людей Байла. В резервуарах также плавали подвешенные конечности, органы, сердца и легкие были присоединены к электро-стимуляторам, которые сохраняли в них жизнь вне тел.

— Астартес, — мертвым голосом произнес Нисос. Поначалу Рафен подумал, что Тауранец призывает их обратить на что-то внимание, но он просто описывал то, что увидел. Целой шеренгой висели безногие торсы фигур, которые могли быть только костодеканниками, кровь все еще медленно капала из их вскрытых животов в глинный кровосток ниже. На ближайшем виднелись сложные боевые татуировки Оргена Каменных Сердец, каждая строчка текста была боевой записью мертвого воина.

Рафен собирался заговорить, но

мельком заметил кое-что, от чего слова
замерли в гортани. Он шагнул ближе к
одному из булькающих резервуаров. Воздух
в комнате обжигал холодом, но то, что он
увидел, по-настоящему превратило его
в кровь в лед. Там, погруженный в
криогенную жидкость, лежал обнаженный и
мертвый Фабий Байл. Его глотка почти
отсутствовала, она представляла собой
искромсанные куски мяса.

— Я убил его... — прошептал Рафен, —
в лаборатории...

Лайко тоже увидел тело:

— Как такое возможно? — спросил он.

— Я видел собственными глазами, как ты
взорвал ему голову, и все же вот он...

— Нет! — Кулак яростно затолкал
голову. — Это трюк! Фабий Байл мертв!

Тяжелый, мрачный стех эхом разнесся
по комнате, из глубин мрака отделилась
тень.

— Разве? — его плащ из кожи в
заплатах шелестел, пока предатель
выходил к свету. С шипением и пыхтением
забыванием, хирург за его спиной
развернул разнообразные конечности.

--- Вы ошибаетесь.

После слов ренегата, из дальней стороны комнаты донесся еще один, идентичный голос. Еще один Фабий, почти такой же, но без конструкции хирурга, вышел из-за возвышающейся погорки.

--- Сильно ошибаетесь, --- произнес дубликат, радуясь самому себе.

Нисос шепотом выругался.

--- И скольких их тут таких? --- потребовал он ответа, не понимая, куда целиться лазганом. Рафен стряхнул с себя шок от увиденного, его рука крепче сжала рукоять болтера. Это было ужасающее чувство. Манипуляции с генетическим материалом, создание реплик и различных мутантов, все это составляло огромное удовольствие тому, кто осмеливался называть себя "Прародителем Хаоса Неделимого". Он был безумцем, который осмелился клонировать архипредателя Хоруса, который планировал воссоздать генокод Бога-Императора человечества. К тому же нарезал клонов из самого себя, либо из сырой плоти или изменяя живых

существов, что было ему пог силу.

--- Я уже убил тебя дважды, ---
выплюнул Рафен, --- и если придется, я
расположю каждую твою зеркальную
копию, пока ничего не останется!

Он нажал на спусковой крючок, и
полюхнул выстрел. Его цель уклонилась, и
снаряд попал в резервуар, в воздух струей
ударилась сверх охлажденная жидкость.
Там, куда она приземлилась, стены и пол
начали покрываться рваными
кристаллами льда.

--- Ты знаешь, что нужно делать! ---
заорал через комнату первый клон
второму. --- Я разберусь с этими
животными.

Другой фабий грубо хихикнул и
кинулся в воздушный шлюз. Нисос
выстрелил, но второй ренегат был
слишком быстрым, тяжелая дверь с
грохотом закрылась за ним.

Рафен услышал завывание и увидел,
как поршни на хирургеоне пришли в
движение и заскрежетали. Наполненные
маслянистой жидкостью контейнеры
впрыснули содержимое Байлу в спину, и

тот зашипел от удовольствия. Затем дерганными, птичьими движениями, медный механизм отделился от спины ренегата и понесся, перебирая паучьими медными ножками. Трохоча по металлическому настилу, он приближался к Тауранцу.

— Давай, убей меня еще раз, если сможешь, Кровавый Ангел, — понукал его Байл и резким взмахом достал глиняный, черный жезл из ножен на поясе, размахивая им как мечом. Враг перемещался, стараясь оставить меж собой и атакующими свисающие трупы. Рафен стрелял на бегу, каждым выстрелом ограничивая предателя, пытаясь сбить его с ног. Кровавый Ангел мельком заметил, что Багровый Кулак пригнулся рядом с очертаниями резервуара и тоже открыл огонь, пытаясь привлечь внимание Байла.

Но Лайко был слишком нетерпелив, сильно на взводе и дико взбешен. Он слишком быстро выскочил из укрытия и атаковал парными боевыми ножами, жестоко кромсая тяжелый плащ предателя. Кожаная, дубленая одежда

разошлась и под ней удары Лайко попали в плоть — но порезы были только поверхностными.

Улыбаясь, Байл в ответ ударил шестом и попал мерцающим наконечником по макушке Лайко. Багровый Кулак отреагировал так, будто его окунули в кислоту, он отлетел в сторону, забытое оружие забряцало по полу. В теле костогесантника одновременно возопил от боли каждый нерв, малейшее прикосновение, так называемого Байлом "Жезла пытки", могло превратить незначительные раны в ураган агонии.

Рафену удалось бросить взгляд на Нисоса, Тауранец вступил в сражение с хирургом, тот стремительно кидался на гесантника, пытаясь зацепить его зазубренными инъекторами и бритвенно-острыми когтями. Затем Байл атаковал его, и он уклонился в самое последнее мгновение. Когда жезл пронесся в воздухе мимо его руки, он ощутил, что кожа напряглась и сжалась от близости болезненного поля оружия.

Кровавый Ангел дико палил во все

стороны, он знал, что снаряды не попадут, но зато Байл точно его не схватит. Проведя удар ногой с разворота, Рафен попал в грудную клетку предателю, но удар пришелся в пластину брони, спрятанную под развевающимися полами плаща, так что враг только хрюкнул от удивления.

Фабий отреагировал гораздо быстрее, чем ожидал Рафен, жезл развернулся в руках врага наподобие дубины. Наконечник оружия описал нисходящую дугу, и в этот раз Рафен был слишком медленным, чтобы полностью избежать удара. Жезл ударил по предплечью, и десантник заорал от боли, его руку словно погрузили в расплавленный металл. Рафен тут же уронил зазубренный болтер, отобранный у Чейна, он слутно осознал это, когда тот отлетел в сторону и с всплеском упал в лужу ледяной жижи. Боль резонировала во всем теле, левая рука отказалась повиноваться. Конечность от плеча болталась подобно куску мяса, оцепенелая и бесполезная.

-- Давай, давай! -- рычал Байл, -- Я

хочу свой шанс убить тебя так, как ты
убил остальных!

Остальных? Рафен снова задумался о
том, сколь много этих существ-клонов
разгуливают по звездам. Был ли этот
клон тем самым мужчиной, с которым он
так скоротечно столкнулся на Ваале?

Он пытался разработать свою руку,
но ничего не получалось. Нисос дрался со
своим врагом, Лайко все еще пытался
обрести контроль над собственным телом.
Рафену придется убить Фабию в одиночку.

Байл поднял жезл и начал
размахивать им из стороны в сторону.

--- Готов еще раз почувствовать это?
--- спрашивал он, кружа около Астартес.
Улыбка, холодная как сам воздух в
комнате, прорезала губы Кровавого Ангела,
когда он принял стелое решение.

--- Да, --- ответил он и бросился на
рenegата.

Врага он поймал врасплох, тот был
удивлен такой прямолинейной атакой. У
все же жезл воткнулся Рафену прямо в
живот и наполнил его тело такой пыткой,
которую он еще ни разу не испытывал в

своей жизни. Он перенес так много отменков агонии, и каждая имела свой цвет и вкус, каждая ощущалась уникальной и одинаково страшной. Мощь оружия Байла была яркой и ослепляющей как звезда, она разрывала его белым пламенем.

Если бы он стоял, такой удар поверг бы его на колени. Но его безумный прыжок вперед изменил ситуацию, даже упав на пол, — его тело корчилось от спазма, — сила удара Рафена отбросила Байла назад, его тяжелые ботинки попали на толстый, гладкий лед на стальном полу. Потеряв равновесие, вес Байла сработал против него и он начал заваливаться назад, ревя от ярости. Не сдержав своего пагения, предатель пробил тонкий слой изморози на одном из резервуаров с жидкостью и окунулся в стесь из бурлящих, криогенных жидкостей.

Байл забился о стенки контейнера, жезл загрохотал по полу, его конечности начали чернеть от обморожения. Его охватил убийственный холод, по его телу, словно гриб, распространяющийся по стволу дерева, поднималась заморозка.

Задыхаясь, предатель извернулся вперед, отчаянно пытаясь вырваться из резервуара.

Но на выходе его ждал наконечник жезла. Рафен, все еще грожащий, кровью лилась у него из носа, ушей и глаз, со всей силой, которую только мог собрать, воткнул его в грудь Байла. Агонизирующее тело не подчинилось ренегату, тот рухнул обратно в наполненный жидкостью резервуар и начал погружаться в нее.

СОЗНАНИЕ ускользнуло, и разум Кровавого Ангела на некоторое время погрузился во тьму. В конце концов, Рафен ощутил на своем плече руку и протормозался, возвращаясь к реальности. С его лица упали кристаллики льда, и он осмотрел место, куда упал. Лайко протянул руку, и Рафен схватился за нее. Его тело болело как внутри, так и снаружи, на него навалилась усталость, которую он никогда в жизни не испытывал.

--- Ты на некоторое время отключился, Кровавый Ангел, --- произнес Багровый Кулак. Он вручил ему лазган, и

Рафен нахмурился, когда осмотрел оружие:

--- Брат Нисос?

Лайко кивнул в сторону дытящихся развалин хирургеона, под ним, с широко открытыми и безжизненными глазами, лежал Тауранец, припиленный к земле десятком адских манипуляторов машины.

--- Он дорого продал свою жизнь.

--- Он --- Астартес. Мы всегда так поступаем, --- Рафен торжественно зашагал в сторону воздушного шлюза. Подобрав свои ножи, Багровый Кулак последовал за ним.

--- СЮДА, --- сказал Церис, указывая во тьму каменного коридора. Но вокс связи его голос звучал отдаленно и глухо.

Нокс бросил на него взгляд. Внутри лабиринта проходов вне стен крепости-теплицы каждый из них казался одинаковым. Темно-красный свет, исходящий от сигнальных фонарей, прибитых к стенам ударными болтами, прыгал всею адским, потусторонним вив, голосами баныши в проходе были

тревожные сирены. Каждые несколько метров встречались люки из загрязненной стали, из стен торчали контрольные панели, назначение которых ему было неизвестно. То тут, то там они встречали немногих Новых Людей Байла и сообща уничтожали их, но по коже Нокса бегали мурашки от зловещего ощущения близкой опасности, и то, что они ее все не встречали, сделало его нервным.

--- Значит, Рафен все еще жив?

Псайкер кивнул, и оглянулся на Аджира и Туркио, которые шли по бокам от разношерстной группы сбежавших.

--- Так и есть. Когда психическое искажение рассеялось, я смог более четко его считать. Он в гневе.

--- А ты, вроде как, нет, --- огрызнулся Нокс, --- сколько еще?

--- Он в башне.

--- А Байл?

Церис остановился, и Нокс услышал в словах псайкера глубокое неодобрение:

--- Сложно сказать. Я чую смерть и все же...

Он затолчал.

--- Сержант, --- Эйген, стоящий в
арьергарде, заговорил по общему вокс-
каналу, --- вы это слышали?

Нокс поднял руку и боевыми знаками
подал жест "остановиться". И немедленно
каждый Астартес замер на месте и
утолк. Расчленитель переключил
усилитель аудио-сенсоров в своем шлеме, и
шум, который заметил Эйген,
превратился в порывистое шипение.
Простой дух-машины шлема за секунды
нашел источник звука --- за нити и быстро
приближается.

--- Похоже на воду, --- предположил
Тарик, --- море может затопить нижние
уровни?

Нокс достал фотонную гранату и
бросил ее обратно по коридору, поставив на
взрыв от удара. Она немедленно рванула
волной резкого, белого света, который
отмыл все, словно настал яркий, солнечный
день.

Пол напоминал колышущуюся,
чирикающую волну из очертаний с
темными глазами, прямо к ним ползли
змееподобные твари с огромными

челюстями. Трещины в потолке позволяли им проскальзывать в коридор, с каждой проходящей секундой их падало каскадом все больше и больше.

--- Попрошители! --- заорал Сов и открыл огонь из болтера.

--- Отступаем! --- крикнул Нокс, --- Если мы остановимся для битвы, они поглотят нас!

Астартес подчинились, но один из бывших заключенных --- молодой скаут Ультрагесантников, --- споткнулся и упал. Наступающая масса перекатилась через него и начала пожирать. Нокс стрелял на бегу, остальные держались рядом.

--- Мы не можем убежать от этих ксеносов, --- заорал Килан, --- прикройте меня!

Воин Гвардии Воронов прыгнул к стене, к одной из контрольных кафедр.

--- Делайте, как он сказал! --- приказал Нокс, и остальные воины веером огня из болтерных снарядов и лазерных лучей начали поливать проход, пока гвардеец Ворона работал. Килан дернул несколько рычагов, и Нокс увидел как вдоль стены

что-то загвизалось -- на уровне лодыжек появились металлические сопла, спрятанные ранее в потайных пазах. Знакомый запах донесся до его обоняния даже через фильтры дыхания -- протетий.

С шипящим глухим звуком гвардеец Ворона включил механизм, и кверху рванула волна пламени, завитками тянувшегося к потолку туннеля. Попадавшие в огненную западню угри-потрошители пронзительно визжали и утирали слезы. Отшатнувшись обратно к группе, Килан кашлянул и сплюнул.

-- Огнеметы, -- объяснил он, -- сродки использовали их, чтобы выжечь туннели... и сжечь мертвых.

-- Огонь не будет гореть долго, -- произнес Тарик, -- резервуары, которые питают сопла, были взорваны при побеге.

Церис снова показал на ответвляющийся коридор:

-- Сюда, -- повторил он.

-- ГДЕ ОН? -- спросил Лайко, выглядывая из-за угла лаборатории. Держа пазган перед собой, Рафен крался вперед.

По сравнению с болтером, к которому он привык, лазган в его руках казался маленьким и хрупким, к тому же он сомневался, что его хватит, чтобы убить Фабия.

Убить Фабия. Кровавый Ангел раздумывал над клятвой, которую он дал в святилище магистра Оргена, обещание своим боевым братьям и духу припарха. Он думал о том, сколько еще убийств потребуются? Сколько еще хороших и преданных костических десантников будет убито и рассечено, словно животные, сколько еще снарядов будет потрачено и галлонов крови пролито? Сколько потребуются, чтобы завершить все это?

--- Не здесь, --- произнес Рафен, наконец-то отвечая на вопрос Багрового Кулака. Бросив взгляд через зал, он заметил открытый люк, исходящее от него слабое желтое свечение было словно приглашение.

--- Там.

--- Еще выставка ужасов? --- Лайко скривился.

--- Комната трофеев, --- объяснил

Рафен, — призы Байла.

Он нахмурился и взглянул на Багрового Кулака:

— Я знаю, что ты хочешь его стерти так же сильно, как и я, но прошу тебя, утерь свой пыл, брат. Мы должны атаковать вместе.

На секунду лицо Лайко побагровело от раздражения, и, кажется, он был на грани того, чтобы обругать Кровавого Ангела за такие требования, затем он прищурился и кивнул.

— Угу, родич. Вместе.

— Тебе не понравится то, что ты увидишь там, — сказал Рафен, подходя к открытому люку. Лайко последовал за ним и, дернувшись, замер на пороге. Рафен бросил взгляд на лицо другого Астартес и заметил серию очень сильных эмоций — гнев, печаль, стирение, ужас. Кровавый Ангел представил, что на его лице были написаны точно такие же эмоции, когда Чейн и Новые Люди затащили его силком в это место.

Они оба шли через ряды призовых реликвий, готовые к следующей атаке. У

Все же Рафен осознал, что сложно оставаться сконцентрированным. На дальнем конце комнаты трофеев, в заполненном жидкостью контейнере находились украденные прогеноиды, что так нагло демонстрировались ему Байлом. От них исходило сияние и мерцание света. Он и не стал надеяться, что украденный предмет с Баала кристаллический фиал все еще там -- но ему хотелось отбросить все предосторожности и кинуться туда, дабы спасти священную кровь. Потребовалось значительное усилие самоконтроля, Байл явно ждал от них, что они последуют за ним, это было ясно. Где-то их дожигалась ловушка, и любой выдох может активировать ее.

-- Я не вижу его, -- прошептал Лайко, его голос разнесся в тишине. Багровый Кулак двигался параллельно Кровавому Ангелу, меж рядов, содержащих украденную силовую броню, которая стояла немым свидетелем всего позора этого места.

-- Он не может сбежать, -- Лайко вздернул голову к потолку, -- это верхний

ярүс башни, тут больше нет других
выходов.

Рафен кивнул и громко произнес:

--- Мой брат говорит верно,
предатель. Тебе некуда бежать. Твоя
кисено-зверушка мертва. Варт закрыт для
тебя. Твою крепость вот-вот захватят.
Если ты еще помнишь, что означает быть
Астартес, тогда покажись. Встреть свою
судьбу не как трус.

К этому моменту он уже был близко
к резервуару. Еще несколько шагов, всего
несколько шагов, и он сможет протянуть
руку внутрь и вытащить фиал из
пузырящейся пены. Рука Рафена то
сжималась, то разжималась, он вертел
головой, пытаясь посмотреть во всех
направлениях. Почти дошел. Лайко
остановился:

--- Кровавый Ангел. Ты это видишь?

Багровый Кулак наклонился, изучая
что-то:

--- Это не принадлежит Астартес.
Глифы на поверхности... Я уже видел их
раньше.

Он изучал канистру из черного

металла, заклепленную толстыми
рунами Хаоса. Через вентили на боку
выднулась струйка изумрудной дымки.
Рафен кивнул, все его внимание было
приковано к фиалу. Он был уже в
госагаемости.

— Прикрой меня Лайко. Я должен его
достать.

Они оба услышали скрип. Звук был
знакомым, скрип керамики и пластика
на теле, работа связок искусственных
миомерных мышц под покровом силовой
брони костогесантника.

Внезапно, с дикой яростью, один из
госпехов, доселе лежавший спокойно на
стойке трофеев Байла, взорвался
движениями, свирепый красный взгляд
шлема вспыхнул, возвращаясь к жизни.
Бронированный силовой кулак загудел от
энергии и врезался в Лайко, Рафен
услышал резкий хруст ломающихся
костей. Без паузы бронированная фигура
вылетела из стойки и яростной бурей
пронеслась по металлическому настилу,
расшвыривая стоящие на пути другие
стойки. Рафен отвернулся от

заполненного жидкостью резервуара и вскинул лезган.

И именно в этот момент он осознал, что фигура в доспехах была облачена в броню ярко-красного цвета его собственного Оргена. Она была покрыта отметидами от попаданий, боевыми погналидами и зазубринами, но каждый дюйм святых пластин и кольчуги был знаком Кровавому Ангелу. Он замешкался, и палец Рафена затер на спусковом крючке, его разум стремительно размышлял.

--- Брат? --- позвал он.

Грубый стех, разносящийся из вокс-решетки шлема, за один удар сердца ответил на вопрос.

--- Не совсем, --- произнес Байл.

От такого ярость Рафена вышла из берегов сатоконтроля, это оскорбление было наивысшим из всего, что ренегат нанес его Оргену.

--- Ты не имеешь права! --- заорал он. Когда Байл кинулся к нему, Кровавый Ангел увидел имя настоящего владельца, выгравированное золотом на грудной

пластине -- брат Кур.

-- Она плохо на мне сидит, я согласен,
-- огрызнулся Байл, -- но надолго она мне
не понадобится. Я выкину эти жалкие
обноски, как и многие другие.

Он взмахнул силовым кулаком, и
Рафен уклонился, удар разнес еще одну
витрину на осколки. Несмотря на ярость,
Кровавый Ангел заметил некоторую
медлительность в атаке Байла, он
немедленно понял причину. Силовая броня
Астартес была не просто слоем одежды,
которую человек мог натянуть на себя
подобно робе или тунике. Правильное
сцепление органики Agentys Астартес с
превосходными функциями доспеха
нуждаются в тщательности, времени и
освещении, и если изверг-предатель, как
Байл, попытается провернуть такое...
Рафен предположил, что даже пока они
сражаются, дух-машины брони Кира
работает против ренегата, борясь и
противостоя каждой отданной команде.

Тщеславие его врага, его высокомерие,
нуждающееся в таком театральном
представлении, можно обернуть против

него самого.

У Рафена появилось преимущество, не важно, насколько слабое, он воспользуется им. В следующую секунду он получил царапающий удар тяжелыми, облаченными в броню пальцами, и отлетел к поддерживающей колонне, голова кружилась. Рафен сплюнул набравшуюся во рту густую жидкость и прокашлялся.

--- Ты... не можешь просто ограбить и уйти безнаказанным. Каждое совершенное тобой преступление будет учтено! Каждое твоё деяние добавит ещё одну жизнь в ад для предателей!

--- Ну, так учитывай, --- лениво ответил Байл, поднимая меч из развалин по пути своего безумного разрушения. Он осмотрел его, взмахнул.

--- Ты также будешь извергать из себя эти старые утомительные догмы, когда будешь захлебываться собственной кровью?

--- Моя смерть не остановит мой Орден от мести! --- заорал в ответ Рафен, посылая лазерный огонь во врага. --- В этот раз ты не сбежишь! Ксеносы порвут тебя

на күски или наши корабли испепелят
тебя! Смерть уже близка, предатель!

--- Ваши корабли? --- застелся Байл.
От того, что из шлема Кровавого Ангела
исходил этот ненавистный голос, у
Рафена скрутило внутренности.

--- А как ты думаешь, я собираюсь
отсюда выбраться? --- он быстро
приблизился и тахнул мечом. Рафен
инстинктивно парировал лазганом, и меч
рассек его оружие на две половинки, в
разные стороны полетели вспыхнувшие
фрагменты.

--- А зачем тогда этот
отвратительный маскарад? --- Байл
указал рукой на броню. --- Смотри. А я
думаю, ты знаешь, что это такое...

С пояса господина он снял устройство,
толстый жезл, гравированный рунами на
готике. На одном конце виднелся
кристалл, который в сложной
последовательности мигал то красным,
то синим. Это был передатчик,
Улперский ретранслятор телепорта.
Возможно, он ителся у Кира, или,
возможно, Байл купил его у Зеллика за

какую-то немыслимую цену, все это было неважно. Редкое устройство археотехника несло в себе закодированные сигналы командного уровня, и при правильном обращении, могло послать сигнал через эфир и включить корабельный телепортариум на автоматический прием любого, кто бы его ни нес.

--- Ошеломляет, а? --- произнес Байл, отгоняя Рафена кончиком меча, --- Твоих братьев тоже ошеломит, когда я появлюсь среди них прямо там, на твоём драгоценном корабле. Мне хватит времени, чтобы использовать это.

Он кивнул в сторону канистры, которую нашёл Лайко.

--- Кровавый Ангел, ты когда-нибудь видел, как воздействует гнилостный яд на человеческую плоть? Это отвратительная, омерзительная смерть. А я приготовил особенный рецепт, как раз для твоих сородичей. К которому, как не прискорбно, у них нет моего иммунитета.

--- Я не позволю! --- заорал Рафен, кидаясь в атаку с голыми руками.

--- Тебе слова никто не давал, ---

ответил Байл и ткнул мечом. Рафен заревел и сжал лезвие, проткнувшее его плечо. Ренегат вынудил его отступить, он вжимал лезвие с такой силой, что кончик меча вышел у Рафена из спины и воткнулся в стену. Байл пришил его и оставил, задыхающегося и в агонии от боли.

--- Будь ты проклят... --- выплюнул Астартес.

Игнорируя Рафена, предатель пробрался к резервуару с жидкостью и достал фиал со священной жизненной влагой, не обращая внимание, как на пол падают драгоценные прогеноиды. Байл продолжал игнорировать его и дернул контрольный рычаг. В потолке открылся потайной люк и часть крыши начала опускаться, превращаясь в рампу. Байл одарил Рафена последним взглядом и, глотаясь, отдал честь.

--- Вспомни, что я тебе говорил раньше, Астартес. Вы потерпели неудачу. Если бы ты послушал меня, то всего лишь бы до конца жизни жил с позором. Ну а теперь станешь наживкой для тиранов. ---

Предатель отвернулся и поднялся по рампе вверх, к облачным небесам и перспективе сбежать еще выше.

Скользнули от крови руками Рафен схватился за бритвенно-острое лезвие теча и безуспешно попытался его выдернуть из раны. Он задыхался, судорожными и тяжелыми глотками ловил воздух. Несмотря на все насилие над своей улучшенной физиологией Астартес, на все эти раны, полученные в боях за последние дни, он не мог себе позволить пошатнуться, не мог позволить отдыхать, пока миссия не будет завершена. Или пока сама смерть не придет за ним.

А Кровавый Ангел ощущал, что прикосновение смерти все ближе и ближе. Байл раз за разом избивал его, и с каждой схваткой Рафен ощущал, что часть его души утирала. Поражение было самой сильной отравой, возмутительной и разлагающей, иссушающей моральных дух лучших воинов, обращающей их волю в пепел. В этот момент Рафен ощущал, как на его решимость упала тьма.

Нет. Я не утру здесь. Только не так.

--- Я не умру...--- прошептал он, пальцы соскальзывали, пока он пытался расшатать меч, --- я не умру здесь...

--- Пустая болтовня, Кровавый Ангел, --- слышался невнятный голос, --- докажи.

Рафен почувствовал, как лезвие сдвинулось, и моргнул. Лайко, пошатываясь, подошел ближе, правая сторона его лица и тела не подчинялась ему, из носа ручьем текла кровь. Здоровой рукой Багровый Кулак сильно дернул за рукоять меча и вытащил его, освободив своего товарища.

Подавив крик, Рафен качнулся вперед, едва устояв на ногах.

--- Лайко, --- прокашлял он, --- я видел удар... Я думал, ты никогда больше не встанешь.

--- Да от меня Кантор отречется, если я позволю, чтобы меня свалил такой извивый шлепок, --- угрожался пошутить воин. Хотя в его словах сквозила сильная боль. Рафен видел, что его правый глаз покрылся пеленой, удар Байла сломал что-то жизненно важное в голове Багрового Кулака, и Лайко об этом знал. Он вручил

Рафену меч.

--- Возьми его. Ты должен закончить все. За Нисоса. Ветчу. И других.

Кровавый Ангел взвесил меч в своих руках. Ни разу с тех пор как он был молодым, ни разу с рокового мгновения в тени горы Сераф во время испытаний новобранцев, он не чувствовал себя таким ужасно слабым. Настолько лишенным сил и энергии. Он осознал, что с легкостью может упасть здесь. Просто позволив ранам взять над ним верх, опуститься на пол и пусть судьба решает, как он умрет. Это будет подходящая смерть тому, кто... Тому, кто...

Вы потерпели неудачу. Насмешка эхот отозвалась в его разуме. Если он не сделает большего, эти слова станут его эпитафией.

Так не пойдет.

--- Давай, за мной, --- сказал он и начал подниматься по рампе на крышу.

--- ПРИБЛИЖАЮТСЯ! --- орал Туркио, стоя на пороге круглого воздушного шлюза. Группа ликторов-акул роилась в

туннеле за ним, их темные, невыразительные глаза блестели от голода. Кейн и Килан навалились плечом на люк в форме шестеренки и начали его закрывать, когда оставался зазор толщиной с руку, в зазор вошли косы зазубренных когтей, хлещущих вверх и вниз, хватающих черную сталь. Аджир дал очередь из трех снарядов и отстрелил когти, позволив тем самым остальным завершить работу. Люк встал на место, и испещренная поверхность тут же начала резонировать и раздвигаться от сильных ударов с другой стороны.

Собравшиеся Астартес, как атакующие, так и беглецы, сделали паузу — перевести дыхание. Тираниды заполнили нижние уровни крепости и подобно приливу стремительно захватывали каждый уголок крепости. Нокс перезарядил болтер и, не поднимая взгляда, задал вопрос, который был у всех на уме.

— Так вот здесь мы дадим наш последний бой?

Ответил Церис, но, кажется, он

визитал где-то в другом месте:

--- Люк задержит их на некоторое время.

--- Также говорили об огненной стене, -- раздраженно пробормотал Пулу.

--- Мы внутри святилища Фабия Байла, -- произнес Тарик, -- здесь его убежище, его лаборатория, его дом ужасов.

Гаст осторожно прошел вдоль металлического прохода и встопрелся в бронированное окошко отдельных комнат.

--- Я вижу криомодули. Вроде бы рабочие столы и анатомические залы... Ну, или то, что архипредатель использовал взятен.

--- Нам нужно найти Рафена и остальных, -- сказал Кейн, -- возможно вместе мы...

--- Сделаем что, парень? -- выдохнул Аджир. -- Обменяет одну смерть на другую? Повсюду тираниды, и даже если мы выдержим их осаду в этом проклятом месте, через несколько часов исполнится последний приказ Рафена. "Габриель" и "Тихо" обратят это место в пепел. Пока мы тут болтаем, корабли уже выходят на

боевую густанцию. Вскоре они атакуют
орудийных черепов, и вопрос будет так или
иначе решен.

Кулан указал на Тарика:

--- А я думал, что только его Орден
обычно говорит исключительно о смерти
и тьме. Моя вера в веселый характер
Кровавых Ангелов разрушена.

--- Ага, стейся, пока можешь, Гвардия
Ворона, --- огрызнулся Аджир, --- но
потомство Сангвиния --- прагматики.

Кулан принял вызов:

--- Скорее пораженцы.

--- И это ты говоришь о поражении? ---

Аджир шагнул к другому воину. --- Я
вообще-то не из тех, кто позволил себя
схватить и загнать в загон, словно
обычное животное...

--- Да как ты стеешь...

--- Затолчите, оба! --- рывкнул Нокс. ---

Вы забыли главное. Вы оба говорите и
действуете так, словно у вас есть выбор.

Он посмотрел на всех окружающих
его боевых братьев.

--- Скажите мне, кто из вас тут по
недоразумению считает, что увидит

следующий рассвет? Кто из вас?

Молчание было ему ответом.

— Вы сбежали из заключения, вы свободны, но не совсем. Мы, кто прилетел в этот мир в поисках предателя, свободны, но не совсем. В эту секунду у нас есть одна общая цель. Месть и вместе с ней надежда, что мы умрем достойно.

Нокс снова посмотрел на Аджира и Килана:

— Если хотите выжить, то вы серьезно заблуждаетесь. Отсюда нет выхода. Нет выхода кроме смерти и милости Императора.

ФАБИЙ подошел к краю наклонного паранета и взгляделся вниз, в бурлящий океан корчащегося безумия под ногами. Авточувства шлема Кровавого Ангела поначалу отказывались работать, их сложно было подчинить, но, в конце концов, он одержал верх. Байл улыбнулся, забавно, насколько легко было вспомнить старые мнемонические строчки команд, дабы управлять подсистемами брони. Эти навыки гретали в нем последние десять

тысяч лет, а теперь он раскопал их и начал применять, словно прошел только день. Ренегат испытал странное чувство отрешенности, когда попытался вытащить из разума события далекого прошлого. Это было нелегко. Раздраженный, он отбросил мечтательность и сконцентрировался на настоящем.

Далеко внизу, по всей центральной яме для арестантов и вокруг стен кратера, кипящая масса тиранидов наслаждалась оргией разрушения. Кто бы ни остался от его подопытных экземпляров, модификатов и Новых Людей, все они были где-то в другом месте, если правда чужаки уже мгновенно не разорвали их на куски. Завывающие, скүлящие и рычащие ксеносы обезумели от злости, его изучение разновидностей тиранидов показало, как они на инстинктивном уровне реагируют на вторжение в свою территорию — просто психопатическим неистовством. Любые возмущения в сложном букете феромонов, — к слову сказать, такие, как порча их секрета

стерти, что он обернул к своей выгоде —
приводит их в безумие. Там, внизу,
тириады форм тиранидов,
эволюционировавших в океанах Дайники,
вышли на берег, чтобы убить все, что
найдут и стереть в порошок все, что
несет запах не-тиранид.

С убийством зоантропа рухнула аура-
завеса, над которой он так долго трудился,
и это было смертельным приговором его
секретной крепости. Байла злило то, что
он был вынужден покинуть это место,
когда его работа находится на такой
критической стадии.

Его расписание полностью разрушено,
проект откинут на годы назад, займет
время возвести новую лабораторию, даже
если задействовать одну из десятка баз,
что он спрятал по всему диску галактики.

Но он давно знал, что тропы
завоеваний любит медленных и
тщательных. В отличие от многих
ответвлений Хаоса Негелимого, Фабий
Байл понимал, что терпение — такое же
жестокое и хитрое оружие. Он понимал,
что нужна тщательность и подготовка.

В противном случае, зачем бы ему так расширять свои планы? Зачем еще создавать армию из собственных клонов, каждому из которых внушалось, что он и есть только единственный и неповторимый Прародитель? Все ради терпения, дабы убедиться, что даже если крепость падет, как это произошло сегодня, ни одно из действий слуг бога-труна не разрушит его великие планы.

В конечном счете, он победит. Это только вопрос времени. Байл взглянул на свисающий с ретня ретранслятор. Световой код поменялся, аппарат достучался до ближайшего корабля, по мере приближения судна Астартес, пульсация учащалась. Байл снова улыбнулся и забарабанил пальцами по канистре с нервным газом, пристегнутой магнитным захватом к броне бедра. Он насладится мгновением, когда прибьет на корабль Кровавых Ангелов, мгновением, когда газ доберется до экипажа и превратит их легкие в жижу. А любой, кому посчастливится выжить, утратит его руки. О да, сказал он сам себе, сегодня

он убьет многих.

Затем он услышал у себя за спиной тяжелые шаги по ратне.

РАФЕН И **ЛАЙКО** появились на зубчатых стенах башни в тусклом сиянии солнечного света, пронизывающего облака. Кровавый Ангел выдохнул и поднял украшенный меч, которым его так глубоко поранили.

— Я тебе говорил, — прорычал Рафен, — я не позволю тебе сбежать.

Байл развернулся, и его плечи под броней затряслись, когда он забился жестоким, ревущим стехом.

— Во имя Ока, да ты стойкий телкий засранец, а? Но, кажется, тебе не хватает ума понять, когда ты проиграл. — Предатель, глупая, поклонился. — Ну, тогда иди сюда. Жду тебя с нетерпением. Если ты так решительно настроен умереть от моей руки, я с радостью помогу тебе.

Лайко взмахнул одним из своих боевых ножей, второй выпал из его обессиливших, оцепенелых пальцев.

Багровый Кулак бросил взгляд на Кровавого Ангела:

— Я сожалею, что не смог сделать так, как ты просил меня раньше, брат. Сожалею, но я больше не могу сдерживать свой пыл, — он отсалютовал ему кинжалом.

— Лайко, подожди... — но слова Рафена не были услышаны.

Шатаясь, раненный воин побежал, это скорее было неконтролируемое падение вперед, чем атака, и все же Багрового Кулака толкала вперед волна ярости, что горела в его сердце, желание, которое направляло его словно ракету к своей цели.

Выкрикивая имя притарха, он врезался в украденную броню Байла, в воздух взвились искры. Лайко превратился в водоворот, он крутился и полосовал, наносил удар за ударом по туловищу и груди врага.

Байл выдержал все и снова ударил его окутанным молниями силовым кулаком. Словно по какому-то злостному колдовству, тело Лайко сложилось пополам, из его рта

и носа фонтаном ударила кровь. Убийца продолжил удар и подкинул тело вверх и в сторону, за край башни. Багровый Кулак спиралью полетел к беснующейся массе тиранидов и исчез.

Рафен заорал словно гром, вопя во всю мощь своих легких. Лайко знал, что умирает, его раны были слишком сильными, чтобы выжить. Своей безумной, безрассудной атакой он купил Кровавому Ангелу несколько драгоценных секунд, дабы подогреться как можно ближе и начать свою схватку с предателем.

Меч прозвенел в его руках, и Рафен ткнул оружием в точки между сочленениями боевой брони, которую он знал столь же хорошо, как и свою собственную. Каждый порез и толчок он целил в жизненно важные связки искусственных мышц или питающих трубопроводов из силового ранца на спине. Байл парировал огроменным силовым кулаком, клинок был глиннее здоровенной перчатки, он оставлял зазубрины на керамике, отрывал перегретые фрагменты от пластали. Кровавый Ангел

поднырнул под взмах массивного кулака, насколько мог приблизился к бронированной фигуре, чтобы Байл не мог достать его. Но сравнению со своим врагом, Рафен на краткий миг ощутил себя крошечным, уменьшенным, поскольку Байл возвышался над ним, как бугорок. Обычный человек остелился бросить вызов ангелу смерти Императора.

--- Бесполезно, --- проскрежетал Фабий, и, стремительно крутанув лезвие меча пальцами силового кулака, сломал его вдоль. Шок от удара отбросил Рафен назад, и он тяжело шлепнулся на крышу.

Байл снова засмеялся и отбросил обломки треснувшего лезвия.

--- Ты остелишься еще один раз встать, Кровавый Ангел? --- спросил он. --- Давай, я вызываю тебя. Сразись со мной еще раз, если сможешь!

Выплевывая кровь, Рафен перевернулся. Он ощущал, как края сломанных ребер трутся друг о друга внутри его грудной клетки. Только зажившая рана на груди разошлась и снова кровоточила. Когда он попытался

вдохнуть, он ощутил, как будто в глотку забили камень.

— Нечего сказать? — настехался предатель. — Неужели больше никаких боевых кличей или сильных слов? Как печально. А я-то думал рассказать твоим боевым братцам как ты умер перед тем, как выгавить из них жизнь...

Рука Байла приблизилась к поясу и схватила пистолет.

— Ретранслятор... — он застыл от удивления.

Из рукава своей рубашки Рафен вытащил устройство, все еще сжатая его той рукой, которой успел выхватить аппарат во время атаки.

— Ты не это ищешь? — он с усилием поднялся на ноги. В ответ Байл выругался так изычно и оскорбительно, с такой злобой и силой, что Рафен посчитал это каким-то демоническим заклинанием.

— Отдай сюда, щенок! — потребовал он. Ретранслятор завибрировал в руке Рафена и испустил мягкий перезвон. Он протянул его за край крыши, когда Байл шагнул ближе.

--- Я его выброшу.

--- Ты хочешь, чтобы я умер вместе с тобой? --- прошипел предатель. --- Так?

--- Нет, --- ответил он, --- мне нужно кое-что другое.

Рафен кивнул на подсумок на поясе Байла.

--- Ты знаешь что.

Он услышал, как враг устехается:

--- Ты имеешь в виду это? Твою драгоценную реликвию? --- Байл достал кристаллический фиал из подсумка. --- Хочешь обмена?

--- Угу, --- угрозился выдавить Рафен, --- затем ты можешь уходить и делать все, что захочешь. Завтра или послезавтра, ты все равно умрешь. Но кровь Сангвиния будет жить вечно. Ты не имеешь права обладать ею!

Предатель кивнул:

--- Очень хорошо. Фиал за ретранслятор... Лови! --- без предупреждения, он отбросил пузырек в сторону.

Рафен кинулся вперед, жезл выпал из его пальцев и был забыт. Он подпрыгнул,

его руки потянулись к фиалу, пока тот
описывал в воздухе дугу. Император,
направь меня! Кровавый Ангел дотянулся и
схватил кристаллический пузырек до
того, как тот упал в безумие внизу.
Резкий стех Байла слышался все сильнее и
сильнее, когда он склонился, чтобы
поднять ретранслятор.

— Ну, ты и жалок, — рычал он, — да
посмотри на себя, отдамь свою жизнь за
пару капель жидкости. Она так много
стоит для тебя, не так ли? И все же ты
не полностью понимаешь ее силу.

Он отошел в сторону.

— Да заведи ее! Заведи и толись на
ней, покуда глится твоя жизнь, но знай,
что твой драгоценный Сангвиний не
спасет тебя, как и твой молчаливый,
отсупствующий Император!

Байл взглянул на Рафена:

— Я хранил эту реликвию только как
экспонат коллекции, которую я воссоздал,
как только покину это место, но по правде
говоря, она больше не представляет для
меня ценности. Все данные, что я собрал
из крови — здесь.

Он посту́чал пальцем по лбу шлема:

--- Мне она больше не нужна. Она бесполезна.

Жестокая ухмылка застыла на лице ренегата, когда он взглянул в глаза Рафену, там читалась ненависть и ярость.

--- Ты сильно заблуждаешься, отступник, --- ответил он, поднимаясь, --- сейчас я покажу тебе, почему.

Рафен крутанул фиал за концы, и из серебряного днища появилась короткая, толстая игла. Не отрывая глаз от своего противника, Кровавый Ангел воткнул фиал прямо в грудь и впрыснул содержимое себе в сердце.

Глава пятнадцатая

Однажды раньше, на поле боя Сабиена, когда он присоединился к великому Мефистону в финальном противостоянии Восстания Аркио, Рафен получил дар из сосуда. Инжектор был полон жизненной влаги высших сангвинарных жрецов Кровавых Ангелов, жидкость внутри была стимулятором и поднимала силы, говорили, что она дает малую толику мощи ангельского примарха. В тот день он получил сосуд из рук Повелителя Смерти и был благословлен Корбуло, хранителем Алого Грааля, это придало Рафену силы довести ту роковую битву до ее финального завершения. Он с предельной ясностью потнил внезапный прилив силы, что прошелся по нему, волну духа и воли.

Теперь он знал, что тот момент, который он считал единением со своим давню умершим повелителем, был всего лишь бледной тенью его истинного величия. Содержимое фиала, сама святая кровь из Алого Грааля, неразбавленная и

могущественная, сохраняемая
тысячелетиями поколениями клириков,
заструилась по его венам. Она было
золотом, она была пламенем, молнией и
солнцем, ничего подобного он не испытывал
в своей жизни.

Тело Рафена охватили спазмы, что
были сильнее боли. Каждый мускул
напрягся, каждый нерв зашел от силы.
Каждая его кость резонировала как бой
курантов, когда песнь притарха ворвалась
в его существо. По нему волнами бил свет,
ослепляющий, словно взрыв сверхновой.
Генетическое вещество пронзило все его
тело, и все, что он впитал за время учебы,
от новобранца до боевого брата, мгновенно
пробудилось в нем. Каждый
костогесантник нес в себе генетические
маркеры своего владыки притарха,
ограниченные плотью мертвых людей,
которыми они когда-то были. Внутри
каждого Кровавого Ангела было зернышко
великой и могущественной силы.
Сангвиния, оно лежало в глубинах их души,
в самой плоти, дабы сделать их
непревзойденными воинами великих армий

Императора.

И теперь подобное притянулось к подобному. Святая кровь, текущая по его венам, смешалась с собственной Кровью Рафена и отозвалась в частичках наследия примарха. Объединенная мощь охватила Астартес, глубоко внутри него кровь смешалась с кровью, воин-сын и воин-отец ненадолго стерли меж собой барьеры времени и смерти.

На одно мимолетное мгновение, Рафен узнал, каково это быть сыном Императора, в урагане ощущений и ослепляющей силы, он испытал на себе толику этой божественной славы. Он вышел из своего "я", окунулся в великолепие, которое унаследовал от Великого Ангела.

Он испытал страх, все было столь ярким, столь мощным, что он испугался, что весь этот свет уничтожит его, подобно Икарю из древних легенд Терры, который осмелился полететь слишком близко к солнцу.

Вот это судьба! Какой великолепной смертью это бы стало! Протянуть руку и дотронуться до лица моего примарха.

Но даже когда эти слова сформировались у него в мыслях, Рафен знал, что не позволит самому себе умереть. Не сейчас. Во всем этом беспорядочном золотом и ослепительном сиянии, он ощутил истину, которая была настолько сильной и понятной, что он не мог ее отринуть.

Я не умру здесь. Мой долг остался невыполненным.

Затем он открыл глаза и увидел перед собой Фабия Байла, предатель, облаченный в броню достойного и благородного брата, поднял руку для атаки. Больше не было боли. Он не чувствовал ран или усталость. Больше не было сомнений или страха. Остался только его долг.

— ЗА ИМПЕРАТОРА и Сангвиния! Смерть! Смерть! — Рафен атаковал с такой скоростью и яростью, что в это было сложно поверить. Взмахи Байла потрескивающим силовым кулаком казались неуклюжими и медленными, он с легкостью уклонялся от них и наносил

тяжелые, словно кувалдой, удары в корпус отступника.

Время стало тягучим и густым, деформированное острыми, как наконечник стрелы, чувствами и быстрыми, как пуля, рефлексами. Рафен чувствовал, как будто скорость и сила выплывала из него другого человека, неостановимого и неприкосновенного. Его обнаженные кулаки были в кератит, в каждый удар была вложена вся его сила, и каждый раз Байл отлетал назад. Трещины на броне, оставленные предыдущими атаками, стали шире и раскололись. Когда внутренние контакты замыкало, оттуда вспышками сыпались искры.

Фабий заревел от ненависти и сжал Рафена в смертельных объятьях, вжимая голову Кровавого Ангела в украденную броню. Щеку Рафена разорвало об острые края крылатой эмблемы на доспехе. Ренегат пустил энергию по силовому кулаку, и синяя молния, потрескивая, впилась в плоть Рафена, угрожая вырвать из него крик.

Испытывая головокружение от шока, с прижатыми к бокам руками, его кости трещали от сокрушающей хватки. Кровавый Ангел издал бессловесный вопль и ударил головой в шлем силовой брони. Он ощутил влажный хруст, когда нос сломался, ощутил горячий поток собственной крови, но вместе с этим услышал треск разбитого бронестекла. Одна из блестящих красных линз шлема треснула от удара, и Байл завопил, когда осколок вошел вмятку его глаза. Убийственное давление внезапно ослабло, предатель отпустил его, энергично тряся головой, чтобы сместить осколок стекла.

Рафен сплюнул большой, темный сгусток и пошатнулся. Он знал, что промедление подобно смерти и атаковал, пока еще мог. Используя мощь крови, он подпрыгнул и схватился за горжет украденной Байлом брони одной рукой, повиснув на нем, его пятки уперлась в ноги и живот врага.

Взобравшись на свою цель, Рафен ударил по треснутой, поврежденной панели шлема, стремительной очередью он бил

снова и снова, взгоняя удар за ударом в одну и ту же точку. По костяшкам пальцев струилась кровь, боль волной ходила по всем нервным окончаниям его руки, но он продолжал, несмотря на разум, несмотря на усталость, пока его рука не превратилась в окровавленные лохмотья.

Он почувствовал, что шлем треснул и слетелся, продолжая, он скрюченными пальцами схватился за край визора и выграл шлем. Под ним на него смотрело лицо Байла, белые волосы потемнели от темно-красной крови, а один глаз представлял собой рваную рану.

Рафен использовал поврежденный шлем как дубину и продолжал избивать предателя треснутым шаром керамики, с тяжелой механической четкостью нанося удар за ударом, один за другим.

Байл рухнул на колени, шаря по талии в поисках оружия, такового не находилось. Он затахнулся на Рафена силовым кулаком, но к этому времени уже почти ослеп и своим поврежденным зрением мог разобрать только туманные красные пятна.

Рафен отшатнулся и уронил
разбитый шлем. Мощь святой крови
покидала его, истекала из сочен порезов и
ран, разбросанных по всему телу. За
секунды ведущая сила его уйдет, и он
наконец-то уступит смерти. У него
оставалось только несколько мгновений,
чтобы исполнить свой долг.

Он спас кровь своего притарха и
сохранил ее. А теперь он убьет вора,
который остелился выкрасть ее.

— Нет... — пробұлькал Фабий, — я...
Неубиваемый! Ты не можешь... прикончить
меня!

Рафен не ответил, вместо этого он
согнулся и вложил всю свою силу, чтобы
поднять бронированную фигуру над
скользкой от крови крышей, поднять тело
над головой.

С последним усилием все мышцы в его
теле стонали от напряжения, Рафен
швырнул предателя вперед и сбросил его с
катенной башни. Кровавый Ангел рухнул на
парапет и свесился с краю, наблюдая, как
вниз летит фигура в красном и
проклиная его.

Предатель Фабий Байл, заклятый
враг Бога-Императора человечества и
Империиума, упал в готовые, жадные когти
роющейся массы ксеносов далеко внизу.
Рафен видел, как она поднялась
визжащим, гомонящим валом, черная
волна чудовищных очертаний разорвала
его врага на части.

Мое служение... окончено. Только для
того чтобы сформировать эту мысль,
казалось, потребовались все его силы, до
последней капли.

--- Еще нет, --- произнес мрачный голос.

Он что, произнес это вслух? Его тело
настолько сильно болело, что он едва был
уверен в том, что еще дышит.

Его подняли руки и развернули. Он
увидел знакомое бледное лицо и темные,
мертвые глаза.

--- Нокс.

--- Он самый. Значит, грохнул его?

Он попытался кивнуть.

Расчленитель сделал этого за него сам.

--- Ну, наконец-то.

Отбрасывая тени, вокруг двигались
другие силуэты. Он услышал строгий тон

Пулүо:

--- Трон Терры. Он еще жив?

--- Да, --- это был Аджир, --- хотя кажется, что на каменных плитах больше крови уважаемого сержанта, чем осталось в его венах.

--- Тираниды внутри! --- заорал грубой, незнакомый голос. --- Они внутри лаборатории!

Рафен закрыл глаза, вслушиваясь в грохот болтерного огня. Теперь уже скоро.

--- Только со смертью заканчивается служение, --- прохрипел он.

--- Не сегодня, --- слова Цериса, казалось, доносились откуда-то издалека, --- смотри. Байл, должно быть, потерял его во время боя.

Он услышал странный, музыкальный перезвон. Ретранслятор. От этого звука Рафен улыбнулся.

--- Сомкнуть шеренги! --- заорал Нокс, --- Все ко мне! Если хотите прожить еще один день, все ко мне!

Тепло охватило тело Рафена, и он позволил тьме унести его.

Из ОКНА часовни, через окрашенное стекло он наблюдал, как Дайника-5 отворачивается от него, словно боится показать свое лицо. Ядерные огненные цветки размером с континент пересекали ее поверхность, ударные волны от множества взрывов достигали коры и скального основания океанического мира. Моря уже выкипели в костос поскольку атмосфера рассеялась, орбитальные орудийные черепа постигла та же участь.

За день, а возможно и меньше, пятая планета станет не более чем оплавленным угольком, и все, что на ней существовало, останется только воспоминанием. Порча Хаоса и чужаки сгорят.

Рафен вздохнул, слегка вздрогнув, когда глубокий вздох причинил боль.

Так много было потеряно там, внизу. Нокс и Церис с остальными собрали только небольшую часть трофеев Байла, которые он хранил в башне, дабы добавить их в собранное с "Археохорта" -- среди них нашелся и плазмаган, который принадлежал герою Ариону -- но потеряно

было еще больше. Он ощущал огромное раскаяние за разрушение доспеха брата Кира, он произнесет специальную речь во имя памяти павшего воина в Зале Героев, когда "Тихо" вернется на Ваал.

Однако существовала еще одна потеря, которую он не будет оплакивать. Черный покров вины, который отрачал его с тех самых пор, как началась миссия. Его долг был исполнен, и совесть чиста.

Отвернувшись, он склонился и позволил сангвинарному жрецу помазать себя освященной жидкостью из реплики Алого Грааля, которую тот держал в своих руках. Все воины, которые вернулись живыми с Дайники-5, были подвергнуты ритуалу очищения и чистки, дабы уничтожить любые оставшиеся отпечатки нечеловеческого — но Рафену и тем, кто был в заключении, предстояло еще многое испытать. Каждому из них имплантировали одного из полудемонических-полутитанических гибридов Байла, жрецам и капелланам Агентус Астартес нужно будет убедиться, что на их душах не осталось клейма.

Братья уже заключили договор хранить молчание о полной картине своего заключения в руках извращенного Прародителя, никто из них не сомневался, что силы Имперской Инквизиции очень жестоко изучили бы каждого костогесантника, а возможно даже отдали приказ о полном уничтожении. Но теперь это осталось не во власти инквизиторов. Их будут судить по возвращению в свои Оргены, но только единственно важная власть — свои же боевые братья.

И наконец, Рафен встал, принимая чашу от клирика. Он сотворил знак аквилы и отступил, его роба плотно натянута на теле. Пересекая часовню, он остановился перед алтарем, где к сводчатому потолку поднималась статуя Сангвиния. Там наверху ярко горели небольшие железные жаровни, отбрасывая свет от огня на крылья притарха.

Он шагнул к ней, но затер, когда осознал, что приближается еще одна фигура в робе. Он снял свой капюшон:

--- Кузен.

--- Кузен, — молвил Нокс, — вот и

встретились. Я пришел попроситься.

Он дернул подбородком в сторону огромного круглого иллюминатора над их головами, за ним, в пустоте космоса на конях огня ускорителей разворачивался "Габриель", готовясь отбыть по новому варп-вектору.

— Мой "Громоподобный ястреб" уже в посадочном доке. Мои братья и мои пассажиры ждут.

Рафен кивнул. Килан из Гвардии Ворона и еще некоторые сбежавшие из тюрьмы-крепости Байла решили отправиться с Расчленителями, чтобы встретиться с уполномоченными своих Орденов по пути следования "Габриеля" обратно к Кретации. Тарик и остальные остались на борту "Тихо", Кровавые Ангелы поступят с ними так же — не привлекая внимание, вернут на свои родные миры. Рафен раздумывал о том, все ли смогут восстановить свои жизни после того, что они потеряли в заключении, он не сомневался, что многие из тех, кого пленил Байл, были объявлены мертвыми. Когда они вернутся в свои

монастыри живыми и невредимыми,
возникнет множество вопросов и споров.
Для них испытания только начинались.

Он пожал руку Нокса:

--- Ты получил то, что хотел.
Магистр Сем, --- произнес он, --- в хрониках
двух наших Оргенов будет записано, что
наш враг пал от руки Кровавых Ангелов и
Расчленителей.

Нокс скривил губы:

--- Мы оба знаем, что это не так.
Рафен, это ты убил его. Вся слава твоя.

--- Если бы ты захотел, мог бы
забрать ее себе. Скинул бы меня с той
крыши, а выжившим сказал, что это твой
клинок поразил сердце Байла. Никто бы не
узнал.

--- Это приходило мне в голову, ---
спокойно ответил Нокс, после чего кивнул
на статую, --- но он бы знал. И, может
быть, сложно поверить, но у меня есть
честь.

--- Не сомневался в этом, --- ответил
Рафен, --- без тебя и твоих воинов... ваших
жертв... миссия бы провалилась. Спасибо
тебе.

Нокс отпустил хватку и далее вел себя формально:

--- Деяние сделано. Долг выполнен. Аве Император.

--- Аве император, --- повторил Рафен, когда Расчленитель ушел. В сиянии жаровен он стоял еще долго, после чего осознал, что за ним наблюдает еще один человек. Он не повернулся лицом к фигуре в тенях.

--- Ты снова испытываешь мое терпение, когтиций?

Церис вышел на свет:

--- Нет. Но у меня есть вопросы.

Рафен слегка улыбнулся:

--- Конечно есть.

--- Священная кровь... --- Псайкер кивнул в его сторону, --- твое задание было получить ее обратно.

--- И я получил по-своему. Он все еще существует, во мне.

Церис нахмурился.

--- Я боюсь, что великий Корбуло и другие высшие сангвинарные жрецы не предусматривали такое. Будут последствия.

--- Они всегда есть, --- ответил Рафен,
--- меня призовут к ответу, когда мы
достигнем Ваала, и я встречу со всеми с
чистой совестью. Я сделал то, что
требовалось. И ни о чем не сожалею.

--- Это уж точно, --- кивнул Церис.

--- Ты сказал, что у тебя есть вопросы,
--- продолжил Рафен, --- хочу услышать их
всех, брат.

--- Меня гложут сомнения, и я должен
озвучить их. Ты, брат Рафен,
единственный можешь понять почему.

--- Продолжай, --- приказал он.

--- Я думаю, что Нокс ошибается,
командир. Я не сомневаюсь, что человек,
который пришел на Ваал и украл у нашего
Оргена порцию святой жизненной влаги,
теперь мертв. Я не сомневаюсь, что
жизненная эссенция нашего примарха
живет в тебе. Но я боюсь, что долг не
оплачен. Не буквально.

--- Еще больше загадок, --- произнес
Рафен, его настроение начало меняться.
Церис подошел ближе:

--- Сколько раз ты убил его, Рафен?
Разорвал глотку... Болтом снес голову.

Утопил во льду. Накормил им тиранид.
Сколько из них были им? Все? Ни один из
них?

Рафен одарил псайкера тяжелым
взглядом:

--- Ты знаешь ответ?

Церис отступил обратно в тени.

--- Нет.

--- Тогда приходи, когда узнаешь. В
противном случае храни молчание.

Наконец-то оставшись наедине со
своими мыслями, Рафен поднял взгляд на
притарха и низко склонился. Его
перевязанная рука потянулась к рукаву и
достала маленький клочок бутаги,
стоящую заметку, что он нашел в
брошенном госпитале колонии тау.

Не открывая ее, дабы снова прочесть
написанные там слова, он бросил ее в огонь
и смотрел, как бутага прогорает до
темного пепла.

Эпилог

На равнинах планеты Крон, муки модификатов никогда не кончались. От горизонта до горизонта планета была покрыта полями ферм плоти и сельскохозяйственными постройками, их пронзали рельсы к бойням и разделочным. Над головами сияло вечной злобной Око и с одобрением взирало на все происходящее.

Среди рядов двигался хозяин этого места, пробуя изменения и мутации, как винодел, блуждающий по винограднику в поисках лучших гроздей для следующего урожая. Удя таким образом, он остановился и пришел в неописуемое раздражение, найдя идеально ровный круг среди своей растительности, плоть его самых недавних жертв была испорчена.

Какие-то таинственные разряды варп-энергии сплавили мясо мужчин и женщин в мешанину из конечностей и лиц. Тела были разрушены, непозволительная трата хороших образцов. Рука хозяина исчезла в глубинах его великого кожаного плаща и

вернулась обратно с жезлом. Он злобно
взмахнул им.

--- Покажись! --- потребовал он,
величественный механизм за его спиной
отреагировал на его злость, насосы
запахтели, клинки и шины пронзили
воздух. --- Назови себя, существо!

Масса плоти грозила и заговорила
десятиком хриплых, кричащих голосов:

--- Я принес важные для вас новости,
великий Прародитель, первый среди Хаоса
Неделитого, наследник всех...

Он ткнул жезлом в кучу мяса, и она
заколыхалась от острой боли:

--- Отвечай мне! Как ты постел
слотить мои печати и прийти сюда без
приглашения! Я уничтожу тебя!

--- Выслушайте меня, --- пробормотала
масса, --- знайте же, что ваш великий план,
один из множества, я не сомневаюсь в
таком гениальном уме, ваш великий план
на этом смертном мире звезды Дайника
завершился.

Хор желанно произнес:

--- Дайника...

Жезл опустился:

--- Молчание от моего доверенного...?

--- Слуги Бога-Труна повинны в этом, Великий Мастер, --- существо голосило и хныкало, --- Кровавые Ангелы.

Гора плоти со злобой исторгло название. Он холодно растеялся:

--- Ну, конечно. Я знал, что они придут. В конце концов, это был смелый гамбит. Я не удивлен, что они предприняли ответные меры.

Хозяин взглянул на демоническую тварь:

--- Зачем ты мне рассказал это? У какой ценности эти новости имеют для меня?

--- Мой хозяин и господин желает только увидеть успех в ваших начинаниях, --- пробудькала мясистая плоть, --- и он желает помочь вам преодолеть этот регресс.

--- Мне не нужна помощь, --- пришел гневный ответ, --- у меня много доверенных. Пошлю другого. Начну заново. Какое-то единичное вмешательство не разрушит мой великий план.

--- Это верно. Но разве это не

разожгло в вас огонь злобы, величайший?
Разве вы не желаете увидеть, как эти
Кровавые Щенки подохнут?

Он отвернулся:

--- Я убью всех, кого захочу и когда
захочу. А теперь изыди.

--- Как пожелаете, --- прошелестела
форма из плоти, магия, которая держала
тела вместе, уходила, кожа и ткани
начали стекать жидким раствором, --- но
запомните это предложение, Фабий Байл,
и знайте, что Барн-Принц Малфаллак
разделяет вашу ненависть.

Конец
